

XLV г. — г. XLV

№ 25 — 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 21 іюня 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 14.

Среди виноградниковъ.

Разсказъ **Алексѣя Окулова.**

(Окончаніе).

Наконецъ это становилось нестерпимымъ. Съ каждымъ часомъ воля его слабѣла. Онъ уже больше не могъ сдерживать своего желанія—схватить ее въ свои руки, обнимать и цѣловать ее, забыть обо всемъ, обо всѣхъ, говорить ей невозможныя, несбыточныя слова и прижимать ея горячее тѣло, и чтобы весь міръ въ это время ушелъ куда-то дальше отъ него и не мѣшалъ ему, и чтобы онъ надолго остался одинъ съ нею, и чтобы часы такъ текли...

Нѣтъ, если разсказывать все!.. Онъ подбиралъ за нею то, что она бросала, роняла или забывала. Онъ украдкой и унизительно быстро подбиралъ все это, чтобы его никто въ это время не видѣлъ; онъ дрожащими руками пряталъ въ какой-нибудь карманъ, а потомъ дома не зналъ, куда положить все, чтобы не нашли ни дѣвочка ни хозяйка, которая прибирала комнату, и никто, никто—потому что для него это было страшно, если бы нашли все. И иногда онъ долго стоялъ надъ всѣмъ этимъ—и что думалъ! Что думалъ, что думалъ.

. . . .

Но — не нужно думать такъ, потому что кончится это дурно. Успокоеніе, успокоеніе. Подумаемъ о зелени и солнцѣ и еще о чемъ-нибудь. Подумаемъ обо всемъ прекрасномъ, что утѣшаетъ всѣхъ людей. Не нужно дѣлать шума только потому, что на душѣ такъ тяжело и такъ горько. Нужно чѣмъ-нибудь развлечься. И всѣ эти собранныя вещи нужно однажды уничтожить—навсегда.

Когда онъ идетъ утромъ по лѣстницѣ на чердакъ, онъ слышитъ, какъ она нарочно придавливаетъ крѣпко ступени каблукомъ ботинокъ, чтобы онъ услышалъ ее, что она идетъ, и чтобы онъ не упустилъ мгновенія посмотрѣть на нее въ двери, когда она будетъ проходить мимо. И онъ не пропускаетъ этого мгновенія, онъ уже бываетъ одѣтъ всегда въ этотъ часъ и готовится итти на работу. Нѣтъ, онъ не пропускаетъ этого мгновенія.

Игнаціо Зулоага. Танцовщица Моренита.

И онъ слышитъ еще, какъ она замедляетъ шаги, когда приближается къ его двери, и такъ она проходитъ, не торопясь и не смотря на него.

Съ нѣкотораго времени она перемѣнила прическу, у нея теперь другая,—не та, изъ-за которой они ссорились, она почти не заботится о ней. И все худѣетъ и худѣетъ. глаза ея больше, и она становится все красивѣе. Это отъ непрестанной, утомительной работы — такъ много всѣмъ приходится работать теперь. Она теперь рѣже смѣется и кажется тихой и трогательной отъ этого.

— Здравствуйте! — говоритъ онъ ей утромъ.

И она отвѣчаетъ ему:

— Здравствуйте...

И не подымаетъ при этомъ головы.

Всѣ заняты въ деревнѣ, никто не приходитъ въ ихъ домъ, только свои. И отъ этого они стали часто встрѣчаться съ нею. Онъ не уговаривался съ нею объ этомъ,—конечно, они не уговаривались. Господи, они враги съ нею, каждый день одно и то же...

Но онъ встрѣчаетъ ее на лѣстницѣ, на его дорогѣ, утромъ и вечеромъ, и какъ будто бы эта дорога всегда тѣсна — такъ близко онъ проходитъ около нея; онъ пугается этой мгновенной близости и тянется къ ней, и съ каждымъ днемъ они все ближе и ближе, его руки подымаются уже къ ней, и недалекъ тотъ мигъ, когда онѣ подымутся, чтобы обнять ее... Но что же дальше, Господи, что же дальше? Они — враги.

Любовь его возрастаетъ. Обнимать ее, цѣловать ее, ласкать ее, чтобы она одно мгновеніе помнила о немъ — потомъ, когда его здѣсь не будетъ. Какое ему дѣло до всего остальнаго! Какое дѣло, какое дѣло!..

Въ этотъ день его опять послали въ погребъ на работу. Тамъ, въ полутьмѣ, освѣщенной слабымъ свѣтомъ, шло движеніе и непрестанный трудъ. У погреба лежали перевернутыя бочки, въ которыя вливали съ журчаніемъ воду, качали изъ стороны въ сторону, перекатывали на боку, чтобы вымыть ихъ. Разносился ихъ грохотъ, стукъ кусковъ дерева, которые бросали съ мѣста на мѣсто, приготовляя подкладки для бочекъ.

И густѣла тьма вокругъ. По угламъ стояли громадные чаны, наполненные доверху виноградомъ, и раздавался сдавленный ропотъ бродящаго вина — точно носились въ немъ, блуждали, тосковали, стѣсненныя, — всѣ смутныя грезы, всѣ сладкія мечты и всѣ преступленія крови и любви, которыя суждено породить ему. Одуряющій запахъ броженія, виннокаменной кислоты струился отъ чановъ и кружилъ голову.

А на площадкѣ пресса работалъ Борисъ съ голыми ступнями ногъ, въ деревянныхъ башмакахъ, забрызганныхъ кровью вина. Онъ собиралъ метлой остатки сегодняшней выжимки и складывалъ ихъ въ кучу.

Когда онъ кончилъ эту работу, ему не приказали больше ничего,—была минута отдыха... И онъ отошелъ въ уголъ за бочку и сѣлъ тамъ въ темнотѣ, разглядывая всѣхъ изъ этого убѣжища. Опять были чужіе и свои, маленькая Луиза, совсѣмъ завернутая въ платокъ отъ ночного холода, m-me Минье, работникъ, работница и — Мари.

У стѣнъ уже было много бочекъ съ новымъ краснымъ виномъ; въ нихъ просверливали маленькія дырки, и вино стекало оттуда въ подставленныя ведра. Всѣ пробовали его, глотали, выплевывали, разсуждали о его будущей цѣнѣ. Но Борисъ ничего въ этомъ не понималъ, онъ ихъ не слушалъ.

И Мари была тамъ. Сегодня она веселится, и глаза ея горятъ. Она тоже пьетъ изъ серебрянаго стараго стаканчика, въ которомъ пробуютъ вино. И онъ не можетъ терпѣть ея губъ, когда она дѣлаетъ это. До чего дошелъ онъ, до какихъ порывовъ и желаній!

Онъ видитъ, какъ ей даютъ этотъ стаканчикъ, наливъ его до краевъ, и какъ она отпиваетъ нѣсколько глотковъ, а потомъ ставитъ стаканчикъ обратно на перевернутую бочку. И этотъ недопитый стаканчикъ мучитъ его; онъ встаетъ и долго вокругъ него расхаживаетъ, все ближе и ближе къ нему, и боится, чтобы кто-нибудь не взялъ его или не увидѣлъ, какъ онъ ходитъ вокругъ него; онъ что-то говоритъ въ это время кому-то... А потомъ вдругъ рѣшается, подходитъ и беретъ стаканъ; тихо и медленно онъ выпиваетъ его весь, до дна, все, что остается въ немъ; онъ старается при этомъ взять его такъ же, какъ она его держала, чтобы найти слѣды ея губъ, и когда онъ дѣлаетъ это, его охватываетъ странная радостная сладость. А потомъ онъ ставитъ стаканъ обратно, ему уже больше не стыдно другихъ людей, онъ просто радъ и улыбается — если видѣли его, пусть ихъ, все равно! Ахъ, Господи,—ну, пусть ихъ!

— Эй, monsieur Борисъ, загляните-ка въ третій чанъ, высоко ли поднялось вино?

Онъ подымается по деревянной лѣсенкѣ до краевъ высокаго чана, его голова кружится,—кружится отъ любви и отъ паровъ, которые ударяютъ ему въ лицо, и все плыветъ передъ нимъ въ невѣрномъ свѣтѣ, среди рѣющаго полумрака.

— Да, высоко поднялось, почти до самаго края...

Въ бурлящемъ чанѣ розовая пѣна клубится пышными полосами въ прорѣзы давящей ее рѣшетки, вздувается воздушно-легкими грядами, какъ закатныя облака, и пузыри идутъ со дна съ тихимъ бульканьемъ.

Мгновеніе онъ смотритъ на нѣжно-розовую пѣну, точно готовую улетѣть, слегка синѣющую и погашающую легкой синевой своей радость розоваго цвѣта своего. И онъ отводитъ медленно глаза отъ розовой пѣны, онъ вверху надъ всѣми, а тамъ, внизу, все влажно блеститъ подъ слабымъ свѣтомъ, чернѣетъ, таинственно сверкаетъ, какъ царство густѣющей крови; все ею покрыто — ведра, бочки, ноги, руки, даже лица. И кружится голова, и голова все больше кружится.

Онъ кричитъ оттуда сверху внизъ, весь освѣщенный свѣчой, которую держитъ, кричитъ Жерменъ, съ которой онъ такъ близко сдружился въ эти дни:

— M-lle Жерменъ, вы не хотите посмотрѣть на эту пѣну? Вотъ красиво, какъ красиво!.. Посмотрите же, m-lle Жерменъ.

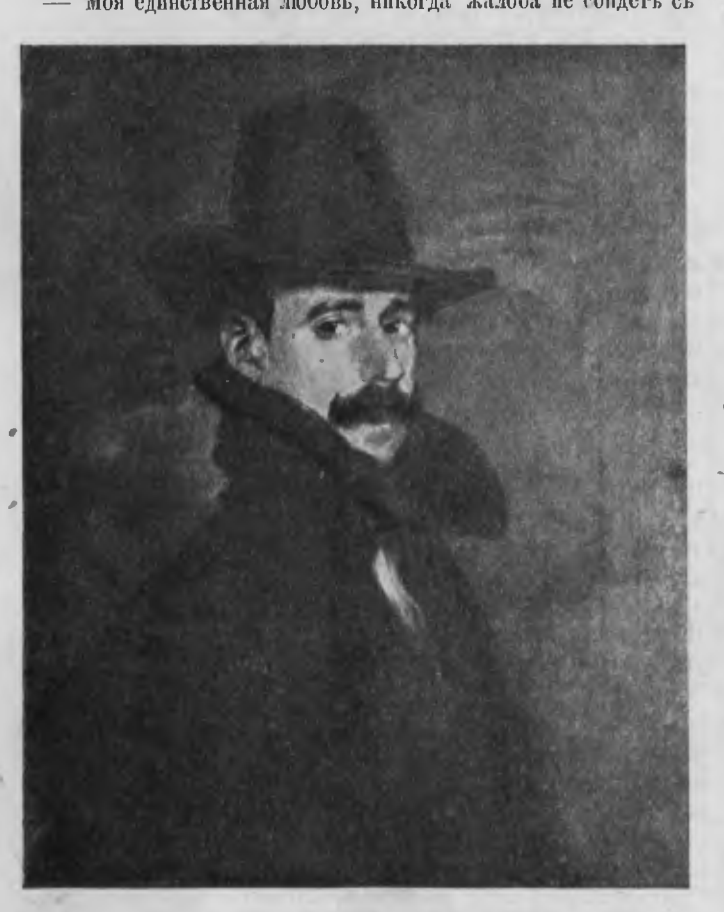
И она подымается къ нему, она стоитъ совсѣмъ близко отъ него и тихо говоритъ, почти шепчетъ:

— Да, красиво...

— Я люблю тебя, дорогая моя,—отвѣчаетъ онъ ей.

Но голова его кружится все больше и больше, и онъ спускается внизъ, почти шатаясь. Тамъ отчаяніе охватываетъ его.

— Моя единственная любовь, никогда жалоба не сойдетъ съ



Игнацío Зулоага. Автопортретъ.



Игнаціо Зулоага. Севильскіе тореадоры.

моего языка,—шепчетъ онъ:—я не позволю себѣ, я не хочу этого, но я страдаю. Ты не знаешь. Жизнь моя ужасна, и я одинокъ въ мірѣ. У меня есть теперь только ты, ускользающая отъ меня, которую я долженъ завоевывать непрестанно, вѣчно быть побѣдителемъ, чтобы однажды не быть побѣжденнымъ. Только ты у меня, и, Боже мой, какъ была непрочна моя власть, какъ было хрупко мое счастье! Но я никогда не омрачу твою жизнь. Нѣтъ, я уйду отсюда съ моимъ одиночествомъ...

И вдругъ внизу она подходитъ къ нему. Въ первую минуту она не знаетъ, что сказать, а потомъ говоритъ нерѣшительно, глядя въ сторону, чтобы съ чего-нибудь начать:

— Вотъ, посмотрите, я больше не причесываюсь по-старому, monsieur Борисъ. Вы не находите, что такъ лучше? Скажите...

И при этомъ она всячески старается улыбнуться, но губы ея дрожатъ.

— Ну, что же... Ну, хорошо, теперь очень хорошо...

Другого онъ ничего не придумалъ отвѣтить ей.

А кругомъ было все меньше работы, все больше шума и говора, все больше густѣли виннокаменные пары, все глуше разговаривали круглые толстые чаны гдѣ-то внутри, въ глубинѣ своей.

Тогда всѣ перешли къ новому бѣлому вину. Оно было изъ краснаго винограда, еще бурлящее въ бочкахъ, сквозь отверстія которыхъ сочилась его блѣднѣющая пѣна, непрестанно выступала оттуда, какъ будто изъ яростно страстнаго рта съ жадными губами, и падала на землю погребовъ, уходя въ нее. Люди пили сладкое, тяжелое вино среди шума и говора: жадная къ жизни горячность лицъ все возростала, какое-то стремленіе томило всѣхъ, и звонъ голосовъ все густѣлъ.

А въ сторонѣ отъ всѣхъ былъ строгій и нѣжный допросъ. Мари совсѣмъ подошла къ Борису, она спрашивала его безъ отдыха: почему не говорилъ съ нею все это время и уходилъ отъ нея, почему былъ злой и молчалъ, почему не подошелъ ни разу? Почему не простилъ, если былъ за что-нибудь обиженъ на нее? Почему не вѣрилъ словамъ, и для чего вся эта драма?

Но отвѣтить на все это онъ не могъ. Не могъ онъ сказать ей, что ревновалъ, что смотрѣлъ на нее и мучился, что она смѣялась, улыбалась, говорила слишкомъ ласково и много — не съ нимъ, а съ другими, что она Альфреду нравится, что для него она дѣлаетъ все, чтобы еще больше понравиться ему: для него она мѣняетъ свою внѣшность... И Альфредъ ей тоже нравится, и она хочетъ увлечь его, быть-можетъ, даже не сознавая этого, а о немъ она забыла все это время, и Альфредъ обнималъ ее... Не могъ же онъ разсказать ей всего этого,—нѣтъ, этого онъ не могъ.

Но она все больше просила его своими глазами, во взглядъ ихъ она вкладывала столько привѣта.

— Сегодня, если хотите, послѣ ужина подождите меня во дворѣ. Я хочу сказать вамъ...

Кругомъ шумѣли и веселились все больше, и всѣ глаза уже блестѣли. Тогда его охватило нетерпѣніе. Онъ не могъ одинъ уйти отсюда, и онъ не могъ позвать ее съ собой, онъ не хотѣлъ даже снова подойти къ ней у всѣхъ на глазахъ, и обѣщаніе ея жгло его, онъ мучился и томился.

Послѣ ужина онъ ждалъ ее на свиданіи. Онъ спрятался во тьмѣ наступающей ночи подъ густой смоковницей во дворѣ. Освѣщенныя окна дома роняли длинныя полосы золотѣющаго свѣта, смѣхъ и голоса доносились откуда-то въ тиши вечера, и онъ ждалъ ее, считалъ одну минуту за другой, какъ она выйдетъ къ нему, улопивъ мгновеніе, чтобы скрыться отъ всѣхъ. И все смотрѣлъ передъ собой безъ конца, пока полосы яркаго свѣта не стали слѣпить его.

Но минуты медленно проходили, и ея не было. Онъ уже хотѣлъ вернуться обратно въ домъ, онъ уже двинулся впередъ...

Но вотъ она сходитъ къ нему со ступенекъ, легко соскакиваетъ съ нихъ, какъ птица, и тихо идетъ въ темнотѣ, осторожно и беззвучно. Дойдя до него, она останавливается.

И мгновеніе они стоятъ неподвижно.

— Я хотѣла сказать вамъ... — начинаетъ она и обрывается.

Свѣтъ изъ окна теперь прямо падаетъ на нее: какъ-то поблѣднѣли вдругъ ея губы, какъ будто бы стали нѣжными и свѣтлыми и безпомощно-дѣтскими; она не могла продолжать. Ея глаза заблестѣли, и тонкіе пальцы худыхъ рукъ дрожали, когда она распрямила ихъ.

— Я хотѣла сказать вамъ...—начала она снова.

Тогда онъ двинулся къ ней и разомъ обнялъ ее.

Она прислонилась къ нему и въ то же время боялась каждаго стука, все отрываясь отъ него, отстраняя его безсознательнымъ жестомъ рукъ, и его желаніе надолго обнять ее оставалось мучительнымъ и неудовлетвореннымъ.

Тогда онъ сталъ умолять ее:

— Я не могу, я не могу этого, пойми!..

Онъ звалъ ее отойти дальше, въ глубину двора, въ плодовникъ, около котораго струилась сонная рѣчонка въ крутыхъ берегахъ.

— Нѣтъ, тамъ такъ хорошо... Господи, какъ я умоляю тебя объ этомъ, какъ я прошу тебя! Ради того, что я такъ люблю тебя! Нѣтъ, послушай же...

И она согласилась на его мольбы. Они отошли въ глубь сада.

Тамъ было удивительно тихо, совсѣмъ у ихъ ногъ на сонной водѣ луна лежала, какъ свѣтлый серебряный тазъ, и на его мерцающемъ кругѣ лопались пузырьки воздуха, которые подымались со дна: они сейчасъ же умирали, сливаясь съ водной гладью.

Начался любовный лепетъ словъ,—о чемъ — неизвѣстно. Разговоры и вопросы, и такъ было трудно отвѣтить на нихъ.

Когда онъ гладилъ и цѣловалъ ея руки и лицо ея и грудь ея, онъ спрашивалъ ее:

— Тебѣ не очень скучно, когда я такъ долго глажу и цѣлую твои руки? Я дѣлаю все одно и то же, одно и то же... Тебѣ не скучно?

Она закрывала глаза, прижимая крѣпко рѣсницы къ щекамъ:

— Хорошо. Мнѣ такъ хорошо.

— Скажи мнѣ...

— Зачѣмъ говорить?..

Они придвигались другъ къ другу все ближе, все больше.

— Мы неразлучные, — шепталъ онъ ей: — мы неразлучные, потому что ты — прелесть жизни, и я не могу позволить разлучить меня съ прелестью жизни, и я не могъ бы пережить этого, я защищался бы до самой смерти! Да, я защищался бы, чтобы не жить безъ тебя. Ты это понимаешь все, что я говорю тебѣ, понимаешь ли ты это своимъ чудеснымъ сердцемъ?

И она кивала ему: — да, она понимала это своимъ сердцемъ.

Началось очарованіе тепла, полнаго жизни, очарованіе ласкъ и мимолетныхъ прикосновеній, прелесть бѣлой руки, когда рукавъ скользитъ по ней внизъ, и обнажается чудесное ласковое тѣло, и нерѣшительно прячется оно въ одно мгновеніе и вдругъ все исчезаетъ... Какимъ ароматомъ дышитъ она, какой властью, какимъ пьянымъ виномъ наполнена она, какимъ богатствомъ обременена, отчего она такъ полна до боли, до тоски, до безконечнаго ожиданія, такъ упруга, такъ богата теплотой своей! Нѣтъ, отчего она похожа на быстрое качаніе взволнованныхъ вѣтвей, на вечернія закатныя облака, на любовь его, которую онъ не можетъ взять въ свои грубыя руки — такъ она легка, такъ она чутка, такъ она нѣжна, такъ она дорога, и такъ она легко могла бы страдать въ тоскѣ.

И улыбка ея, улыбка ея, — чего же ждетъ она? И отчего ея



Игнаціо Зулоага. За прялкой.



Игнаціо Зулоага. Странникъ.

руки блуждаютъ по ея груди безъ сознанія и безъ цѣли? И это движеніе, устремленное къ нему, — ахъ, это движеніе, которое будетъ сейчасъ ласкать его пылающія щеки, и лобъ, и пряди волосъ, и зажжетъ всю душу...

Нѣтъ, не приближайся такъ близко и быстрыми, говорливыми, влажными губами не улыбайся мнѣ и не смотри глазами твоими съ жаркой лаской!.. Потому что я не могу разомъ обнять любовь мою, и снести ея я не въ силахъ...

Прошелъ день радости въ поляхъ, окутанный любовью.

Утромъ они проснулись: онъ — у себя наверху, и она со своей старой матерью. И когда нужно было пить утреннее кофе передъ уходомъ на работу, Мари позвала его къ нимъ, чтобы пить его вмѣстѣ съ ними: она устроила такъ, и, на мгновеніе остановившись въ дверяхъ, она сказала ему тихо:

— Приходи...

— Ты будешь сегодня работать съ дядей, — сказала ей за кофе мать.

Но она покраснѣла и сразу отвѣтила:

— Я больше не могу работать съ нимъ, я отстану.

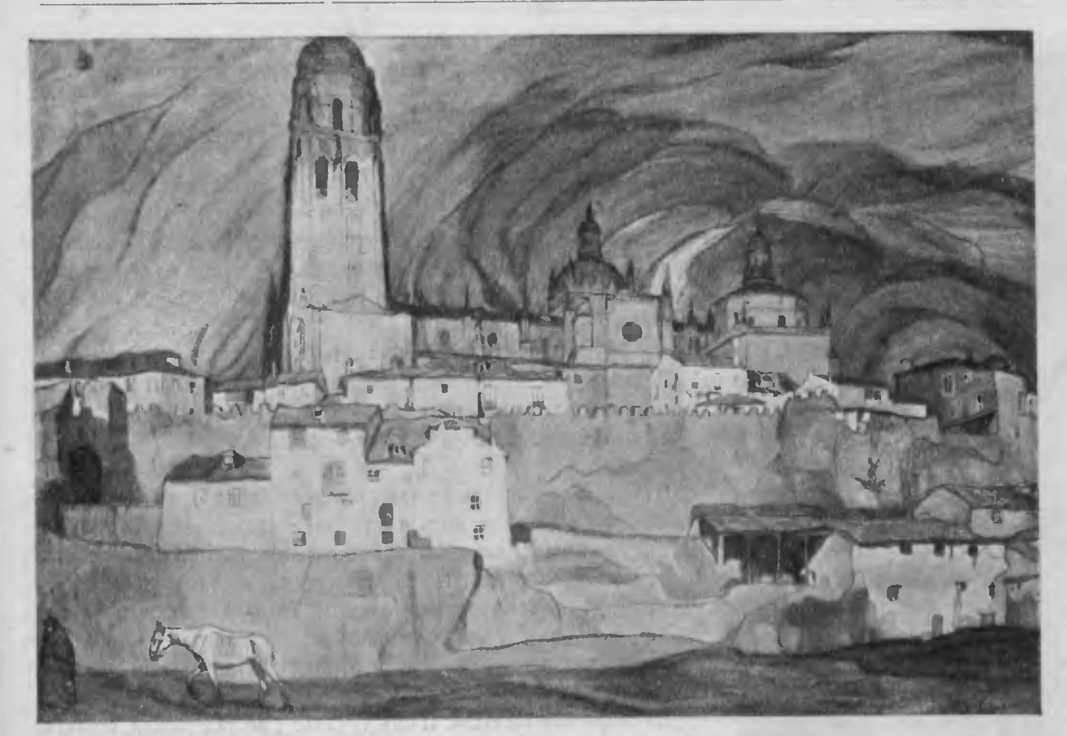
— Это почему?

— Я больна...

Но она солгала. Еще вчера они условились съ Борисомъ цѣлый день работать вмѣстѣ, и такъ она рѣшила поступить... За кофе она закрывалась отъ матери листомъ газеты, смѣясь отъ радости, закрывала и Бориса вмѣстѣ съ собой, дѣля этимъ съ нимъ маленькую тайну, и она радовалась этой шуткѣ, — серьезенъ ли былъ секретъ, серьезно ли закрывались они, и что все это значитъ, и къ чему приведетъ... Господи, приведетъ ихъ къ счастью.

И онъ началъ съ нею работу въ поляхъ. Огненное озеро было на небѣ въ эту утреннюю зарю, и берега тамъ со скалами въ вышинѣ, и корабли въ сіяньѣ на развѣянныхъ парусахъ.

Ахъ, она работаетъ, а сама все смотритъ на него, и онъ дѣ-



Игнаціо Зулоага. Сеговія.

лаетъ то же, повернувъ къ ней голову; каждое мгновеніе они могутъ себѣ обрѣзать пальцы, срѣзая виноградъ, потому что руки ихъ дрожатъ и встрѣчаются. Но они не обращаютъ вниманія ни на что.

Его сердце бьется, и радость наполняетъ его; онъ говоритъ ей похолодѣвшими отъ любви губами:

— Вѣрно, маленькая грудь твоя теперь ужъ порозовѣла отъ этой работы. Скажи, Мари...

И онъ видитъ, какъ рѣзвый вѣтеръ полей облегаетъ ея тѣло подъ мягкимъ платьемъ.

— Скажи же, скажи ты, найденная!..

Но вмѣсто отвѣта она низко наклоняется къ лозамъ

— О моя радость, — моя, потому что я владѣю тобой безконечно, сейчасъ владѣю, въ эту прекрасную минуту... И я такъ счастливъ.

Солнце сегодня смотритъ въ глаза имъ — никакъ отъ него не спрячешься. Тихо поютъ подъ вѣтромъ верхніе гибкія вѣтви ближняго перелѣска, а потомъ подъ порывомъ качаются тѣ, что ниже и крѣпче, сильнѣе и сильнѣе зашумятъ и разливаются въ широкомъ густомъ журчаніи.

— Такъ ты — моя? — говоритъ онъ подъ шумъ листвы.

— Вѣдь видишь, видишь... Ну, посмотри же — видишь ты? Я — твоя.

Чего же больше въ душѣ? — поклоненія. Больше всего въ его душѣ мольбы къ ней о будущемъ и крика о его любви и благодарности.

— Будь благословенна моя жизнь за то, что она послала тебя ко мнѣ, будьте благословенны всѣ страданія, униженія, обманутыя надежды, которыя я пережилъ, пусть будутъ благословенны всѣ мои часы безутѣшной тоски, потому что я увидѣлъ тебя, потому что ты прошла вблизи меня, потому что шелестъ твоего дыханія обвѣялъ меня!..

И закатное солнце раскинуло надъ ними по небу свою пылающую мантію, и сквозь листву виноградныхъ лозъ они видѣли, какъ оно тамъ сіяло и гасло, тускло, пока не окунулось совсѣмъ въ далекія поля.

Познать прелесть странничества и край его. Вотъ проходятъ дни, проходятъ дни. Странствовать и искать все неизвѣстное, невиданную женщину, прелесть которой въ томъ, что она невѣдома и таинственна, и гдѣ-то караулитъ ее предназначеніе этой встрѣчи, гдѣ-то сторожитъ ее, стережетъ ее. И это должно произойти. И вотъ оно на твоихъ глазахъ происходитъ...

Отъ этого можно пѣть и смѣяться цѣлыми часами. Въ эти дни онъ могъ бы это сдѣлать; онъ могъ бы остановиться передъ кустомъ, растущимъ среди лѣса, или передъ человѣкомъ, котораго онъ не знаетъ, или даже передъ тѣмъ, котораго онъ не любитъ, и улыбнуться имъ во весь ротъ, глупо и безъ смысла, — не все ли ему равно? Улыбаться Альфреду, своему врагу, улыбаться ему привѣтливо и жарко. Отчего все это произошло? Отъ любви? Можетъ-быть, это произошло просто оттого, что она близко прошла вблизи него и улыбнулась ему, когда этого никто не видѣлъ; можетъ-быть, въ этой улыбкѣ было что-нибудь для него и ни для кого другого на свѣтѣ, что-нибудь такое, что говорило съ нимъ безъ словъ. Или, можетъ-быть, просто, какъ бѣлый снѣгъ, упало на него съ неба счастье, — вѣдь должно же оно падать когда-нибудь, гдѣ-нибудь, гдѣ кто-то проходитъ въ это мгновеніе случайно. Почему бы это былъ — не онъ?

Влѣзаетъ на него букашка — онъ смотритъ на нее: врагъ или нѣтъ? Нѣтъ, не врагъ, и онъ успокаивается. И снова онъ лежитъ среди лѣса и ждетъ ее.

Высоко съ древесной вершины надъ нимъ срывается осенній



Игнаціо Зулоага. Портретъ г-жи Брэваль.

С. Соломко. Дѣвочки.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

огненный листъ и долго падаетъ, кружась, прямо на его лицо, и онъ слѣдитъ за нимъ глазами, пока листъ не коснется краемъ сонной земли. Такъ идутъ часы.

И потомъ она приходитъ къ нему; она такъ торопится, что запинается по дорогѣ, почти падаетъ и краснѣетъ. Онъ видитъ, какъ она показывается вдалекѣ, въ пролетѣ высокихъ стволовъ, какъ качается ея тонкое тѣло, какъ легко ступаютъ ея ноги, и какъ голова ея радостно поворачивается во всѣ стороны, закидываясь назадъ... Она ищетъ его жадными глазами, это его она ищетъ съ такой любовью.

— Господи, моя хвала Тебѣ пусть будетъ горяча, какъ солнце, пусть будетъ такъ горяча она!..

Если бы можно было разсказать человѣческій взглядъ, взглядъ любви! Но это невозможно,—нѣтъ человѣческихъ словъ, чтобы разсказать красоту его, нѣтъ неслыханно прекрасныхъ словъ, такихъ воздушныхъ и нѣжныхъ, такихъ легкихъ, какъ летающая паутина, такихъ сверкающихъ и такихъ хрупкихъ. Можно только вспоминать взглядъ любви, закрывъ глаза. О своей любви онъ не могъ бы разсказать человѣческими словами.

И вотъ они говорятъ еще и еще разъ наивныя, невинныя, незначущія слова, они сами не знаютъ, что говорятъ они. Часы текутъ.

А потомъ подходитъ къ нимъ ночь, лучистая ночь съ хрустальнымъ воздухомъ, свѣтлымъ и холоднымъ, какъ снѣга вершинъ.

Мари подымается, она прощается съ нимъ нѣжно, съ сожалѣніемъ, съ колебаніемъ, снова возвращается и наконецъ уходитъ отъ него, скрываясь за вѣтвями кустарниковъ, все еще посылая ему привѣты и часто оглядываясь, пока кустарники не поглотятъ ее сумракомъ вѣтвей своихъ.

И онъ долго еще остается одинъ, лежитъ и смотритъ въ тишинѣ на звѣздное небо. Часъ этой тихой ночи посвященъ Венерѣ, владычицѣ зеленыхъ изумрудовъ, и мѣди и любви, сіяющей ярко и побѣдоносно, какъ обнаженная красавица въ синемъ небѣ. И онъ думаетъ въ это время о своей любви, о своемъ счастьѣ, и онъ радъ.

— Господи, моя хвала Тебѣ пусть будетъ горяча, какъ солнце!..

А когда онъ поздно возвращается къ себѣ, одежда его покрыта узорами приставшихъ колючихъ сѣмянъ, и въ его спутанныхъ волосахъ—сѣмена. И въ душѣ его—ожиданіе.

Однажды онъ ждалъ ее такъ въ лѣсу; проходило время. Онъ смотрѣлъ на небо, на поля и на далекіе холмы въ просвѣты лѣса. Потомъ онъ начиналъ смотрѣть на травы, которыя были около него, на вѣтви деревьевъ съ дрожащими листами. Потомъ онъ снова смотрѣлъ на дальніе холмы. Такъ медленно проходило время, точно упала какая-то плотина, заградивъ его теченіе, и время скоплялось въ его душѣ, бурлило, душило его своей силой—какъ запруженная рѣка.

Но Мари все не было. И онъ думалъ: „Ее задержали, не могла. Конечно, случилось что-нибудь, мало ли что могло случиться неожиданно! Господи—жизнь... Но она придетъ, она, можетъ-быть, уже идетъ ко мнѣ. Прелесть моей жизни, ты спѣшишь теперь, ты часто шагаешь, и грудь твоя дышитъ жарко. Торопись же, торопись же, потому что я тоскую здѣсь одинъ. Ну, вотъ ты сейчасъ покажешься, ты придешь ко мнѣ черезъ минуту...“

Но она не приходила.

Тогда губы его стали страдальчески сжиматься, онъ старался сложить ихъ съ покоемъ и счастьемъ беззаботности, съ каждымъ мгновеніемъ силился больше и больше разсѣять приходящія въ голову мысли, но скоро онъ уже былъ не въ силахъ сдѣлать это.

„Обѣщала,—думалъ онъ,—но она не исполнила. Господи, подумаешь, что это значитъ? Я жду ее, я жду ее... Но мнѣ больно—отчего? Отчего я не могу, какъ всѣ, однажды ждать безнадежно, однажды ошибиться въ своихъ надеждахъ, однажды быть на мгновеніе покинутымъ? Я—какъ и всѣ?..“

Но черезъ минуту онъ уже думалъ съ холодомъ на душѣ:

„Развѣ можетъ опоздать на минуту тотъ, кто любитъ? Нѣтъ,



Н. Химона. У сѣнныхъ барокъ. XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

онъ не можетъ, онъ не можетъ. Если бы совершались въ мірѣ великія событія, если бы шумѣли толпы народа,—нѣтъ, и тогда онъ не можетъ“.

И онъ подымается и идетъ обратно въ горѣ и униженіи, — почему въ униженіи? Но почему же въ униженіи? Онъ не знаетъ этого, но голова его опущена.

Нѣтъ, онъ не въ силахъ видѣть людей въ такую минуту, не въ силахъ разговаривать съ ними: они тяжелы для него и чужды. Онъ пойдетъ къ себѣ тихо наверхъ, и, чтобы не видѣть ихъ, онъ прокрадется какъ-нибудь украдкой, черезъ калитку, сзади, чтобы не видѣть никого.

И когда онъ дѣлаетъ такъ, проходя черезъ плодовникъ сзади дома, онъ видитъ ихъ сразу — Альфреда и Мари, — они стоятъ тамъ вмѣстѣ подъ старой яблоней, прикрытые вѣтвями.

Альфредъ упрашиваетъ ее:

— Останься...

А она все хочетъ уйти отъ него и говоритъ объ этомъ, боязливо взглядывая на него. Но онъ веселъ,—какъ онъ веселъ, и какъ онъ сіяетъ своимъ весельемъ!

— Нѣтъ, не уйдешь. Отъ меня не уйдешь, ужъ разъ ты вернулась ко мнѣ, моя дорогая, самая дорогая, самая изъ всѣхъ любимая!..



А. Ганзенъ. Въ открытомъ морѣ.
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

И она глубоко вздыхаетъ и остается съ несмѣлой улыбкой; брови ея при этомъ, какъ всегда, слегка посрединѣ подымаются.

— Господи, но я должна итти, Альфредъ...

Но онъ хватаетъ ее сильными руками,—онъ съ такой силой хватаетъ ее, что кажется, будто тонкая талія ея надломится, и онъ крѣпко прижимаетъ ее къ себѣ.

. . . .

Нѣтъ, зачѣмъ онъ видѣлъ?.. Зачѣмъ онъ видѣлъ все это, чтобы грезить о немъ долгими ночами, чтобы сжимать руки въ безсильной ноющей тоскѣ, чтобы метаться въ жару и выкрикивать кому-то:—„О моя небесная чистота, мое сокровище, моя любовь, какъ твои щеки тогда горѣли, какъ ты оглядывала его, и какъ онъ на тебя смотрѣлъ!.. И сколько еще, сколько еще ихъ смотрѣло такъ на тебя, ужъ сколько разъ ты измѣняла своей будущей единственной любви, которая снизойдетъ, быть-можетъ, на тебя, сколько разъ, сколько разъ!“

— Я ухожу, m-me Миньe.

— Но почему?

— Я ухожу, m-me Миньe.

И онъ ушелъ изъ этой маленькой деревни, и больше ему никогда не случалось вернуться туда.

КОНЕЦЪ.



В. Постниковъ. Переяславль-Залѣсскій. (Владимірской губ.).
XXXIII выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ.

Красный человѣчекъ.

Историческій силуэтъ.

Льва Жданова.

Перепечатка воспрещается.

I.

Весна 1812 года.

Тихій, ясный день догораетъ. Рдѣя кусками пламени между сквозистыми вѣтвями каштановъ Тюльерійскаго парка, закатное солнце кровавымъ отблескомъ заливаетъ окна западнаго фасада дворца. Послѣдніе косые лучи ласково озаряютъ тихіе покои.

Въ обширномъ кабинетѣ, гдѣ тисненые обои оживлены золотистыми пчелами, геральдическимъ знакомъ новаго императора Франціи, — за большимъ, темнымъ письменнымъ столомъ сидитъ Наполеонъ, блѣдный, со сжатыми губами и сдвинутыми бровями, устремивъ тяжелый взоръ за окно,—прямо туда, гдѣ пламенѣетъ пурпурное солнце уходящаго дня, медленно отступающаго передъ неясными еще, но быстро густѣющими тѣнями наплывающей безлунной вешней ночи.

Письменный столъ заваленъ бумагами, докладами, кипами газетъ. Всюду пестрѣютъ обложками послѣднія книжки политическихъ и научныхъ журналовъ, брошюръ

и памфлетовъ, которые императоръ проглядываетъ въ свободное время, особенно внимательно останавливаясь на мѣстахъ, очерченныхъ цвѣтнымъ карандашомъ его личными секретарями, обязанными слѣдить за всѣми новинками, выходящими изъ печати.

Массивный бронзовый письменный приборъ, укращенный наполеоновскими орлами, тонулъ въ этомъ морѣ бумагъ, полунакрытый краемъ огромной стратегической карты Европы, брошенной поверхъ остальныхъ бумагъ и развернутой въ той части, гдѣ необъятнымъ просторомъ раскинулось Россійское царство, подавляя размѣрами всѣ остальныя земли, острымъ клиномъ, зазубреннымъ по краямъ, уходящія далеко къ западу отъ имперіи славянъ.

Короткое, грузное тѣло „маленькаго капрала“, — теперь— великаго императора и полководца, — откинулось на спинку стариннаго рѣзного кресла.

Лѣвая рука удачника-корсиканца, соскользнувъ съ поручня, повисла книзу и застыла неподвижно, какъ бы впивая теплоту сосѣдняго камина, гдѣ съ разсвѣта и до поздней ночи, ярко пылая, весело потрескиваютъ толстыя полѣнья.

Правая рука тяжело опустилась на полуисписанный листъ бумаги, лежащій передъ императоромъ поверхъ груды другихъ, четко исписанныхъ, листовъ. Гусиное перо, судорожно зажатое короткими пальцами, слабо вздрагиваетъ время отъ времени, словно отражая удары неугомонно-порывистаго, вѣчно-напряженнаго пульса, неумолчно выполняющаго лихорадочную работу подъ смугловатой, изнѣженной кожей этой пухлой, маленькой и сильной руки.

Отъ напряженія мысли вздулись, яснѣе проступили извивы жилъ, пульсирующихъ на вискахъ и среди высокаго, прекраснаго лба. А смугловато-блѣдное, безусое лицо, съ начинающими тяжелѣть щеками, съ бритымъ, раздвоеннымъ подбородкомъ, неподвижно застыло, словно мраморное изваяніе одного изъ прежнихъ цезарей, повелителей древняго Рима, слегка пожелтѣлое подъ дыханьемъ времени.

Въ нагрѣтомъ воздухѣ покоя еще слышенъ острый запахъ мускуса и другихъ, какихъ-то пряныхъ, возбуждающихъ ароматовъ.

Это — послѣднія, не унесенныя тягой камина, волны крѣпчайшихъ духовъ, которыми поливаетъ себя старый распутникъ Фушэ, чтобы чаровать наивныхъ парижскихъ гризетокъ и лукавыхъ дворцовыхъ камеристокъ, за которыми волочится напропалую всесильный министръ полиціи.

Нѣсколько минутъ тому назадъ, выслушавъ докладъ Нарбонна, своего чрезвычайнаго посла, прискакавшаго изъ Петербурга съ недобрыми вѣстями, Бонапартъ убѣдился, что война съ Россіей неизбѣжна...



А. Соколовъ. Казбекъ. Выставка „Современная живопись“ въ Москвѣ.



М. Лебланъ. Портретъ композитора Подгорецкаго. Выставка „Современная живопись“ въ Москвѣ.

Александръ тайно, но тѣмъ рѣшительнѣй и напряженнѣй готовится къ послѣдней борьбѣ. Единственная возможность облегчить ударъ, это — предупредить соперника и напасть теперь же, пока тотъ не готовъ. Пока превосходство силъ и стройная организація даютъ преимущество Наполеону и Франціи съ ея добровольными и вынужденными союзниками...

Отпустивъ Нарбонна, императоръ призвалъ старую лису Фушэ, почти вѣчно дежурящаго въ пріемной дворца, даже не въ урочную пору докладовъ.

По выраженію лица уходящаго Нарбонна, съ которымъ министръ обмѣнялся поклономъ почти на порогѣ кабинета, по блеску глазъ корсиканца и его насторожениой позѣ, идущей въ разрѣзъ съ неподвижнымъ, каменно-твердымъ лицомъ, — пронырливый старикъ догадался, что предстоитъ нѣчто важное, грозное.

Должно-быть, новая война и, скорѣе всего, — съ Россіей. А хитрецъ любитъ покой по природѣ. Да и онъ убѣжденъ, что теперь еще „не время“ схватиться съ огромной имперіей славянъ.

Поёживаясь, покряхтывая, хватаясь ежеминутно за колѣни, будто бы пронизываемыя ревматическими болями, усѣлся на стулъ противъ императора министръ, выслушалъ вопросъ:

— Что слышно въ столицѣ и въ странѣ вообще?..

И въ отвѣтъ на этотъ, обычный, казалось бы, вопросъ, старикъ, прищуря хитрые глазки, вытянувъ шею, постукивая сухими пальцами по крышкѣ золотой табакерки, началъ докладъ, прерывая его покашливаньями и вздохами, чтобы лучше уловить впечатлѣніе своихъ словъ на государя, очевидно, принявшаго уже рѣшеніе, но еще ожидавшаго подкрѣпленій со стороны для окончательнаго шага.

Сегодняшній докладъ вышелъ особенно мраченъ и безнадеженъ, какъ бы въ разрѣзъ свѣтлому, ликующему дню весны, догоравшему за окнами.

...Голодъ въ странѣ... Недостатокъ хлѣба, мяса и топлива въ самомъ Парижѣ...

...Отсюда—недовольство, опасное броженіе въ низахъ народа, на которые только и могъ до сихъ поръ твердо опираться императоръ... Потому что... кхм... кхм... высшій свѣтъ.. и эти учителишки... кхм... и писаришки... и военная аристократія... хотя бы и созданная милостями великаго императора... она... кхм... кхм...

...Государь самъ знаетъ, какъ надо ихъ остерегаться, завистливыхъ, лукавыхъ предателей, опасныхъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ аристократическія организаціи, тайныя и явныя... А такъ ихъ много расплодилось, особенно за послѣднее время... несмотря на всѣ усилія его, министра полиціи, ловить «красную



Н. Поманскій. Тишина. Выставка „Современная живопись“ въ Москвѣ.

дичь»... Но враговъ слишкомъ много... друзей такъ мало... Газетчики, писателишки проклятые, особенно вредны... Всюду суютъ носъ, волнуютъ мирныхъ буржуа... А тутъ война за австрійское наслѣдство подошла такъ некстати... А тутъ Бернадотъ, ставленникъ императора въ Швеціи,—явно измѣнилъ своему благодѣтелю. Словомъ, надо всѣ силы обратить на внутреннія дѣла.. Оставить на время замыслы относительно какихъ-либо новыхъ походовъ и завоеваній... какъ бы легки и блестящи ни казались результаты...

Такой выводъ возникалъ самъ собой изъ осторожной, ловкой рѣчи докладчика.

Полуобернувшись къ Фушэ, пріопустивъ, по обыкновенію, вѣки надъ блестящими, пытливыми глазами, Наполеонъ не столько слушалъ рѣчь министра, какъ старался вглядѣться въ его худенькое, оживленное, вѣчно измѣнчивое и потому покрытое маской, лицо.

Старался отгадать побужденія и мысли, не выраженныя словами, затаенныя въ глубинѣ и руководящія ловкой рѣчью хитреца.

И вдругъ, словно отыскавъ желаемое, разобравшись ясно въ извилистой душѣ продажнаго, но умнаго слуги,—Наполеонъ отрывисто заговорилъ:

— Ты правъ... положеніе отчаянное... Давно ужъ не было у насъ ничего подобнаго... И природа съ ея неурожаями, и люди—

Царственный Узникъ—Наполеонъ на островѣ св. Елены. Къ литературному силуэту „Красный Человѣчекъ“ (стр. 488—492).

все противъ моихъ старыхъ плановъ и грозятъ разрушить то, что создано мною въ теченіе десятковъ лѣтъ... цѣною нечеловѣческихъ трудовъ и крови, ручьями пролитой на поляхъ сраженій... Предательство взамѣнъ благодарности... Ехидны и змѣи вмѣсто друзей и родни. Дѣлать нечего. Надо начинать новое... Или, вѣрнѣе, приниматься снова за старую работу... Все создано было борьбой... И приходится продолжать вести ее, безпощадно и впредь, чтобы спасти династію... спасти Францію отъ позора и униженія, какіе ждутъ страну, если не будетъ меня. Ни мгновенія терять больше нельзя! Ты убѣдилъ меня въ этомъ, старый, надежный другъ. Я не имѣю права колебаться и медлить долѣе. Видишь это перо? На кончикѣ его виситъ судьба Франціи... цѣлаго 30-милліоннаго народа, прославленнаго мною... и, въ свой чередъ, озарившаго имя Наполеона безсмертнымъ блескомъ... купленнымъ цѣною безчисленныхъ жизней, потоками собственной и вражеской крови!.. Итакъ, за дѣло. Нѣтъ хлѣба?.. Его дастъ намъ война! Заговоры?.. Громъ пушекъ, рокотъ барабановъ заглушатъ шипящіе голоса дворянчиковъ и военной, бездарной швали... А народное недовольство?.. О немъ не досужно будетъ вспоминать среди лагерной суматохи... на поляхъ сраженій... Вотъ...

Быстро выведя свою короткую, причудливую подпись на приготовленномъ указѣ, собственноручно набросанномъ еще до появленія Фушэ, онъ подалъ листокъ министру.

Привычнымъ глазомъ старикъ быстро разобралъ невнятныя, короткія, причудливыя строки, набросанныя размашистымъ, нервнымъ почеркомъ Бонапарта.

— Кхе... кхе... кхх!—закашлялся сразу хитрецъ, прежде чѣмъ заговорить.—Наборъ не въ очередь?!.

— Ну, да... И немедленно сдай копію въ Мониторъ, чтобы завтра же указъ тамъ появился во всеобщее свѣдѣніе. Мы не боимся и не таимся отъ нашихъ враговъ... Война—такъ война!.. Ступай... и... постарайся когда-нибудь выздоровѣть, старый пріятель. А то твой кашель, который вѣчно некстати,—порою прямо раздражаетъ меня...

— Слушаю, сиръ! — покорно отозвался Фушэ, сдерживая раздраженіе, откланялся и вышелъ, все-таки покряхтывая и потирая мнимо-больныя ноги...

А императоръ, проводивъ взглядомъ министра-предателя, слегка потеръ указательный и большой пальцы обѣихъ рукъ другъ о друга и подумалъ:

„Такъ будетъ хорошо!.. Раньше чѣмъ даже сдать указъ въ печать, проныра покажетъ его русскому агенту, и сегодня же поскачетъ курьеръ въ Петербургъ... Тамъ узнаютъ, что я не боюсь борьбы... рѣшилъ первый нанести ударъ... и, можетъ-быть, это заставитъ Александра быть поосторожнѣй, посговорчивѣй... склонитъ его скорѣе къ миру, чѣмъ наша уступчивость... А если нѣтъ? Пусть пеняетъ на себя... Донынѣ удача служила мнѣ неотступно... Неужели измѣнитъ теперь,—теперь, когда три четверти пути завершено... и осталось сдѣлать такъ немного, чтобы передать моему малюткѣ... моему сыну міровую имперію... укрѣпить династію, новую, сильную среди отживающихъ, дряхлѣющихъ династій міра?.. Такъ будетъ... иначе не можетъ быть! Судьба не измѣнитъ мнѣ“.

Такъ думалъ императоръ... А у него въ ушахъ вдругъ противъ воли зазвучали слова далекаго Царя Россіи, только-что переданныя ему при докладѣ Нарбонномъ.

— Вашъ императоръ—воистину геній войны! — говорилъ Александръ.—Счастье и удача служатъ ему съ удивительнымъ постоянствомъ. Недаромъ рокъ поднялъ и возвеличилъ своего избранника надъ народами земли. Но и я вѣрю въ моего Бога, поставившаго меня на царство... и власти своей не уступлю никому! Пусть явится завоеватель полуміра! Я приму борьбу! Я не сдамся, пока останется у меня хотя бы единый солдатъ, и мнѣ придется отступать не только къ Казани, а дальше, вглубь безпредѣльной Сибири! Годы протянется война... Время и пространство—вотъ мои союзники. Пусть одолѣетъ также и ихъ непобѣдимый Наполеонъ... Тогда только и я признаю себя побѣжденнымъ, повинуясь указанію свыше!..

Вспоминаетъ эти гордыя, многозначительныя слова корсиканецъ, суевѣрный, но не вѣрующій ни во что, кромѣ своей воли, и кажется ему, что онъ видитъ передъ собою говорящаго... съ красивымъ, блѣднымъ и женоподобнымъ лицомъ... съ этими мерцающими синими глазами, которые обычно смотрятъ такъ безучастно, почти сонливо и только изрѣдка загораются, даже чернѣютъ отъ сдержанной силы ощущеній... Наполеонъ словно слышитъ его слегка картавый, мягкій, вкрадчивый голосъ, глуховатый обычно, но звучащій, какъ мѣдная труба, въ рѣдкія минуты волненія... Молчаливый, внимательный, склонивъ ближе къ Наполеону свое здоровое ухо, часами слушалъ его Александръ и на плоту, въ Тильзитѣ... и потомъ, при дальнѣйшихъ свиданіяхъ. И со всѣмъ онъ соглашался... все обѣщалъ... А потомъ? А сейчасъ!..

Не бѣда. Если даже придется начать борьбу, Наполеонъ не поддастся на удочку, не повторитъ промаховъ великаго македонскаго царя... Онъ не заведетъ свои войска вглубь пустынной вражеской земли, не обезпечивъ за собою обратныхъ путей... Польша, вѣрная союзница Бонапарта, кровный врагъ Россіи—обезопаситъ тылъ... И, разбивая силы врага, отрядъ за отрядомъ, на плечахъ россійскихъ полковъ введетъ онъ свои легіоны въ стѣны древней Москвы... Тамъ—подпишетъ славный миръ... или двинется дальше и захватитъ самого Александра въ его далекомъ, блестящемъ приневскомъ дворцѣ, какъ захватывалъ и плѣнялъ королей и императоровъ въ ихъ столицахъ не разъ...

— Управлять, это—провидѣть!—шепчутъ беззвучно полныя, красивыя губы корсиканца...

И онъ, одаренный даромъ ясновидѣнія, обратилъ взглядъ на карту, лежащую передъ нимъ...

Совершилось чудо: кружки, означающіе города Европы, измѣнились... стали расти... Каждый обратился въ знакомый императору рядъ улицъ и домовъ. Вотъ Вѣна... Берлинъ, Дрезденъ... Лейпцигъ и Копенгагенъ... Вотъ затемнѣли берега, омываемые морями Европы... И отъ этихъ городовъ движутся стройными рядами, словно многочисленные драконы, отряды людей подъ разными знаменами... Тутъ и австрійскіе, и прирейнскіе легіоны... и польскіе удальцы, и тяжелые саксонцы съ жадными вестфальцами... И бранденбургскія пушки тянутся за другими... грозныя, но ненадежныя, готовыя при первой неудачѣ Наполеона поворотиться жерломъ противъ него... Но пока удача служитъ Франціи и Бонапарту,—будетъ служить имъ и вся трусливая, продажная Европа!..

И видитъ вождь, какъ по волнамъ идутъ сотни кораблей, подвозя запасы и военные снаряды для милліонной арміи, которую успѣлъ сорганизовать „маленькій капралъ“ для борьбы съ Колоссомъ Сѣвера... И, тяжело влачась разными путями, словно влекомые таинственной силой притяженія,—въ извѣстный день сберутся всѣ отряды и обозы къ одному пункту... Къ нимъ явится Наполеонъ—и начнетъ свое побѣдоносное наступленіе на непріятельскій край... Затѣмъ—славный миръ!.. Россія, побѣжденная и обезсиленная, тѣмъ не менѣе будетъ стоять надежнымъ оплотомъ на Востокѣ, оберегая отъ варварскихъ нашествій Европу, единымъ властелиномъ которой на дѣлѣ будетъ Бонапартъ... Англія—раздавлена... Ея индійскія владѣнія съ несмѣтными богатствами—добыча побѣдителя... Ихъ, вмѣстѣ съ властью надъ полуміромъ, передастъ онъ наслѣднику—сыну, чело котораго увѣнчаетъ не тройная тіара, въ родѣ папской, а многоярусная корона пяти-шести величайшихъ имперій міра...

Все это ясно видитъ императоръ... И вдругъ онъ вздрогнулъ отъ мимолетной, невольной мысли, промелькнувшей въ умѣ:

„А если неудача!?.. Все можетъ быть... Тогда... тогда гибель!.. Погибнетъ не только то, за чѣмъ тянутся жадныя руки завоевателя... Погибнетъ и то, что уже такъ прочно, сдается, лежитъ у него въ рукахъ... Что ожидаетъ его и династію въ случаѣ неудачи?.. Гибель!“

Холодъ прозмѣился по спинѣ при этомъ мысленномъ вопросѣ... Пошевеливъ дрова въ каминѣ, чтобы огонь ярче пылалъ, императоръ уставился въ окно и застывшимъ взоромъ загляделся на угасающее солнце, словно отъ него ждалъ отвѣта на роковой вопросъ... Пока не поздно, пока есть еще возможность уладить съ Александромъ... Уступить кой въ чемъ, чтобы не потерять всего...

Правда, раньше никогда такъ не поступалъ Наполеонъ. Всегда шелъ на рискъ, напроломъ... Но тогда—при неудачѣ—онъ могъ потерять лишь свою жизнь и—генеральскіе эполеты или жезлъ диктатора... А теперь—скипетръ и держава, судьба династіи поставлена на карту! Неужели же поставлена на карту?.. Неужели же постыдно будетъ и теперь уступить, и надо съ прежней безумной отвагой броситься въ борьбу?..

Кто рѣшитъ?.. Отъ кого ждать совѣта, если онъ, онъ самъ не можетъ разобраться въ этотъ страшный мигъ...

Одинъ только... тайный, невѣдомый міру, нездѣшній совѣтникъ и другъ могъ бы сказать свое „да“ или „нѣтъ“!..

Но онъ не идетъ... Духъ является, когда самъ того хочетъ, а не тогда, когда зоветъ его смятенная душа Наполеона...

Порывистымъ движеніемъ отвернулся онъ отъ окна. Оторвалъ взоръ отъ кусковъ пламени, какими кажется изъ-за обнаженныхъ вершинъ парка дискъ заходящаго солнца...

Зеленыя и золотистыя пятна поплыли, заплясали въ глазахъ Наполеона... Обращенный теперь лицомъ къ камину, онъ прищурилъ глаза, прикрылъ ихъ... Въ глубокихъ впадинахъ быстро собралась ласковая теплота... Казалось, сквозь вѣки онъ видитъ пламя... А усталость, вызванная могучимъ напряженіемъ мысли, навѣяла легкую дрему, въ которую начало погружаться сознаніе.

И вдругъ Наполеонъ вздрогнулъ, широко раскрылъ глаза. Онъ увидѣлъ, что пламя въ каминѣ заплясало, закружилось, словно отъ налета вихря. И среди этой маленькой огненной бури стали выявляться знакомыя очертанія небольшой, неуклюжей фигуры, похожей на фигуру гнома, какъ ее рисуетъ себѣ народъ...

— Красный мой Человѣчекъ!.. Ты пришелъ? — беззвучно, но радостно пронесся вопросъ въ умѣ галлюцинирующаго человѣка...

— Я пришелъ!—послѣдовалъ внятный, хотя такой же беззвучный отвѣтъ.

— Благодарю... Я знаю: ты не надолго... Говори же скорѣе! Правъ я или нѣтъ?.. Борьба неизбѣжна?..

— Неизбѣжна!

— И мнѣ слѣдуетъ начинать, да?..

— Начинать... да!..

— На Петербургъ сперва?.. Москва за этимъ?..

— Сперва... Москва... Петербургъ...

— И правъ я, не такъ ли?.. Судьба за меня?.. Правда восторжествуетъ?.. Поруганъ будетъ врагъ?!

— Восторжествуетъ... будетъ поруганъ!..

— Постой!.. Не блѣднѣй!.. Не исчезай!.. Еще одно слово!.. Кого ждетъ гибель?.. Меня... или врага?..

— Ждетъ гибель! — уловилъ Наполеонъ послѣдній отвѣтъ—и Красный Человѣчекъ исчезъ, расплылся среди пламени.

Блѣдный, съ крупными каплями пота, проступившими на лбу, сидѣлъ словно въ забытьѣ Наполеонъ... Легкая пѣна проступила въ углахъ губъ... Широко раскрытые, остеклянѣлые глаза глядѣли тускло и, казалось, ничего не видѣли передъ собою.

Но могучая воля сдѣлала огромное усиліе, стряхнула эту, почти эпилептическую, неподвижность съ оцѣпенѣлаго тѣла. Взоръ засверкалъ, мысль заработала ярко и четко, какъ всегда, съ удвоенной мощью.

— Побѣда ждетъ... Гибель врагу!—вполголоса проговорилъ корсиканецъ.—О, теперь я найду слова, которыми всколыхну мою Францію, заставлю цѣлую Европу ринуться за мною въ эту послѣднюю, опасную борьбу!..

Взявъ чистый листъ, онъ быстро сталъ выводить свои загадочныя, неровныя строки, набрасывая воззваніе къ войскамъ и странѣ.

Одна за другою ложились на бумагу строки. А самъ онъ въ то же время, нервно выбивая тактъ ногою, напѣвалъ старинную солдатскую пѣсенку, слышанную имъ давно у огней на бивуакахъ, когда онъ совершалъ свои первые походы:

La Victoire, en chantant,
Nous ouvre la barrière!..

Мурлыча пѣсенку, выводилъ императоръ строку за строкою. Въ это время раскрылась дальняя дверь, и небольшое существо, одѣтое въ красное, кинулось къ столу.

— Santa Maria Virgine! — цѣпенѣя отъ ужаса, забормоталъ императоръ.

Привычный призракъ въ пламени не казался ему страшнымъ, онъ ждалъ его, вступалъ съ нимъ въ бесѣду. Но на мигъ представилось смущенному уму, что этотъ же „Красный Человѣчекъ“ можетъ войти въ дверь обыкновеннымъ путемъ, во плоти, — и леденящій ужасъ проникъ въ отважное сердце корсиканца. Но только на одно мгновеніе. Среди прозрачныхъ сумерекъ, начинавшихъ заливать углы покоя, онъ все же быстро узналъ, кто этотъ вбѣжавшій „Красный Человѣчекъ.“ Его сынъ, Шарль Франсуа-Наполеонъ, прелестный принцъ-малютка, гордость и надежда отца!

Вскочивъ навстрѣчу, онъ принялъ мальчика въ объятія, крѣпко прижалъ къ груди и снова опустился съ нимъ на прежнее мѣсто, чтобы продолжать работу, держа сына на колѣняхъ, какъ это дѣлалъ не разъ.

Отецъ былъ убѣжденъ, что присутствіе мальчика приноситъ удачу всему, затѣянному въ такія минуты...

Расцѣловавъ отца, мальчикъ звонко болталъ, пока перо съ легкимъ скрипомъ скользило по бумагѣ.

— А мы катались... Такъ хорошо... съ мамой... Она сейчасъ придетъ... А я потихоньку побѣжалъ впередъ. А миссъ меня ищетъ тамъ и не можетъ найти... А это что за новая книга у тебя, папа? Я не видалъ ея раньше. Какая большая... красивая...

Крохотной рученкой онъ коснулся большого фоліанта въ сафьяновомъ, тисненномъ золотомъ, переплетѣ, выглядывавшемъ изъ-подъ карты, которую недавно разсматривалъ Наполеонъ.

— Это—сочиненія Тацита. Онъ писалъ о славныхъ царяхъ и герояхъ прежнихъ временъ, мой мальчикъ. Погоди... дай мнѣ кончить работу... Еще пару строкъ... Твои поцѣлуи освѣжили мнѣ мысли... Хорошія слова идутъ подъ перо... Не мѣшай же.

— Хорошо... Дописывай скорѣе... и потомъ почитай мнѣ эту книгу... А я послушаю... Я очень люблю, когда ты мнѣ читаешь... Я тогда все вижу, о чемъ тамъ написано... Читай же!

— Ты не поймешь, малютка.

— Нѣтъ... пойму... читай!..

Ребенокъ поцѣлуемъ подкрѣпилъ просьбу.

Нѣжно поцѣловавъ сына въ глаза, Наполеонъ съ улыбкой откинулъ перо, поправилъ книгу, усадилъ мальчика поудобнѣе на колѣняхъ, сдѣлалъ понюшку табаку изъ табакерки, лежавшей подъ рукою, и при слабомъ свѣтѣ уходящаго дня орлиными глазами заскользилъ по ровнымъ строкамъ раскрытой наудачу страницы.

„Грозная пора настала для Рима. Силы Республики были истощены въ конецъ. Мечъ галльскаго воинственнаго вождя, брошенный на вѣсы,—рѣшалъ дѣла цѣлаго міра, раньше подвластнаго сенату римскому и его когортамъ... Тогда въ груди римскихъ гражданъ, во всемъ народѣ проснулись прежняя отвага и доблесть. Подобно рѣкѣ, которая подъ грозою становится еще бурливѣе и мятежнѣй, чѣмъ въ дни затишья, воспрянулъ Римъ, желая свергнуть чуждое варварское иго“...

Звучный голосъ императора, привычнаго къ ораторству, наполнялъ покой ровными, красивыми звуками. Но, взглянувъ случайно на ребенка, отецъ сразу оборвалъ монотонное, баюкающее чтеніе.

Опьяненный весеннимъ воздухомъ и долгой прогулкой, ребенокъ уже успѣлъ опустить пушистыя рѣсницы и ровно, глубоко дышалъ во снѣ, налетѣвшемъ сразу, какъ это всегда бываетъ у дѣтей.

Не мѣняя положенія, отецъ поправилъ голову мальчика, помѣстивъ ее удобнѣе на своей груди, и, чуть покачивая спящаго, сталъ тихо, ласково напѣвать колыбельную пѣсенку, которую пѣвала мать надъ нимъ самимъ тамъ, на далекой родинѣ, подъ синимъ, знойнымъ небомъ Корсики:

Fra Martino, fra Martino,
Dormitu? Dormitu?
Suona la campana... Suona la campana:
Bim-bam-bom!

Еще не кончилъ онъ куплета, какъ широко распахнулась та же дверь, черезъ которую вбѣжалъ принцъ-дофинъ. Мать его, Марія-Луиза Австрійская, стройная, молодая, очаровательная, какъ весна, показалась на порогѣ и громко проговорила:

— Добрый день, сиръ. А нашъ баловень снова мѣшаетъ вамъ работать?.. Мы только что...

— Тише... тсс... моя дорогая!.. Полміра дремлетъ у меня на рукахъ. Не разбудите его владыки... Тише!—остановилъ жену Наполеонъ и продолжалъ допѣвать баюкающую пѣсенку:

Fra Martino, fra Martino,
Dormitu?..

Мать тихо подошла и тоже залюбовалась на спящаго...

II.

Декабрь 1820 года.

Неполныхъ девять лѣтъ прошло послѣ этого памятнаго весенняго вечера, когда Наполеонъ рѣшилъ повести на Россію народы Европы.

Зимнія непогоды и дожди разразились надъ скалистымъ островкомъ Св. Елены, затерянномъ въ безграничныхъ просторахъ океана... На этомъ островкѣ, въ унылomъ Лонгвудскомъ замкѣ, ужъ много дней томится Наполеонъ Бонапартъ, бывшій императоръ французовъ, владыка полуміра, а теперь—„Узникъ Европы“, какъ его величаютъ повсюду, лишенный власти, трона, семьи, свободы, отданный подъ надзоръ своимъ врагамъ-англичанамъ въ лицѣ коменданта сэра Гудсона Лоу.

Императрица Марія-Луиза вернулась въ родную семью, довольная тѣмъ, что освободилась отъ нелюбимаго мужа... Съ нею же, въ Шенбрунскомъ замкѣ, на положеніи не то узника, не то нахлѣбника при вѣнскомъ дворѣ, проживаетъ принцъ-дофинъ, Римскій императоръ, чья колыбель уже была осѣнена тройной короной.

Вечеръ сочельника.

Небольшая свита слугъ и друзей, оставленная „Узнику Европы“ на пустынномъ островкѣ, нерадостно встрѣчаетъ Святую ночь Рождества... Всѣ разошлись по своимъ угламъ и вспоминаютъ прежніе свѣтлые дни... когда цѣлая страна, ликуя, поминала въ молитвахъ и на рождественскихъ пирахъ имя героя-императора.

Тяжелый, неизлѣчимый недугъ — ракъ желудка—словно поспѣшилъ притти на помощь врагамъ низверженнаго императора. Изнемогая отъ мукъ, страдая тѣломъ и душою, не спитъ цѣлыми ночами страдалецъ, бродитъ по комнатамъ тѣсной темницы. Уже многихъ нѣтъ съ нимъ изъ тѣхъ, кто сначала рѣшился посвятить свою жизнь бывшему государю, посланному въ изгнаніе.

Уѣхалъ маршалъ Гурго, обиженный раздражительнымъ повелителемъ, который и здѣсь не можетъ позабыть того, чѣмъ онъ былъ еще такъ недавно... Нѣтъ Ласказа... Хитрый іезуитъ уѣхалъ не то по неволѣ, не то тайнымъ посломъ „Узника“, чтобы подготовить ему пути къ освобожденію.

Правда, „Узникъ“ могъ бы бѣжать съ острова, несмотря на зоркій надзоръ сэра Лоу. Но что ждетъ бѣглеца въ Америкѣ, куда онъ можетъ скрыться?.. Жалкое прозябаніе въ видѣ богатаго рантье, благо нѣсколько милліоновъ успѣлъ припрятать бывшій императоръ, помѣстивъ ихъ въ вѣрныхъ рукахъ.

Нѣтъ! Не этого хочетъ „Узникъ“... Онъ ждетъ иного освобожденія, надѣется, что тотъ же Александръ сжалится надъ прежнимъ союзникомъ и другомъ, послѣ ставшимъ врагомъ, что экс-императору французовъ позволятъ доживать вѣкъ въ болѣе почетномъ положеніи, на покоѣ, а не подневольнымъ заточникомъ, лишеннымъ проблеска свободы, отданнымъ на произволъ грубоватаго коменданта-врага.

Врачи Антомарки и О'Мэара, мужъ и жена Бертранъ, камердинеръ Маршанъ, мажордомъ и шефъ кухни Чипрези, землякъ Бонапарта,—вотъ ближайшіе къ нему люди. Но ихъ тоже не часто любитъ видѣть и слышать больной, измученный „Узникъ“.

Днемъ онъ спитъ, а ночью бродитъ по комнатамъ своего домика или гуляетъ по части парка, отведенной въ его распоряженіе и отгороженной стѣною, охраняемой рядомъ часовыхъ отъ остального человѣческаго мірка, населяющаго скалистый островокъ...

Полночь близко... Озарены свѣчами и масляными лампами пустые покои, по которымъ бродитъ „Узникъ“.

Большой каминъ горитъ въ комнатѣ, замѣняющей столовую и гостиную. Отблески пламени играютъ на широкомъ окнѣ, за стеклами котораго шумитъ ненастье, льетъ дождь, воетъ вѣтеръ, принося издали тяжкіе, протяжные вздохи бушующаго моря, которое хлещетъ валами въ высокіе скалистые берега...

Непроглядная ночь чернѣетъ за стеклами, по которымъ круп-

ныя капли дождя скользятъ непрерывно одна за другой, словно неутѣшныя слезы...

Думаетъ Наполеонъ о прошломъ, которое такъ отчетливо, ярко проносится въ памяти, и убѣждается все больше, что единственной ошибкой, повлекшей за собой всѣ бѣды, былъ этотъ роковой походъ на Россію...

И вспоминается „Узнику" весенній вечеръ... Каштаны Тюльерійскаго парка... Мучительныя колебанія духа передъ тѣмъ, какъ подписать манифестъ... И появленіе „Краснаго Человѣчка".

Что̀ это было?... Обманулъ ли его враждебный Духъ, принявъ обликъ дружественнаго Генія?.. Или онъ, Бонапартъ, не понялъ загадочныхъ словъ предостереженія добраго Друга?..

Стоя у окна, глядя въ темноту, слушая отдаленные мятежные вздохи и стоны бушующей пучины, думаетъ все объ одномъ и томъ же „Узникъ"... И даже не чувствуетъ обычной тупой боли, теперь не оставляющей его ни днемъ ни ночью, вѣчно сверлящей тамъ, внутри...

Вдругъ онъ услышалъ, что за его спиною, въ глубинѣ комнаты, осторожно пріотворилась дверь. Въ оконномъ стеклѣ, какъ въ зеркалѣ, отразилось, что̀ тамъ происходитъ... Сперва просунулось впередъ жирное, съ большимъ краснымъ носомъ, съ тройнымъ подбородкомъ, лицо Чипрезя, потомъ и весь онъ выкатился въ столовую, переступая порогъ короткими, толстыми ножками, и сталъ у дверей, осторожно покашливая въ деликатно сложенную ладонь лѣвой руки.

— Que voi, imbecille? (Что̀ надо глупецъ?)—не оборачиваясь, кинулъ ему „Узникъ".

— Ничего, ничего! — съ обычной жестикуляціей, причмокивая и пришепетывая беззубымъ старческимъ ртомъ, затараторилъ старикъ.—Хочу только сказать: развѣ не пора поѣсть чего-нибудь?.. Или старый Бенно сталъ ужъ такъ отвратительно готовить, что его стряпню и въ ротъ нельзя положить?.. Или я не стряпаю все, что̀ только любитъ мой императоръ?.. Или я...

— Или ты—тройной глупецъ и оселъ въ квадратѣ, и я не стану ѣсть даже тебя, если ты умудришься изготовить себя подъ кислымъ соусомъ!.. Понялъ?

— Ну, зачѣмъ вамъ мое старое мясо... Я бы лучше зажарилъ синьора коменданта,—онъ помоложе... Но его и тигры не станутъ ѣсть... Хе-хе-хе... А я что-нибудь другое изготовлю вашему величеству... Стуфато... Жаренаго цыпленка... Или свѣженькую рыбку... Утромъ намъ привезли... Конечно, это не форели Сенъ-Клу. Но на этомъ проклятомъ островѣ...

— О проклятый островъ!—какъ эхо отозвался „Узникъ" подходя къ накрытому столу, куда такъ настойчиво призывалъ его преданный старикъ.

Здѣсь, поковырявъ вилкой въ одномъ-другомъ, „Узникъ" скоро оставилъ ѣду и погрузился въ прежнія думы, почти не слушая, что̀ болтаетъ Чипрези.

Но понемногу и самъ онъ разговорился. Съ отъѣздомъ Ласказа, которому онъ долгое время диктовалъ свои „Воспоминанія", Наполеонъ не имѣлъ, кому открыть тяжелыхъ думъ. И только земляку, преданному Чипрези, порою говорилъ о своихъ мукахъ, съ нимъ вспоминалъ прошлое.

Рѣчь въ этотъ вечеръ зашла о сборахъ въ Московскій походъ... Вспомнилъ и разсказалъ „Узникъ" о появленіи „Краснаго Человѣчка", толкнувшаго императора на рѣшительный послѣдній шагъ...

Торопливо осѣнивъ себя крестомъ и прошептавъ краткую молитву, Чипрези нерѣшительно спросилъ:

— А потомъ онъ являлся вашей чести... этотъ... огненный... „Красный Человѣчекъ"?..

— Раза два еще... Послѣдній разъ—давно... на берегахъ Березины, черезъ которую мнѣ кое-какъ удалось перейти,—помнишь?.. Ты былъ тоже со мною... Казаки настигли насъ въ одной хатѣ, гдѣ лежали на столѣ два трупа... и была красивая дѣвушка... Она укрыла меня въ своей свѣтелкѣ... У нея провелъ я ночь... Она отогрѣла меня, полузамерзшаго, растеряннаго, загнаннаго врагами, какъ раненаго звѣря... И тогда-то онъ приходилъ въ послѣдній разъ... И не былъ съ тѣхъ поръ... Хотя я жду его еще... чтобы узнать, что̀ будетъ со мною?.. Дождусь ли я свободы... или нѣтъ?..

„Узникъ" умолкъ... Чипрези, стоя поодаль, опустилъ полусѣдую голову и старался незамѣтно смахнуть слезы, набѣгавшія на его вѣчно воспаленныя мясистыя рѣсницы.

— Я тамъ... Я пойду... еще есть кое-что хорошенькое у меня для вашей чести!—пробормоталъ онъ невнятно и быстро вышелъ.

А „Узникъ" унесся памятью къ прошедшему.

Вотъ ставка подъ Шевардиномъ... Ночь наканунѣ Бородинскаго боя... Онъ боялся, что русскіе и тутъ не примутъ вызова, отступятъ безъ сраженія... Но явился въ пламени костра знакомый обликъ, шепнулъ какое-то невнятное, но ободряющее обѣщаніе—и почти немедленно прискакалъ вѣстникъ отъ маршала Нея съ добрыми вѣстями: русскіе рѣшили биться здѣсь, подъ Бородиномъ...

Правда, исходъ сраженія остался невыясненъ... Потери съ обѣихъ сторонъ оказались громадныя... Но все же русскіе попятились, разступились... Открыли путь на Москву...

Потомъ лишь понялъ вождь, какая ловушка была для него эта столица... Но тогда—ликовалъ... и благодарилъ тайнаго друга, загадочнаго Генія, предсказавшаго успѣхъ...

И теперь одинъ бы только разъ еще увидѣть и побесѣдовать съ нимъ... кинуть укоръ за обманы... вольные или невольные—кто знаетъ?.. И попросить одного предсказанія... одной вѣсти о желанной свободѣ...

Такъ думалъ „Узникъ", глядя въ яркое пламя высокаго, грубо сложеннаго камина, гдѣ пылали цѣлые смолистые чурбаны, обогрѣвая воздухъ.

И, словно въ отвѣтъ на призывъ души,—на основѣ танцующихъ, невѣрныхъ языковъ пламени стали вырѣзаться знакомыя очертанія неуклюжей, полупризрачной фигуры...

„Онъ" пришелъ... Не ожидая даже вопроса, беззвучно, но внятно шепнулъ оцѣпенѣлому, блѣдному страдальцу:

— Свобода... близко... близко...

И быстро растаялъ, исчезъ.

— Близко... Свобода близко! — повторилъ, трепеща, „Узникъ", поднялся со стула, кинулся къ окну, глядя въ черную даль, словно тамъ уже видѣлъ среди пѣны и волнъ прибоя подходящее судно, которое увезетъ его съ этого проклятаго острова.

— Я покину эту ужасную скалу... Буду свободенъ... Увижу моего малютку... Его!..

„Узникъ" подошелъ къ портрету сына, висѣвшему на стѣнѣ, и осторожно, ласково сталъ гладить шероховатый холстъ, словно проводилъ по щечкамъ ребенка... Грустно улыбнулся, вспомнилъ далекій вешній вечеръ, каштаны парка съ ихъ голыми вѣтвями, малютку у себя на колѣняхъ и тихо, нѣжно запѣлъ:

Fra Martino... Fra Martino...
Dormitu? Dormitu?..

А непогода ревѣла за окномъ, пролетая надъ просторомъ морской пучины... И крупныя, частыя капли дождя, словно слезы, неустанно скользили снаружи по стекламъ, за которыми чернѣла непроглядная ночь.

„Красный Человѣчекъ" на этотъ разъ не обманулъ страдальца-„Узника".

Прошло еще четыре мѣсяца съ небольшимъ—и онъ получилъ полную свободу отъ земныхъ страданій:

5 мая 1821 года не стало Наполеона.

Онъ умеръ въ своемъ Лонгвудскомъ домикѣ отъ рака, източившаго его желудокъ, какъ тоска и скорбь—точили неугомонную душу геніальнаго корсиканца...

Чернецовская галлерея русскихъ дѣятелей 1830-хъ годовъ.

Очеркъ проф. С. А. Венгерова. (Съ 9 рис. на стр. 493—496).

Благодаря любезности библіотекаря Академіи Художествъ Ѳ. Г. Беренштама, мнѣ удалось ознакомиться съ чрезвычайно интересной коллекціей портретовъ извѣстнаго художника Николаевской эпохи Григорія Чернецова, недавно поступившей въ библіотеку Академіи. Портреты представляютъ большой интересъ для иконографіи русской вообще. Это—настоящая галлерея выдающихся людей 1830-хъ гг. Тутъ и высшіе чины государства, и просто значительные люди, и балерины, и пѣвцы, и, наконецъ, писатели. Я лично заинтересовался Чернецовскими портретами въ той мѣрѣ, въ какой они даютъ новый матеріалъ для русской литературной иконографіи, и снялъ съ нихъ для своего архива фотографіи.

Происхожденіе огромной серіи Чернецовскихъ портретовъ такое.

Видимо, въ 1832 году Чернецовъ получилъ заказъ нарисовать картину для Зимняго Дворца, изображающую парадъ на Марсовомъ полѣ по случаю окончанія польской кампаніи.

И онъ отнесся къ своей задачѣ со свойственной ему старательностью.

Какъ и братъ его Никандръ, Григорій Чернецовъ представляетъ собою одно изъ многочисленныхъ доказательствъ того, что основной обликъ человѣка далеко не всегда опредѣляется „средою" и „обстоятельствами". Чернецовъ происходилъ изъ русской крестьянской семьи, но, право, могъ бы быть нѣмцемъ. Въ такой мѣрѣ онъ педантично-аккуратенъ въ своихъ художественныхъ пріемахъ и навыкахъ. Рисунки его суховаты, но чрезвычайно правдивы и точны. Совершивъ съ братомъ путешествіе по Волгѣ, онъ нарисовалъ огромное количество видовъ. Такъ, со стороны впечатлѣнія, эти путевые эскизы скучноваты и совершенно не передаютъ очарованія пейзажа. Но въ смыслѣ точности они едва ли въ чемъ уступаютъ фотографіи.

Свойства, присущія творчеству Чернецова вообще, сказались и въ „Парадѣ". Въ картинѣ нѣтъ движенія, нѣтъ бьющагося пульса жизни. Передъ нами почти барельефъ, холодный, застывшій. Все правильно, идеально выдержана перспектива, а въ общемъ малоинтересно: картина не волнуетъ, вы не переживаете того, что̀ часто переживаете, когда смотрите на парадъ, который, какъ ни какъ, вѣдь есть подобіе сраженія.

Все это, повторяю, если подойти къ картинѣ съ точки зрѣнія эстетическаго наслажденія.

Но если отнестись къ ней, какъ къ нѣкоему историческому документу, то значеніе „Парада" становится очень большимъ.

Дѣло въ томъ, что Чернецовъ, по мысли императора Николая, рисовалъ картину по такому плану:

Происходитъ парадъ, и его смотритъ то, что̀ называется—„весь Петербургъ". Чернецовъ включилъ въ толпу всего менѣе только тѣхъ, которые дѣйствительно были на Марсовомъ полѣ во время парада. Тутъ просто была использована возможность дать галлерею видныхъ современниковъ. У художника было опредѣленное намѣреніе дать не вообще „зрителей" и глазѣющую толпу, а именно портретную галлерею. По нѣкоторымъ указаніямъ, картина была нарисована въ два пріема. Когда она была закончена первый разъ, императоръ Николай остался доволенъ исполненіемъ своего заказа, но выразилъ сожалѣніе о томъ, что среди публики, смотрящей на парадъ, не видитъ знакомыхъ лицъ. Тогда Чернецовъ взялъ картину обратно и превратилъ ее въ портретную галлерею „всего Петербурга".

И онъ далъ ее по всѣмъ правиламъ портретности. Всякое лицо срисовано съ натуры. Значительная часть изображенныхъ на картинѣ лицъ, повидимому, перебывала въ мастерской художника. Нѣкоторые же зарисованы при особыхъ обстоятельствахъ, о которыхъ всякій разъ указано на оборотѣ эскизовъ.



фрейлина М. П. Кикина. П. А. Кикинъ. С. Н. Болоховской. И. П. Шульгинъ. М. Т. Каченовскій. А. Р. Венеціановъ. В. Н. Семета (цензоръ).
И. А. Крыловъ. Н. И. Уткинъ. А. С. Пушкинъ. Н. И. Гречъ. В. А. Жуковскій. Н. И. Гнѣдичъ.

Группа писателей, ученыхъ и художниковъ на картинѣ Григорія Чернецова „Парадъ на Марсовомъ полѣ".
(По фотографіи, снятой для литературнаго архива проф. С. А. Венгерова. Воспроизводится впервые).



Неизданный портретъ Пушкина, точно опредѣляющій его ростъ.

Рисовалъ свои эскизы Чернецовъ не въ краскахъ, а только въ карандашныхъ очеркахъ и не отдѣлывая подробностей.

И вотъ эти-то карандашныя зарисовки и „прориси“ (контурные эскизы) поступили теперь въ Академію Художествъ.

Здѣсь воспроизводится рядъ такихъ карандашныхъ зарисовокъ писателей, помѣщенныхъ въ числѣ зрителей парада, а также другіе эскизы, рисованные позже „Парада“. Сверхъ того, дается: сама картина „Парада“ и одна деталь изъ нея — то мѣсто въ правомъ углу, гдѣ Чернецовъ помѣстилъ группу выдающихся литераторовъ и художниковъ того времени.

Цѣликомъ „Парадъ“ Чернецова еще никогда воспроизведенъ не былъ. Что касается группы, то отчасти она извѣстна, но не въ томъ видѣ, въ какомъ она дана здѣсь. Извѣстенъ именно первоначальный эскизъ, налитографированный отдѣльно и затѣмъ помѣщенный въ „Листкѣ“ Тима 1861 г., а оттуда перешедшій во многія изданія *).

Въ такомъ же видѣ, въ какомъ она выдѣлена здѣсь непосредственно изъ самой картины, группа, повторяю, воспроизводится впервые. Такъ она и гораздо живописнѣе и, кромѣ Пушкина, Крылова, Жуковскаго и Гнѣдича, даетъ еще рядъ другихъ портретовъ: Н. И. Греча, И. П. Шульгина (ректора Спб. университета), извѣстнаго проф. Московскаго университета М. Т. Каченовскаго, художника А. Р. Венеціанова, основателя Общества поощренія Художествъ П. А. Кикина (съ дочерью), гравера Н. И. Уткина.

„Прориси“ и другіе эскизы Чернецовской галлереи имѣютъ не только иконографическое, но и историко-литературное значеніе.

Въ иконографическомъ отношеніи прежде всего, конечно, интересна „прорись“ во весь ростъ Пушкина. По ней Чернецовъ нарисовалъ Пушкина и въ „Парадѣ“ и въ группѣ четырехъ писателей. Затѣмъ цѣнны портреты извѣстнаго поэта Дениса Давыдова, знаменитаго юриста, создателя Свода Законовъ гр. Сперанскаго, извѣстнаго баснописца И. И. Дмитріева, извѣстнаго историка проф. М. Т. Каченовскаго и извѣстнаго драматурга и новеллиста Нестора Кукольника.

Интересъ этихъ эскизовъ въ томъ, что, за исключеніемъ Дениса Давыдова, они зарисованы не въ обычныхъ, напряженныхъ „позахъ“, а запросто. При всей сухости Чернецовской манеры, получается впечатлѣніе болѣе интимное.

Благодаря чисто-нѣмецкой аккуратности, о которой я говорилъ выше, эскизы снабжены записями о днѣ, когда были сдѣланы зарисовки, а также о ростѣ тѣхъ лицъ, съ которыхъ Чернецовъ писалъ портреты. Получается рядъ очень интересныхъ, такъ сказать, литературно-антропологическихъ данныхъ. Мы узнаемъ, что Жуковскій былъ 2 аршинъ 6½ вершковъ, Кукольникъ — 2 арш. 8 вершковъ, Дмитріевъ—2 арш. 9 вершковъ, и наконецъ—что всего важнѣе — *впервые и столь точно узнаемъ ростъ Пушкина.*

Вотъ эта драгоцѣнная запись:

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ
рисовано съ натуры, 1832-го года
Апрѣля 15
ростомъ 2 арш.
5 в. съ половиной.

Не всѣ великіе люди, выходитъ, были и великаго роста: 2 аршина 5½ вершковъ — это почти ниже средняго.

*) Ср., между прочимъ, редактированное мною роскошное изд. соч. Пушкина (Брокгаузъ-Ефрона), т. IV.

Живописецъ-тореадоръ.

(Игнаціо Зулоага и его творчество).

(Съ 7 карт. на стр. 481 — 485).

Очеркъ Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

Кто внимательно слѣдилъ за развитіемъ европейскаго искусства, тотъ не могъ не замѣтить, что на протяженіи многихъ лѣтъ въ парижскихъ Салонахъ, этихъ годичныхъ отчетахъ мірового художества, ярче всѣхъ горятъ и сверкаютъ представители испанской школы.

Игнаціо Зулоага — типичный сѣверный испанецъ-кастилецъ. Онъ совсѣмъ по-своему, угрюмо и мрачно, воспѣваетъ выжженную солнцемъ, скованную неподвижной дремою минувшихъ столѣтій, клерикально-монашескую Кастилію. Картины Зулоаги — вѣчный мистическій трауръ о быломъ величіи спящей, вымершей католической Испаніи. Замкнувшійся въ суровомъ величіи былого, онъ — испанецъ-инквизиторъ, испанецъ-монахъ, испанецъ-солдатъ...

Зулоага — художникъ случайный, что не мѣшаетъ однако ему быть однимъ изъ величайшихъ мастеровъ современной Европы.

Онъ родился въ бѣдной кастильской семьѣ. Какъ всякій испанскій мальчикъ-простолюдинъ, Игнаціо мечталъ сдѣлаться матадоромъ, чтобъ на аренѣ цирка, на глазахъ многотысячной толпы, въ нарядномъ, серебромъ и золотомъ



И. И. Дмитріевъ.

Изъ неизданныхъ эскизовъ Чернецовской галлереи писателей и ученыхъ 1830-хъ годовъ.

По фотографіямъ, снятымъ для литературнаго архива проф. С. А. Венгерова.

расшитомъ, костюмѣ колоть быковъ шпагой.

Мечты его сбываются наполовину. Онъ работаетъ въ циркахъ большихъ городовъ, хотя до премьера-матадора ему еще далеко. Онъ пока только скромный тореро, не больше.

Неожиданно у Зулоаги просыпается талантъ къ рисованію. Сидя въ кафэ съ товарищами-тореро, Зулоага на клочкахъ бумаги весьма удачно набрасываетъ ихъ портреты. Иногда изъ-подъ его бойкаго, увѣреннаго карандаша выходятъ цѣлыя группы, композиціи, сцены, одухотворенныя жизнью и стремительнымъ, говорящимъ о несомнѣнной искрѣ Господней, движеніемъ. Своимъ рисункамъ Зулоага не придавалъ рѣшительно никакого значенія. Онъ раздаривалъ ихъ на память или уничтожалъ.

Однажды въ мадридскомъ кафэ „Левантэ“ Игнаціо, по обыкновенію, шаля карандашомъ, набрасывалъ сидящаго за столикомъ пожилого пикадора. Прихлебывавшій по сосѣдству въ кафэ благообразный сѣдобородый старикъ заинтересовался чудеснымъ наброскомъ.

Старикъ похвалилъ рисунокъ и спросилъ молодого тореро, не желаетъ ли онъ серьезно отдаться искусству. Зулоага, усмѣхнувшись, отвѣтилъ, что искусствомъ онъ считаетъ искусство тореро, рисованіе же въ его глазахъ баловство, и спеціализироваться въ этомъ направленіи у него нѣтъ ни малѣйшей охоты.

Сѣдобородый старикъ, пожавъ плечами, выразилъ искреннее сожалѣніе, что таланту, очевидному и несомнѣнному, увы, не суждено расцвѣсть!.. Старикъ оказался придворнымъ королевскимъ портретистомъ Виллэгесомъ, авторомъ большихъ историческихъ картинъ, украшающихъ Музей Новыхъ Искусствъ въ Мадридѣ. Виллэгесъ въ то время былъ крупной художественной величиною...

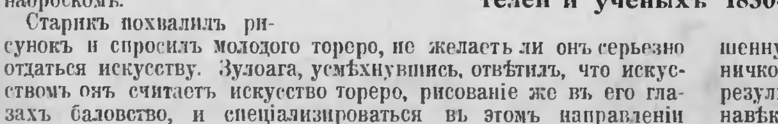
Время шло. Виллэгесъ на своихъ портретныхъ сеансахъ въ королевскомъ дворцѣ забылъ про молодого тореро. Зулоага, кочуя изъ города въ городъ, изъ цирка въ циркъ, забылъ про Виллэгеса. Но вскорѣ они вспомнили другъ о другѣ, столкнувшись лицомъ къ лицу, и на этотъ разъ уже не въ кафэ „Левантэ“, а въ мастерской королевскаго живописца.

Во время одной изъ корридъ въ Гренадѣ Зулоага, по обыкновенію, игралъ съ свирѣпымъ, взбѣшеннымъ быкомъ, дразня его цвѣтной капой. Но, къ несчастью, вѣрнѣе это было въ концѣ концовъ къ счастью, Зулоага, наступивъ на брошенную кѣмъ-то изъ амфитеатра сливу, поскользнулся и упалъ ничкомъ на песокъ арены. Быкъ принялся его бодать, и въ результатѣ — искалѣченная нога, сдѣлавшая молодого тореро навѣки хромымъ. Ходить онъ могъ, но для арены, для „ра

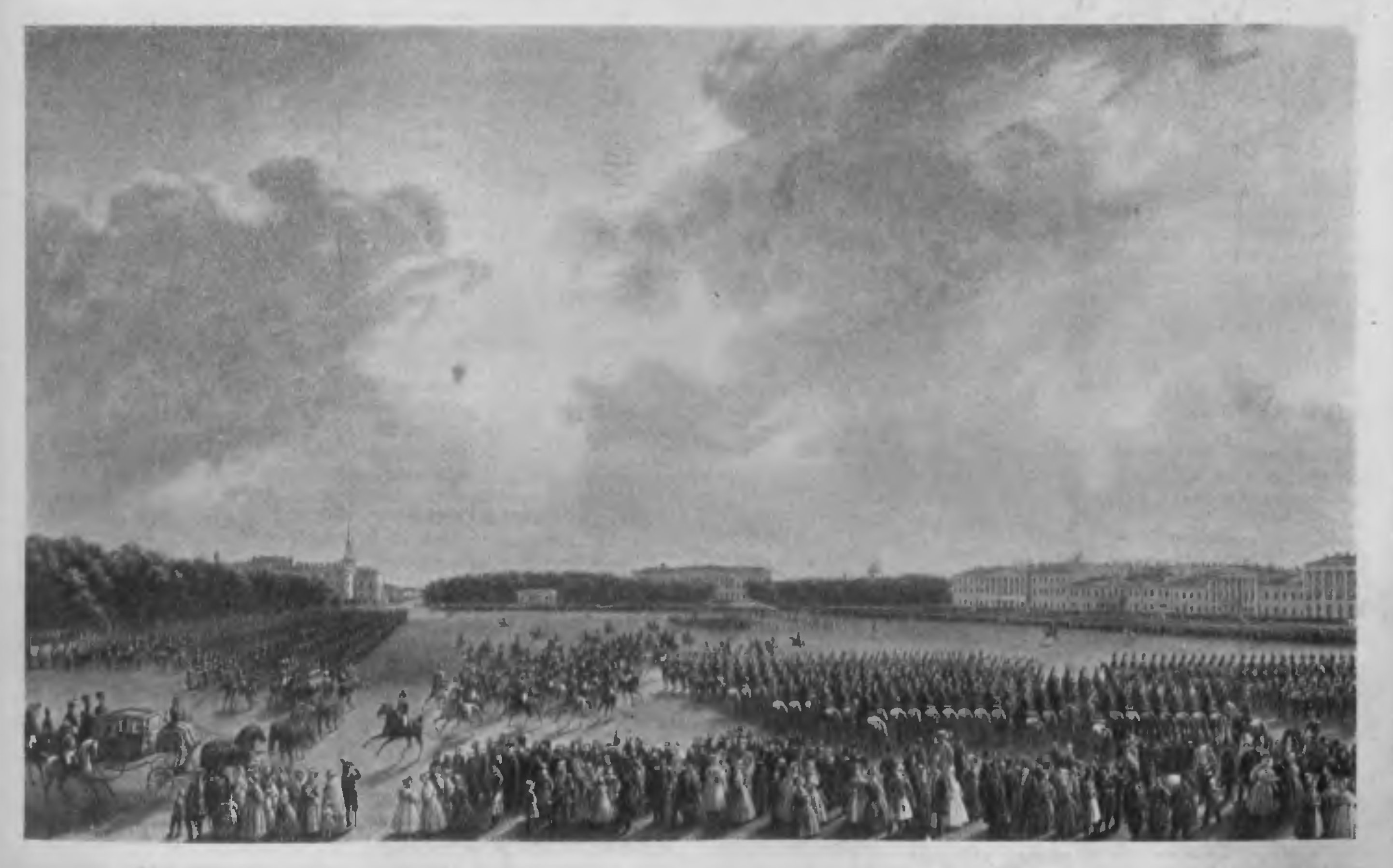
Несторъ Кукольникъ.



М. М. Сперанскій.



Изъ неизданныхъ эскизовъ Чернецовской галлереи писателей и ученыхъ 1830-хъ годовъ.



Парадъ 1830-хъ годовъ на Царицыномъ лугу. Картина Григорія Чернецова въ Зимнемъ Дворцѣ.

(Съ фотографіи, снятой для литературнаго архива проф. С. А. Венгерова. Воспроизводится впервые).



В. А. Жуковскій.

боты" Зулоага сдѣлался инвалидомъ.

Отлеживаясь въ больницѣ, Игнацiо рѣшалъ насущный вопросъ: чѣмъ жить, не имѣя никакихъ средствъ, не зная никакого ремесла, кромѣ искусства тауромахiи?..

Тогда онъ вспомнилъ свои рисунки, вспомнилъ встрѣчу съ благообразнымъ сѣдобородымъ старикомъ. Покинувъ больницу, Зулоага поѣхалъ въ Мадридъ. Въ мастерской Виллэгеса ждалъ его радушный, сердечный прiемъ.

Быстрыми шагами идетъ Игнацiо Зулоага къ славѣ. Неудавшiйся матадоръ въ нѣсколько лѣтъ сумѣлъ сдѣлаться общепризнанной извѣстностью не только въ Европѣ, но и за океаномъ, въ Америкѣ. Зулоага имѣлъ въ Парижѣ свою мастерскую, много работалъ и ежегодно выставлялъ въ Салонахъ. Онъ вошелъ въ международное искусство самобытный, съ глубоко оригинальной творческой физiономiей, такъ непохожей на все окружающее. За свои картины онъ получалъ и получаетъ бѣшеные гонорары.

Разбогатѣвъ, — у него теперь состоянiе въ десять миллiоновъ франковъ, — Зулоага рѣшилъ, что настало время позволить себѣ роскошь писать для самого себя, а не для продажи. И — фактъ почти безпримѣрный въ исторiи искусства — Зулоага, продуктивный и много работающiй живописецъ, вотъ уже два или три года какъ не выпускаетъ на рынокъ ни одной изъ своихъ картинъ. Коллекцiонеры и поклонники закидываютъ его просьбами хоть что-нибудь уступить имъ. Но Зулоага непреклоненъ, и его картины прямо съ выставки возвращаются къ нему.

Въ настоящемъ нумерѣ „Нивы" воспроизведенъ рядъ снимкомъ съ картинъ Зулоаги, бывшихъ на его, сначала московской, затѣмъ петербургской выставкахъ. Эти обѣ выставки — первый визитъ Зулоаги въ Россiи, — визитъ, оставившiй прекрасное и глубокое впечатлѣнiе.

М. Т. Каченовскій.

Однако въ чемъ же обаянiе Зулоаги, его сила и прелесть его техники? И почему всѣ картины его такъ чаруютъ истинныхъ любителей?

Тѣмъ болѣе, что бѣглое впечатлѣнiе — не въ пользу Зулоаги. Съ перваго впечатлѣнiя на международной выставкѣ въ Римѣ онъ даже какъ будто проигрывалъ отъ близости своего соотечественника Соролля и Бастида. Но чѣмъ внимательнѣе всматриваться въ картины Зулоаги, тѣмъ сильнѣе плѣняютъ онѣ глубиною содержанiя.

Зулоага надолго овладѣваетъ вниманiемъ, подчиняя себѣ мысль, заставляя думать... И если вначалѣ зритель находитъ фигуры его картинъ, пожалуй, условными, вытянутыми, длинными, то потомъ убѣждается, что такъ, именно такъ надо изображать то, что изображаетъ Зулоага.

Въ картинахъ своихъ онъ прежде всего художникъ, а затѣмъ — испанецъ. Творчество Зулоаги и его родная Испанiя неотдѣлимы другъ отъ друга. Это — глубоко нацiональный художникъ, но, какъ талантъ исключительной величины, онъ одинаково всѣмъ интересенъ, одинаково понятенъ.

Вотъ большая пейзажно-архитектурнаго характера композицiи „Сеговiя". Каменный городъ, пустынный, древнiй и вымершiй. Въ этомъ нагроможденiи старинныхъ домовъ, храмовъ и колоколенъ много монументальной, величаво застывшей поэзiи. Это — тяжелая непробудно-сонная греза о быломъ, навсегда угасшемъ, величiи клерикально-монашеской Испанiи.

Возьмемъ „Танцовщицу Маринниту". Портретъ — несомнѣнно писанный съ натуры, но въ то же время и портретъ — символъ. Это — и данная танцовщица Марннита и въ то же время обобщенный типъ испанской гитаны.

Въ этой легкой, воздушной фигурѣ угадывается въ то же время какая-то незыблемая монументальность. Это — застывшiй сквозь вѣка типъ гитаны, не тронутой цивилизацiей, умѣющей лишь плясать съ дикими горловыми выкриками. Это — пережитокъ мавританской женщины, плотно закутанной въ драпировки, скрадывающiя линiи гибкой змѣиной фигуры, подводящей глаза и обильно румянящей лицо. И при этомъ — такой строгiй, „монументальный" пейзажъ. Вообще чувство монументальности развито у Зулоаги необычайно. Такой же монументальный пейзажъ и въ картинѣ „За прялкой". А эта худая труженица-старуха, типичная кастильская женщина, добрая набожная католичка, чудесная мать, для которой дневной заработокъ въ песету — цѣлое богатство!..

Портретъ г-жи Брэваль — наглядный показатель, какой великолѣпный рисовальщикъ Зулоага, и какая у него „желѣзная" форма. Достаточно взглянуть, всмотрѣться въ голову этой жгучей, съ крупными чертами, женщины, въ пальцы ея руки, упирающейся въ подбородокъ, чтобъ убѣдиться, съ какой безподобной виртуозностью чувствуетъ Зулоага линiю и владѣетъ ею.

Хотя Зулоага — одинъ изъ самобытнѣйшихъ художниковъ, когда-либо существовавшихъ на бѣломъ свѣтѣ, но и онъ иногда находится безсознательно подъ влiянiемъ Веласкеза. Что-то веласкезовское въ прiемѣ, съ которымъ подошелъ Зулоага къ своему „Страннику". И эта одинокая фигура, и складки грубаго плаща, и сильная лѣпка головы, и скупой околичностями пейзажъ — во всемъ этомъ чувствуется Веласкезъ. Въ автопортретѣ Зулоаги, въ благородной простотѣ его живописи тоже угадывается веласкезовское настроенiе.

Съ перваго впечатлѣнiя, съ поверхностнаго взгляда, картины Зулоаги кажутся темными, даже черноватыми въ смыслѣ общей гаммы. Но если вы всмотритесь внимательнѣе — вы убѣдитесь, какiя тонкiя колористическiя задачи рѣшаетъ художникъ.

И если портретъ г-жи Брэваль характеренъ для Зулоаги-рисовальщика, то картина его „Севильскiе тореадоры" — краснорѣчивѣйшее доказательство въ пользу Игнацiо Зулоаги-колориста.

Всмотримся въ группу этихъ феерически нарядныхъ тореро. Цвѣтные панталоны и куртки, расшитыя золотомъ и серебромъ, лиловые чулки, все богатое, нарядное убранство — какой это соблазнъ для колориста, гоняющагося за внѣшностью! Мы не сомнѣваемся, что серебро и золото горѣло бы у него умопомрачительно, а атласъ и шелкъ блистали бы до иллюзiи — и въ концѣ концовъ все свелось бы къ мастерскому „nature-morte". Но Зулоага умышленно „погасилъ" яркую дерзость праздничныхъ красокъ. Погасилъ ровно настолько, чтобъ не проиграла картина, и въ то же время зритель чаруетъ свой глазъ праздничной гаммою, въ которую приведены всѣ сказочные костюмы этихъ людей.



Поэтъ-партизанъ Денисъ Давыдовъ.

Изъ неизданныхъ эскизовъ Черенцовской галлереи писателей и ученыхъ 1830-хъ годовъ.

По фотографiямъ, снятымъ для литературнаго архива проф. С. А. Венгерова.



Къ прибытiю Его Величества Короля Саксонскаго Фридриха-Августа III въ Россiю, 6 Iюня с. г. Его Императорское Величество Государь Императоръ (въ формѣ лейбъ-гвардiи Кирасирскаго Его Величества полка) и Августѣйшiй Гость — Саксонскiй Король (въ формѣ 4-го пѣхотнаго Копорскаго Своего Имени полка) изволятъ обходить почетный караулъ, выстроенный на дебаркадерѣ вокзала въ Царскомъ Селѣ. По фот. К. Булла.

Англо-русскiя торжества.

(Политическое обозрѣнiе).

Въ нашей иностранной политикѣ наступила весенняя эра миролюбивыхъ демонстрацiй, многознаменательныхъ тостовъ и торжественныхъ дружескихъ встрѣчъ. Вслѣдъ за посѣщенiемъ Государемъ Императоромъ Румынiи, Россiя приняла визитъ англiйской эскадры, а въ началѣ iюля приметъ главу Французской республики. Сердечныя рукопожатiя съ Францiей давно уже вошли въ нашъ политическiй обиходъ, сдѣлались обязательными при всякомъ составѣ министерствъ и при всякихъ комбинацiяхъ международной жизни. Но другое дѣло всемiрныя демонстрацiи англо-русской дружбы и англо-русскаго военно-морского братанiя. Еще недалеко ушли тѣ времена, когда появленiе англiйскихъ броненосцевъ въ русскихъ водахъ могло носить враждебный и угрожающiй характеръ, а теперь оно привѣтствуется, какъ дружескiй визитъ, какъ радостное событiе, и сопровождается несмолкаемымъ гуломъ пушечныхъ салютовъ съ бортовъ и русскихъ и англiйскихъ кораблей.

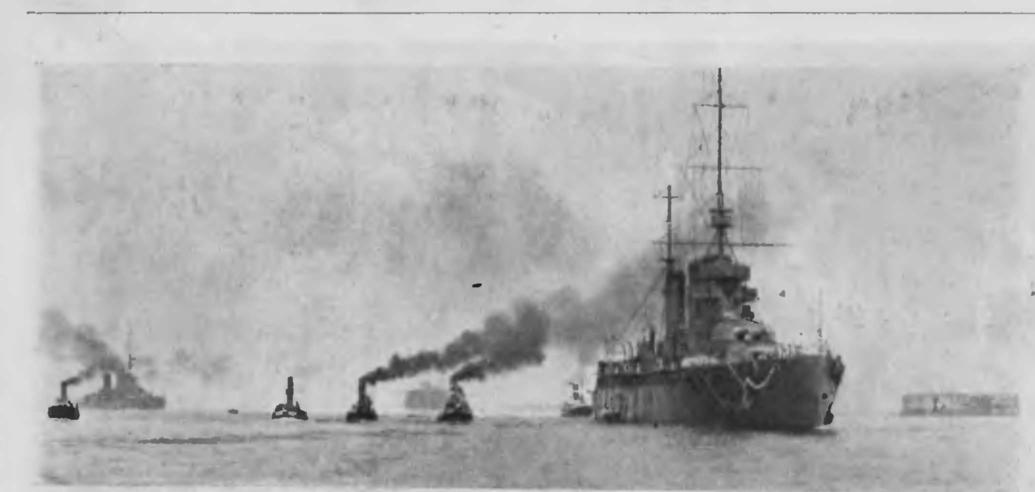
Такъ мѣняются отношенiя людей, такъ капризная судьба играетъ сердцами народовъ. Посѣщенiемъ англiйской эскадрой Кронштадта ликвидируется длительный перiодъ вѣковой вражды между Англiей и Россiей, — вражды, которой нѣкоторые пытались придать даже культурно-расовый характеръ. Однакоже именно съ культурной и даже съ психологически-расовой точки зрѣнiя между враждовавшими цѣлыя столѣтiя нацiями, къ искреннему удивленiю обѣихъ сторонъ, неожиданно оказывается несравненно больше внутренняго сродства и сходства, чѣмъ отчужденности и противоположности. Это глубокое сродство душъ рѣзко отмѣтилъ посѣтившiй Россiю прошлою зимою популярный англiйскiй писатель Уэльсъ, поразившiйся даже внѣшнимъ сходствомъ русской и англiйской толпы. Всего больше и всего рѣзче оно сказывается, разумѣется, въ общности высшихъ морально-религiозныхъ исканiй обѣихъ расъ, напримѣръ, въ огромной популярности великаго славянина Льва Толстого среди англосаксовъ и въ огромной популярности идей великаго англосакса Генри Джорджа среди славянъ.

Тѣми же высшими стремленiями къ соцiальной правдѣ и справедливости вдохновлялось правительство Россiи въ перiодъ великихъ реформъ по освобожденiю и земельному устройству крестьянъ и вдохновляется нынѣшнее англiйское правительство Асквита и Ллойдъ-Джоржа въ программѣ соцiальнаго обновленiя современной Англiи. До сихъ поръ и русскiй консерватизмъ и русскiй либерализмъ черпали вдохновенiе изъ опыта политической культуры Англiи, точно такъ же, какъ и обратно: самое смѣлое реформаторское движенiе въ Англiи идетъ по пути коренныхъ соцiально-правовыхъ преобразованiй, впервые проторенному незабвеннымъ Преобразователемъ Россiи. При внутренней согласованности моральныхъ стремленiй достаточно было малѣйшей солидарности внѣшнихъ интересовъ для того, чтобы искусственно возникшая вѣковая вражда смѣнилась искреннею и нелицепрiятною дружбою народовъ. Такая солидарность интересовъ возникла съ того момента, когда германская промышленность, щедро орошенная золотымъ потокомъ пятимиллiардной контрибуцiи, стала успѣшно



Адмиралъ Битти.

Къ прибытiю англiйской броненосной эскадры въ Россiю. Командующiй эскадрой адмиралъ Битти со своимъ штабомъ. По фот. К. Булла.



Вступленіе англійской эскадры въ Кронштадтскія воды. Русскіе миноносцы указываютъ судамъ эскадры фарватеръ.

конкурировать на всѣхъ рынкахъ съ англійской промышленностью, и когда на защиту грядущаго торговаго первенства Германіи на разстояніи двухдневнаго перехода отъ англійскихъ береговъ неожиданно выросъ могущественный германскій флотъ. Англія увидѣла, что ея морскому и торговому первенству и даже самому бытію ея угрожаетъ смертельная опасность, и почувствовала необходимость опереться въ самозащитѣ на союзъ съ континентальными державами, съ которыми не такъ давно враждовала по сравнительно ничтожнымъ или даже мнимымъ поводамъ. Недоразумѣніе



Флагманское судно англійской эскадры, сверхъ-дредноутъ „Лайонъ" (Левъ), 27.000 тонъ водоизмѣщенія; одна подводная часть его имѣетъ 4 сажени глубины.

Броненосный крейсеръ сверхъ-дредноутъ „Кюинъ Мери" („Королева Марія"). Длина — 95 саженъ; скорость хода — 28 узловъ (около 50 верстъ) въ часъ. Вооруженъ, какъ и остальные крейсера, восмью 13½-дюймов. пушками, каждый снарядъ которыхъ вѣситъ 21 пудъ.

съ Франціей по поводу Фашоды смѣнилось полюбовнымъ размежеваніемъ англо-французскихъ интересовъ на Африканскомъ материкѣ, и вражда съ Россіей была покончена мирнымъ раздѣломъ сферы вліяній въ Азіи и въ Персіи. Съ устраненіемъ искусственныхъ мотивовъ къ недоразумѣніямъ, дружба между всѣми этими странами съ каждымъ днемъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Холодная любезность дипломатовъ смѣняется растущей не по днямъ, а по часамъ горячей пріязнью народовъ. Въ чествованіи англійскихъ моряковъ приняли участіе не только русскіе моряки, русскіе дипломаты и члены правительства, но также и почетные избранники нашего молодого народнаго представительства въ лицѣ членовъ Гос. Думы и ея предсѣдателя. Подъ гулъ пушечныхъ салютовъ милліоны сердецъ слились въ одномъ мощномъ порывѣ взаимной любви и взаимнаго пониманія. Подъ угрозой общей опасности братство по духу перерождается въ братство по оружію. Изъ мирнаго дипломатическаго согласія самъ собою выростаетъ оборонительный союзъ. Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ: когда въ дипломатическихъ демонстраціяхъ принимаютъ участіе флотъ и армія, какъ представители самого народа, стихійный порывъ беретъ верхъ надъ дипломатическимъ этикетомъ, и вмѣсто писаныхъ договоровъ неожиданно возникаетъ братскій союзъ крови, союзъ рыцарскихъ народовъ, давшихъ другъ другу клятву на жизнь и смерть.



Легкій крейсеръ „Blond" („Блондъ"). Вмѣстѣ съ другимъ того же типа крейсеромъ „Boadicea" („Боадичеа") прибылъ изъ Кронштадта въ Петербургъ. Остальныя суда въ Неву войти не могли.

Къ прибытію англійской эскадры въ Россію. Сильнѣйшіе въ мірѣ сверхъ-дредноуты и крейсера, составляющіе первую линейную дивизію судовъ Атлантической эскадры. По фот. К. Булла.

Полковникъ П. К. Козловъ.

(Портр. на стр. 499).

Знаменитый ученикъ и продолжатель работъ великаго русскаго путешественника Н. М. Пржевальскаго, полк. П. К. Козловъ въ августѣ этого года отбываетъ въ шестую по счету экспедицію въ Центральную Азію для изслѣдованія Монголіи и Амдосскаго нагорья, а также въ провинціи Сы-Чуань и Гань-Су.

Имя полковника П. К. Козлова получило европейскую извѣстность въ особенности послѣ исключительной по успѣху его пятой экспедиціи — „Монгольско-Сы-чуаньской экспедиціи въ 1907—1909 г.г.", когда П. К. Козлову посчастливилось открыть среди безплодныхъ песковъ центральной Монголіи таинственную погибшую столицу Бохайскаго царства — „Хара-Хото".

П. К. Козловъ произвелъ въ Хара-Хото обширныя археологическія раскопки, давшія въ его руки богатѣйшую коллекцію рукописей и священныхъ буддійскихъ предметовъ, нынѣ изучаемыхъ специалистами въ Этнографическомъ отдѣлѣ Русскаго Музея Императора Александра III и въ Императорской Академіи Наукъ.

Настоящая экспедиція, какъ и всѣ предыдущія, снаряжается Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, при чемъ на расходы ея по Высочайшему повелѣнію отпущено 50.000 рублей.

Экспедиція продолжится два года, и путь слѣдованія ея намѣченъ такой: сборный пунктъ экспедиціи — гор. Кяхта, куда П. К. Козловъ отбудетъ изъ Петербурга въ половинѣ іюля. Послѣ завершенія всѣхъ подготовительныхъ работъ экспедиція отсюда двинется къ г. Ургѣ, затѣмъ вступитъ въ пустыню и пересѣчетъ Монголію, минуя гор. Хара-Хото, который послѣ П. К. Козлова уже посѣтили иностранныя экспедиціи, и пойдетъ къ средней части горнаго хребта Нань-Шань, къ западу отъ озера Куку-Норъ, оттуда — въ область Цайдамъ, составляющую сѣверную границу недоступнаго для европейцевъ Тибета, затѣмъ въ провинціи Гань-Су и Сы-Чуань, совершенно не обслѣдованныя въ научномъ отношеніи. Обратный путь на родину выяснится въ концѣ работъ экспедиціи.

По примѣру своего великаго учителя Пржевальскаго, П. К. Козловъ идетъ въ путешествіе съ горсточкой людей: вся экспедиція состоитъ изъ 20 человѣкъ.

Ближайшими помощниками П. К. Козловъ беретъ своихъ спутниковъ по предыдущимъ экспедиціямъ: географа, ботаника и знатока восточныхъ языковъ В. Ѳ. Ладыгина и этнографа и оріенталиста — хорунжаго Забайкальскаго казачьяго войска бурята Ц. Г. Бадмажапова. Въ составъ конвоя экспедиціи войдутъ: 8 человѣкъ лейбъ-гренадеръ Екатеринославскаго полка, въ которомъ П. К. состоитъ на службѣ, и 9 казаковъ Забайкальскаго казачьяго войска, въ томъ числѣ фельдшеръ и препараторъ.

За свои выдающіеся труды по изслѣдованію Центральной Азіи П. К. Козловъ Высочайше пожалованъ чиномъ полковника, и ему повышена пожизненная пенсія. Императорское Русское Географическое Общество присудило ему „медаль Пржевальскаго" и высшую награду — „Константиновскую золотую медаль" и избрало своимъ почетнымъ членомъ. Парижская Академія Наукъ присудила ему почетную награду — „премію имени Чихачева", учрежденную нашимъ соотечественникомъ для изслѣдованія Азіи, а географическія общества англійское и итальянское присудили П. К. Козлову большія королевскія золотыя медали.

Д. Я.



Полковникъ П. К. Козловъ. По поводу предпринимаемой имъ новой экспедиціи въ Центральную Азію.

Къ рисункамъ.

Кромѣ картинъ И. Зуолоага, мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала нѣсколько снимковъ, дающихъ представленіе о двухъ недавнихъ выставкахъ нашихъ русскихъ художниковъ: выставкѣ Общества Русскихъ Акварелистовъ и выставкѣ „Современной Живописи" въ Москвѣ. Среди акварелистовъ наши читатели встрѣчаютъ уже знакомыя имена С. Соломко („*Дѣвочки*"), Н. Химоны („*У сѣнныхъ баржъ*" — зимній петербургскій пейзажъ), А. Ганзенъ („*Въ открытомъ морѣ*" — живая, полная движенія и воздуха картина волнующагося моря) и В. Постникова („*Переяславль-Залѣсскій*" — площадь



Николаевскій соборъ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ. По поводу 300-лѣтія существованія собора. По фот. А. Савельева.



Николо-Угрѣшскій монастырь (въ Московскомъ уѣздѣ). По поводу 300-лѣтія существованія Николаевскаго собора, построеннаго Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Крестный ходъ вокругъ монастыря послѣ торжественной литургіи, совершенной высокопреосвященнымъ Макаріемъ, митрополитомъ московскимъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. На церковное торжество собрались тысячи богомольцевъ. По фот. А. Савельева.

въ старинномъ городкѣ, уцѣлѣвшемъ еще отъ эпохи удѣльныхъ междоусобицъ).

На выставкѣ „Современной Живописи“ обращали на себя вниманіе пейзажи Н. Поманскаго („*Тишина*“) и А. Соколова („*Казбекъ*“). Въ первомъ изъ нихъ много своеобразнаго настроенія, охватывающаго насъ предъ лицомъ природы. Во второмъ—грандіозная картина горной области, надъ которой вздымается, уходя въ небо, бѣлоснѣжная шапка Казбека.

Много живой выразительности въ *портретѣ композитора Подгорецкаго* работы худ. М. Лебланъ.

Смѣсь.

Самый опасный изъ ядовитыхъ пауковъ. Ядовитыхъ пауковъ существуетъ очень много породъ, и особенно въ тропическихъ странахъ. Но иные изъ нихъ совсѣмъ неизвѣстны европейскимъ ученымъ, объ иныхъ лишь отъ туземцевъ получены неопредѣленныя, сбивчивыя, часто преувеличенныя свѣдѣнія. Такъ, въ Мексикѣ, по разсказамъ туземцевъ, водится какая-то порода тарантула, которому даже дали тамъ особое названіе «бродяги»; о немъ повѣствуютъ настоящія чудеса; онъ будто бы сосетъ кровь изъ спящихъ на открытомъ воздухѣ людей, которые отъ его укусовъ неизбѣжно умираютъ. Но всѣ разсказы объ этомъ паукѣ такъ и остаются непровѣренными. У насъ, на югѣ Россіи, водится небольшой паукъ, котораго киргизы называютъ каракуртъ (черная букашка). Этотъ ужасный паукъ хорошо изученъ; онъ послужилъ даже предметомъ докторской диссертаціи русскаго врача г. Мочульскаго. Его научное названіе Latrodectes 17—punctatus; онъ такъ названъ по 17 краснымъ точкамъ, усѣивающимъ его черное тѣльце. Онъ въ самомъ дѣлѣ очень ядовитъ, гораздо опаснѣе тарантула; его укусы иногда сопровождаются и смертью; скотъ же, напримѣръ, верблюды въ южной части Киргизской степи, почти сплошь гибнетъ, будучи имъ укушенъ. Родственная Latrodectes мальминьята, водящаяся въ Италіи, также считается тамъ опаснѣе тарантула. Есть свѣдѣнія, что въ сѣверной Африкѣ водится паукъ того же рода Latrodectes, но онъ еще ядовитѣе нашихъ европейскихъ видовъ этого рода. Но самый ядовитый паукъ этого же рода и, быть-можетъ, самый ядовитый изъ всѣхъ пауковъ, водящихся на земномъ шарѣ, это Latrodectes terribilis, водящійся въ Чили. Самымъ ядовитымъ его надо признать не потому только, что онъ самый крошечный изъ извѣстныхъ ядовитыхъ пауковъ,—длина его тѣла не превышаетъ $1^1/_2$ сантиметра. Этого паука имѣлъ случай наблюдать и изучать чилійскій естествоиспытатель Борне во время своего путешествія черезъ первобытные лѣса сѣверной части Чили.

Однажды,—какъ разсказываетъ Борне:—во время этого странствованія его караванъ остановился среди лѣсной лужайки на ночлегъ. Утромъ люди увидѣли двухъ лошадей каравана мертвыми. Ихъ тщательно осмотрѣли и никакъ не могли понять, отъ чего онѣ погибли. Тѣмъ временемъ въ лагерь вернулся проводникъ-индѣецъ, который уходилъ на охоту. Осмотрѣвъ павшихъ коней, онъ спокойно и увѣренно объявилъ, что они погибли отъ укуса паука, который водится въ тѣхъ мѣстахъ. Онъ тутъ же и представилъ доказательство своихъ словъ. Онъ раскрылъ ноздрю одной изъ погибшихъ лошадей, и Борне увидѣлъ тамъ какого-то паучка невиданной имъ раньше породы. У него было желтовато-сѣрое тѣло и волосатыя ноги. Индѣецъ увѣрялъ, что кони погибли отъ укуса этого паука. Борне рѣшительно не хотѣлъ этому повѣрить, но однако, движимый чувствомъ натуралиста, нашедшаго новый видъ насѣкомаго, онъ рѣшилъ всесторонне его обслѣдовать, провѣривъ, между прочимъ, и слова индѣйца насчетъ его ядовитости. Въ его распоряженіи были два паука; они крѣпко вцѣпились въ мясистыя части ноздрей обѣихъ лошадей. Борне осторожно извлекъ ихъ оттуда, выкуривъ ихъ дымомъ. За день передъ тѣмъ путешественникамъ удалось взять живымъ маленькаго оленя. Борне посадилъ обоихъ пауковъ ему на животъ. Пауки вцѣпились челюстями въ кожу, и олененокъ черезъ часъ погибъ, корчась въ страшныхъ судорогахъ.

Борне сталъ собирать о паукѣ свѣдѣнія у туземцевъ. Въ одной индѣйской деревнѣ, населеніе которой горькимъ опытомъ извѣдало свойства этого паука, Борне много разсказали о немъ.

Напавъ на свою жертву, паукъ выбираетъ такое мѣсто на тѣлѣ, гдѣ ему легче прокусить кожу; вотъ почему онъ такъ охотно и забирается въ ноздри, въ ротъ. Борне видѣлъ трехъ козъ, погибшихъ отъ латродекта; пауки забрались къ нимъ въ уши. Индѣйскія женщины разсказывали ему, что паукъ иногда нападаетъ на дѣтей, спящихъ на землѣ; всѣ укушенныя дѣти неизбѣжно погибали. Замѣчательно, что дѣйствіе яда этого паука проявляется совсѣмъ иначе, чѣмъ другихъ ядовитыхъ пауковъ. Обычно укушенное тарантуломъ мѣсто невыносимо болитъ и быстро опухаетъ. Укусъ же Latrodectes terribilis не вызываетъ ни боли ни опухоли. Его ядъ отравляетъ всю кровь: появляются судороги, теряется сознаніе, наступаютъ неправильная дѣятельность сердца, обильная испарина и водяночный отекъ кожи. Взрослый человѣкъ гибнетъ черезъ 5—8 часовъ послѣ укуса латродекта, крупный скотъ—черезъ 8—12 часовъ.



Балерина А. П. Павлова, со своею труппою (танцовщицами Пласковецкой, Бутъ и Абикромбовой), совершившая съ колоссальнымъ успѣхомъ турнэ по Америкѣ и Западной Европѣ и нынѣ вернувшаяся въ Россію. По фот. К. Булла.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1914 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 5-го іюля—съ 27-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 14“.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.



ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 26 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 28 іюня 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 15.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1914 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ:

В. Г. КОРОЛЕНКО | А. Н. МАЙКОВА | Э. РОСТАНА,

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.



М. Блохъ. Кладъ. Весенняя выставка. (Первая премія).

Сердце жизни.

Повѣсть В. В. Муйжеля.

I.

Осенью былъ проложенъ первый рельсовый путь, по которому зимою разсчитывали подвозить матеріалъ. Для того, чтобы быть въ курсѣ дѣла, завѣдующій пятымъ участкомъ, Максимъ Павловичъ Прохоровъ, рѣшилъ переселиться поближе къ постройкѣ— въ село Заполье, въ трехъ верстахъ отъ станціи.

Прежде Заполье было имѣньемъ, и до сихъ поръ среди кривыхъ, перекосившихся избушекъ сельскихъ мѣщанъ и мужиковъ возвышался барскій домъ съ большимъ садомъ, надворными постройками и заброшенной пасѣкой. Въ домѣ лѣтъ пятнадцать уже никто не жилъ. Прохоровъ списался съ владѣльцами и снялъ его на три года.

Со временемъ Заполье должно было сдѣлаться узловой станціей — здѣсь сходились три дороги, и Прохоровъ разсчитывалъ остаться начальникомъ одной изъ нихъ. Поэтому онъ перевезъ изъ Петербурга всю мебель и завелъ лошадей. Чтобы не утомлять жену переѣздкой, онъ отправилъ ее за границу, а самъ ѣздилъ, устраивалъ, нанималъ рабочихъ и въ то же время работалъ на дорогѣ; къ посту, когда все было устроено, онъ выписалъ жену, и въ старомъ, давно нежиломъ домѣ началась новая жизнь.

Антонина Александровна никогда не жила зимою въ деревнѣ и мало знала уходящую теперь помѣщичью жизнь. Старый, съ растрескавшимися печами и разошедшимся кое-гдѣ паркетомъ, домъ казался ей уютнымъ и поэтическимъ; большой, заваленный снѣгомъ, садъ напоминалъ декорацію изъ какой-то забытой и милой пьесы, а корельской березы мебель, купленная мужемъ по случаю, восхищала ее тѣмъ, что была похожа на мебель, красующуюся на сценѣ Художественнаго театра въ тургеневскихъ пьесахъ.

— Какъ мило, какъ хорошо!.. — говорила она, переходя изъ комнаты въ комнату и оглядывая стѣны, на которыхъ знакомыя давно картины, перевезенныя изъ петербургской квартиры, казались новыми и тоже странными. — Я очень, очень рада...

Въ спальнѣ, огромной, раздѣленной колоннами и съ тяжелой занавѣсью, комнатѣ, она обняла мужа за шею и заглянула въ его сѣрые, слегка заплывающіе толстыми складками, глаза.

Они были женаты уже пять лѣтъ, знали другъ друга съ дѣтства, когда оба жили въ родномъ городѣ и учились: она—въ гимназіи, онъ—въ реальномъ училищѣ, и теперь между ними были отношенія, напоминающія серьезную, прочную и довѣрчивую дружбу.

— Тебѣ нравится, да?—спрашивалъ онъ, улыбаясь такъ, какъ улыбаются старшіе, когда видятъ, что привезенная ребенку игрушка доставляетъ удовольствіе.—Я радъ... Очень радъ!...

Домъ былъ большой, съ пустыми гостиными, угловыми диванами, зелеными боскетными, какими-то галлерейками, чуланчиками. Топить въ немъ надо было двѣнадцать печей, и, несмотря на то, что дровъ не жалѣли, въ комнатахъ всегда было холодно, и Антонина Александровна завела себѣ мѣховой халатикъ. И этотъ халатъ такъ же, какъ самый домъ, какъ тишина, стоявшая цѣлыми днями въ комнатахъ, какъ засыпанный снѣгомъ садъ, она приняла съ той же ожидающей улыбкой, какъ будто онъ несъ съ собой глубокую и важную перемѣну...

Ей нравилось все: и тройка привезенныхъ откуда-то издалека лошадей, и кучеръ Александръ, и то, что она бѣгала по утрамъ на лыжахъ, и самая тишина пустынныхъ комнатъ. Даже то, что по ночамъ ей бывало страшно—спальня мужа была далеко, и ихъ раздѣляли двѣ гостиныхъ, столовая и кабинетъ—ей тоже нравилось: кое-какъ закутавшись въ скользящее одѣяло, босикомъ, она стремительно бѣжала черезъ темныя, страшныя комнаты, пугаясь внезапнаго треска паркета или смутно бѣлѣющей въ сумракѣ печки, врывалась къ мужу и прыгала къ нему на кровать, задыхающаяся отъ бѣга такъ же, какъ отъ страха... И путаясь и сбиваясь, торопливо говорила ему, какъ страшно гудитъ вѣтеръ въ трубѣ, какъ шумятъ за окномъ деревья, какъ ей послышалось, что кто-то ходитъ въ залѣ...

А онъ обнималъ ее, старался укрыть потеплѣе и смѣялся— снисходительный, ласковый и сильный...

Прохоровъ то и дѣло уѣзжалъ—то въ Петербургъ, въ главное управленіе, то по участку, не бывая дома по недѣлѣ и больше. Когда же бывалъ дома, онъ ѣздилъ на станцію за три версты, и бывало такъ, что, уѣхавъ съ утра, онъ не возвращался до вечера, не обѣдалъ, а когда возращался, то, наскоро поѣвъ, валился спать и спалъ по одиннадцати часовъ подъ рядъ. А утромъ уже несли телеграммы, и, лежа въ постели, заспанный и угрюмый, онъ читалъ ихъ, и Антонина Александровна слышала, какъ онъ ворчалъ на лакея Владислава и приказывалъ:

— Александру вели въ маленькія сани заложить... И чемоданъ мнѣ приготовь, сюртукъ, двѣ сорочки и все, ты знаешь...

Она оставалась одна, ходила по молчаливымъ комнатамъ, принималась читать, но величественная тишина стариннаго дома, эти просторныя гостиныя, помнившія былую жизнь, увлекательную и таинственную, какъ страницы полузабытаго романа, холодный бѣлый свѣтъ мертвыхъ полей—все было, какъ высокая стѣна, окружившая ея молодую жизнь...

II.

Какъ-то уже послѣ Масленой, когда солнце свѣтило ярче, и небо порой открывалось такое голубое и глубокое, что, глядя на него, хотѣлось плакать и смѣяться, и все чувствовало, что гдѣ-то, еще далеко, за тридевять земель, идетъ весна, Прохоровъ пріѣхалъ изъ Петербурга. Онъ не далъ телеграммы и вернулся неожиданно, добравшись до станціи на мужицкихъ дровняхъ, забрызганный жидкой грязью, отъ которой почернѣли дороги, и когда она выбѣжала въ столовую, только что проснувшись и скорѣе угадавъ, чѣмъ услышавъ его пріѣздъ, онъ замахалъ руками и не пустилъ ее къ себѣ:

— Не подходи, не подходи. Три дня не мылся, честное слово!.. Чортъ знаетъ что такое, изъ Питера я выѣхалъ еще въ четвергъ, вечеромъ пересѣлъ на нашу костоломку, тащились всю ночь, вдругъ стопъ! Что такое? Оказывается, оттепели, насыпь поползла въ болото—три станціи отсюда, тамъ болота такія, загрузка большая... Началась исторія! Жилъ то въ вагонѣ, то въ избѣ, телеграфъ не работаетъ, безобразіе!

Онъ спѣшно прожевывалъ сыръ, запивая его крѣпкимъ, совсѣмъ чернымъ чаемъ, и, поглядывая на Владислава, въ пиджакѣ съ поднятымъ воротникомъ, суетившагося у буфета, разсказывалъ о постройкѣ.

— Понимаешь — разнесъ Невѣрина, подрядчика, написалъ въ Питеръ, ругался, какъ три ломовыхъ извозчика, и въ результатѣ — полагаю, что мнѣ придется и за тѣмъ участкомъ смотрѣть...

Онъ улыбнулся одними глазами, какъ улыбался всегда, когда ему что-нибудь удавалось, и посмотрѣлъ на жену. Она уже давно привыкла къ мужу, къ его немного вульгарнымъ выраженіямъ— этому „Питеру“, „разнесъ“, и т. д. и, какъ всегда, когда онъ говорилъ о дѣлахъ, не совсѣмъ понимала его. Обычно по его разсказамъ выходило такъ, что работы, положеніе, деньги—все текло ему само собой, силою какихъ-то совпаденій, при чемъ обстоятельства всегда складывались въ пользу Прохорова. Начавъ дѣятельность на этой постройкѣ простымъ завѣдующимъ однимъ изъ участковъ, онъ черезъ нѣкоторое время почему-то оказался наблюдающимъ за цѣлой дистанціей—и въ то же время не бросалъ своего участка; потомъ вышло такъ, что изъ Петербурга то и дѣло стали получаться телеграммы, зовущія его на совѣщаніе по поводу постройки примыкавшихъ дорогъ, и, когда жена спросила его объ этомъ, онъ нехотя объяснилъ:

— Да вѣдь какъ же—выбрали въ комитетъ, черти бы ихъ брали!.. Возись теперь съ ними... И такъ работы по горло!

И единственное, что она хорошо знала, это то, что работалъ онъ дѣйствительно много. Если онъ не пропадалъ на своей станціи или въ разъѣздахъ—онъ ночами сидѣлъ въ большой, унылой комнатѣ, примыкавшей къ кабинету, надъ чертежами, сложными вычисленіями, спалъ, не раздѣваясь, на диванѣ, и утромъ Владиславъ, служившій у нихъ со времени ихъ женитьбы, высокій и

тощій полякъ, подавая барынѣ чай, сокрушенно качалъ головой и шепталъ таинственно:

— Опять всю ночь не спали! Какъ были въ пиджакѣ, такъ и привалились на диванъ въ кабинетѣ, спятъ теперь... Въ четыре часа разбудили меня—велѣли, чтобъ въ девять чай имъ и разбудить, а я, говорятъ, прилягу на минутку... Долго ли такъ здоровье разстроить!..

— Что жъ, такъ нераздѣтый и спитъ?

— Такъ и спятъ... Я уже покрылъ ихъ пледомъ; зашелъ поглядѣть, а они скорчившись,—холодно, видать...

Антонина Александровна пыталась вообразить себѣ высокую, широкоплечую фигуру мужа, скорчившуюся, какъ озябшій во снѣ ребенокъ, и чувствовала, какъ на глаза навертываются теплыя слезы... Она шла посмотрѣть на мужа, тихонько пріотворяла дверь въ кабинетъ и, кажется, никогда не испытывала такого прилива нѣжности, любви и жалости къ этому большому, сильному мужчинѣ, какъ въ эти минуты, когда онъ, странно измѣнившійся отъ безсильной позы, лежалъ комочкомъ въ углу дивана.

Въ тотъ день Прохоровъ, несмотря на то, что не спалъ двѣ ночи, долго сидѣлъ за чаемъ и говорилъ. Похоже было, что съ нимъ случилось нѣчто очень пріятное, и ему жаль потерять это впечатлѣніе и забыть первую остроту удачи. Но въ чемъ было дѣло, онъ не говорилъ и только улыбался сѣрыми умными глазами и потягивался чуть-чуть, подсмѣиваясь надъ той грязью, въ которой прожилъ столько времени.

— Понимаешь, избы у нихъ еще курныя, утромъ какая-нибудь старуха, скрюченная, какъ Баба-Яга, затопитъ печку—святыхъ вонъ выноси... У меня борода,—онъ поднесъ клокъ бороды къ носу:—борода дымомъ пропахла!..

— Чего же ты сидѣлъ тамъ въ деревнѣ, не понимаю?

— А тамъ свое дѣло было,—ухмыльнулся онъ:—все дѣла, дѣла... Ну, однако пора и честь знать—спать надо! Владиславъ, мыться мнѣ и все такое...

Онъ поднялся уходить, но вдругъ остановился.

— Да, я не сказалъ тебѣ,—проговорилъ онъ, взглядывая на нее:—я взялъ себѣ новаго чертежника. Этотъ мой десятникъ никуда не годится!

Десятникъ былъ малоросъ, и фамилія его была Середа. Онъ былъ медлительный и забавный человѣкъ, и, подсмѣиваясь надъ нимъ, Прохоровъ звалъ его Пятницей, а себя Робинзономъ.

— А какъ же твой Пятница?—спросила жена.

— Будетъ попрежнему десятникомъ... Я взялъ исключительно для чертежей, и, знаешь кого? — Березскаго! Помнишь его?

— Какого Березскаго?—переспросила Антонина Александровна, —хотя тотчасъ же вспомнила.

— Ну, Господи Боже мой, да что со мной учился еще,— помнишь, реалистъ? Еще за тобой мы оба ухаживали... Потомъ онъ ушелъ, или его уволили, кажется; теперь вотъ будетъ у меня...

— Ахъ, этотъ!..—равнодушно проговорила она, почему-то дѣлая видъ, что только-что вспомнила Березскаго.—Что же онъ?

— Случайно встрѣтилъ... Забѣгаю въ механическій ресторанчикъ выпить рюмку водки, завтракать некогда было,—смотрю,—сидитъ человѣкъ за бутылкой пива и смотритъ на меня... Приглядываюсь — а онъ такъ спокойно, словно мы вчера видѣлись, кивнулъ головой и, не вставая, бросилъ: — Здравствуй, Максимъ! — И по этому я и узналъ его.—Боже мой, Березскій, какими судьбами?—Кое-что разсказалъ о себѣ, оказывается— „подходящихъ занятій“ ищетъ... Я предложилъ ему.

— Онъ какой-то неудачникъ...—замѣтила Антонина Александровна:—ничего не кончилъ... Я помню, какъ онъ пріѣзжалъ домой—рѣзкій, какой-то презрительный... Одѣтъ хорошо?

— Странно немного. Какая-то верблюжья куртка до колѣнъ, вязаная шапка... Сильно постарѣлъ, но, знаешь, неглупый человѣкъ... Я съ нимъ присѣлъ, поговорилъ немного—такой же непримиримый... Этимъ онъ мнѣ и понравился. Я сказалъ, что ты—моя жена,—просилъ передать свое почтеніе...

Прохорова чуть-чуть сжала губы, отчего лицо ея сложилось въ легкую гримаску. Мужъ усмѣхнулся одними глазами, подошелъ-было къ ней, но вспомнилъ, что онъ три дня не мылся, и махнулъ рукой. Она провела его до кабинета, гдѣ Владиславъ уже ждалъ съ полотенцемъ и водой.

— Да, Нинушка, — прощаясь, проговорилъ Прохоровъ: — вели, пожалуйста, Александру приготовить лошадь, чтобы послѣ завтрака ѣхать...

— Опять на станцію?

— И туда... Нужно-то мнѣ въ деревню тутъ одну за девять верстъ...

III.

Зимою, на Рождествѣ, когда въ деревнѣ было особенно глухо и тихо, Антонина Александровна хотѣла поѣхать въ Москву. Она немного устала отъ тишины и молчанія, и ей захотѣлось шума, свѣта, захотѣлось сходить въ оперу, надѣть новое платье...

Но вышло такъ, что самъ Прохоровъ могъ пробыть дома недѣли двѣ; ей стало жалко терять это время — такое длинное свиданіе съ мужемъ, котораго она рѣдко и мало видѣла, и она отложила поѣздку. Но, чтобы заполнить какъ-нибудь пустоту времени и отмѣтить праздникъ, она придумала сдѣлать елку деревенскимъ дѣтямъ.

Мужъ немного посмѣялся надъ ея сентиментальной затѣей, сталъ называть ее дамой-патронессой, но по ея просьбѣ тотчасъ же написалъ кому-то въ Петербургъ,—у него всегда и во всѣхъ областяхъ находились знакомые, считавшіе за честь услужить ему, исполнить порученіе,—и черезъ недѣлю Антонина Александровна получила изъ почтоваго отдѣленія повѣстку на посылку.



А. Лаховскій. Базаръ въ старомъ городѣ. Весенняя выставка. (Поощрительная премія).

Почтовая контора была тутъ же, въ селѣ, и она пошла сама, захвативъ на всякій случай горничную. Но она плохо прочла повѣстку, потому что посылокъ было три и въ общей сложности на два пуда.

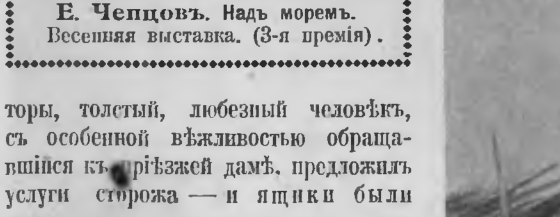
— Барыня, да тутъ Александра съ санями надо, гдѣ жъ намъ однимъ снести?.. — смѣялась Нюша: — да еще сани-то надо роспуски!..

Ждать Александра съ лошадью было долго, и Прохорова велѣла найти какого-нибудь мужика. Начальникъ почтовой конторы, толстый, любезный человѣкъ, съ особенной вѣжливостью обращавшійся къ пріѣзжей дамѣ, предложилъ услуги сторожа — и ящики были взяты.



Е. Столица. Сѣрая туча. Весенняя выставка.





Е. Чепцовъ. Надъ моремъ. Весенняя выставка. (3-я премія).

Когда Антонина Александровна шла домой, поглядывая на кряхтѣвшаго подъ тяжестью громоздкихъ сундуковъ сторожа, она уже мечтала о томъ, какъ будетъ вскрывать эти ящики, разбирать наивныя, милыя игрушки, дѣлать пакетики со сластями, привязывать нитки къ конфеткамъ и хлопушкамъ... И, улыбаясь своей наивной радости, она въ то же время силилась подавить вздохъ привычной, старой печали: такъ тихо и пусто было въ большихъ комнатахъ, когда уѣзжалъ Максъ, такъ одинока была ея комната, гдѣ не раздавался топотъ маленькихъ ножекъ, не звенѣлъ стекляннымъ колокольчикомъ задорный смѣхъ, такъ замкнуто было невысказанное чувство, ищущее выхода въ наивной елкѣ для дѣтей, которыхъ она никогда не видала...

Для того, чтобы организовать эту елку, ей пришлось познакомиться съ учительницей школы, и тутъ она въ первый разъ почувствовала, какъ мало и плохо она знаетъ жизнь.

Сельскіе учителя и особенно учительницы ей представлялись борцами за идею, самоотверженно посвятившими свою жизнь народу, съ святымъ терпѣніемъ мирившимися съ невозможными условіями обстановки; ей случалось читать — почему-то въ большинствѣ случаевъ въ рождественскихъ разсказахъ—о томъ, какъ несчастныя интеллигентныя дѣвушки сидятъ по зимамъ въ холодной избѣ, подъ окнами которой воютъ волки: лишенныя какого бы то ни было общества, ведутъ онѣ героическую борьбу съ темнотою, грубостью, жестокостью „и сѣютъ разумное, доброе, вѣчное“...

Безъ книгъ, безъ журналовъ, затерянныя въ темнотѣ осенней ночи, когда все кругомъ спитъ, и жутко гудитъ вѣтеръ въ трубѣ, тоскуютъ одинокія дѣвушки и



И. Владиміровъ. Весной. Весенняя выставка.



С. Колесниковъ. На слѣду. Весенняя выставка. (6-я премія)

дѣлятъ унылый досугъ съ полуграмотнымъ мужикомъ-сторожемъ, но не бросаютъ святого дѣла и несутъ тяжелый крестъ...

Учительница Заольской школы была высокая, черноволосая дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ губы казались слишкомъ яркими, какъ будто нарисованными. Она была невыразимо худа, и Прохорова не могла безъ чувства болѣзненной жалости смотрѣть на тонкую, сухую, какъ птичья лапа, руку учительницы, съ рѣзко намѣчающимися костями и сухожиліями. По этой худобѣ, по блестящему взгляду, такъ же, какъ по лихорадочному румянцу, иногда вспыхивавшему на лицѣ учительницы, можно было безошибочно сказать о неизлѣчимомъ недугѣ, медленно подтачивавшемъ молодую дѣвушку.

— Послушайте, вамъ лѣчиться надо... — испуганная всѣмъ видомъ учительницы, такъ же, какъ ея необычайной разговорчивостью и быстрыми нервными движеніями, неувѣренно говорила молодая женщина:—вѣдь такъ невозможно, вы больны...

— Ахъ, что тамъ больна,—углонатымъ движеніемъ взмахивала рукой Полина Сергѣевна. — На двадцать пять рублей не очень разлѣчишься. Я въ прошломъ году выпросила у земства пособіе на лѣто—дали полтораста рублей, съѣздила въ Малороссію, а нынче не придется... Была у земскаго врача, но онъ не нашелъ ничего особеннаго... А мнѣ говорили, что на кумысъ хорошо съѣздить.

— Какъ не нашелъ ничего особеннаго, помилуйте!.. — возмущалась Прохорова, съ болью глядя на некрасивое, острое лицо учительницы.—Вѣдь это безчеловѣчно...

Съ момента появленія въ домѣ Полины Сергѣевны молчаливыя комнаты оживились, и въ нихъ рѣзко и сухо зазвучалъ непрерывный смѣхъ учительницы. Она разсказывала забавныя исторіи о селѣ, о мѣстныхъ жителяхъ, крестьянахъ, купцахъ — и въ концѣ неизмѣнно повторяла, слегка подергивая костлявымъ плечомъ:

— Что же вы хотите отъ нашего народа?!.

Антонина Александровна слушала не столько самые разсказы, сколько хрипловатый, сухой голосъ дѣвушки,



К. Мюнцеръ-Нейманъ. Кукла. Весенняя выставка.



И. Мацкевичъ. За работой. Весенняя выставка.

разспрашивала ее о родныхъ, о томъ, гдѣ она училась и почему пошла учить дѣтей въ деревню. Она отвѣчала подробно, вспоминала мать—вдову сельскаго священника, иногда плакала отъ этихъ воспоминаній и тотчасъ же, какъ всѣ очень нервные, нездоровые люди, быстро переходила на смѣхъ. Она окончила епархіальное училище, ждала два года мѣста учительницы и теперь угасала отъ скуки, одиночества и болѣзни.

Разсказывая по вечерамъ о ней мужу, Прохорова не могла удержаться отъ слезъ и потомъ долго не спала, смутно ощущая какую-то вину, которой никакъ не могла охватить.

Разъ вечеромъ, послѣ ухода учительницы, Прохорова поговорила съ мужемъ, и онъ обѣщалъ ей выхлопотать даровой билетъ по желѣзной дорогѣ въ Самарскую губернію; Антонина Александровна мечтала отправить туда больную дѣвушку и только не знала, въ какой формѣ предложить ей денежную помощь; она знала, что безъ этой помощи Полина Сергѣевна не могла бы поѣхать, и каждый разъ, когда учительница бывала у нихъ, и обѣ

онѣ сидѣли въ столовой за большимъ столомъ, заваленнымъ игрушками и конфетами,—она заводила рѣчь о томъ, что у нея есть знакомые, содержащіе кумысо-лѣчебное заведеніе, что съѣздить туда и прожить тамъ два мѣсяца будетъ стоить очень немного... А когда однажды она поговорила съ учительницей и сказала, что она все устроила,—обѣ онѣ расплакались и, обнимая другъ друга, плакали долго, сами не зная, отчего...

Елка удалась, цѣлый вечеръ дѣти пѣли, играли, бѣгали, и Антонина Александровна, измученная хлопотами цѣлаго дня приготовленій, съ начинающейся головной болью, любовалась на нихъ. Ее огорчало только то, что игрушекъ, кулечковъ съ вещами—всѣми этими валенками, сапожками, кусками ситца на рубашки и платья, что были заготовлены для дѣтей, — не хватило: дѣтей набралось такъ много, что не было возможности удовлетворить всѣхъ, а отказывать нѣкоторымъ потому, что они были не Запольской, а Подосенской школы, находившейся отъ Заполья въ двухъ верстахъ, она не хотѣла.



А. Кайгородъ. Порывъ. Весенняя выставка.

Возвратившись домой, она думала о людяхъ, живущихъ въ городахъ, посѣщающихъ театры, любующихся выставками, бросающихъ бѣшеныя деньги на удовлетвореніе своихъ минутныхъ желаній, иногда увядающихъ отъ скуки и пустоты жизни — и ни разу, ни на одну минуту не задумывавшихся о всѣхъ этихъ обдѣленныхъ, разбросанныхъ на всей огромной странѣ труженикахъ-учителяхъ... Ничтожная доля того, что они бросаютъ каждый день за ужиномъ въ какомъ-нибудь ресторанѣ, могла бы дать счастье, самое подлинное счастье сотнямъ этихъ людей, но ни одинъ изъ нихъ не подумаетъ даже объ этомъ...

„Какая черствость, какой эгоизмъ!.. — думала она, шагая изъ угла въ уголъ по гостиной и слегка вздрагивая отъ залетавшаго въ открытую форточку сырого вѣтра. — Какъ нехорошо“...

И ей казалось, что она въ первый разъ въ жизни увидѣла настоящую жизнь, что все, бывшее до сихъ поръ—было только длиннымъ вступленіемъ въ настоящее, такъ неожиданно вскрывшееся отъ внезапной и несерьезной мысли—устроить деревенскимъ ребятамъ елку...



М. Блохъ. Идиллія. Весенняя выставка.

IV.

Пасха была ранняя, но весна въ томъ году началась съ конца марта, и такъ дружно, такъ неожиданно пришло тепло, что всѣ удивлялись, и старики бормотали, что не запомнятъ такого года... Въ одну недѣлю сбѣжалъ снѣгъ, черезъ нѣсколько дней стали подсыхать поля, а еще черезъ недѣлю на южныхъ склонахъ овраговъ, на пригрѣтыхъ солнцемъ вершинахъ холмовъ уже наивно и трогательно зазелѣнѣла молодая трава; и всѣмъ казалось, что зима была уже давно, и трудно было вообразить дышащую влажнымъ тепломъ землю покрытой снѣгомъ, мертвой и спящей...

Но ночамъ еще были крѣпкіе заморозки, и раннимъ утромъ дорога звенѣла подъ проѣзжавшей телѣгой, но днемъ солнце грѣло, какъ лѣтомъ, и, гуляя, Прохорова снимала пальто и шла въ одномъ платьѣ, съ особенной, грустной радостью смутнаго воспоминанія подставляя лицо упругому, теплому вѣтру...

Заполье стояло на горѣ, кругомъ были широкіе овраги и пологіе скаты, покрытые лѣсомъ, внизу билась радостная, взмущенная рѣчка, и много было наивной, простой красоты въ нѣжной зелени, въ черной землѣ, въ бурной рѣчкѣ.

Уже пасѣчники вынесли ульи въ сады, и плотное, еще неувѣренное, но радостное гудѣніе уже звенѣло надъ вербами, увѣшанными длинными сережками.

Антонина Александровна часами слушала пробуждающуюся жизнь гдѣ-нибудь на лѣсной полянкѣ или у себя въ саду—и та же свѣтлая, похожая на воспоминаніе, печаль сладко сжимала сердце, и мысли текли, смутныя, свѣтлыя, какъ рѣдкія облака на весеннемъ небѣ.

Антонина Александровна жила одна, и весенніе дни, настойчиво зовущіе къ невозвратному, проходили въ молчаніи; и отъ этого рождалось впечатлѣніе, какъ отъ забытой сказки: сидитъ одинокая царевна въ прекрасномъ теремѣ, и пусто и свѣтло идутъ длинной чередой солнечные дни—и бродитъ царевна молчаливо по гулкимъ покоямъ и съ тайнымъ вопросомъ смотритъ въ высокія окна...

Попрежнему заходила Полина Сергѣевна и, наполняя весь домъ трескучимъ смѣхомъ, разсказывала о священникѣ, который бьетъ въ школѣ учениковъ, переходила на его дочку, которую всѣ звали Жаворонкомъ,—и съ таинственнымъ видомъ сообщала, что она разсчитывала выйти замужъ за сына мѣстнаго купца, а тотъ женился на другой и теперь все-таки ходитъ съ нею по вечерамъ,



Н. Шестопаловъ. Элегія. Весенняя выставка.

а жена его грозится облить сѣрной кислотой Жаворонка и пишетъ анонимныя письма... Но это уже не казалось забавнымъ Антонинѣ Александровнѣ, и она слушала, думая о другомъ и только изъ вѣжливости вставляя короткія замѣчанія:

— Да? Скажите, а я и не думала... Вотъ какъ?.. Это любопытно!

Но если бы учительница спросила ее неожиданно, о чемъ она разсказывала,—Прохорова смутилась бы и покраснѣла. Порою она слышала только громкій, увѣренный голосъ Полины Сергѣевны, напоминающій немолчное стрекотанье какой-то большой и безпокойной птицы, упорно долбящей длиннымъ носомъ одно и то же, и изъ всего, что она говорила, въ ушахъ оставалось только:

— Конечно,—что же вы хотите отъ нашего народа?

Единственной радостью молодой женщины были послѣобѣденные часы. Сидя передъ столомъ въ своей большой, просторной спальнѣ, раздѣленной толстыми колоннами съ тяжелой занавѣской, она издали слышала робкіе шаги осторожно постукивающихъ по скользкому паркету ногъ.

Она уже заранѣе улыбалась и, обернувшись къ двери, ждала. Показывался Владиславъ — высокій и тощій, снисходительно улыбающійся, и открывалъ портьеру. И на порогѣ останавливались два мальчика — семи и девяти лѣтъ, смущенные всей обстановкой, важнымъ Владиславомъ, котораго они считали за барина, скользкимъ паркетомъ, даже тонкимъ запахомъ духовъ въ комнатѣ барыни.

— Наконецъ-то вы пришли, я ужъ заждалась,—говорила Антонина Александровна, улыбаясь.—Ну, здравствуйте; входите, входите!

Старшій изъ этихъ мальчиковъ учился въ школѣ во второмъ отдѣленіи, и она даже плохо знала, чей онъ сынъ. Какъ-то гуляя, она встрѣтила его, разговорилась и затащила, потомъ на Рождество онъ пришелъ славить Христа и съ тѣхъ поръ сталъ бывать. Когда пришло время экзаменовъ—Прохорова стала заниматься съ нимъ, подготовляя къ переходу въ старшее отдѣленіе, и онъ приходилъ каждый день послѣ обѣда—частью для занятій, частью затѣмъ, чтобы выпить чаю съ вареньемъ. Звали его Женей.

Другой мальчикъ, Коля, былъ сыномъ молочницы, носившей въ домъ молоко. Судя по тому, что у нея было три коровы, большая изба, которую во время призыва она сдавала новобранцамъ, пріѣзжавшимъ въ село съ отцами и матерями, плодовый садъ и большой огородъ,—семья была не бѣдная; но оттого, что мужъ у нея недавно умеръ, а дома жили еще сестра и старуха-мать—баба постоянно на что-нибудь жаловалась, часто плакала, называла Колю сиротинкой, почему-то прибавляя къ этому слово „безродный“, и, всхлипывая, повторяла:

— Мы такіе бѣдные, такіе бѣдные—просто ни покрыться ни согрѣться... И Господи жъ Боже мой, и что это такое — такая бѣдность, такая бѣдность, что и сказать невозможно!..

Колю Антонина Александровна начала учить азбукѣ; мальчикъ былъ толковый, очень скромный и, какъ большинство одинокихъ въ семьѣ дѣтей, развитой. Было въ немъ что-то мягкое, ласковое, хотя и диковатое немного, и даже самая шаловливость его была трогательна... Часто, глядя на него, на игры его на коврѣ, Прохоровой почему-то становилось жалко его, и она какъ будто начинала понимать всхлипывающую бабу-молочницу и то, почему она говоритъ:

— Мы такіе бѣдные, такіе бѣдные!..

Послѣ уроковъ она ходила съ ними гулять куда-нибудь къ рѣчкѣ, пускала вмѣстѣ кораблики, сдѣланные неумѣлыми женскими руками изъ щепочекъ, волновалась по поводу бумажнаго паруса, намокавшаго въ водѣ, потомъ вела ихъ къ себѣ и поила чаемъ съ мягкими булками, съѣдаемыми въ неимовѣрномъ количествѣ, приводившемъ Антонину Александровну въ восторгъ, кормила вареньемъ и конфетами.

Потомъ Владиславъ или Нюша отводили ихъ домой, а она долго еще сидѣла одна въ сумеречной комнатѣ съ забытой улыбкой на губахъ, чуть-чуть подавленная внезапнымъ молчаніемъ опустѣвшей комнаты.

Разъ подъ вечеръ, когда было уже время поить ребятъ чаемъ,



С. Исаковъ. Охота. Эскизъ. Весенняя выставка.

Прохорова возвращалась съ ними домой, немного утомленная возней на сухой лѣсной лужайкѣ, гдѣ они играли въ прятки. Коля разсказывалъ, какъ къ нимъ приходила учительница Клавдія Васильевна и, просмотрѣвъ его тетрадку съ буквами, поставила ему внизу страницы три единицы и еще прибавить.

— Что такое?—не поняла Антонина Александровна:—какія три единицы?

— Ну да, она сказала, что я хорошо пишу, и поставила три единицы и еще прибавить...

— Ничего не понимаю—ты что-то путаешь,—проговорила она. — Что еще прибавить?

— Это онъ говоритъ, — вступился Женя серьезно и обстоятельно, какъ все, что онъ дѣлалъ и говорилъ:—что ему поставили три съ плюсомъ. Понимаете, насъ такъ учатъ: сложить три единицы—будетъ три, а плюсъ—это говорятъ, когда стоитъ на доскѣ плюсъ, то—еще прибавить... Это значитъ, что еще прибавить...

— Ахъ вотъ что!—засмѣялась Прохорова.—Такъ, значитъ, тебѣ поставили три единицы и еще прибавить?..



Л. Мардеросовъ. Кокетки. Весенняя выставка. (12-я премія).

— Да, такъ и въ тетрадкѣ стоитъ, — серьезно подтвердилъ Коля.

— Три единицы и еще прибавить!.. — повторяла Антонина Александровна, чувствуя внезапныя, неизвѣстно почему появившіяся, на глазахъ слезы.—Ахъ, ты, милый мальчишка!..

Она вошла въ переднюю, все еще смѣясь, и вдругъ увидѣла на вѣшалкѣ чужое пальто. Она съ удивленіемъ оглянула его, косясь въ темный уголъ, гдѣ оно свѣтлѣло желтымъ толстымъ сукномъ, и негромко спросила у отворившаго дверь Владислава:

— У насъ есть кто-нибудь?

Владиславъ таинственно наклонился и, указывая на гостиную, отвѣтилъ:

— Какой-то господинъ къ барину... И съ мѣшочкомъ... Бородатые!

Дѣти остановились у дверей и нерѣшительно поглядывали на нее. Они стѣснялись чужихъ и, когда кто-нибудь приходилъ, или дома былъ самъ Прохоровъ, котораго они звали бариномъ,—они краснѣли, молча пыхтѣли и торопились домой.

— Идите въ столовую, я сейчасъ...—сказала имъ Прохорова.—



И. Дряпаченко. Поминальный день во Флоренціи. Весенняя выставка.



Владиславъ, проведите ихъ и налейте имъ чаю. Съ вареньемъ!—добавила она, проходя въ гостиную.—Я сейчасъ...

Въ гостиной было уже темновато, кружевныя занавѣси закрывали гаснущій вечерній свѣтъ.

Съ маленькаго диванчика поднялся высокій человѣкъ. Въ полумракѣ лицо его казалось необычайно смуглымъ, и на немъ странно намѣчались глубокія впадины глазъ и черная, ровно обстриженная борода.

— Я пріѣхалъ къ Максиму Павловичу... по его просьбѣ, — проговорилъ человѣкъ, и Прохорова вздрогнула отъ неожиданно громкаго, какъ будто немного суроваго голоса.—Его, кажется, нѣтъ.

— Да, онъ въ отъѣздѣ... Кажется, на постройкѣ...—немного путаясь, съ страннымъ смущеніемъ отвѣтила она.

— Вы меня не узнаёте?—проговорилъ онъ тѣмъ же глухимъ и громкимъ голосомъ.—Я—Березскій.

— Ахъ, вотъ какъ, я дѣйствительно не узнала васъ... Но, впрочемъ, что же мы стоимъ въ темнотѣ?—оправляясь, заговорила она болѣе звучнымъ, увѣреннымъ голосомъ.—Пойдемте въ столовую, тамъ самоваръ... Владиславъ!—крикнула она, дѣлая движеніе къ двери. — Владиславъ, гдѣ же вы?..

(Продолженіе слѣдуетъ).



Профессоръ Ю. Ю. Клеверъ и его картина „Золотая осень". (Къ 35-лѣтію художественной дѣятельности).

Нѣсколько лѣтъ съ А. П. Чеховымъ.

(Къ 10-лѣтію со дня его кончины).

Воспоминанія **И. Н. Потапенко.**

Перепечатка воспрещается.

Десять лѣтъ прошло, а я до сихъ поръ не могъ написать о немъ ни строчки. Въ то время какъ другіе уже вписали о немъ такъ много...

Меня часто спрашивали: почему? — и я самъ спрашиваю себя объ этомъ и вижу только одно: потому, что это тяжело.

Легко писать объ умершемъ, глядя со стороны: легко было писать о немъ, какъ о художникѣ, разсказчикѣ, драматургѣ. Но всѣмъ этимъ онъ для меня былъ ве больше, чѣмъ для другихъ: предметомъ восхищенія. Главное же, чѣмъ онъ былъ для меня: человѣкомъ, котораго я нѣжно любилъ.

Не другомъ, — это я считаю нужнымъ сказать въ самомъ началѣ и думаю, что у него не было ни одного друга, — но товарищемъ въ самомъ прекрасномъ значеніи этого слова. Было у насъ много общей жизни, и, должно-быть, въ этомъ и отвѣтъ.

Какъ писать объ умершемъ, котораго любилъ живымъ? При всякомъ воспоминаніи плакать хочется. Еще недавно пошелъ смотрѣть его „Вишневый садъ", и хотѣлось плакать, — не отъ пьесы, не надъ судьбой героевъ, а о немъ.

Его судьба такъ похожа на судьбу вишневаго сада: и его также срубилъ безпощадный топоръ въ самомъ роскошномъ цвѣту.

До сихъ поръ не могу примириться съ тѣмъ, что его нѣтъ. И даже не съ фактомъ, который нелѣпъ, нелогиченъ и грубъ, какъ все въ жизни, а съ ужасной несправедливостью...

А впрочемъ—безполезный разговоръ.

Юности я его не знаю. Моя первая встрѣча съ нимъ произошла, когда у него было уже хорошее литературное имя. Онъ выпустилъ нѣсколько книгъ, былъ написанъ и поставленъ на сценѣ „Ивановъ". Зародилась мысль о поѣздкѣ на Сахалинъ.

Я говорю только о встрѣчѣ. Какъ это ни странно, но знакомство наше началось не съ первой, а со второй встрѣчи.

Первая же была что-то смутное. Я жилъ тогда въ Одессѣ, писалъ въ мѣстныхъ газетахъ, служилъ въ городской управѣ. Моя прикосновенность къ литературѣ была самая скромная: нѣсколько повѣстушекъ, не остановившихъ на себѣ ничьего вниманія.

Гостила въ городѣ труппа московскаго Малаго театра, и пріѣхалъ онъ. Обо мнѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, но ему напѣлъ про меня жившій тогда въ Одессѣ его товарищъ по Таганрогской гимназіи, писатель, впослѣдствіи извѣстный толстовецъ, П. А. Сергѣенко, и привезъ его ко мнѣ на дачу.

По всей вѣроятности, онъ и самъ былъ удивленъ незначительностью и ненужностью этой встрѣчи. Я смотрѣлъ на него снизу вверхъ и ждалъ отъ него чего-то особеннаго.

Но онъ былъ не изъ тѣхъ, что̀ любятъ производить впечатлѣніе. Напротивъ (это ужъ я потомъ, гораздо позже, разглядѣлъ), когда онъ замѣчалъ, что отъ него ждутъ и, что̀ называется, смотрятъ ему въ ротъ, онъ какъ будто старался какъ можно меньше отличаться отъ всѣхъ. Онъ тогда пряталъ себя.

Поговорили о чемъ-то мѣстномъ и случайномъ, и онъ уѣхалъ, должно-быть, пожалѣвъ о потраченномъ времени.

Когда потомъ, года черезъ четыре, мы встрѣтились въ Москвѣ, мы точно въ первый разъ увидѣли другъ друга. Одесская встрѣча не оставила никакихъ слѣдовъ.

Сближеніе наше шло очень медленно, — въ этомъ отношеніи мы оба были люди трудные. У меня это происходило скорѣе отъ неувѣренности въ себѣ, у него же, какъ я думаю, отъ осторожности.

Его всегдашніе спокойствіе, ровность, внѣшній холодъ какой-то, казавшейся непроницаемой, броней окружали его личность. Казалось, что этотъ человѣкъ тщательно бережетъ свою душу отъ посторонняго глаза.

Но это не та скрытность, когда человѣкъ сознательно прячетъ что-то такое, что̀ ему неудобно показать и выгоднѣе держать подъ прикрытіемъ. Нѣтъ, это было нѣчто совсѣмъ другое, чего я долго не могъ понять въ немъ, а потомъ — не знаю, понялъ ли, или только придумалъ для себя правдоподобное объясненіе.

Е. Я. Чехова, мать писателя.

Мнѣ кажется, что онъ весь былъ творчество. Каждое мгновеніе, съ той минуты, какъ онъ, проснувшись утромъ, открывалъ глаза, и до того момента, какъ ночью смыкались его вѣки, онъ творилъ непрестанно. Можетъ-быть, это была подсознательная творческая работа, но она была, и онъ это чувствовалъ.



П. Е. Чеховъ, отецъ писателя.

Творчество стыдливо, и у него это было выражено ярче, чѣмъ у кого другого. Никогда онъ не писалъ въ присутствіи кого бы то ни было.

Каждому художнику слова вѣдомо это ощущеніе: работая въ присутствіи другого, онъ чувствуетъ, какъ будто тотъ слышитъ его мысли, видитъ образы, возникающіе въ его головѣ, слѣдитъ глазами за ихъ чеканкой, отдѣлкой, за всѣмъ интимнымъ процессомъ творчества. Это—мучительное чувство, котораго обыкновенно не понимаютъ и не признаютъ домашніе, близкіе.

„Я тебѣ не помѣшаю?.."—говоритъ жена или сестра, садится рядомъ и читаетъ книгу и... мѣшаетъ, потому что мысли и образы стыдятся, блѣднѣютъ, прячутся.

Но я зналъ писателей, которые свыкались съ этимъ,—конечно, по необходимости, за отсутствіемъ мѣста, и работа ихъ теряла въ качествѣ. Я зналъ одного, который долженъ былъ писать, держа на колѣняхъ ребенка, потому что иначе было нельзя. И это была трагедія, которую онъ покорно переносилъ съ улыбкой.

Творческая работа Чехова чужого глаза совсѣмъ не переносила, и такъ какъ онъ творилъ всегда и даже въ непосредственное соприкосновеніе съ жизнью и съ людьми вступалъ какъ-то особенно, по-своему, творчески, то ему нужно было прятать эту работу, и вотъ почему самые близкіе люди всегда чувствовали между нимъ и собою нѣкоторое разстояніе.

И потому я утверждаю, что у Чехова не было друзей. То обстоятельство, что послѣ его смерти объявилось великое множество его друзей, я не склоненъ объяснять ни тщеславіемъ ни самозванствомъ. Я увѣренъ, что эти люди вполнѣ искренно считали себя его друзьями и по своему настроенію таковыми и были, т.-е. они любили его настоящей дружеской любовью и готовы были открыть передъ нимъ всю душу. Можетъ-быть, и открывали, и навѣрно такъ—у него было то неотразимое обаяніе, которое каждую душу заставляло отдаваться ему,—потому-то онъ и зналъ такъ хорошо тончайшія извилины человѣческой души. Но онъ-то свою не раскрывалъ ни передъ кѣмъ.

Можетъ-быть, это-то знаніе, эта изумительная способность видѣть человѣка насквозь и была причиной того, что онъ не могъ никого близко подпустить къ своей душѣ. Душа эта была какая-то необыкновенно правильная. Бываютъ счастливцы съ изумительно симметрическимъ сложеніемъ тѣла. Все у нихъ въ идеальной пропорціи. Такое тѣло производитъ впечатлѣніе чарующей красоты.

У Чехова же была такая душа. Все было въ ней—и достоинства и слабости. Если бы ей были свойственны только одни положительныя качества, она была бы такъ же одностороння, какъ душа, состоящая изъ однихъ только пороковъ.

Въ дѣйствительности же въ ней на ряду съ великодушіемъ и скромностью жили и гордость и тщеславіе, рядомъ съ справедливостью—пристрастіе. Но онъ умѣлъ, какъ истинный мудрецъ, управлять своими слабостями, и оттого онѣ у него пріобрѣтали характеръ достоинствъ.

Удивительная сдержанность, строгое отношеніе къ высказываемымъ имъ мнѣніямъ, взвѣшиваніе каждаго слова придавали какой-то особенный вѣсъ его словамъ, благодаря чему они пріобрѣтали характеръ приговора.



А. П. Чеховъ въ 1879 г. тотчасъ по полученіи аттестата зрѣлости.

Читая многочисленныя воспоминанія о Чеховѣ, я получаю странное впечатлѣніе: всѣ какъ будто боятся, чтобы онъ хоть на минуту не показался человѣкомъ съ горячею кровью, съ живыми человѣческими страстями и человѣческими слабостями.



А. П. Чеховъ—студентъ (1881 г.).

Можетъ-быть, это оттого, что наиболѣе искреннія воспоминанія относятся къ послѣднему періоду его жизни, къ тому времени, когда полную власть надъ его организмомъ взяла болѣзнь, и онъ, сознательно или нѣтъ, тщательно берегъ свои силы. Обстоятельства такъ сложились, что въ эти годы, прожитые имъ въ Крыму, я его не видѣлъ.

Въ тотъ же періодъ, когда мы съ нимъ встрѣчались въ Москвѣ и Мелиховѣ, отчасти въ Петербургѣ, онъ не былъ такъ бережливъ. Можно жалѣть объ этомъ съ точки зрѣнія нашей художественной жадности. Если бъ онъ и тогда берегъ свои силы, можетъ-быть, организмъ его смогъ бы дольше бороться съ недугомъ, и мы владѣли бы еще нѣсколькими чудными художественными созданіями.

Можетъ-быть. Но жизнь предъявляетъ свои права, и художника, носителя божественнаго огня, такъ же неотразимо влечетъ къ ней, какъ и простого „поденщика ненужнаго".

Можетъ-быть, я не знаю Москвы, или пребываніе мое въ ней въ теченіе двухъ-трехъ зимъ какъ-нибудь особенно сложилось, но у меня осталось такое впечатлѣніе: тамъ люди дома работаютъ въ одиночку, посѣщаютъ другъ друга по дѣламъ и въ семейные праздники. Когда же хотятъ собраться тѣснымъ кружкомъ для дружеской бесѣды, то идутъ въ ресторанъ, обыкновенно по окончаніи всѣхъ дѣлъ, послѣ театра, поздно за полночь и сидятъ долго, до утра.

А въ ресторанѣ — вино, и съ каждымъ получасомъ бесѣда становится живѣй и горячѣй. Подъ утро ѣдутъ за городъ слушать цыганъ, а возвращаются домой подъ звонъ колоколовъ, призывающихъ къ заутренѣ.

А днемъ какимъ-то чудомъ встаютъ во̀-время, откуда-то набираются бодрости и силъ и занимаются дѣлами.

Чеховъ жилъ тогда въ Мелиховѣ, своемъ имѣньицѣ, которое купилъ нѣсколько лѣтъ раньше, и довольно часто пріѣзжалъ въ Москву. Останавливался онъ обыкновенно въ Большой Московской гостиницѣ, но мнѣ, послѣ долгихъ хлопотъ, удалось наконецъ уговорить его останавливаться у меня.

А жилъ я на Большой Никитской, занимая двѣ скромныя меблированныя комнаты въ нижнемъ этажѣ.

Признаюсь, всякій его пріѣздъ былъ для меня праздникомъ, да и не для меня только, а и для всѣхъ членовъ небольшого кружка.

Сейчасъ же объ этомъ посылалось извѣстіе въ „Русскія Вѣдомости" Михаилу Алексѣевичу Саблину, который почелъ бы за обиду, если бы узналъ объ этомъ не первый. Соиздатель „Русскихъ „Вѣдомостей", почтеннаго возраста человѣкъ—лѣтъ на двадцать старше каждаго изъ насъ, онъ питалъ трогательную нѣжность къ Антону Павловичу. Всегда занятый по газетѣ (онъ завѣдывалъ хозяйственной частью), съ виду суровый и, благодаря своей комплекціи, нѣсколько тяжеловатый на подъемъ, онъ оживлялся и обращался въ юношу, когда пріѣзжалъ Чеховъ, и ужъ тутъ дни и вечера, сколько бы ихъ ни было, превращались въ праздники.

Намъ и безъ того приходилось завтракать и обѣдать въ трактирахъ. Но это дѣлалось, какъ нѣчто неизбѣжное, а тутъ все это пріобрѣтало своего рода торжественность.

Москвичъ и знатокъ Москвы, М. А. Саблинъ зналъ, гдѣ что̀ нужно ѣсть и пить. Завтракать, напримѣръ, было необходимо у Тѣстова, и притомъ въ видѣ закуски ѣсть не иначе, какъ грудинку, вынутую изъ щей.

Другой великій знатокъ этого дѣла, Вуколъ Михайловичъ Лавровъ, зналъ потаенные уголки, гдѣ можно было получить какую-то необыкновенную ветчину и изумительную бѣлорыбицу, которая таяла во рту, какъ масло. Съ этой цѣлью ѣздили куда-то далеко, на невѣдомый мнѣ край Москвы, въ мѣста, куда я безъ посторонней помощи ни за что не попалъ бы.

А. П. Чеховъ—студентъ (IV курса).

Въ дальнѣйшій репертуаръ входили Большой Московскій, „Эрмитажъ", а иногда и путешествіе за городъ на тройкѣ.

Любилъ отдыхать съ нами В. А. Гольцевъ. Попивая красное вино, которое было вредно для его сердца, онъ держалъ остроумныя, подчасъ ѣдкія рѣчи и поддерживалъ дружески-высокій тонъ.

После спектакля иногда урывалъ часъ-другой и пріѣзжалъ А. И. Южинъ: вмѣстѣ съ нимъ выступали на очередь театральныя темы, а красное вино замѣнялось шипучимъ.



А. П. Чеховъ въ 1884 г., тотчасъ по окончаніи курса университета.



А. П. Чеховъ.

Антонъ Павловичъ иногда ворчалъ и слегка упирался, но его легко было уговорить. Не могъ же онъ не принимать въ расчетъ, что все это — по случаю его пріѣзда, и не рѣшился бы нанести кровную обиду М. А. Саблину, который въ его обществѣ молодѣлъ на двадцать лѣтъ.

И онъ, легонько покашливая, съ чуть-чуть сердитымъ лицомъ, покорно ѣхалъ, а потомъ оживлялся, вступалъ въ дружескій споръ съ Гольцевымъ и былъ неистощимъ по части очаровательныхъ, до-упаду смѣшныхъ, глупостей и милыхъ неожиданностей, въ которыхъ онъ былъ неподражаемый мастеръ.

В. М. Лавровъ, нашъ общій пріятель, бывалъ съ нами рѣдко, и то это ужъ означало какой-нибудь тяжеловѣсный обѣдъ съ сложной программой и „посторонними" участниками, т.-е. людьми хорошо знакомыми, но не близкими.

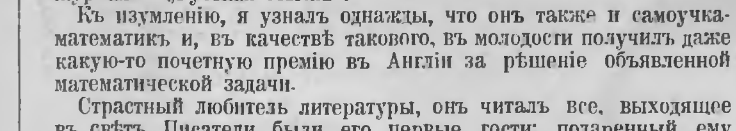
И ужъ тутъ была обязательна его рѣчь — своеобразная, почти отъ начала до конца казавшаяся безнадежно-запутанной, съ отступленіями, съ попутными анекдотами, съ невѣроятными, но необыкновенно характерными словеч-

ками, но всегда кончавшаяся какой-нибудь яркой и уморительной неожиданностью.

Раньше, когда я мало зналъ его, я всегда при началѣ его рѣчи испытывалъ опасеніе, что вотъ человѣкъ зайдетъ въ такія дебри, откуда ему никогда не выпутаться. Но потомъ я бывалъ спокоенъ за конецъ и всегда находилъ въ его рѣчахъ своеобразную прелесть.

Не могъ обойтись безъ рѣчи, конечно, и В. А. Гольцевъ, великій мастеръ дружескихъ рѣчей, щедро расточавшій краснорѣчіе, умъ, а также и ядъ, которымъ, впрочемъ, онъ никого не отравлялъ.

Зато домосѣдъ В. М. Лавровъ иногда ознаменовывалъ пріѣздъ Чехова изъ деревни чѣмъ-то въ родѣ раута у себя дома. Это были безконечно длительные, вкусные, сытые, съ обильнымъ возліяніемъ и достаточно веселые обѣды, многолюдные и рѣчистые, затягивавшіеся далеко за полночь и носившіе на себѣ отпечатокъ самобытности хозяина. Чехова они утомляли, и потому (однакожъ единственно поэтому) онъ шелъ на нихъ неохотно, но личность В. М. Лаврова его сильно интересовала.



А. П. Чеховъ. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. И. Н. Потапенко.

Это былъ самородокъ „своей собственной складки". Человѣкъ, образовавшій себя исключительно своими личными усиліями, отдавшій состояніе на литературу и затѣмъ весь ушедшій въ свой журналъ—„Русская Мысль".

Къ изумленію, я узналъ однажды, что онъ также и самоучка-математикъ и, въ качествѣ таковаго, въ молодости получилъ даже какую-то почетную премію въ Англіи за рѣшеніе объявленной математической задачи.

Страстный любитель литературы, онъ читалъ все, выходящее въ свѣтъ. Писатели были его первые гости: подаренный ему экземпляръ съ автографомъ онъ принималъ трепетными руками и несъ въ свой шкапъ бережно, какъ святыню.

Но это, разумѣется, не мѣшало ему въ издательскомъ дѣлѣ быть купцомъ, а гдѣ надо—слегка и поприжать того же самаго писателя.

Онъ прекрасно зналъ польскій языкъ (кстати, никогда не хотѣлъ объяснить, гдѣ онъ ему научился) и былъ не только почитателемъ, но и несомнѣнно лучшимъ переводчикомъ польскихъ авторовъ.

Помню, какъ однажды, благодаря этому своему пристрастію, онъ поставилъ въ довольно странное положеніе цѣлое общество препочтенныхъ писателей, въ томъ числѣ, если память мнѣ не измѣняетъ, и Чехова.

Въ Польшѣ праздновали юбилей (кажется, 25-лѣтней литературной дѣятельности) Генриха Сенкевича. Лавровъ, который перевелъ и помѣстилъ въ „Русской Мысли" почти всѣ произведенія этого автора и находился съ нимъ въ перепискѣ, разумѣется, не преминулъ и въ Москвѣ устроить юбилейный обѣдъ. Въ Эрмитажѣ собралось человѣкъ двадцать пять литераторовъ, говорились рѣчи, и пили за единеніе народностей, за польскую литературу и за талантливаго ея представителя, польскаго юбиляра. Все было искренно, трогательно и хорошо.

Въ заключеніе послали юбиляру въ Варшаву сердечное поздравленіе, подъ которымъ всѣ подписались поименно.

На слѣдующій день на имя Лаврова была получена отвѣтная телеграмма отъ юбиляра:

„Благодарю, если это искренно".

Бѣдный Лавровъ долго послѣ этого ни съ кѣмъ не заговаривалъ о польской литературѣ.

Въ Москвѣ Чеховъ оставался по нѣскольку дней, но въ эти дни ничего не писалъ. Его манера работать вдали отъ людскихъ глазъ—здѣсь, гдѣ онъ былъ постоянно на виду у всѣхъ, была неосуществима. А главное—здѣсь не было его уютнаго кабинета, съ которымъ у него было связано уже столько творческихъ воспоминаній.

Зато и уѣзжалъ онъ внезапно, словно по какому-то неотразимому внутреннему побужденію. Вотъ сегодня собирались въ театръ, взяли билетъ, и онъ интересовался пьесой, стремился. Или кто-нибудь позвалъ его вечеромъ, и онъ обѣщалъ. Все равно—неотразимое побужденіе было сильнѣе всего.

Просто ему надоѣло довольно-таки безсмысленное шумное времяпрепровожденіе московское, и потянуло въ тихое Мелихово, въ его кабинетъ, или, можетъ-быть, въ душѣ созрѣло что-нибудь, требовавшее немедленнаго занесенія на бумагу. И онъ уѣзжалъ, несмотря ни на что.

А случалось и такъ, что внезапно уѣзжалъ онъ, чтобы избѣжать чего-нибудь предстоящаго, что было ему непріятно.

Надо сказать правду, надоѣдали ему очень, особенно, когда онъ останавливался въ Большой Московской гостиницѣ. Стучались въ дверь люди, которыхъ онъ не зналъ, и которые, въ сущности, не имѣли никакого права отнимать у него время и покой.

У многихъ есть такой взглядъ на писателя, что не только произведенія его, но и онъ самъ есть общественное достояніе. И приходятъ и сидятъ, по русскому безобразному обычаю, часы, цѣлый вечеръ, говорятъ о себѣ, задаютъ умные вопросы или молчатъ, заставляя такъ или иначе занимать ихъ.

Конечно, можно не принять или, принявъ и убѣдившись, что по-пустому, отвадить, и есть такіе рѣшительные писатели, что даже на дверяхъ дѣлаютъ устрашающія надписи.

Но Чеховъ этого не умѣлъ и не считалъ себя въ правѣ. Онъ страдалъ неизлѣчимой боязнью: какъ бы не обидѣть человѣка.

А въ гостиницѣ у него былъ „свой" номеръ (кажется, пятый), который и потомъ долго еще назывался „Чеховскимъ номеромъ", и это знали, и туда стучались.

Но съ незнакомымъ человѣкомъ еще какъ-нибудь можно раздѣлаться, если занятъ,—ну, сослаться на эту занятость. Но бывало хуже: друзья, вотъ именно изъ тѣхъ, что впослѣдствіи, послѣ его смерти, почувствовали себя его друзьями и повѣдали объ этомъ міру.

Иной „другъ" пріѣхалъ по своимъ дѣламъ изъ Петербурга и, благополучно окончивъ свои дѣла, рѣшилъ провести вечерокъ съ Чеховымъ. Тутъ ужъ, при его исключительной боязни обидѣть,—для него была настоящая бѣда.

Я зналъ, напримѣръ, одного писателя (нынѣ умершаго), который считалъ себя закадычнымъ другомъ Чехова, и Антонъ Павловичъ относился къ нему искренно и сердечно, но совершенно не могъ выносить его, какъ онъ говорилъ, „трагическаго смѣха".

И помню, что однажды, пробывъ въ Москвѣ только одинъ день, А. П. пришелъ домой и объявилъ, что сейчасъ же уѣзжаетъ въ Мелихово.

— Почему?

— Встрѣтилъ N. Вчера пріѣхалъ. Остановилъ извозчика, заключилъ меня въ объятія, узналъ, что я живу здѣсь, и объявилъ, что сегодня придетъ къ намъ на весь вечеръ. Вотъ и тебѣ велѣлъ кланяться. Ну, такъ ты ужъ его прими, а обо мнѣ скажи... ну, скажи, что хочешь.

И сколько я ни доказывалъ ему, что это можно устроить какъ-нибудь проще—уйти куда-нибудь, послать N. записку—онъ оставался непоколебимъ:

— Все равно, онъ найдетъ меня и будетъ смѣяться. Вѣдь онъ юмористъ и ужасно любитъ смѣяться,—а это трагедія.

И онъ въ тотъ же день уѣхалъ въ деревню, несмотря на то, что у него въ „Русской Мысли" было дѣло, для котораго онъ вновь пріѣхалъ въ Москву дней черезъ пять.

Но къ чему онъ чувствовалъ непобѣдимый, почти паническій ужасъ, такъ это къ торжественнымъ выступленіямъ, въ особенности если подозрѣвалъ, что отъ него потребуется активное участіе.

Мнѣ памятенъ одинъ пріѣздъ въ Москву покойнаго Д. В. Григоровича. Въ Петербургѣ передъ этимъ былъ справленъ его юбилей. Было что-то необыкновенно торжественное, кажется—единственное и небывалое въ лѣтописяхъ литературы.

Такъ какъ писатель иногда помѣщалъ свои вещи въ „Русской Мысли", то В. М. Лавровъ захотѣлъ устроить ему въ Москвѣ „филіальное чествованіе"

Конечно, это не могло быть даже и тѣнью петербургскаго юбилея, но все же—„Эрмитажъ", нѣсколько десятковъ приглашенныхъ, заранѣе предусмотрѣнныя рѣчи.

Само собою разумѣется, что былъ спеціальный расчетъ на присутствіе въ Москвѣ Антона Павловича. Съ одной стороны, хотѣлось показать петербургскому литератору лучшее, что есть въ литературной Москвѣ, и чѣмъ она гордится, а съ другой—имѣлись въ виду особыя отношенія между Чеховымъ и Григоровичемъ.

Вѣдь старый писатель первый замѣтилъ талантъ Чехонте въ его маленькихъ разсказахъ, печатавшихся въ сатирическихъ журналахъ, обратилъ на него вниманіе Суворина, написалъ ему трогательное отеческое письмо.



Редакція и сотрудники журнала „Русская Мысль". Группа, снятая во время пребыванія А. П. Чехова въ Москвѣ.
Сидятъ: И. И. Иванюковъ, М. Н. Ремезовъ, А. П. Чеховъ и В. М. Лавровъ. *Стоятъ:* В. А. Гольцевъ, И. Н. Потапенко, М. А. Саблинъ.

Антону Павловичу все это было поставлено на видъ—и ужъ само собою разумѣлось, что онъ будетъ украшеніемъ „филіальнаго чествованія".

А. П. впалъ въ мрачность. Цѣлый день съ нимъ ни о чемъ нельзя было говорить. Онъ, обыкновенно ко всему и ко всѣмъ относившійся съ добродушной терпимостью, для всѣхъ находившій извиняющія объясненія, вдругъ сдѣлался строгъ ко всему и ко всѣмъ, просто огрызался, такъ что лучше было къ нему не приставать.

Къ вечеру онъ сталъ мягче. Къ нему вернулся его обычный юморъ, и онъ отъ времени до времени прерывалъ свое молчаніе отрывочными фразами изъ какой-то невѣдомой, повидимому, рѣчи:

— „Глубокоуважаемый и досточтимый писатель... Мы собрались здѣсь тѣсной семьей..."—Потомъ, послѣ молчанія, опять:—„Наша дружная писательская семья, въ вашемъ лицѣ, глубокочтимый..."

— Что это ты? — спросилъ я.

— А это я изъ твоей рѣчи, которую ты скажешь на обѣдѣ въ честь Григоровича.

— Почему же изъ моей? Ты бы лучше изъ своей что-нибудь.

— Такъ я же завтра уѣзжаю.

— Куда?

— Въ Мелихово.

Я возмутился:

— Какъ же такъ? Григоровичъ, его письмо... Такія отношенія... Наконецъ, разочарованіе Лаврова и всѣхъ прочихъ...—И тутъ онъ началъ приводить свои доводы:

— Вѣдь это же понятно. Я былъ открытъ Григоровичемъ и, слѣдовательно, долженъ сказать рѣчь. Не просто говорить что-нибудь, а именно рѣчь. И при этомъ непремѣнно о томъ, какъ онъ меня открылъ. Иначе же будетъ нелюбезно. Голосъ мой долженъ дрожать, и глаза наполниться слезами. Я, положимъ, этой рѣчи не скажу, меня долго будутъ толкать въ бокъ, я все-таки не скажу, потому что не умѣю. Но встанетъ Лавровъ—и разскажетъ, какъ Григоровичъ меня открылъ. Тогда подымется самъ Григоровичъ, подойдетъ ко мнѣ, протянетъ руки и заключитъ меня въ объятія и будетъ плакать отъ умиленія. Старые писатели любятъ поплакать. Ну, это его дѣло, но самое главное, что и я долженъ буду плакать, а я этого не умѣю. Словомъ, я не оправдаю ничьихъ надеждъ. Вѣдь ты же на себѣ испыталъ, что значитъ не плакать отъ умиленія.

Тутъ А. П. имѣлъ въ виду маленькую исторію, которая произошла со мной года три раньше, когда Академія поощрила меня половинной Пушкинской преміей. Д. В. Григоровичъ, участвовавшій въ засѣданіи, оказалъ мнѣ совершенно исключительную и ужасно трогательную любезность: прямо изъ Академіи пріѣхалъ ко мнѣ, котораго къ тому же не зналъ и никогда не видалъ,—чтобы сообщить о лестномъ для меня событіи.

И что же? Я огорчилъ его. Смущенный, растерявшійся, я только и могъ пожать его руку и простыми словами, какъ умѣлъ, высказать ему благодарность. И старикъ потомъ кому-то жаловался, вспоминая, какъ въ прежнія времена писатели были отзывчивы, приводилъ извѣстный разсказъ о встрѣчѣ Бѣлинскаго съ Достоевскимъ...

А все то, что говорилъ Чеховъ, совсѣмъ не казалось ему шуткой. Онъ дѣйствительно испытывалъ страданіе, представляя себя героемъ нарисованной имъ сцены. И въ сущности, сцена была изображена вполнѣ правдиво. Такъ именно и должно было произойти.

И вотъ за два дня до юбилейнаго обѣда, когда изъ Петербурга была получена телеграмма, что юбиляръ пріѣдетъ, Антонъ Павловичъ уложилъ свои дорожныя вещи и уѣхалъ въ деревню, сдѣлавъ мнѣ на прощанье такого рода отвѣтственное порученіе:

Домъ, въ которомъ родился А. П. Чеховъ (Таганрогъ, Чеховская улица 47), написалъ первыя свои произведенія и проживалъ во время пріѣздовъ въ Таганрогъ.

— А ты тамъ какъ-нибудь ужъ... уладь. Главное, успокой Лаврова.

Но уладить было трудно. В. М. Лавровъ чуть не заболѣлъ, когда узналъ о бѣгствѣ А. П. Самый главный кирпичъ изъ его великолѣпной постройки выпалъ, и самая постройка грозила развалиться.

Но, разумѣется, все обошлось. Григоровичъ пріѣхалъ, обѣдъ состоялся.

Я на немъ оскандалился на всю жизнь: внявъ увѣщаніямъ В. А. Гольцева, покусился на рѣчь о Чеховѣ, т.-е. о томъ, какъ онъ страстно желалъ быть на обѣдѣ, чтобы самому лично и т. д. — но болѣзнь заставила его уѣхать въ деревню. И Господь наказалъ меня за ложь.

Съ первыхъ же словъ я, никогда еще въ жизни не выступавшій съ публичными рѣчами, сбился. Я только и успѣлъ упомянуть объ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ, который...

А милый старикъ, видя, должно-быть, мое затрудненіе, сейчасъ же и выручилъ меня и самъ заговорилъ о Чеховѣ, о томъ, какъ онъ открылъ его талантъ, о его письмахъ, словомъ — все то, что мы теперь такъ хорошо знаемъ.

Въ Мелиховѣ А. П., окруженный родными, велъ тихую жизнь, наполненную чтеніемъ книгъ, которыхъ выписывалъ множество, и неторопливой работой. Жили тутъ отецъ его, Павелъ Егорычъ, мать, Евгенія Яковлевна, сестра, Марья Павловна, и младшій братъ, Михаилъ Павловичъ.

Но, несмотря на присутствіе въ домѣ старшихъ родныхъ, главой его былъ А. П. Во всемъ господствовали его вкусы, все дѣлалось такъ, чтобы ему нравилось.

Къ матери своей онъ относился съ нѣжностью, отцу же оказывалъ лишь сыновнее почтеніе, — такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось. Предоставляя ему все, что нужно для обстановки спокойной старости, онъ помнилъ его ,былой деспотизмъ въ тѣ времена, когда въ Таганрогѣ главой семьи и кормильцемъ былъ еще онъ. Въ иныя минуты, указывая на старика, который теперь сталъ тихимъ, мирнымъ и благожелательнымъ, онъ вспоминалъ, какъ, бывало, тотъ заставлялъ дѣтей усердно посѣщать церковныя службы и при недостаткѣ усердія не останавливался и передъ снятіемъ штанишекъ и постегиваніемъ по обнаженнымъ мѣстамъ.

Конечно, это вспоминалось безъ малѣйшей злобы, но, видимо, оставило глубокій слѣдъ въ его душѣ. И онъ говорилъ, что отецъ тогда былъ жестокимъ человѣкомъ.

И не только того не могъ простить А. П. отцу, что онъ сѣкъ его, — его, душѣ котораго было невыносимо всякое насиліе, — но и того, что своимъ односторонне-религіознымъ воспитаніемъ онъ омрачилъ его дѣтство и, вызвавъ въ душѣ его протестъ противъ деспотическаго навязыванія вѣры, лишилъ его этой вѣры.

„Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ И. Л. Щеглову: — то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ. Религіи у меня теперь нѣтъ. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пѣли тріо „Да исправится“ или же „Архангельскій гласъ“, на насъ всѣ смотрѣли съ умиленіемъ и завидовали моимъ родителямъ, мы же въ это время чувствовали себя маленькими каторжниками.“

И далѣе, говоря о школьникахъ извѣстнаго въ то время педагога Рачинскаго: „если въ ихъ душахъ радость, то они счастливѣе меня и братьевъ, у которыхъ дѣтство было страданіемъ“.

И хотя въ то время все это уже давно кончилось, и старикъ уже совершенно пересталъ быть дѣйствующимъ лицомъ въ его жизни, а только сидѣлъ и, постоянно молясь и читая душеспасительныя книги, беззаботно доживалъ свой вѣкъ, радуясь знаменитости своего сына, и хотя А. П. относился къ нему дружески и почтительно и ни единымъ намекомъ не напоминалъ о прошломъ, но прошлое оставило слишкомъ глубокій слѣдъ въ чуткой душѣ и не было забыто.

И мнѣ всегда казалось, что къ отцу онъ относился безъ той теплоты, которая согрѣвала его отношенія къ матери, сестрѣ и братьямъ. Особенно же къ матери, которая при таганрогскомъ главенствѣ Павла Егоровича едва ли имѣла въ семьѣ тотъ голосъ, на какой имѣла право. Теперь, когда главой семьи сдѣлался А. П., она получила этотъ голосъ.

И ужъ платила она ему какой-то благоговѣйной нѣжностью. Казалось, забота о томъ, чтобы всякое желаніе А. П. было тотчасъ же, какъ по щучьему велѣнью, исполнено, составляла цѣль ея жизни. Всякая перемѣна въ его настроеніи отражалась въ ея лицѣ. Его привычки и маленькіе капризы были изучены. Ему, напримѣръ, не нужно было заявлять о томъ, что онъ хочетъ ѣсть, и пора подавать обѣдъ или ужинъ, а стоило только остановиться передъ стѣнными часами и взглянуть на нихъ. Въ ту же минуту она била тревогу, вскакивала, бѣжала на кухню и торопила все и всѣхъ.

Братья его въ то время были уже взрослые люди, и каждый занималъ опредѣленное положеніе. Старшій, Александръ Павловичъ, жилъ въ Петербургѣ, и я не имѣлъ возможности близко наблюдать его отношенія къ А. П. Другіе же, Иванъ и Михаилъ, къ которымъ онъ относился по-товарищески, помимо чисто братской привязанности, выдѣляли его, какъ главу семьи, благодаря таланту котораго скромное и дотолѣ невѣдомое имя — Чеховъ — было окружено почетнымъ ореоломъ.

Когда въ Мелихово пріѣзжали гости, которые были Антону Павловичу пріятны, онъ превращался въ заботливаго хозяина и проявлялъ самое радушное гостепріимство и главное — заботу о томъ, чтобы всѣ были сыты и хорошо спали.

Въ изданныхъ письмахъ А. П. онъ часто упоминаетъ о томъ, что я пѣлъ въ Мелиховѣ. Это правда. Музыкой и пѣніемъ въ Мелиховѣ были наполнены наши дни. Хорошая музыкантша Л. С. Мизинова, большая пріятельница А. П. и всей его семьи, садилась за рояль, я пѣлъ. А Антонъ Павловичъ обыкновенно заказывалъ тѣ вещи, которыя ему особенно нравились. Большимъ расположеніемъ его пользовался Чайковскій, и его романсы не сходили съ нашего репертуара.

Но въ письмахъ А. П. стыдливо умолчалъ о томъ, что и онъ самъ пѣлъ, — правда, не романсы, а церковныя пѣснопѣнія. Имъ научился онъ въ дѣтствѣ, когда подъ руководствомъ отца пѣлъ въ церкви.

У него былъ довольно звучный басокъ. Онъ отлично зналъ церковную службу и любилъ составлять домашній импровизированный хоръ. Пѣли тропари, кондаки, стихири, пасхальные ирмосы. Присаживалась къ намъ и подпѣвала и Марья Павловна, сочувственно гудѣлъ Павелъ Егорычъ, а Антонъ Павловичъ основательно держалъ басовую партію.

И это, видимо, доставляло ему искреннее удовольствіе. Глядя на его лицо, казалось, что въ такіе часы онъ чувствовалъ себя ребенкомъ.



Таганрогская мужская гимназія, въ которой учился А. П. Чеховъ.

Я не знаю, какъ онъ работалъ, когда былъ одинъ. Этого, кажется, никто не зналъ. Можетъ-быть, тогда онъ сидѣлъ за столомъ, не отрываясь. Но въ тѣ дни, когда въ Мелиховѣ бывали гости, онъ почти все время былъ съ ними.

Но несомнѣнно, онъ и тогда работалъ. Творческая дѣятельность не покидала его ни на минуту. И случалось, что во время шумнаго разговора или музыки онъ вдругъ исчезалъ, но ненадолго, черезъ нѣсколько минутъ онъ появлялся, и оказывалось, что въ это время онъ былъ у себя въ кабинетѣ, гдѣ написалъ двѣ-три строчки, которыя сложились въ его головѣ. Такъ дѣлалъ онъ довольно часто въ теченіе дня.

Но вечеромъ, когда, около полуночи, всѣ расходились по своимъ комнатамъ, ложились въ постели, и въ домѣ потухали огни, въ его кабинетѣ долго еще горѣла лампа. Тогда онъ работалъ, какъ хотѣлъ, иногда засиживаясь долго, а на другой день вставалъ позже другихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жиганы.

(Разсказъ инженера о быломъ въ Манчжуріи).

Н. Жаринцовой.

Наступало Рождество.

Мнѣ приходилось провести его вдали отъ своихъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра, въ глуши Манчжуріи, съ партіей рабочихъ на постройкѣ желѣзной дороги отъ Пограничной въ Харбинъ.

Трудное то было время. Въ Манчжуріи, какъ извѣстно, населеніе очень смѣшанное: здѣсь и ботогоны въ своихъ мѣховыхъ шапкахъ съ опущенными наушниками, и дауры съ остроконечной бородкой, всегда въ бѣлыхъ одеждахъ, и манегры въ длинныхъ халатахъ, подпоясанные ремешками, переплетенными конскимъ волосомъ и металлическими украшеніями, орочены въ звѣриныхъ шкурахъ, чииготты, олотты, гольды и корейцы... Всѣ бродятъ по этому краю.

Для насъ, русскихъ инженеровъ, особенно затруднительно было то, что всѣ эти народы говорили на разныхъ языкахъ; и китайскіе переводчики, сопровождавшіе нашу партію, не всегда могли объясняться съ ними. Много было изъ-за этого тяжелыхъ и смѣшныхъ эпизодовъ... Одинъ разъ, напримѣръ, шаманы, культъ которыхъ соблюдается нѣсколькими изъ перечисленныхъ племенъ, распустили слухъ, что русскіе пришельцы вошли въ союзъ съ шайтаномъ и кладутъ на землю цѣпи въ знакъ того, что они поработили ее... А земля на это разгнѣвалась, и боги открыли шаманамъ, что за это она перестанетъ родить хлѣбъ. Приборы, употреблявшіеся при съемкѣ, считались орудіями шайтана для отогнанія тучъ и устройства засухи.

Но отвѣчать на подобные слухи, ожесточавшіе противъ насъ населеніе, мы не могли, не зная языка.

Однако не одни инородцы тревожили насъ. Еще труднѣе и солонѣе приходилось подчасъ отъ своихъ же соотечественниковъ — бѣглыхъ каторжниковъ или уже вышедшихъ на поселеніе — «жигановъ», какъ ихъ тамъ называютъ.

Сплошь и рядомъ, не находя работы, они начинаютъ бродяжничать и тогда уже видятъ въ каждомъ человѣкѣ на своемъ пути только добычу.

По уставу о ссыльно-каторжныхъ и поселенцахъ убійство жигана не преслѣдуется, его смерть никого не удивляетъ, и никакого слѣдователя изъ-за него не безпокоятъ. Умеръ — и концы въ воду. „Вѣдь ёнъ не человѣкъ, а жиганъ... Собакѣ — собачья и смерть“...

Съ появленіемъ русскихъ рабочихъ партій на постройкѣ Манчжурской дороги начали появляться тамъ и жиганы.

Можете себѣ поэтому представить мое настроеніе при перспективѣ длиннаго рождественскаго вечера въ глуши тайги, вдали отъ человѣческаго жилья, одному съ партіей рабочихъ.

Но дѣлать было нечего. Бросали жребій, кому изъ насъ оставаться при служебныхъ обязанностяхъ, и жребій палъ на меня: а мои болѣе счастливые товарищи разъѣхались — кто въ Харбинъ, кто въ Хабаровскъ, а кто къ семьямъ во Владивостокъ. И начальство куда-то укатило, уже безъ всякаго жребія. На то оно и начальство, а мы люди маленькіе. Да и то сказать, большинство въ партіи были люди семейные, а я бобыль-бобылемъ, ни кола ни двора. Что на мнѣ, то и при мнѣ — и весь тутъ.

Правда, въ тѣхъ краяхъ ѣздятъ въ гости, на чашку чаю, безъ всякаго приглашенія, за пятьдесятъ и за сто верстъ — въ кибиткѣ или верхомъ — какъ тутъ ѣздятъ на извозчикѣ въ другой конецъ того же города. Дѣло самое обыкновенное. И черезъ нѣсколько часовъ возвращаются во-время на службу. Но въ этотъ вечеръ разсчитывать на чье-нибудь подобное „вдохновеніе“ было напрасно.

Бѣлыя стѣны китайской фанзы, украшенныя лишь кое-какимъ оружіемъ и нѣсколькими кастрюлями на деревянной полкѣ: сложенная изъ кирпича кана вдоль стѣны, служащая лежанкой и диваномъ, по-китайски нагрѣтая чуть не до каленія (какъ составляющая часть печи)... Правда, мы отвели по крайней мѣрѣ дымъ черезъ жестяныя трубы, такъ что не сидѣли въ немъ, какъ китайцы, — но онъ все-таки пробивался сквозь щели каны и висѣлъ въ воздухѣ то густыми, то тонкими слоями. Печь была набита черезъ наружную топку кизякомъ, но при такой системѣ развлекающаго огонька не бываетъ видно... И моему глазу оставалось отдыхать на собственной дохѣ, буркѣ, походной постели, двухъ-трехъ самодѣльныхъ табуретахъ и — къ счастью — на рядѣ любимыхъ книгъ, жавшихся на полкѣ.

На простомъ столѣ горѣла неразлучная со мною лампа Домберга; но шторъ не было, и сквозь стекла окна видна была бѣлая мгла метели, несшаяся, съ вѣтромъ, волнами и смерчами, между которыми иногда пробивался свѣтъ запрятанной луны. Завывалъ вѣтеръ, и трещали сосны, одиноко стоявшія на обрывахъ скалъ, жадно цѣпляясь корнями за каждый вершокъ земли, отвоеванный у скупой природы. Все кругомъ коченѣло, стонало, гудѣло и свистѣло на тысячу ладовъ, словно прося пощады, — и еще больше заставляло чувствовать одиночество и оторванность отъ всего остального міра.

Приставленные ко мнѣ для услугъ два казака, набросавъ подъ кану топлива сколько влѣзетъ, зажгли все это второпяхъ и, отпросившись, ушли въ расположенную въ полуверстѣ общую фанзу рабочихъ.

Я отпустилъ ихъ, не считая себя въ правѣ мѣшать веселью въ такой вечеръ, но отпустилъ нехотя. Кромѣ одиночества, была и другая причина. Только наканунѣ мнѣ привезли изъ Хабаровска довольно значительную сумму денегъ на продовольствіе рабочихъ, жалованье и другіе расходы.

Эти деньги немного безпокоили меня. Правда, съ рабочими мы жили дружно; несмотря на разницу въ общественномъ положеніи, я постарался сблизиться съ ними и ввести въ ихъ жизнь нѣкоторый интересъ, расширивъ ихъ кругозоръ. Моя недурная библіотека, всюду слѣдовавшая за мной, была всегда къ ихъ услугамъ. Въ ихъ внутреннемъ быту была введена полная автономія — къ великому ужасу урядника при отрядѣ казаковъ, составлявшихъ нашу охрану. Эта автономія, полное довѣріе къ лучшимъ сторонамъ характера рабочихъ и мои бесѣды съ ними заставляли ихъ подтянуться, болѣе сильныхъ помогать болѣе слабымъ и воздерживаться отъ разгула и дракъ — этихъ обычныхъ спутниковъ всякой „партіи“. Все „начальство“ было у рабочихъ выборное; почти всѣ инструкціи касались не того, что запрещается дѣлать, а того, что надо дѣлать. Всѣ внутренніе порядки устанавливались большинствомъ голосовъ, и рабочіе сами ревниво наблюдали, чтобы разъ принятое рѣшеніе соблюдалось. По общему рѣшенію накладывались штрафы и взысканія. Довольно долго пришлось провозиться съ азартными играми и спиртными напитками, но въ концѣ концовъ и то и другое удалось искоренить, и отношенія между мною, какъ завѣдывавшимъ партіей, и рабочими не оставляли желать ничего лучшаго.

Но мало ли что можетъ случиться, помимо нихъ, въ такой глухой тайгѣ, по которой шатаются жиганы и вообще „темные“ люди!.. И я почти раскаивался, что отпустилъ казаковъ и остался такъ далеко отъ моихъ рабочихъ — съ этой метелицей за окномъ и ящикомъ денегъ въ углу комнаты.

Было душно, жутко. Хотѣлось уюта, свѣта, веселья и радостной ласки любимаго существа. И картины, рисовавшіяся въ воспоминаніяхъ со всѣми отголосками милаго дѣтства, были такъ непохожи на окружавшую обстановку и въ то же время такъ ярки, что, подымая тяжелую голову, приходилось прищуриваться и вглядываться, чтобы увидѣть дѣйствительность.

Метель гудѣла все сильнѣе и сильнѣе, словно стараясь заглушить мои „старомодныя“ сожалѣнія, мечтанія и бросаемые судьбѣ вопросы... Но мнѣ чудилось въ ея стенаніяхъ что-то общее съ моимъ настроеніемъ; мнѣ слышалось, что и она ищетъ, ждетъ чего-то и мечется въ безсиліи разгадать стоящаго передъ нею сфинкса жизни, смыслъ всего сущаго...

Вдругъ все это настроеніе было сорвано: въ окна мелькнулъ блескъ фонаря — и исчезъ, какъ молнія.

Кто бы это могъ быть?.. Не вѣстовые же воротились такъ рано. Или, можетъ-быть, что-нибудь случилось?..

Я подошелъ къ двери и въ ту секунду, какъ хотѣлъ открыть ее, услышалъ снаружи громкій стукъ.

— Кто тамъ?

— Мы... Пахомовъ и Заремба, то-ись, до вашей милости...

Я открылъ дверь. Снѣжный вихрь и стужа ворвались въ комнату такъ же непривѣтливо, какъ непривѣтливы были лица вошедшихъ. Высокіе, коренастые, съ широкими скулами и маленькими, бѣгавшими по сторонамъ, глазками, эти двое изъ партіи рабочихъ были, несмотря на мое одиночество, наименѣе желанными гостями: оба были изъ жигановъ и поступили къ намъ всего двѣ недѣли тому назадъ: оба пришли съ золотыхъ пріисковъ, наиболѣе развращающимъ образомъ дѣйствующихъ на рабочихъ. Я сначала не хотѣлъ даже принимать ихъ на работы. Но убогій видъ ихъ и жалкое выраженіе на грубыхъ лицахъ говорили, что они давно уже „стрѣляютъ“, т.-е. бродятъ безъ работы, питаясь чѣмъ попало, — и, скрѣпя сердце, я пріютилъ ихъ.

— Такъ что, ваше бродь, рабочіе говорятъ, книжки у васъ

есть интересныя... Намъ бы насчетъ этого самаго социлизма, да позадушевнѣе, чтобы слеза прошибла.

Книгъ о соціализмѣ, которыя вызвали бы слезы, у меня не было. Кромѣ того, я видѣлъ, что оба пришельца сильно пьяны, и потому имъ не до серьезнаго чтенія.

Первой моей мыслью было велѣть имъ уйти, но я сейчасъ же раздумалъ: пьяные легко раздражаются, ихъ двое, дома никого нѣтъ... Стрѣлять въ нихъ не хотѣлось, вступать въ рукопашную тоже... И мнѣ пришло въ голову, что, давъ книгу, можно будетъ уговорить ихъ уйти совершенно спокойно. Поэтому я замѣтилъ:

— Если хотите, такъ вотъ посмотрите тутъ сами,—и подвелъ ихъ къ полкѣ, хотя сильно сомнѣвался, въ состояніи ли они разглядѣть и выбрать что-нибудь сами.

Поискавъ на полкѣ, рабочіе ничего подходящаго не нашли, но взоръ ихъ привлекла лежавшая на столѣ книга Джерома въ красивомъ кожаномъ переплетѣ, только-что полученная мною въ подарокъ отъ одного друга изъ Петербурга.

— „Трое въ одной лодкѣ, кромѣ собаки...“ Это что̀ такое, ваше бродь?.. Должно-быть, занятвое. Дозвольте посмотрѣть.

Рабочіе стали внимательно разсматривать картинки.

— Такъ что Темзу, это мы знаемъ... рѣка такая аглицкая. Кажись, не то Парижъ, не то Лондонъ на ней стоитъ. Семка-матросъ сказывалъ, а Семка-матросъ все знаетъ, вездѣ бывалъ!..

Мои посѣтители пустились-было наперерывъ разсказывать Семкины похожденія, но я ихъ перебилъ, сказавъ, что книжки этой сейчасъ дать не могу, такъ какъ самъ ее читаю. Но, съ упрямствомъ пьяныхъ людей, они не хотѣли объ этомъ и слышать.

Видя ихъ интересъ и не желая вызвать вмѣсто него раздраженіе, я предложилъ прочесть имъ нѣсколько отрывковъ вслухъ, надѣясь, что къ тому времени вернутся мои вѣстовые, и тогда можно будетъ выпроводить непрошенныхъ гостей.

Рабочіе почесали въ затылкѣ, переглянулись, постояли нѣсколько секундъ въ нерѣшительности... Я уже думалъ, что они уйдутъ, какъ вдругъ старшій изъ нихъ, Заремба, словно что-то понявъ, тряхнулъ головой и замѣтилъ:

— Если ваше бродь окажете милость!.. А мы ничего... мы такъ, то-ись... посидимъ маленько, да и до хаты... Дозвольте, ваше бродь?..

Онъ распахнулъ полушубокъ, но не снялъ его и присѣлъ къ столу. Другой послѣдовалъ его примѣру.

Мнѣ оставалось только сѣсть за книгу. Вышло такъ, что пьяные жиганы оказались между мною и дверью, но я сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю. Да можетъ-быть, они и случайно такъ сѣли... Въ крайнемъ случаѣ—на стѣнѣ висѣло ружье, хотя я и зналъ, что стрѣлять врядъ ли рѣшусь.

„Самое плохое, что сундучокъ съ деньгами въ другомъ углу комнаты!“—невольно подумалъ я и сейчасъ же отогналъ прочь эту мысль: „Какое право имѣлъ я подозрѣвать моихъ гостей? Ну, напились ради праздника, это такъ; но отсюда до грабежа—дистанція огромнаго размѣра“.

Я открылъ книгу въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончилъ читать.

— Вы говорите, что знаете Темзу... Такъ вотъ, три молодыхъ англичанина собрались на эту рѣку на прогулку, на цѣлыхъ двѣ недѣли, какъ это тамъ у нихъ дѣлается. Одинъ изъ нихъ былъ выбранъ товарищами „провіантмейстеромъ“ и началъ укладываться...

И я началъ читать потѣшную сцену укладки, переходящую въ исторію со „спѣлыми“ сырами.

— Это значитъ, съ душкомъ, ваше бродь? Это мы, то-ись, понимаемъ! Занятно написано... Все одно, что̀ баба съ селедкой: какая расфуфыристая ни будь, за версту отъ нея убѣжишь!—и оба расхохотались пьянымъ смѣхомъ.

Я продолжалъ читать. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше они закатывались хохотомъ—въ особенности къ концу исторіи, гдѣ разсказывается, что сыры пришлось вырыть изъ земли на кладбищѣ и зарыть въ песокъ на морскомъ берегу, такъ какъ иначе отъ нихъ невозможно было отдѣлаться.

— Значитъ, самимъ покойникамъ не по вкусу пришлось, ихній духъ перебило!..—загоготали мои гости, раскачиваясь и утирая слезы пьянаго смѣха.

Я пропустилъ нѣсколько страницъ, выбирая наиболѣе занимательныя для нихъ.

— Читай, ваше бродь! Подрядъ читай!.. Мы выпили, это точно, но все понимать можемъ. Вотъ воды холодной выпьемъ и совсѣмъ будемъ молодца...

Жиганы выпили изъ кадки два полныхъ ковша воды, обтерли водой лица и устремились снова къ столу.

— Теперь мы совсѣмъ въ аккуратѣ. Читай, ваше бродь!

Понемногу ихъ лица дѣлались сознательнѣе, пьяный тонъ смѣха исчезъ. Водворилась тишина, нарушаемая лишь моимъ чтеніемъ и, по временамъ, замѣчаніями слушателей.

— Мастакъ, одно слово, мастакъ!.. И востеръ же этотъ Джеромъ расписывать, нелегкая его побери!.. Какъ это онъ ловко насчетъ этихъ самыхъ пьяницъ, что̀ въ кровать другъ къ дружкѣ ногами полегли и одинъ другого повыгонкали!.. Извѣстно, что пьяному море по колѣно.

Часы тикали, время шло. Одинъ изъ жигановъ облокотился на столъ, жадно впившись въ книгу глазами. Другой откинулся на спинку стула и, затягиваясь трубкой, которую закурилъ съ моего разрѣшенія, меланхолично задумался. Я инстинктивно читалъ все лучше и лучше, совершенно забывъ опасенія о сундукѣ съ деньгами и безсознательно втягиваясь въ странный аккордъ...

— А что̀, этотъ Джеромъ изъ господъ будетъ или изъ нашего брата?—спросилъ вдругъ Пахомовъ.

— Извѣстно, изъ господъ. Вишь, они пироговъ, да яблоковъ, да варенья накупили. Просто баловаться, значитъ, по рѣкѣ поѣхали.

— Извѣстно, господа: имъ жисть легкая, не то что̀ нашему брату... Живешь, маешься, а потомъ протянешь ноги гдѣ-нибудь подъ заборомъ, какъ собака, или въ тайгѣ звѣри съѣдятъ... Да и самъ человѣкъ словно въ звѣря превращается, мохомъ обрастаетъ... Вонъ хотя бъ сегодня, какая ночь-то!.. Всѣ другіе вмѣстѣ, тары-бары разводятъ, веселятся, а жигану нигдѣ мѣста нѣтъ. Рабочіе—наша же черная кость—а и тѣ, небось, въ компанію не примутъ... Да и мы тоже хороши... чего въ такую ночь задумали...

— Молчи, червь, тля полосатая!—оборвалъ Заремба изліянія товарища и, насупивъ брови, отчего его обвѣтренное лицо приняло прямо звѣрское выраженіе, вдругъ рѣшительно заявилъ:—Читайте, ваше бродь. Очинно антиресная книжка.

Я въ недоумѣніи взглянулъ на обоихъ моихъ слушателей. Что̀ они задумали? Зачѣмъ остались и сидятъ настойчиво здѣсь, вмѣсто того, чтобы итти въ общую избу? Дѣйствительно ли ихъ такъ заинтересовала книжка, или у нихъ что-нибудь скрытое на умѣ?

До возвращенія вѣстовыхъ оставался почти цѣлый часъ. Я посмотрѣлъ въ окно. Буря начала улегаться. Луна пробилась-таки и висѣла въ небѣ яркимъ дискомъ, уже хладнокровная къ уносившимся остаткамъ тучъ.

— Читайте, ваше бродь!—еще настойчивѣе повторилъ Заремба.

Я еще разъ внимательно оглядѣлъ ихъ обоихъ, невольно придвинулся ближе къ углу, гдѣ висѣло ружье, потомъ рѣшительнымъ движеніемъ приблизилъ книгу къ лампѣ и продолжалъ.

Прошло четверть часа. Время точно вдругъ остановилось. Какія-то тѣни протянулись черезъ комнату и легли на противоположную стѣну странными узорами.

Пахомовъ жадно сосалъ трубку и какъ-то сосредоточенно молчалъ. На лбу у Зарембы выступили крупныя капли пота, и видно было, что въ немъ происходила напряженная работа мысли.

— Вы бы сняли полушубки, вѣдь жарко,—замѣтилъ я.

— Ничего, и такъ посидимъ. Читай, ваше бродь!—почти повелительно повторилъ Заремба.

Мое настроеніе читать уже упало къ этому времени. Странное упорство моихъ гостей и вообще что-то напряженное во всей атмосферѣ, словно физически висѣвшее въ комнатѣ, совершенно парализовало для меня интересъ чтенія.

— Вотъ это ладно!—вдругъ воскликнулъ Пахомовъ, когда я прочиталъ эпизодъ о дарованіи Хартіи вольностей.—Вотъ кабы намъ такъ! Рабочему люду сразу легче бы стало.

— Молчи ты, мозглякъ, не твоего ума дѣло!—снова перебилъ Заремба.—Чего читать мѣшаешь?..—И такъ свирѣпо посмотрѣлъ на своего товарища, что у меня невольно мурашки пробѣжали по тѣлу и началъ усиленно биться пульсъ.

Отчего онъ разсвирѣпѣлъ?.. Впрочемъ, на всякій случай, у меня есть револьверъ—тамъ, на полкѣ, подъ книгами... Я бросилъ быстрый взглядъ на полку.

Револьвера тамъ не было.

Мой взглядъ, вѣроятно, не укрылся отъ жигана:

— Не слушайте его, ваше бродь! Я ужо ему накостыляю. Продолжайте. Очинно занятная книжка.

До прихода вѣстовыхъ оставалось еще полчаса. А вдругъ они загуляютъ?..

Я уже не сомнѣвался, что мои гости что-то замышляютъ—иначе револьверъ былъ бы на мѣстѣ. Я отлично помнилъ, что, возвратясь съ прогулки, положилъ его туда. Очевидно, онъ исчезъ въ первыя же минуты появленія рабочихъ, когда они выбирали книгу на полкѣ. Правда, есть ружье,—но его еще надо было зарядить...

Но дѣлать было нечего. Я подавилъ волненіе и голосомъ, которому постарался придать безпечность, принялся снова читать. Но съ буквами, словами и строчками что-то словно случилось: онѣ прыгали и летѣли куда-то, какъ бѣшеныя... Я едва поспѣвалъ за ними... Въ вискахъ стучало... Я читалъ однотонно, безъ удержу, залпомъ—лишь бы разглядѣть и не сбиться!—останавливаясь на мгновеніе лишь тогда, когда уже совершенно не хватало дыханія.

Лица слушателей были передо мной какъ будто въ туманѣ. Я уже не могъ ясно наблюдать за ними. Сквозь туманъ только изрѣдка вспыхивало пламя трубки Пахомова и рисовались впившіеся въ край стола кривые пальцы Зарембы.

Не знаю, сколько времени прошло въ этой кошмарной волнѣ, словно уносившей меня въ какихъ-то тискахъ.

Вдругъ Заремба ударилъ кулакомъ по столу и вскочилъ.

Чтеніе оборвалось на полусловѣ. Еще не очнувшись, я уставился на жигана.

— Довольно, ваше бродь. Уважили. Хорошій этотъ твой Джеромъ, а только будетъ теперь. Слышно, народъ идетъ... пѣсни поютъ.

Я прислушался. Издалека дѣйствительно доносилась не то пѣсня, не то гармоника, но такъ слабо, что только изощренный слухъ жигана могъ поймать звуки, несмотря на мое чтеніе.

— Такъ что̀ жъ!—очнулся я:—идутъ съ пѣснями, такъ и мы къ нимъ пойдемъ.

— Нѣтъ, намъ съ ними не рука. Дороги разныя... Давай по красненькой... Мы, значитъ, расчетъ просимъ и сейчасъ уйдемъ.

— Куда? Зачѣмъ?

— Дѣло есть. Говорю, давай по красненькой! Вѣдь, чай, работали.

— Для этого вы и пришли? Отчего же сразу не сказали?

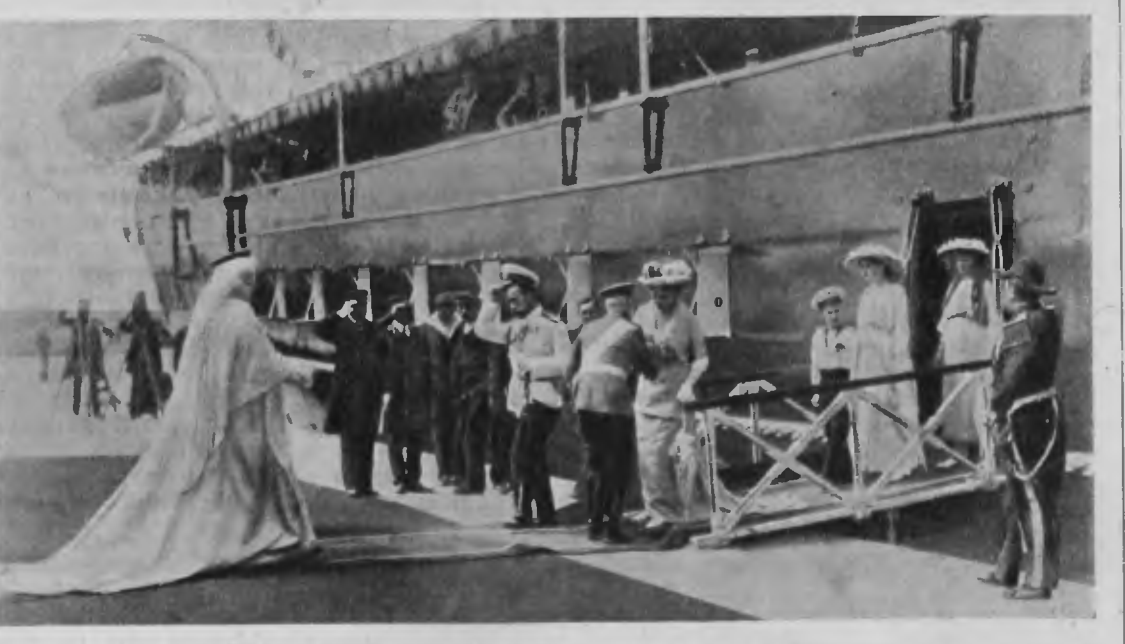
— Некогда тутъ разговаривать!—перебилъ Заремба пытавшагося что-то отвѣтить Пахомова.—Пришли для того, чтобы ограбить тебя,—вотъ и все тутъ. Для того и къ партіи примкнули и двѣ недѣли сторожили, потому знали, что къ празднику долженъ деньги получить. Ну, а теперь, ваше бродь, скорѣй подавай деньги! Намъ съ народомъ встрѣчаться нечего!

Я вытряхнулъ на столъ изъ кошелька все содержимое, около тридцати рублей, и придвинулъ ихъ къ жиганамъ.

— Не надо столько. Сказано, заработали по красненькой—ее и возьмемъ.—И Заремба отсчиталъ двадцать рублей.—Вотъ только книжку давай, безъ книжки не уйдемъ. Твое счастье, что книжка хорошая попалась, а то порѣшили бы тебя.—И онъ спокойно сунулъ книгу въ карманъ.—Ну, вотъ и все теперь. Желаемъ здравствовать.

Онъ сильно потянулъ за рукавъ товарища, все еще пытавшагося выговорить что-то, и черезъ секунду оба исчезли за дверью.

Да и пора было. Пѣсня докатилась почти до моей фанзы, со смѣхомъ и говоромъ въ перемѣшку...





Ея Величество Королева Румынская Елисавета (извѣстная своими литературными работами подъ псевдонимомъ „Карменъ Сильва“) встрѣчаетъ Ихъ Величествъ Государя Императора, Государыню Императрицу Александру Θеодоровну и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ, выходящихъ съ Императорской яхты „Штандартъ“.

Его Величество Король Румынскій Карлъ и Ея Величество Королева Елисавета вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами Наслѣднымъ Принцемъ Фердинандомъ и Наслѣдной Принцессой Маріей и Августѣйшимъ сыномъ Каролемъ (недавними гостями Россіи) привѣтствуютъ Августѣйшихъ Гостей.



Ихъ Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Θеодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны Ольга, Татіана, Марія и Анастасія Николаевны въ моментъ прибытія Императорской яхты „Штандартъ“ въ румынскій портъ Констанцу.

Высочайшее посѣщеніе г. Констанцы (въ Румыніи) Ихъ Императорскими Величествами и Ихъ Императорскими Высочествами 1 іюня с. г.

Десять лѣтъ, какъ умеръ Чеховъ...

Его нерукотворный памятникъ — его сочиненія влекутъ къ себѣ читателей все болѣе, съ каждымъ годомъ расширяя ихъ кругъ.

Давъ уже дважды — въ 1903 и 1911 годахъ — возможность нашимъ подписчикамъ пріобрѣсти при „Нивѣ“ сочиненія Чехова, мы **въ настоящемъ году,** въ ознаменованіе десятилѣтней годовщины его смерти, **рѣшили удовлетворить желаніе многихъ нашихъ нынѣшнихъ подписчиковъ,** не имѣющихъ въ своей библіотекѣ сочиненій Чехова, — **пріобрѣсти ихъ на льготныхъ условіяхъ** — за пониженную цѣну: въ теченіе всего 1914 года всѣмъ подписчикамъ сего года предоставляемъ право пріобрѣсти по 1 экземпляру первые **16 томовъ „Полнаго Собранія Сочиненій Чехова“** (данныхъ подписчикамъ „Нивы“ за 1903 г.) **за 4 рубля** безъ пересылки (пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ.—50 коп.) и **12 книгъ** (дополнит. „къ Полному Собранію Сочиненій Чехова“, данныхъ подписчикамъ „Нивы“ за 1911 г.: томы 17—22) **за 2 рубля** безъ пересылки (пересылка — 50 коп.; при совмѣстной высылкѣ всѣхъ 22 томовъ — пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ. 65 коп.).

Желающіе получить сочиненія въ 9 коленкоровыхъ переплетахъ доплачиваютъ 3 р. 60 к.

Для того, чтобы судить, насколько исключительны эти цѣны, укажемъ, что существующее отдѣльное изданіе **„Полное Собраніе Сочиненій Чехова“** стоитъ **24 рубля** безъ пересылки (16 томовъ по 1 р. 50 к. за томъ безъ переп.).

Эта льгота предоставляется исключительно подписчикамъ „Нивы“ сего 1914 года, выписавшимъ сочиненія Чехова не позже 31 декабря с. г.

Въ виду необходимости опредѣлить заблаговременно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ слѣдуетъ печатать сочиненія Чехова, гг. подписчики, желающіе **обезпечить себѣ полученіе сочиненій,** благоволятъ заявить объ этомъ **немедленно.**

Я стоялъ, какъ ошеломленный. Черезъ минуту въ дверяхъ появились вѣстовые:

— Такъ что позволите доложить, ваше благородіе, рабочіе пришли колядовать. Дозвольте впустить.

Черезъ нѣсколько дней жигановъ подобрали, замерзшихъ въ пьяномъ видѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашей стоянки. Въ карманѣ у Пахомова былъ мой револьверъ, а у Зарембы — книга.

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ нумерѣ мы продолжаемъ знакомить нашихъ читателей съ послѣдней Весенней выставкой въ Академіи Художествъ. Прежде всего здѣсь обращаютъ на себя вниманіе своеобразныя произведенія скульптора М. Блоха съ его характерными и рѣзкими фигурами первобытнаго человѣка, нашедшаго *„кладъ“*, и разнѣжившихся обезьянъ — *„Идиллія“*. Много жизни и энергіи и въ скульптурной группѣ С. Исакова *„Охота“*.

Изъ картинъ отмѣтимъ цѣлый рядъ жанровыхъ сценъ: *„Базаръ въ старомъ городѣ“* А. Лаховскаго — пестрая картина базарнаго незатѣйливаго торга въ провинціальномъ городкѣ. Далѣе, группа ребятишекъ, купающихся въ морѣ и въ солнечномъ свѣтѣ: *„Надъ моремъ“* Е. Чепцова, изящная фигурка молодой швейки *„За работой“* П. Мацкевича, уголокъ дѣтской съ забавными фигурками дѣвочки и ея куколъ — *„Кукла“* К. Мюнцеръ-Нейманъ, кокетливыя женщины въ старинныхъ платьяхъ — *„Кокетки“* Л. Мардеросова и наконецъ трогательная и живая сцена изъ итальянской жизни — *„Поминальный день во Флоренціи“* И. Дряпаченко. Тотъ, кому приходилось бывать на итальянскихъ кладбищахъ съ ихъ художественной, необыкновенно продуманной и прочувствованной надмогильной скульптурой и съ ихъ нѣжнымъ и трогательнымъ культомъ умершихъ, тотъ найдетъ въ картинѣ Дряпаченко характерныя черты итальянскаго „Campo santo“: бѣлѣютъ памятники и мраморные столбы оградъ, тускло краснѣетъ пламя лампадъ и свѣчей подъ стеклянными колпаками, зеленѣетъ листва вѣнковъ — и надъ могильными плитами усопшихъ людей склоняются въ день поминовенія пережившіе ихъ родные...



День „бѣлаго цвѣтка“ въ Крыму. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ Августѣйшими Дочерью и Сыномъ, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, продаютъ въ Ливадіи бѣлый цвѣтокъ въ пользу „Лиги борьбы съ бугорчаткою“. По фот. Запунидй въ Ялтѣ.

Изъ пейзажей, появившихся на Весенней выставкѣ, мы воспроизводимъ въ настоящемъ нумерѣ „Нивы“ поэтическій *„Порывъ“* А. Кайгородова, *„На слѣду“* С. Колесникова, *„Сѣрую тучу“* Е. Столицы и *„Весной“* И. Владимірова. Въ каждой изъ этихъ картинъ чувствуется жизнь природы въ ея различныхъ проявленіяхъ и настроеніяхъ.

Совершенно своеобразное впечатлѣніе производитъ фантастическій эскизъ Н. Шестопалова *„Элегія“*: въ причудливомъ рисункѣ линій, въ задумчивой сказочности пейзажа, въ грустно склоненной женской фигурѣ чувствуется музыка, словно въ красивомъ стихотвореніи.

Недавно исполнилось 35-лѣтіе художественной дѣятельности извѣстнаго художника Ю. Ю. Клевера. Кисти талантливаго пейзажиста принадлежитъ цѣлый рядъ интересныхъ по колориту и эффектныхъ картинъ, въ которыхъ живо возстаетъ предъ нами вѣчно-прекрасная и вѣчно-разнообразная природа. Въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала мы воспроизводимъ одинъ изъ послѣднихъ пейзажей Ю. Ю. Клевера — *„Золотая осень“*. Въ этой картинѣ талантъ художника сказался всѣми своими типичными сторонами и чертами: рѣдкой колоритностью, жизненностью, красотою рисунка.

Закрытіе думской сессіи.

(Вопросы внутренней жизни).

Зимняя сессія Гос. Думы, омраченная рядомъ рѣзкихъ конфликтовъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, закончилась несравненно болѣе мирно и счастливо, чѣмъ можно было ожидать, судя по зловѣщимъ слухамъ, распространяемымъ органами реакціонной печати. Послѣ обостренныхъ споровъ по смѣтамъ наименѣе популярныхъ вѣдомствъ — Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія — обсужденіе бюджета пошло ускореннымъ темпомъ и закончилось вполнѣ своевременно, не внося никакой задержки въ дѣятельность государственнаго механизма. Въ закрытомъ засѣданіи были приняты усиленныя ассигновки на флотъ и армію, долженствующія поставить нашу военную оборону на уровень тѣхъ рессурсовъ, которыми располагаютъ наши западные сосѣди. Партійная рознь не нарушила единства патріотическаго порыва, соединившаго голоса почти всѣхъ думскихъ фракцій въ принятіи колоссальныхъ расходовъ, необходимыхъ для защиты нашихъ границъ. Грандіозныя вооруженія Германіи и Австро-Венгріи сдѣлали неизбѣжными и для насъ соотвѣтствующія затраты на флотъ и армію. Въ общемъ итогѣ довольно оппозиціонно настроенная Гос. Дума оказалась на

высотѣ своего патріотическаго долга. Обнаруженная ею политическая зрѣлость нашла справедливую оцѣнку въ Высочайшей телеграммѣ на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ:

„Поручаю вамъ, — сообщалось въ Монаршемъ посланіи: — передать Государственной Думѣ изъявленіе Моего искренняго удовольствія по поводу принятаго Думою патріотическаго постановленія объ отпускѣ средствъ на усовершенствованіе обороны государства.

НИКОЛАЙ“

Милостивыя слова Государя Императора по тону своему представляютъ разительный контрастъ съ тѣми рѣчами, съ которыми обращались къ высшему законодательному учрежденію имперіи нѣкоторые изъ министровъ, и которыя дали основаніе обществу предполагать о какой-то принципіальной враждѣ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Правительство и народное представительство могутъ враждовать лишь постольку, поскольку не подчиняютъ своихъ стремленій общенаціональнымъ цѣлямъ и высшимъ народнымъ интересамъ, но какъ только обращаются сердцемъ къ заботамъ о родинѣ, вымышленная вражда и выдуманный антагонизмъ тотчасъ же смѣняются чувствомъ взаимной солидарности и полнаго патріотическаго единства. Отрадно видѣть, что полная тревогъ и борьбы думская сессія закончилась такимъ примирительнымъ аккордомъ. Онъ разгоняетъ зловѣщія опасенія и открываетъ въ будущемъ свѣтлыя и широкія перспективы дружной совмѣстной работы на благо отечества. Именно реальные интересы отечества и въ вопросахъ мирнаго преуспѣянія и въ вопросахъ военной подготовки требуютъ самаго строгаго контроля народнаго представительства надъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ употребленіемъ ассигнованныхъ на военныя нужды сотенъ милліоновъ рублей. Хотя для войны нужны деньги и деньги, но сами по себѣ онѣ еще не даютъ побѣды. За десятилѣтіе передъ войной съ Японіей Россія затратила на постройку военнаго флота и подготовку арміи цѣлые милліарды, неизмѣримо больше, чѣмъ затратила на подготовку своей арміи и флота нищенски бѣдная Японія, но преизбытокъ затратъ не спасъ насъ отъ пораженій ни на сушѣ ни на морѣ. Если народное представительство проявило свой патріотизмъ въ щедромъ и безпрекословномъ ассигнованіи на военныя нужды, то и высшая военная власть обязана проявить свой патріотизмъ въ разумномъ использованіи ассигнованныхъ милліоновъ именно на нужды государственной обороны, въ подъемѣ своей патріотической организаціонной работы, которая гарантируетъ Россію отъ повторенія пережитаго ужаса.

Ставшій Наслѣдникомъ австро-венгерскаго престола, послѣ злодѣйски убитаго 15 іюня с. г. въ Сараевѣ Эрцгерцога Франца-Фердинанда д'Эсте, внучатный племянникъ императора Франца-Іосифа и племянникъ убитаго (сынъ покойнаго его брата, Оттона), Его Высочество Эрцгерцогъ Карлъ-Францъ-Іосифъ (27 лѣтъ) съ Супругой Эрцгерцогиней Зитой Принцессой Бурбонской (22 лѣтъ) и дѣтьми: сыномъ — будущимъ наслѣдникомъ престола Францемъ-Іосифомъ-Оттономъ (2-хъ лѣтъ) и дочерью — Эрцгерцогиней Адельгейдой.

Сараевская драма.

(Политическое обозрѣніе)

Престарѣлаго австрійскаго императора Франца-Іосифа, пережившаго такъ много потрясающихъ семейныхъ драмъ, поразилъ новый ударъ судьбы: наслѣдникъ престола эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ и его супруга были убиты въ столицѣ аннексированной Австріею Босніи юнымъ фанатикомъ-гимназистомъ изъ боснійскихъ сербовъ. Покойный эрцгерцогъ пользовался репутаціей непримиримаго врага сербской народности: еще при жизни императора Франца-Іосифа онъ умѣлъ использовать все свое быстро возраставшее вліяніе во вредъ всему славянству и Россіи. Тѣмъ не менѣе въ лицѣ почившаго врага справедливость обязываетъ почтить человѣка, обладавшаго необычайной активностью, выдающейся энергіей и инціативой. Еще не облеченный властью, онъ уже направлялъ весь ходъ австрійской политики, вдохновлялъ австрійское и венгерское правительства на систематическое преслѣдованіе славянства, подготовлялъ армію и флотъ къ рѣшительной борьбѣ и съ ненавистной Сербіей и съ грозной Россіей. Въ его сердцѣ зрѣли широкіе и смѣлые до безумія планы, угрожавшіе гибельной катастрофой прежде всего его собственной родинѣ. Онъ сочеталъ въ себѣ



Къ убійству австро-венгерской наслѣдной четы въ Сараевѣ, въ Босніи, 15 Іюня с. г. Ихъ Высочества Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ д'Эсте и его Супруга, Герцогиня Софія Гогенбергъ въ кругу Своей семьи: старшей дочери — принцессы Софіи и сыновей — принца Максимиліана-Карла и принца Эрнеста.

безпокойный и предпріимчивый духъ съ какой-то почти истерической нервностью и порывистой, женственной неразсчетливостью. Богато одаренный, типичный неврастеникъ въ политикѣ, онъ положилъ починъ многимъ широкимъ и рискованнымъ начинаніямъ въ родѣ, напримѣръ, созданія такъ называемаго Мазепинскаго движенія, но едва ли былъ въ силахъ довести ихъ до благополучнаго конца. Безразсудный даже въ рыцарскомъ чувствѣ храбрости, онъ смѣло явился въ самый центръ враждебнаго лагеря и послѣ брошенной въ его автомобиль бомбы продолжалъ ѣхать по узкимъ улицамъ Сараева, безъ всякихъ предосторожностей подставляя свою грудь подъ выстрѣлы фанатиковъ. Славянство должно признать, что его врагъ почилъ славною смертью храбраго воина. Считая крайне опаснымъ для всей Европы и элементарно ошибочнымъ все направленіе покойнаго эрцгерцога Франца-Фердинанда, мы не можемъ не воздать должной дани почтенія его кипучей энергіи и не можемъ не выразить глубокаго сочувствія личному горю маститаго императора, которому суждено было быть свидѣтелемъ опустошенія всего императорскаго дома. Исторія почти не знаетъ участи, болѣе трагичной. Лично маститый монархъ пользуется горячей любовью всѣхъ своихъ подданныхъ, въ томъ числѣ и славянъ, получавшихъ за время его долголѣтняго царствованія не мало вынужденныхъ уступокъ своимъ справедливымъ требованіямъ. Императоръ Францъ-Іосифъ понимаетъ, что нельзя благополучно править страной, подавляя національныя права значительнаго большинства ея населенія, и потому всегда держался примирительной политики и видѣлъ себя вынужденнымъ передать власть наслѣднику съ неуравновѣшенно-аггрессивнымъ темпераментомъ. Самое существованіе Австріи и царствующей австрійской династіи тѣсно связано съ возможностью примиренія со славянствомъ. Будемъ надѣяться, что тяжелыя раны, нанесенныя въ разгаръ внутренней борьбы, скоро заживутъ, горе забудется, и, вернувшись въ колею благоразумной примирительной политики, многоплеменная Австрія найдетъ при новомъ престолонаслѣдникѣ —молодомъ эрцгерцогѣ Карлѣ-Францѣ-Іосифѣ тотъ миръ и то спокойствіе, которые могутъ дать государству только справедливое отношеніе власти къ человѣческимъ и національнымъ правамъ всѣхъ народовъ.



Извѣстный географъ генералъ-лейтенантъ Ю. М. Шокальскій, вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, почетный (honoris causa) докторъ физической географіи Императорскаго Новороссійскаго университета. По фот. К. Булла.

Ю. М. Шокальскій. (Портр. на этой стр.).

Среди современныхъ выдающихся географовъ крупной извѣстностью пользуется генералъ-лейтенантъ Юлій Михайловичъ Шокальскій, ординарный профессоръ Николаевской Морской Академіи и Женскаго Педагогическаго Института, вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, редакторъ журнала „Спасаніе на водахъ“.

Ю. М. Шокальскій родился въ 1856 году. Образованіе онъ получилъ въ Морскомъ училищѣ и въ Николаевской Морской Академіи, въ которой онъ блестяще окончилъ курсъ въ 1880 году. Будучи спеціалистомъ по гидрографіи, онъ началъ свою служебно-ученую дѣятельность въ Главной Физической обсерваторіи, гдѣ завѣдывалъ отдѣленіемъ морской метеорологіи. Въ 1890 году Ю. М. Шокальскому было поручено произвести гидрографическое изслѣдованіе и съемку нашихъ сѣверныхъ рѣкъ — Сѣверной Двины, Сухоны и др. Блестяще выполнивъ это порученіе, Ю. М. Шокальскій заинтересовался нашимъ сѣверомъ и его водными путями и сталъ изучать и изслѣдовать морской путь изъ Европы въ Сибирь. Результатомъ этого изслѣдованія явился солидный трудъ, напечатанный въ „Морскомъ Сборникѣ“ и создавшій автору почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ.

Затѣмъ Ю. М. Шокальскій много потрудился надъ изслѣдованіемъ Ладожскаго озера и Сѣвернаго Ледовитаго океана. Изъ трудовъ его извѣстны „Океаны“, „Охотское море“ и др. Изслѣдовалъ онъ полярныя страны и южнаго полушарія и въ этой области далъ много новаго и поучительнаго.

Слѣдуетъ отмѣтить труды Ю. М. Шокальскаго въ области картографіи: его гипсометрическія карты Европейской Россіи и рельефная карта странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ 60 градуса сѣверной широты. Крупный вкладъ въ науку представляетъ редактированіе Ю. М. Шокальскимъ „Большого Всемірнаго Настольнаго Атласа Маркса“, единственнаго въ Россіи изданія, начатаго подъ редакціей покойнаго профессора Э. Ю. Петри и законченнаго подъ редакціей Ю. М. Шокальскаго.

Съ 1882 года онъ состоитъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ теченіе цѣлыхъ семнадцати лѣтъ онъ былъ въ немъ секретаремъ отдѣленія физической географіи, а съ 1902 года занималъ въ томъ же отдѣленіи должность помощника предсѣдателя, а затѣмъ и предсѣдателя.

Въ нынѣшнемъ году Ю. М. Шокальскій избранъ на освободившійся за смертью П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго высокій научный постъ вице-президента Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а затѣмъ удостоенъ рѣдкаго академическаго отличія — единогласно избранъ почетнымъ докторомъ физической географіи Новороссійскаго университета (въ Одессѣ).

Нынѣшній годъ — годъ блестящаго признанія отечественной наукой выдающихся заслугъ Ю. М. Шокальскаго — застаетъ почтеннаго ученаго въ полномъ расцвѣтѣ его силъ и энергіи, и можно надѣяться, что талантливый ученый подаритъ русской наукѣ еще много блестящихъ трудовъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за **„Ниву“** сего 1914 г., къ 1 іюля слѣдуетъ внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 5-го іюля — съ 27-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 15“.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. г. XLV

№ 27 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 5 іюля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за Іюль 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Іюль 1914 г. съ 37 рис., отдѣльн. листъ съ 26 черт. выкр. въ натур. величину и 11 рис. для выжиганія.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1914 г.

Сердце жизни.

Повѣсть **В. В. Муйжеля.**

(Продолженіе).

V.

Въ столовой горѣла лампа, и подъ ея бѣлымъ, сильнымъ свѣтомъ остро поблескивали стекло и высокая ваза съ печеньемъ. Дѣти сидѣли у самовара и при входѣ незнакомаго господина робко поднялись и, вытирая рукавами рты, взглянули на Прохорову.

— Сидите, сидите, дѣтки, пейте чай, — успокоила она ихъ, трепля Колю по щекѣ.— Это—мои товарищи, — продолжала она, обращаясь къ Березскому.—Безъ нихъ мнѣ было бы скучно... — я занимаюсь съ ними, они приходятъ каждый день... Здѣсь мало народа, почти нѣтъ никого, мужъ бываетъ дома рѣдко,— у него постройка, какъ вы знаете, и еще какія-то дѣла, но я не скучаю...

Она говорила напряженно и быстро, стараясь этой усиленной разговорчивостью заглушить первое впечатлѣніе отъ появленія высокаго человѣка съ угрюмыми глазами и глухимъ голосомъ. Къ тому же у нея—быть-можетъ, безсознательно для себя — явилось смутное желаніе показать знакомому, съ которымъ не видалась съ тѣхъ поръ, какъ была дѣвушкой, что она счастлива

Этотъ человѣкъ, появившійся такъ внезапно, хотя



Н. Харитоновъ. Няня. Весенняя выставка.

она должна была помнить о его предполагаемомъ пріѣздѣ, всколыхнулъ въ ней старыя, полузабытыя ощущенія. Когда-то, еще будучи гимназисткой шестого класса, наивной и смѣшной дѣвочкой, она часто встрѣчалась съ нимъ и была, кажется, влюблена той наивной мечтательной влюбленностью, которая приходитъ въ извѣстномъ возрастѣ, какъ желаніе нравиться,—смутное безпокойство, внезапныя безпричинныя слезы глухой ночью, когда весь домъ спитъ, и только острый, блѣдный мѣсяцъ настойчиво смотритъ въ окно дѣвичьей комнаты..

Тогда онъ былъ гимназистомъ—высокимъ и тощимъ, должно-быть, бѣднымъ, потому что онъ постоянно бѣгалъ по урокамъ и ходилъ въ блузахъ съ короткими рукавами, изъ которыхъ торчали его большія красныя руки...

Часто, забывшись, они проводили цѣлые часы гдѣ-нибудь на пустынной улицѣ стариннаго городка, гдѣ родились и выросли. Онъ говорилъ, какъ всегда, возбужденно, иногда не совсѣмъ понятно, рѣзко взмахивая руками и настойчиво ища ея глазъ своимъ безпокойнымъ, напряженнымъ взглядомъ. А она слушала, и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, ей казалось, что во всемъ большомъ, населенномъ десятками тысячъ людей, городѣ, извѣстномъ съ дѣтства и привычномъ, какъ собственный домъ, — есть только одинъ понимающій ее человѣкъ, который можетъ отвѣтить на тайный вопросъ, котораго она никогда не рѣшилась бы никому задать...

Его товарищи кончили гимназію, поступили въ институты и и университеты, пріѣзжали на вакаціи блестящими студентами, наполнявшими весь городъ особой атмосферой молодой веселости и оживленія, а онъ гдѣ-то служилъ, попрежнему давалъ уроки и, когда встрѣчался со старыми одноклассниками, избѣгалъ ихъ, несмотря на ихъ молодое великодушіе, съ которымъ они обращались къ нему. Потомъ онъ исчезъ. Говорили, что онъ поступилъ куда-то приказчикомъ по рубкѣ и сплаву лѣса, и подруги съ негодованіемъ пожимали плечами и говорили ей:

— Приказчикъ, фи! Какъ ты могла, Тоня?!.

А въ это время кончавшій институтъ блестящій студентъ Прохоровъ, уже зарабатывавшій гдѣ-то на заводѣ по триста рублей въ мѣсяцъ, сталъ настойчиво ухаживать за нею и сдѣлалъ предложеніе. А потомъ пошла новая, необычайная жизнь, похожая на какой-то романъ, вычитанный изъ книги, и образъ высокаго, худого юноши съ напряженнымъ, настойчивымъ взглядомъ и красными руками, торчавшими изъ короткихъ рукавовъ, расплылся и погасъ въ быстрой смѣнѣ неожиданныхъ, влекущихъ впечатлѣній...

Теперь передъ нею сидѣлъ человѣкъ съ смуглымъ, нервнымъ лицомъ и глубоко запавшими глазами, смотрѣлъ пытливо, отыскивая что-то, ему одному извѣстное, и на ея вопросы отвѣчалъ глуховатымъ, чужимъ голосомъ:

— Да... Совершенно вѣрно! Возможно...

Закатъ уже погасъ за окномъ, и тьма кутала нѣжнымъ весеннимъ облакомъ еще обнаженные кусты сирени въ саду. Дѣти запросились домой — и ихъ надо было отпустить. Прохорова позвала Владислава и приказала ему отвести ихъ. Она вышла ихъ проводить на крыльцо и почему-то крѣпко поцѣловала, когда прощалась. А когда шла назадъ по темнымъ, неосвѣщеннымъ комнатамъ, ей было непріятно думать, что теперь во всемъ большомъ домѣ она останется одна съ чужимъ, страннымъ человѣкомъ.

„Куда его положить? — думала она. — Будетъ онъ жить у насъ или отдѣльно? Макса нѣтъ — вѣчно куда-то уѣзжаетъ, ничего не скажетъ. И какія дѣла у него постоянно?.. Середа былъ, говорилъ, что на постройкѣ его нѣтъ, а онъ нуженъ тамъ...“

Самоваръ уже давно потухъ, и Нюша два раза заглядывала въ комнату, не рѣшаясь убрать его, а они все сидѣли за столомъ, съ трудомъ поддерживая вялый, тяжелый для обоихъ разговоръ. Стараясь не смотрѣть ему въ лицо, — это почему-то было неловко, — она разсказывала о мужѣ, о томъ, какъ много у него работы, опять говорила объ учителяхъ, собиравшихся у нея, которымъ она хотѣла дать хоть небольшое развлеченіе въ тусклой, безрадостной жизни, о томъ, что она очень довольна, что живетъ въ деревнѣ, и хочетъ прожить здѣсь долго... Онъ внимательно смотрѣлъ на нее и отвѣчалъ коротко:

— Да, конечно...

— Ну, а вы какъ? — спросила наконецъ она, когда почувствовала, что говорить больше не о чемъ. — Какъ живете, какъ жили это время?.. Вѣдь мы такъ давно не видались...

— Да, давно. Вы были еще дѣвушкой, — проговорилъ онъ, слегка поворачивая большой съ длинными прямыми пальцами рукой блюдечко для варенья: — мы были дѣтьми. Я? — какъ будто переспросилъ онъ: — я не могъ бы похвастаться.

Она хотѣла спросить, женатъ ли онъ, но не рѣшилась и спросила:

— Вы одиноки?

И услышала холодный отвѣтъ:

— Да.

Вернулся Владиславъ, отводившій дѣтей, и, заглянувъ въ столовую, тихо спросилъ:

— Самоваръ прикажете убрать?

Антонина Александровна взглянула на часы и удивилась: казалось, они совсѣмъ не говорили, и было трудно говорить и сидѣть, чувствуя на себѣ его жуткій взглядъ, — а съ того времени, какъ она вернулась съ дѣтьми и сѣла за столъ, прошло три часа. „Какъ странно, три часа!..“

— Да, конечно, берите! — оживилась она. — Вы съ дороги, можетъ-быть, закусить хотите?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Но я усталъ — не спалъ двѣ ночи и хотѣлъ бы отдохнуть... Я долженъ сказать, — дѣлая движеніе рукой, словно желая не дать ей возможности противорѣчить: — что у васъ я пробуду только одну ночь. Завтра я найду себѣ квартиру; я не хотѣлъ бы стѣснять васъ...

— Но вы ничѣмъ не стѣсните... — начала-было она, но онъ опять не далъ ей говорить:

— Такъ будетъ лучше. Я самъ чувствовалъ бы себя свободнѣе, — продолжалъ онъ: — я буду только работать здѣсь...

Она уловила сдержанный холодокъ этихъ словъ и, слегка закусивъ нижнюю губу, согласилась:

— Какъ хотите... Владиславъ, приготовьте угловую боскетную...

На прощанье онъ пожалъ ей руку и поклонился, отчего густая черная прядь упала ему на лобъ, и, поблагодаривъ, ушелъ. Она вызвала кухарку, высокую, широкоплечую женщину, съ которой она непрестанно воевала за то, что она куритъ толстыя, крѣпкія папиросы, и долго совѣщалась съ нею о томъ, что̀ готовить завтра на обѣдъ. Потомъ, отпустивъ ее, сидѣла въ пустой столовой неподвижно, глядя на черныя окна, за которыми слегка шуршали вѣтви сирени, и думала. И думы были неопредѣленныя, чуть-чуть печальныя, какъ будто она еще одинъ разъ вспомнила и почувствовала, что ей двадцать восемь лѣтъ, и что молодость,— милая, невозвратная молодость, когда все таинственно и загадочно и все волнуетъ, — уже проходитъ...

Потомъ ушла къ себѣ, но и въ своей большой спальнѣ, придавленной невысокимъ потолкомъ, поддерживаемымъ двумя толстыми сверкающими колоннами, раздѣвалась медленно и не болтала, какъ обыкновенно, съ Нюшей, убиравшей ей волосы. А когда легла и потушила огонь—неизвѣстно чему вздохнула...

VI.

Чертежная была большая комната рядомъ съ кабинетомъ, гдѣ прежде помѣщалась гардеробная.

Когда въ кабинетѣ или въ большой гостиной, или даже въ столовой говорили—голоса доносились въ чертежную, и, прислушавшись, можно было разобрать, о чемъ говорятъ. Сидѣвшій за длиннымъ столомъ чернобородый человѣкъ время отъ времени откладывалъ въ сторону рейсфедеръ или кронциркуль и, слегка склонивъ голову къ одному плечу, слушалъ.

Онъ приходилъ въ девять часовъ, когда въ домѣ еще стояла утренняя тишина, подчеркнутая прямыми лучами солнца, золотившими старинную мебель. Владиславъ отворялъ дверь, дѣлалъ видъ, что помогаетъ раздѣться пришедшему, и тотчасъ же исчезалъ.

Сидя въ маленькой, свѣтлой комнаткѣ, Березскій слышалъ, какъ лакей вытираетъ пыль въ гостиной, передвигаетъ тяжелыя кресла и диваны, пыхтитъ надъ ковромъ. Иногда ему помогала Нюша, бойкая черноволосая дѣвушка въ высокой прическѣ, всегда слегка разбившейся оттого, что она вѣтромъ летала изъ

кухни въ комнаты, потомъ на дворъ, потомъ опять въ кухню, — и они бранились пониженными голосами.

Въ девятомъ часу въ столовой гремѣли посудой, заваривался чай, и большой никкелированный самоваръ пыхтѣлъ въ пустынной комнатѣ, а темные офорты смотрѣли на него неодобрительно.

Потомъ гдѣ-то очень далеко, едва слышно трещалъ звонокъ. Свистя юбками, пробѣгала Нюша, потомъ возвращалась, опять бѣжала куда-то, потомъ неслась въ столовую и, наливъ чаю въ маленькую китайскую чашечку, исчезала опять.

Высокій человѣкъ клалъ карандашъ и, наклонивъ голову, ждалъ.

Тишина уже измѣнялась. Въ нее входило нѣчто, дававшее неслышную, медленную жизнь пробужденія. Въ дверяхъ мелькалъ Владиславъ, но уже не въ жилетѣ, а въ синей тужуркѣ, съ озабоченнымъ, немного нахмуреннымъ, лицомъ. Самоваръ въ столовой уставалъ пыхтѣть и ворчалъ удовлетворенно.

Потомъ гдѣ-то, тоже очень далеко, чуть-чуть хлопала дверь, и слышались легкіе, неторопливые шаги. Звукъ смягчался, когда на дорогѣ попадался коверъ, потомъ доносился съ новой силой, когда идущій приближался. Боясь шевельнуться, бородатый человѣкъ съ нахмуренными бровями жадно ловилъ осторожное постукиваніе высокихъ каблуковъ и догадывался:

„Вотъ она прошла маленькую гостиную, вотъ узенькій коридоръ, гдѣ висѣли какіе-то темные портреты въ бѣлыхъ рамахъ, вотъ вошла въ столовую...“

Иногда бывало, что онъ слышалъ легкій шорохъ одежды. Тогда онъ жмурился еще больше и крѣпко сжималъ руки съ длинными прямыми пальцами.

Въ столовой опять брякала знакомая маленькая чашечка съ нѣжнымъ рисункомъ какихъ-то пагодъ и птицъ съ длинными хвостами, и визковатый, какъ будто слегка задыхающійся, голосъ спрашивалъ:

— Владиславъ, что Александръ почту уже принесъ? Ахъ, да, вижу... Нюша, принесите ножницы съ маленькаго столика у окна... Тамъ, въ несессерѣ...



А. Вернеръ. Призывъ. (Мраморъ). Весенняя выставка.

Березскій отодвигалъ доску, на которой былъ наклеенъ большой листъ гладкой бумаги съ намѣченнымъ карандашомъ контуромъ моста, становился у окна и смотрѣлъ въ садъ.

Много работы бывало только временами, когда внезапно пріѣхавшій Прохоровъ самъ сидѣлъ ночами за вычисленіями, ломая голову надъ длинными колоннами цифръ. Въ остальное время Березскій старательно выводилъ какой-то мостъ, и если Прохоровъ заставалъ его за этой работой, то говорилъ:

— Плюньте вы на эту ахинею, ну ее къ чорту... Понадобится она, когда еще Балтовскую вѣтку будутъ строить,—чего же теперь глаза портить!.

— Другой работы нѣтъ,—отвѣчалъ Березскій.

— И прекрасно, что нѣтъ, — подхватывалъ инженеръ. — Идите гулять, велите Александру осѣдлать лошадь, поѣзжайте верхомъ, наконецъ просто ложитесь гдѣ-нибудь на лужайкѣ и смотрите, какъ муравьи таскаютъ всякую дрянь...

Онъ поправлялъ очки, нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на чертежника затуманеннымъ взоромъ, потомъ мечтательно продолжалъ:

— Богъ мой, съ какимъ бы наслажденіемъ удралъ я теперь куда-нибудь въ лѣсъ, въ эдакій сухой, поросшій верескомъ, боръ, хлопнулся бы на этотъ самый верескъ, теплый, нагрѣтый солнцемъ, закрылъ бы глаза и такъ лежалъ бы три дня и три ночи... Какъ Іона во чревѣ китовомъ!..

— Кто же вамъ мѣшаетъ сдѣлать это?

— Гм., кто... Изволите видѣть, душа моя, сегодня среда? Такъ: завтра, въ четвергъ, загрузка Сонинскаго моста—десятникъ, мой знаменитый Пятница, лается, что пришлось отложить на три дня, и рабочіе ничего не дѣлаютъ, въ пятницу мнѣ надо быть на Ставочкѣ — это строящаяся станція, двадцать двѣ версты отсюда, а по дорогѣ заглянуть въ Тетерино — деревня, гдѣ у меня дѣло съ мужиками, въ пятницу же вечеромъ въ Петербургѣ засѣданіе комитета, а ѣзды съ лошадьми, вагонами и пр. двое сутокъ съ половиной— попробуйте попасть!.. А въ воскресенье надо опять въ деревню, но въ другую сторону, — тоже дѣло съ мужиками и пустошникомъ однимъ...

Онъ вздыхалъ, опускалъ голову и тонулъ въ цифрахъ, какихъ-то едва намѣченныхъ проектахъ выемокъ, насыпей, загрузокъ. А вечеромъ Александръ подавалъ къ крыльцу длинную линейку, Владиславъ выносилъ обтрепанный въ безконечныхъ дорогахъ чемоданъ, испещренный багажными наклейками, и инженеръ въ бѣломъ пыльникѣ, отъ котораго онъ былъ похожъ не то на католическаго монаха, не то на привидѣніе изъ плохого театра, прощался на крыльцѣ съ женой. Она говорила ему что-то, а онъ безпомощно разводилъ руками, кричалъ Владиславу, чтобы тотъ не забылъ вложить папиросъ въ сумку, торопливо прикасался губами ко лбу жены и усаживался въ линейку.

Бубенцы вздрагивали, лошади съ мѣста трогали рысью и, огибая цвѣтникъ съ черной вскопанной землей, изъ которой нѣжно и робко подымалась цвѣточная разсада, выносили за ворота съ покосившимися столбами, украшенными деревянными урнами.

Молодая женщина стояла нѣкоторое время на крыльцѣ, кутаясь въ накинутое на плечи пальто или пледъ, смотрѣла въ чистое вечернее небо, и въ глазахъ ея былъ большой и удивленный вопросъ.



М. Ивановъ. Молитва передъ посѣвомъ. Весенняя выставка (9-я премія).

Березскій отходилъ отъ окна, садился къ столу и, сложивъ руки, сидѣлъ, безсознательно прислушиваясь къ смутной жизни дома...

Онъ жилъ, снимая комнату у старухи-мѣщанки, одинаково далекій какъ самому селу, такъ и этому дому. Бывало такъ, что, приходя домой съ работы, онъ до слѣдующаго дня не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова,—и отъ этого жизнь его пріобрѣла характеръ замкнутости, и его какъ будто боялись. Онъ ходилъ по улицамъ села, чувствуя на себѣ пристальные взгляды закутанныхъ въ черные платки старушекъ, порой ловилъ какое-нибудь замѣчаніе на свой счетъ и съ удивленіемъ думалъ о томъ — какъ и чѣмъ живетъ эта кучка собранныхъ въ одно мѣсто людей?

Село было большое, со старой церковью, съ торговой площадью, и населяли его главнымъ образомъ потомки ямщиковъ, гонявшихъ обозы и ямщину по большому тракту. Съ тѣхъ поръ, какъ въ уѣздѣ прошла желѣзная дорога, оттянувшая собою все движеніе, село медленно и неуклонно умирало,—и трудно было понять, чѣмъ существуютъ всѣ эти разлѣнившіеся по традиціи мѣщане, что ютились въ высокихъ, теперь покосившихся и выпирающихъ крутыми изгибами, избахъ? Пашни у нихъ не было, торговать было нечѣмъ, къ тому же на три тысячи жителей на площади красовалось около сотни всевозможныхъ лавокъ, аккуратно отпиравшихся по утрамъ и запиравшихся вечеромъ, хотя никто въ этихъ лавкахъ, кажется, ничего не покупалъ, и опухшіе отъ сидячки, праздничныхъ пироговъ и послѣобѣденнаго сна мѣщане цѣлый день пили чай изъ черныхъ, закопченныхъ чайниковъ и играли въ шашки...

По вечерамъ на лавочкахъ возлѣ домовъ сидѣли кучи народа, переговаривались черезъ улицу, лущили сѣмечко, судачили, и проходящій испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто онъ шелъ сквозь строй. Сплетня царила здѣсь, и при всей отчужденности своей жизни Березскій не могъ не знать, что волостной бьетъ свою жену за то, что она бѣгаетъ къ льняному приказчику; что желѣзнодорожный десятникъ Середа пьянствуетъ по субботамъ въ шинкѣ и, должно-быть, пропиваетъ разсчетныя деньги, выданныя для рабочихъ; что инженерскій кучеръ вчера сломалъ коляску и самъ отвезъ ее въ кузницу, не говоря господамъ...

Господскій домъ, его жизнь, инженеръ, его жена, самъ Березскій служили предметомъ самаго настойчиваго любопытства и безконечныхъ пересудовъ. Казалось бы, никому не было дѣла до того, какъ и чѣмъ живутъ въ этомъ домѣ,—но старуха, подававшая по утрамъ Березскому самоваръ, внезапно сообщала ему, что вчера инженеръ привезъ изъ Питера огромную рыбу, и что сегодня ее будутъ готовить на обѣдъ...

Ни Березскій ни даже Антонина Александровна никогда не знали, когда пріѣдетъ самъ Прохоровъ и куда уѣзжаетъ, а старуха, угрюмая и высокая, повязанная чернымъ платкомъ, изъ-подъ котораго виденъ былъ только длинный, сухой и желтый, какъ у покойника, носъ, вдругъ спрашивала своего жильца:

— А что, инженеръ-то не пріѣхадчи?

— Нѣтъ еще...—по обыкновенію, коротко отвѣчалъ онъ.

В. Федоровичъ. На берегахъ Саймы (Финляндія). Весенняя выставка. (Поощрительная премія).

Старуха нѣкоторое время молчала, смотрѣла въ полъ, словно соображая что-то, потомъ объявляла:

— Долженъ бы быть!.. Надо бы ему быть; такъ выходитъ, что сегодня безпримѣнно ему надо быть, какъ же такъ? Значитъ, тогда завтра ужъ будетъ, — заканчивала она, помолчавъ опять. И дѣйствительно, на слѣдующій день, придя на занятія, Березскій сталкивался у подъѣзда съ лошадьми, привезшими Прохорова.



К. Горбатовъ. Выпалъ снѣгъ. Весенняя выставка. (2-я премія).

Въ селѣ интересовались всѣмъ, что дѣлалось въ домѣ господами, прислугами, обстановкой, лошадьми,—и выходило такъ, что, если бы инженеръ вдругъ внезапно уѣхалъ, жить всему селу было бы нечѣмъ.

Это было новое, чего Березскій не зналъ до сихъ поръ, хотя ему приходилось жить въ самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. Это село представлялось ему не реальнымъ, возникшимъ сцѣпленіемъ тысячи интересовъ тысячъ людей, а чѣмъ-то такимъ, о чемъ дѣти, играя, говорятъ:—это не на самомъ дѣлѣ, а нарочно...

Ходили здоровенные парни въ хорошихъ пиджакахъ и лакированныхъ сапогахъ, ничѣмъ какъ будто не занимающіеся кромѣ ухаживанія за дѣвицами въ газовыхъ шарфахъ; сидѣли, неизвѣстно, для чего, бородатые люди въ пустыхъ лавкахъ и спорили о томъ, кто лучше играетъ въ поддавки: выглядывали изъ тусклыхъ окошекъ старушки... И нигдѣ Березскій до сихъ поръ не видѣлъ столько дурачковъ, юродивыхъ, убогихъ, блаженныхъ и прочихъ бродячихъ, Богомъ презрѣнныхъ людей, какъ здѣсь...

Былъ Захаръ-дурачокъ, огромный рыжебородый мужикъ, босой и безъ шапки, всегда вслухъ о чемъ-то разсуждавшій, похожій на медвѣдя тѣмъ, что, когда стоялъ, всегда покачивался съ ноги на ногу, какъ звѣрь въ клѣткѣ... Мальчишки дразнили его, крича ему вслѣдъ:

— Захаръ, косить надо, косить надо!—а онъ взмахивалъ длинной рукой, бранился и гремѣлъ на все село:

— Не косить, а чай пить надо, кофей пить, а косить не надо!..

Былъ Яша-дурачокъ — молодой, тщедушный, съ такими наивными голубыми глазами, что каждому, смотрѣвшему на нихъ, хотѣлось улыбнуться, весь обвѣшанный какими-то торбами, сумками, шелгунками, которые онъ повсюду носилъ съ собой, никогда никому не показывая, чѣмъ онѣ были наполнены; былъ просто юродивый, бѣгавшій въ одной длинной, ниже колѣнъ, рубахѣ, съ огромной палкой въ рукахъ, звенящій связкой крестовъ, болтавшихся у него на шеѣ, страшный, заросшій черными волосами, потрясающій палкой и вращающій желтыми бѣлками глазъ.

Потомъ были бабы-дурки — николаевская солдатка, танцовавшая на торговой площади за пятачокъ, пьяница Нюша—грязная, толстая, ходившая странной походкой оттого, что подъ животомъ у нея былъ подвязанъ кожаный мѣшокъ съ деньгами, накопленными подаяніемъ.

Это были странные люди, жившіе во всемъ селѣ, какъ у себя дома, всѣмъ извѣстные, ни отъ кого не зависящіе, свидѣтельствующіе о вырожденіи богатыхъ нѣкогда ямщиковъ, пропивавшихъ сотни рублей легкаго заработка...

По субботамъ они ходили на барскій дворъ, и Владиславъ или Нюша раздавали имъ по три копейки приготовленныхъ заранѣе Антониной Александровной денегъ.

Когда Березскій видѣлъ, какъ мальчишки доводили напомина-



И. Дроздовъ. Будни. Весенняя выставка. (4-я премія).

ніемъ о какой-то косьбѣ до изступленія обычно добродушнаго Захара, или пожилые, бородатые лавочники заставляли плясать за три копейки дурочку-солдатку, поощряя жирнымъ гоготомъ каждое неприличное движеніе, — на него нападала озлобленная тоска. Смутно чувствуя всю несправедливость этой злобы и оттого еще болѣе раздражаясь, онъ думалъ съ оттѣнкомъ ужаса о томъ — какой страшный, безконечный путь должны совершить всѣ эти люди, чтобъ понять такія простыя вещи, какъ то, что нельзя издѣваться надъ больнымъ, и что нужно остановить озорничавшихъ ребятъ, а не хохотать вмѣстѣ съ ними...

Искусство, наука, огромная человѣческая культура ему начинали казаться далекимъ и страннымъ миражемъ, существующимъ только для утѣшенія людей, среди насилія, злобы, черствости... Гдѣ-то были города, музеи, полные сокровищъ человѣческаго ума, гдѣ-то люди горѣли своей мыслью и чувствомъ, выбрасывали ихъ въ міръ, и міръ удивлялся человѣческому генію—а здѣсь на площади разнузданно плясала пьяная дурочка, и огромный Захаръ потрясалъ своимъ ревомъ замершія въ солнечномъ свѣтѣ улицы... Какая нищета, какой позоръ!..

Все ожесточеніе обниженнаго, отвергшаго сытый кусокъ во имя темнаго протеста, бродячаго человѣка, идущаго мимо городовъ, селъ, людей чуждымъ прохожимъ, — вспыхивало въ немъ, и по ночамъ онъ вертѣлся отъ жгучихъ, пожирающихъ мыслей, вспоминалъ всю свою длинную, неудачную жизнь и сухими, воспаленными глазами смотрѣлъ въ темноту... А когда дремота, призрачная и легкая, какъ голубое облако, внезапно окутывала мозгъ — передъ глазами вдругъ выростали юная гимназистка въ коричневомъ платьѣ и скромной шляпкѣ, пустынная улица стариннаго города и глубокіе, сѣровато-синіе глаза, пытливо уставившіеся съ нѣмымъ вопросомъ...

И какъ это бываетъ во снѣ, и только во снѣ, онъ протягивалъ впередъ руки и, полный немогущихъ пролиться, тяжкихъ слезъ, пытался крикнуть что-то — такое понятное, такое простое, отчего все станетъ сразу яснымъ и исчезнетъ гнетущее чувство не такъ прожитой жизни— и пробуждался. Не было никакой гимназистки, а была счастливая дорогой мебелью, красивыми лошадьми, вѣчно занятымъ мужемъ, вѣжливой прислугой женщина, слегка начавшая полнѣть, съ тѣми же сѣро-синими глазами и незнакомымъ, выхоленнымъ лицомъ...



К. Вроблевскій. Въ старомъ паркѣ. Весенняя выставка.



С. Слободянюкъ-Подолянъ. Портретъ профессора В. А. Беклемишева. Весенняя выставка. (5-я премія).

VII.

Антонина Александровна слышала, какъ славитъ Христа на рождество Женя, одинъ изъ мальчиковъ, приходившихъ къ ней, и ей понравился странный апокрифъ, читаемый послѣ славленія. Она просила его написать сказаніе и принести ей. Мальчикъ обѣщалъ, но потомъ, должно-быть, забылъ, ему напомнили—и какъ-то утромъ Владиславъ подалъ Антонинѣ Александровнѣ голубой, не совсѣмъ чистый конвертъ со странной надписью „ея высокопревосходительству госпожѣ анжинершѣ“.

Подавъ, Владиславъ коротко усмѣхнулся, но тотчасъ же сдѣлалъ серьезное лицо и неслышно вышелъ.

Прохорова вскрыла конвертъ и увидѣла крупно исписанный листъ сѣрой бумаги, на которомъ строчки падали въ одну сторону, а буквы, выведенныя дрожащей, срывающейся рукой, свидѣтельствовали о необычайномъ усердіи.

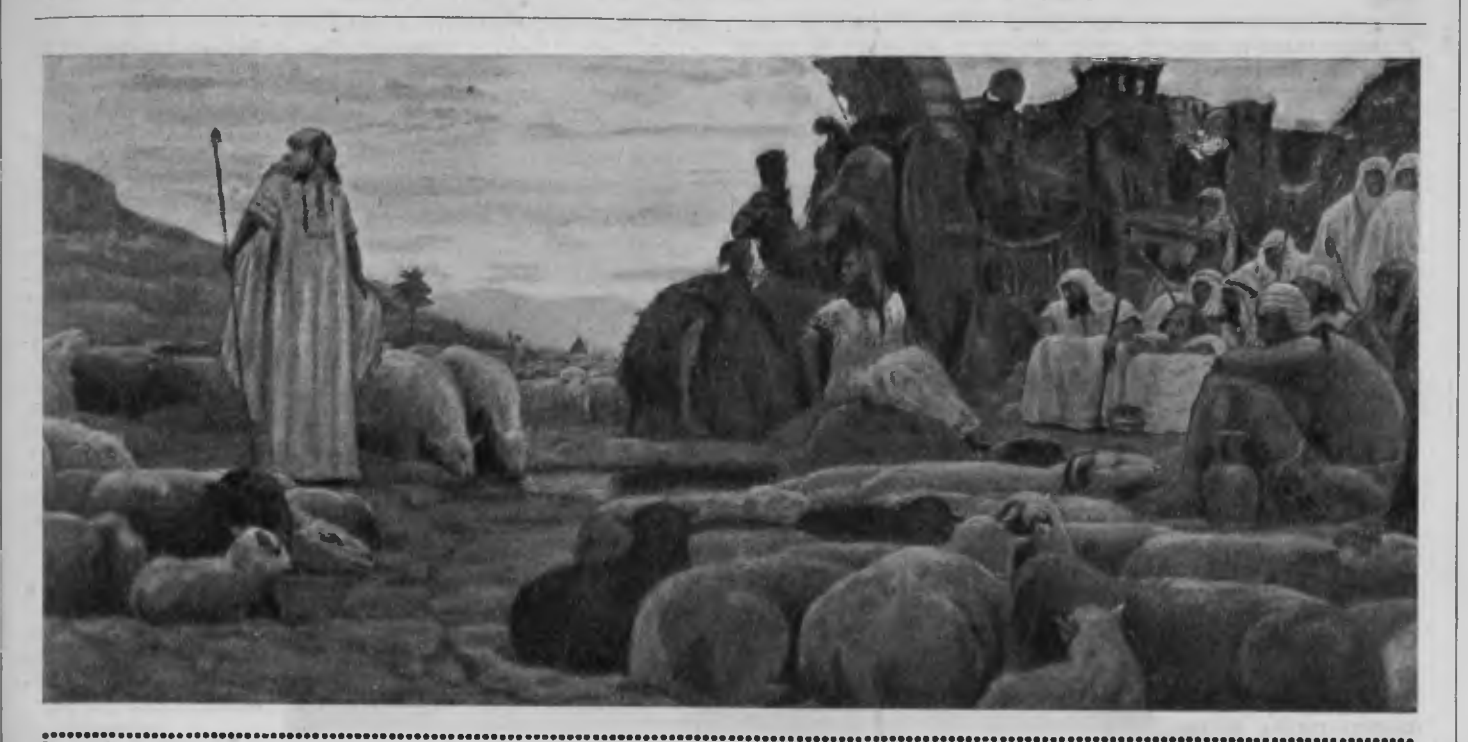
„Однажды Христосъ, Мальчикъ еще, возвращался изъ сада...“—читала она и улыбнулась: это былъ тотъ самый апокрифъ, который она просила Женю записать. Съ трудомъ, все такъ же улыбаясь, она дочитала сказаніе — наивное и простое, какъ древняя сказка, и внизу увидѣла:

„Ученикъ второго отдѣленія Запольской земской школы Евгеній Трубцовъ“, — а еще ниже, въ самомъ концѣ листа, странныя слова:

„А сколько за это денегъ будетъ?“

Потомъ стоялъ большой, тщательно выведенный, вопросительный знакъ и правильно нарисованная точка.

(Продолженіе слѣдуетъ).



В. Кучумовъ. Іаковъ и Рахиль. Весенняя выставка. (7-я премія).

„Я люблю васъ, Зина“...

Посмертный этюдъ **Вл. Тихонова.**

Зинаидѣ Сергѣевнѣ скучно. Зинаиду Сергѣевну охватила весенняя истома, и она мѣста себѣ не находитъ. Бродитъ изъ комнаты въ комнату; смотритъ на голыя деревья чахлаго садика; смотритъ на бѣловато-сѣрыя пятна опоздавшаго растаять снѣга, на покрытый грязью дворъ, на голубое небо съ легкими бѣлыми облачками и чуть слышно мурлычетъ:

«Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А ужъ ручьи журчатъ...»

Какъ-то по-дѣтски хныкаетъ. Беретъ книжку. Бросаетъ ее опять на столъ... И опять ходитъ то по мягкому ковру кабинета, то по линолеуму столовой...

Зинаида Сергѣевна молода, чтò бываетъ очень часто. Зинаида Сергѣевна хороша, чтò встрѣчается уже гораздо рѣже. Зинаида Сергѣевна замужемъ, но дѣтей у нея нѣтъ... Мужъ — адвокатъ. Хорошій адвокатъ, извѣстный, съ большой практикой... Живутъ они зачѣмъ-то въ Царскомъ Селѣ. Мужъ говоритъ, что „для воздуха“. Онъ увѣряетъ, что у него слабое сердце, и ему нуженъ кислородъ. А между тѣмъ онъ цѣлые дни проводитъ въ Петербургѣ: въ судахъ, въ палатахъ, въ Сенатѣ, гдѣ тамъ еще...

А Зинаидѣ Сергѣевнѣ кислородъ совсѣмъ не нуженъ, а между тѣмъ она вынуждена томиться въ Царскомъ Селѣ. Какъ это глупо и несправедливо! Въ Петербургъ она ѣздитъ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, а по воскресеньямъ къ нимъ пріѣзжаютъ гости; обѣдаютъ и играютъ въ карты до послѣдняго поѣзда. Но этого мало! Особенно весною, когда ее всегда куда-то тянетъ... чего-то хочется...

А нынче такая скверная весна!.. Конецъ марта, а лежитъ еще снѣгъ, и холодно...

«Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ
А ужъ ручьи журчатъ...»—

въ сотый разъ повторяетъ она, а сама думаетъ:

„Какъ теперь хорошо въ Парижѣ... Тамъ теперь уже апрѣль и все, все улыбается...“



В. Беклемишевъ. Патріархъ Филаретъ. Весенняя выставка.

Зинаида Сергѣевна подсаживается къ піанино и тихонько наигрываетъ вальсъ „Sourir d'avril“. Но это ей сейчасъ же надоѣдаетъ. Вальсъ — такой старый-старый, избитый и сладкій, какъ рахатъ-лукумъ... Она отходитъ отъ піанино и опять смотритъ въ окно...

„А въ маѣ Парижъ будетъ весь лиловый отъ цвѣтовъ. А у насъ...“

«Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А ужъ журчьи ручьятъ...»—

умышленно перевираетъ она вторую строчку,—но и это ея не развлекаетъ...

„Позвонить развѣ кому-нибудь въ телефонъ? Но къ кому? Къ мужу, въ судъ? А чтò сказать ему? Ничего. Развѣ только, что онъ извергъ, варваръ и злодѣй зато, что держитъ ее здѣсь, въ Царскомъ Селѣ... Къ знакомымъ кому-нибудь? Ну, и непремѣнно узнаешь, что „у Манечки — корь“, „у Ольги Васильевны — аппендицитъ“, а „у Льва Ѳедоровича—воспаленіе легкихъ“... Нынѣшней весной у всѣхъ такъ... А въ Парижѣ нѣтъ ни кори ни аппендицита... А если и есть, то никто объ этомъ не говоритъ...“

Въ столовой сѣрый попугай сидитъ въ клѣткѣ, нахохлившись.

— Попка, чтò у тебя — корь или аппендицитъ? — спрашиваетъ Зинаида Сергѣевна.

Но попугай ничего не отвѣчаетъ, а смотритъ на нее только искоса своимъ круглымъ глазомъ.

«Еще въ поляхъ бѣлѣетъ...» —

заводитъ опять Зинаида Сергѣевна и вдругъ слышитъ слабое дребезжаніе телефоннаго звонка.

Зинаида Сергѣевна быстро идетъ въ кабинетъ, подсаживается къ письменному столу, снимаетъ трубку телефона и, немного усиливъ голосъ—когда говоришь изъ Царскаго Села въ Петербургъ, непремѣнно нужно усилить голосъ — говоритъ:

— Allo!

Маленькая пауза, и вдругъ откуда-то издали-издали ласковымъ и нѣжнымъ баритономъ кто-то произноситъ:

— „Я люблю васъ, Зина!“

— Чтò? Чтò? Чтò такое?—растерянно переспрашиваетъ Зинаида Сергѣевна.

Но телефонъ уже безмолвствуетъ.

И только какое-то шипѣніе и ритмическое постукиваніе какъ бы идущаго поѣзда доносится изъ трубки.

„Что̀ же это такое? Кто бы это могъ быть?“— спрашиваетъ самоё себя Зинаида Сергѣевна, все еще держа трубку телефона въ рукѣ.

Отъ волненія щеки ея слегка разгорѣлись, глаза съ недоумѣніемъ смотрятъ на аппаратъ.

Немного спустя, она звонитъ на станцію. Барышня долго не отзывается.

— Кто сейчасъ со мною говорилъ по телефону? — спрашиваетъ Зинаида Сергѣевна.

— Не знаю, изъ Петербурга,—говоритъ барышня.

— А нельзя узнать?

— Это очень трудно.

Зинаида Сергѣевна кладетъ трубку на рогульку телефона, встаетъ отъ стола, но долго еще стоитъ среди кабинета.



В. Зарубинъ. Вѣтеръ. Весенняя выставка.

„Совершенно незнакомый голосъ... бархатный, ласковый... Мужъ всегда говоритъ рѣзко и отрывисто... Николай Сергѣевичъ? Нѣтъ, не онъ... Да и зачѣмъ бы онъ такія глупости сталъ говорить?.. Кто бы это?.. Что̀ за мистификація? А главное—совсѣмъ незнакомый голосъ!..“

Зинаиду Сергѣевну начинаетъ тянуть въ Петербургъ. Она смотритъ на часы: половина второго. Зинаида Сергѣевна звонитъ горничную, быстро одѣвается, ѣдетъ на вокзалъ и—черезъ полчаса она уже въ Петербургѣ.

Но, пріѣхавъ на Петербургскую станцію, она не знаетъ, зачѣмъ пріѣхала и куда ей дѣваться? Впрочемъ, на всякій случай беретъ извозчика и велитъ ѣхать въ Гостиный дворъ. Ходитъ по магазинамъ и покупаетъ цѣлый ворохъ разной бумаги: макраме́, кроше просто, кроше жемчужнаго, царской шерсти...

„Буду работать,—соображаетъ она. — Это поможетъ мнѣ скоротать время...“

Въ четыре часа она заѣзжаетъ за мужемъ, и они уже вдвоемъ ѣдутъ домой, въ Царское.

— Ты мнѣ не звонилъ, такъ, во второмъ часу?

— И не думалъ! — отвѣчаетъ мужъ и устало зѣваетъ. — Ужасно, какъ эти весенніе дни разморяютъ человѣка, — говоритъ онъ.

На другой день Зинаида Сергѣевна, проводивъ мужа, принимается за вязанье. Сначала у нея все не ладится... Она позабыла, какъ это дѣлается... Она нѣсколько разъ мѣняетъ нитки и узоръ. А мысли ея опять въ Парижѣ... А Парижъ—весь лиловый и такой веселый, такой крикливый, улыбающійся...

Въ кабинетѣ дребежжитъ звонокъ телефона. Зинаида Сергѣевна слегка вздрагиваетъ и торопливыми шагами идетъ туда.

— Allo!—говоритъ она въ трубку.

— Я люблю васъ, Зина! — откуда-то издали доносятся до нея ласковыя, нѣжныя слова.

— Послушайте! Послушайте!—кричитъ Зинаида Сергѣевна.



Н. Харитоновъ. Дѣти. Весенняя выставка.

Но въ аппаратѣ что-то звякаетъ, и только ритмическій шумъ да неясный гулъ доносятся изъ трубки.

Долго, задумавшись, сидитъ Зинаида Сергѣевна у письменнаго стола и все старается вспомнить: чей это голосъ?

Щеки у нея опять разгорѣлись, и глаза ищутъ чего-то. Она смотритъ на часы: половина второго...

На третій день въ четверть второго Зинаида Сергѣевна сидитъ уже у письменнаго стола и... ждетъ.

Дребежжитъ звонокъ.

— Allo!

— Я люблю васъ, Зина!

Зинаида Сергѣевна роняетъ трубку и сердито стучитъ кулачкомъ по столу:

— Да кто же это наконецъ?

И она звонитъ на станцію, проситъ барышню навести справку, откуда сейчасъ съ нею говорили.

Барышня неохотно соглашается, но черезъ полчаса сообщаетъ ей:

— Изъ „Hôtel de France“.

Зинаида Сергѣевна безпомощно опускаетъ голову...

На слѣдующій день—воскресенье. Мужъ не ѣдетъ въ Петербургъ. Въ 1 часъ—онъ сидитъ около своего письменнаго стола. Зинаидѣ Сергѣевнѣ страшно хочется отвлечь его оттуда, и она выдумываетъ предлогъ. Наконецъ входитъ и говоритъ:

— Посмотри, Боря, что̀ съ нашимъ попугаемъ!

— А что̀?—спрашиваетъ мужъ.

— Да я не знаю! Посмотри самъ!

Мужъ лѣниво встаетъ и идетъ въ столовую. Онъ вынимаетъ изъ клѣтки попугая, осматриваетъ его всего и говоритъ:

— Да ничего, кажется, нѣтъ!

Въ это время звонитъ телефонъ. Зинаида Сергѣевна бросается въ кабинетъ:

— Allo!

— Я люблю васъ, Зина!

Она быстро кладетъ трубку на рогульки и оборачивается.

Мужъ стоитъ въ дверяхъ.

— Что̀ такое? Кто звонитъ?—спрашиваетъ онъ.

— Путаница какая-то, не къ намъ!—отвѣчаетъ Зинаида Сергѣевна, а сама вся красная.

Къ обѣду пріѣхали гости: докторъ Воиновъ, присяжный повѣренный Хрептовичъ, еще присяжный повѣренный Арнольди съ женой... помощникъ мужа Избицкій, писатель Красильниковъ, тетя Варвара Степановна съ Олей.

Зинаида Сергѣевна, встрѣчая гостей, особенно внимательно прислушивается къ голосамъ мужчинъ: не изъ нихъ ли кто? Но у всѣхъ голоса такіе простые, неинтересные,—а тотъ—мягкій, ласковый баритонъ...

За обѣдомъ и вечеромъ она очень разсѣянна, говоритъ невпопадъ, часто заходитъ въ кабинетъ и вопросительно смотритъ на телефонъ. Ей теперь уже хочется, чтобы онъ зазвонилъ, и знакомыя четыре слова прозвучали оттуда.

— Я люблю васъ. Зина,—сама уже шепчетъ она.

Ее такъ и подмываетъ разсказать писателю Красильникову эту странную мистификацію, но тотъ за обѣдомъ пилъ много краснаго вина, а послѣ обѣда—коньяку съ кофе и теперь сидитъ красный, пыхтитъ и блаженно улыбается... Разскажи ему, онъ и не пойметъ ничего! А еще писатель!

Съ понедѣльника опять начинается та же исторія.

Четверть второго дребежжитъ звонокъ телефона.

— Allo!

— Я люблю васъ, Зина!

„Господи! Да что̀ жъ это такое? Зачѣмъ онъ скрывается? Ну, сказалъ бы прямо,—кто. Развѣ я разсердилась бы? Это такая милая шутка!“—думаетъ Зинаида Сергѣевна.

Въ среду она рѣшается на „отчаянный“, по ея мнѣнію, шагъ. Какъ только зазвонитъ телефонъ, она, вмѣсто того, чтобы говорить „allo“,—скажетъ:

— Слушайте! Перестаньте мистифицировать! Скажите прямо—кто вы? А то это несносно!

И съ часу она сидитъ уже возлѣ письменнаго стола, готовая всякую минуту снять трубку съ аппарата.

Маленькіе настольные часики тикаютъ передъ нею между чернильницей и прессъ-папье. Пять минутъ второго... шесть... семь...

И звонокъ задребежжалъ.

„Какъ сегодня рано!“—мелькаетъ въ головѣ у Зинаиды Сергѣевны.

Она быстро прикладываетъ трубку къ уху и говоритъ:

— Слушайте! Что̀ это за мистификація? Зачѣмъ вы позволяете себѣ эти глупости? Говорите прямо—кто вы?

— Что̀? Что̀ такое?—раздается изъ аппарата рѣзкій голосъ мужа.—Это ты, Зина? Что̀ ты такое говоришь?

Зинаида Сергѣевна вздрагиваетъ отъ неожиданности. Кровь ударяетъ ей въ голову. Горло стискиваетъ спазма.

— Что̀ такое говоришь ты? Это ты, Зина? Что̀ ты говоришь?—слышитъ она изъ аппарата настойчивый голосъ мужа.

— Это я...—съ трудомъ выговариваетъ она:—тутъ мнѣ надоѣли... все звонятъ... а ничего не говорятъ... я не знаю, кто.

— Вѣроятно, на станціи путаютъ,—замѣчаетъ мужъ.—Но дѣло вотъ въ чемъ: я предупреждаю тебя, что у насъ завтра будутъ гости обѣдать. Человѣкъ шесть. Такъ ты придумай какой-нибудь обѣдъ получше. Ну, и насчетъ вина.. Впрочемъ, это я самъ изъ Петербурга привезу. И закусокъ. А ты только насчетъ обѣда выдумай. Обдумай съ кухаркой и позвони ко мнѣ. Можетъ-быть, что-нибудь изъ провизіи нужно заказать назавтра? Слышишь?

— Слышу!—нетерпѣливо отвѣчаетъ Зинаида Сергѣевна и смотритъ на часики.

Они показываютъ девять минутъ второго.

— Ты позвони мнѣ такъ въ четвертомъ часу въ Окружный Судъ. Я тамъ буду до четырехъ. Ты вѣдь знаешь номеръ телефона?

— Знаю, знаю!

— Можетъ-быть, рыбы какой-нибудь купить? Салату? Или тамъ чего—ты скажи! Я изъ Суда зайду въ магазины и закажу. Обѣдать будетъ человѣкъ шесть, а можетъ-быть—семь и даже восемь...

Зинаидѣ Сергѣевнѣ ужасно хочется спросить: почему обѣдъ? Но она боится затянуть разговоръ. Минутная стрѣлка на часахъ уже подходитъ къ цифрѣ десять.

— Хорошо! Все обдумаю, все тебѣ скажу!—торопится она.

— Дамъ не будетъ. Все только товарищи. Иванъ Михайловичъ, между прочимъ, пріѣдетъ, Хрептовичъ, Левитскій, Егоровъ...

При словѣ „Левитскій“ Зинаида Сергѣевна почему-то слегка вздрагиваетъ.

— Ну, хорошо, хорошо! Я все обдумаю! До свиданья!

— До свиданья! — отвѣчаетъ мужъ.

Зинаида Сергѣевна кладетъ трубку на рогульки и облегченно вздыхаетъ. Часы показываютъ одиннадцать минутъ второго.

„Онъ сказалъ: — Левитскій...“—думаетъ она. И вспоминаетъ высокую, статную, красивую фигуру Левитскаго, тоже адвоката, товарища ея мужа, хотя моложе его по выпуску...

Левитскій раньше довольно часто бывалъ у нихъ, особенно когда они жили въ Петербургѣ. Ей казалось, что онъ не совсѣмъ равнодушенъ къ ней. По крайней мѣрѣ она часто ловила его большіе темно-каріе глаза, какъ-то жадно устремленные на нее. Она вспыхивала подъ этимъ взглядомъ, да и самъ Левитскій всегда смущенно потуплялся.

Она вспоминаетъ его голосъ, громкій, звучный, увѣренный, когда онъ говорилъ съ другими, и ласковый, почти нѣжный, когда онъ говорилъ съ нею. Разъ онъ спросилъ ее: какъ она смотритъ на женщинъ, измѣняющихъ мужьямъ?

И она, не давъ еще договорить ему вопроса, обрушилась цѣлымъ потокомъ осуждающихъ фразъ. Тогда она не находила въ душѣ своей ни малѣйшихъ оправданій для такихъ измѣнъ, она ихъ считала безчестными, унизительными, гадкими. Тогда они еще жили въ Петербургѣ, и шелъ всего третій годъ ея замужеству.

И вотъ именно послѣ этого разговора Левитскій все рѣже и рѣже бывалъ у нихъ, особенно когда они переѣхали въ Царское.

Послѣдній разъ онъ былъ чуть ли не въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а теперь уже мартъ. Даже на Рождество онъ не пріѣхалъ къ нимъ, а прислалъ только въ Новый годъ поздравительную телеграмму... А прежде бывалъ онъ часто и привозилъ цвѣты...

Зинаида Сергѣевна взглянула на стрѣлки часовъ и — испугалась: было уже двадцать минутъ второго, а „онъ“ все еще не звонилъ.

„Ну, да, да! Конечно! „Онъ“ навѣрное звонилъ, когда съ нею говорилъ мужъ, ему сказали, что аппаратъ занятъ, и онъ обидѣлся и ушелъ“...—волновалась она, сама не понимая, на что онъ, собственно, могъ обидѣться.

Она готова была сама сейчасъ позвонить къ нему... Но—куда? Къ кому?

Задребезжалъ звонокъ телефона. Слегка дрожащей рукой Зинаида Сергѣевна сняла трубку и приложила ее къ уху.

— Allo! — тише обыкновеннаго и нерѣшительно проговорила она.

Крошечная, но томительная пауза, и...

— Я люблю васъ, Зина!—донеслись нѣжные, бархатные звуки.

Зинаида Сергѣевна радостно улыбнулась и долго-долго еще держала трубку возлѣ уха.

А изъ телефона давно слышался какой то неясный говоръ разныхъ голосовъ, и между ними кто-то особенно настойчиво повторялъ:

— Шестьнадцать пудовъ по рупь сорокъ копеекъ. Что? Шестьнадцать пудовъ по рупь сорокъ копеекъ. Что?

Въ четвергъ къ обѣду пріѣхали гости, почти исключительно все судейскіе. Главнымъ образомъ, конечно, адвокаты, но былъ, впрочемъ, одинъ прокуроръ и одинъ членъ Суда.

А Левитскаго между ними не было.

— А Сергѣй Александровичъ? — спросилъ про него у кого-то изъ пріѣхавшихъ мужъ.

— Онъ пріѣхалъ съ нами, но только заѣхалъ тутъ куда-то на минутку по дѣлу,—отвѣтили ему.

У Зинаиды Сергѣенны словно камень съ груди свалился. Она такъ волновалась отсутствіемъ Левитскаго, а самой спросить ей было неудобно.

Въ передней позвонили, и черезъ минуту высокій, статный, красивый Левитскій съ большимъ букетомъ живыхъ цвѣтовъ вошелъ въ гостиную.

— Ну, вотъ! Всегда съ цвѣтами!—привѣтствовалъ его мужъ.

А Левитскій, склонивъ голову, цѣловалъ уже руку Зинаиды Сергѣевны.

„Ну. скажи, скажи, скажи что-нибудь!"—мысленно шептала она. Ей такъ хотѣлось услыхать его голосъ и сравнить съ тѣмъ, изъ телефона.

И онъ сказалъ:

— Я очень радъ видѣть васъ такой цвѣтущей!

Сказалъ ласково, почти нѣжно, но... нѣтъ! Звуки были не тѣ! Тѣ были гуще, бархатистѣе. А это—красивый, правда, но голосъ, какъ голосъ.

Пошли въ столовую. Левитскому, видимо, хотѣлось сѣсть рядомъ съ нею, но мужъ усадилъ съ одной стороны Ивана Михайловича, а съ другой—члена Окружнаго Суда, Левитскаго же увелъ на свой конецъ.

За обѣдомъ Зинаида Сергѣевна была очень разсѣянна, плохо слушала, отвѣчала иногда невпопадъ, такъ что даже мужъ, сидѣвшій на противоположномъ концѣ стола, и тотъ замѣтилъ это.

„Что съ нею послѣднее время? Какъ гости, такъ она сама не своя?"—подумалъ онъ.

А Зинаида Сергѣевна, разговаривая со своими сосѣдями, все время прислушивалась къ голосу Левитскаго, доносившемуся до нея сквозь гулъ общаго разговора. И ей казалось, что нѣтъ-нѣтъ да и прорвется знакомая нотка... изъ тѣхъ, что она ежедневно слушаетъ въ телефонѣ.

Послѣ обѣда, когда Левитскій подошелъ къ ней, чтобы поцѣловать руку, она вдругъ спросила:

— Ну, что, довольны обѣдомъ? Вѣдь вы—холостякъ, должны обѣдать по ресторанамъ... Кстати, гдѣ вы всегда завтракаете?

Левитскій какъ-то странно улыбнулся и отвѣтилъ:

— Въ разныхъ мѣстахъ и нигдѣ опредѣленно.

А она такъ ждала, что онъ скажетъ ей:—въ „Hôtel de France".

Сѣли играть въ карты. Зинаида Сергѣевна отказалась. Она, какъ хозяйка, обходила столы, перекидывалась парой словъ съ играющими и долѣе всего задерживалась у стола, гдѣ игралъ Левитскій. Впрочемъ, за этимъ же столомъ игралъ и мужъ. И она невольно сравнивала ихъ: мужъ—такой толстый, рыжеватый и уже почти лысый... А Левитскій—брюнетъ, съ слегка подернутыми сѣдиной висками. Крѣпкій, мускулистый... красивый... И на видъ по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ моложе мужа, а между ними разница всего года въ два.

У мужа сердце вялое, оттого у него и лицо такое отечное: а Левитскій весь словно точеный... И зубы какіе у него... веселые... славные...

Когда онъ взглядывалъ на нее, она подмѣчала въ глазахъ его тѣ горячіе блики, которые такъ смущали ее года два тому назадъ.

„Онъ или не онъ?"—думала она, отходя отъ стола. И ей хотѣлось, чтобъ это былъ онъ... „Но голосъ не тотъ!.. Тамъ баритонъ, мягкій... бархатный... Ахъ, Боже мой! Да отчего онъ не скажетъ? Вѣдь не самой же спрашивать!.."

— Что съ тобой, Зина?—заговорилъ мужъ, когда разъѣхались гости.—Ты такая стала разсѣянная, забывчивая. Тебя узнать нельзя!

— Просто мнѣ скучно, и я хочу куда-нибудь уѣхать!—капризнымъ голосомъ отвѣтила Зинаида Сергѣевна.

— Но, голубчикъ, у меня нынче весной столько дѣлъ, что раньше, какъ къ іюню, мнѣ и не освободиться!

— Въ іюнѣ! Очень интересно въ іюнѣ, когда вездѣ уже будетъ жарко! Теперь надо ѣхать! А не въ іюнѣ.

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ!—закончилъ мужъ самымъ прозаическимъ зѣвкомъ.

На другой день, ровно въ четверть второго, телефонъ донесъ ей завѣтную фразу:

— Я люблю васъ, Зина!

И Зинаида Сергѣевна сейчасъ же позвонила на станцію и попросила соединить себя съ Петербургомъ и дать ей „Hôtel de France".

— Allo!—раздался голосъ изъ телефона.

— „Hôtel de France"?

— „Hôtel de France".

— Говорилъ кто-нибудь сейчасъ отъ васъ въ Царское Село?

— Въ Царское Село?

— Ну, да, въ Царское Село.

— Не знаю... Кажется, что никто не говорилъ.

Зинаида Сергѣевна раздраженно повѣсила трубку.

„Ну, что жъ изъ этого?—сказала она сама себѣ:—вѣдь онъ же сказалъ, что завтракаетъ въ разныхъ мѣстахъ... Можетъ-быть, сегодня и не былъ въ „Hôtel de France"... Однако, отчего я такъ увѣрена, что это именно онъ?.. А можетъ-быть, другой кто... еще болѣе интересный?"—задумалась Зинаида Сергѣевна.

На слѣдующій день Зинаида Сергѣевна въ урочный часъ подошла къ телефону, какъ къ испытанному другу. Она знала уже, что онъ принесетъ ей милыя, желанныя слова.

Сѣла и стала ждать. И не замѣтила, какъ задумалась. Задумалась такъ, безъ словъ, безъ мысли. Передъ ея глазами срывались какіе-то образы, какія-то картины, смутныя и неясныя, и сейчасъ же пропадали.

И вдругъ изъ столовой донесся мягкій бой часовъ.

„Что такое?"—встрепенулась Зинаида Сергѣевна и взглянула на часики, стоявшіе на столѣ: стрѣлки показывали половину второго. А онъ—не звонилъ... Сердце у Зинаиды Сергѣевны ёкнуло.

„Что же это такое? — повторяла она про себя. — Что же, онъ такъ и не позвонитъ?"

Въ квартирѣ было тихо, и никто и ничто не отвѣтилъ ей на этотъ вопросъ.

Прошло еще съ четверть часа—телефонъ безмолвствовалъ. Около двухъ Зинаида Сергѣевна встала съ кресла и, грустная, разочарованная, прошла въ свою комнату. Эти четыре слова изъ телефона стали для нея уже необходимостью. И теперь, казалось ей, не хватало чего-то большого, нужнаго, даже важнаго. Она пробовала читать, но строчки путались въ ея глазахъ. Пробовала вязать, но то и дѣло путала нитки.

Она позвонила горничную, накинула на себя плащъ и вышла въ садъ. Какимъ мизернымъ показался онъ ей съ обнаженными еще деревьями, съ уныло чернѣвшими, не приведенными въ порядокъ, клумбами.

— Ахъ, уѣхать бы! Уѣхать бы куда-нибудь! — твердила она сама себѣ.

И опять парижскіе бульвары съ цвѣтущими каштанами рисовались въ ея воображеніи.

„Пойти развѣ въ паркъ?" — подумала она.

Но сейчасъ же отказалась отъ этой мысли. Этотъ старый Царскосельскій паркъ такъ надоѣлъ ей. Вѣчно все тотъ же Круглый Павильонъ, вѣчно все та же Турецкая баня, лебеди на пруду и няньки съ рахитическими ребятами въ колясочкахъ.

„Жизни нѣтъ! Жизни нѣтъ!"—твердила она самой себѣ и вдругъ, какъ-то ужъ очень по-русски, почти по-бабьи, простонала:

— Батюшки, скучно какъ! Ску-у-чно-о!

И сейчасъ же вспомнила слова мужа: „это оттого, что ты ничего не дѣлаешь и ничѣмъ не занимаешься!"

„А что дѣлать? Чѣмъ заниматься?—почти вслухъ проговорила Зинаида Сергѣевна.—Ѣздить на засѣданія разныхъ благотворительныхъ комитетовъ? Устраивать благотворительные вечера и маскарады? Такъ развѣ это дѣло? Развѣ бы такой дѣятельности хотѣла я?"

— А какой? — опять спросила она себя и даже остановилась посреди дорожки, по которой шла.

И ей представилась красивая, почти мощная, фигура Левитскаго, его кудреватая бородка, его веселые зубы.

— Я люблю васъ, Зина!..—шептала Зинаида Сергѣевна и сейчасъ же отвѣтила:—Вотъ съ нимъ бы я на какую угодно дѣятельность пошла... на что угодно!..

И ей вспомнилось опять, какъ въ первый годъ еще замужества она ѣхала съ мужемъ на пароходѣ между Генуей и Марселемъ. Дулъ сильный вѣтеръ. Пароходъ качало изъ стороны въ сторону. Мужъ, блѣдный, съ осунувшимся лицомъ, ушелъ въ каюту, чтобы лечь: его мучила морская болѣзнь. А она осталась одна на палубѣ, смотрѣла на злыя волны, взлетавшія то по одну, то по другую сторону, и любовалась молодымъ еще и красивымъ капитаномъ парохода, такъ спокойно, почти беззаботно стоявшимъ на своемъ мостикѣ.

И вотъ теперь ей представилось, что капитанъ этого парохода—Левитскій. И она чувствовала, что поднялась бы сейчасъ къ нему на мостикъ, обвила бы его шею рукой и крикнула бы сердитому морю:

— Ну! Ну, еще! Злись, злись, реви! Брызгай пѣной, трепли нашъ пароходъ, я не боюсь тебя! Здѣсь, съ нимъ, я не боюсь ничего на свѣтѣ!..

За оградой садика послышалось конское топанье, и у крыльца остановились извозчичьи дрожки.

Въ охватившемъ ее порывѣ Зинаида Сергѣевна бросилась къ рѣшеткѣ сада, и, появись въ этотъ моментъ передъ нею Левитскій, она обвила бы его шею руками, да такъ и замерла бы въ безумномъ поцѣлуѣ...

У подъѣзда стоялъ мужъ и расплачивался съ извозчикомъ. Протянутыя руки Зинаиды Сергѣевны опустились, голова поникла, и она разсмѣялась тихимъ и грустнымъ смѣхомъ.

(Окончаніе будетъ).

* * *

Льетесь вы, слезы народныя,
Льетесь широкой рѣкой;
Плачутъ, рыдаютъ голодные —
Пропитъ ихъ хлѣбъ трудовой,
Гибнутъ и силы могучія,—
Трезвый для родины трудъ.
Кровныя слезы, горючія
Всюду рѣкою бѣгутъ.

Скоро ль лучи просвѣтлѣнія,
Трезвости яркой взойдутъ?
Скоро ль во мракѣ забвенія
Чары вина пропадутъ?
Скорбны, о Боже, моленія...
Ты имъ, Всещедрый, внемли,
Радостный свѣтъ отрезвленія
Бѣдной отчизнѣ пошли!..

А. Котомкинъ.

Нѣсколько лѣтъ съ А. П. Чеховымъ.

(Къ 10-лѣтію со дня его кончины).

Воспоминанія **И. Н. Потапенко.**

(Продолженіе).

Какъ относился Чеховъ къ своему врачебному званію? Долженъ сказать, что я почти никогда не вспоминалъ о томъ, что онъ врачъ: ничѣмъ онъ не давалъ повода вспомнить объ этомъ, никогда не велъ онъ разговора о медицинѣ и медицинскомъ.

Конечно, особенно распространяться объ этомъ передъ неспеціалистомъ и невѣждой не было и смысла, но вѣдь это прорывается. Когда у человѣка есть влеченіе и любовь къ какому-нибудь дѣлу, то они будутъ сквозить во всемъ. У него же этого не было замѣтно.

У кого-то я прочиталъ, будто Антонъ Павловичъ страстно любилъ лѣчить. Вотъ чего я никогда не находилъ въ немъ. Когда къ нему обращались за врачебнымъ совѣтомъ, онъ отдѣлывался самыми общими мѣстами, и видно было, что онъ хотѣлъ поскорѣе кончить этотъ разговоръ.

Можетъ-быть, это объяснялось скрытой досадой, что онъ такъ отошелъ отъ медицины, на которую потратилъ столько лѣтъ и и энергіи; или просто это было сознаніе, что онъ въ этомъ дѣлѣ сильно отсталъ и не можетъ стоять на надлежащей высотѣ.

Вѣдь тутъ, за что бы онъ ни взялся, онъ непремѣнно сдѣлаетъ хуже, чѣмъ другіе врачи, которые практикуются и слѣдятъ за наукой. А ему была свойственна какая-то особенная гордость совѣсти: все дѣлать, какъ слѣдуетъ. И онъ никогда не брался за то, чего не могъ сдѣлать наилучшимъ образомъ. Вѣдь вотъ, напримѣръ, онъ всегда мечталъ о томъ, чтобы писать публицистическія статьи. Объ этомъ онъ упоминаетъ и въ своихъ письмахъ. Но онъ не писалъ ихъ, потому что онѣ ему не удавались. То-есть онѣ были бы не хуже всего того, что пишется, но это его не удовлетворяло.

Поэтому онъ, не отказывая въ совѣтахъ, когда къ нему приставали, не углублялся и ограничивался средствами, которыя если и не помогутъ, то во всякомъ случаѣ не могутъ повредить: сода, касторка, компрессы, припарки...

Когда въ Мелиховѣ приходили къ нему мужики и бабы съ нарывами и глубокими порѣзами, и ему объ этомъ сообщали, онъ кривился, — должно-быть, опять-таки отъ сознанія, что можетъ сдѣлать не такъ, какъ слѣдуетъ, но не отказывалъ, принималъ, съ величайшимъ вниманіемъ осматривалъ, рѣзалъ, вычищалъ и перевязывалъ.

Я думаю, что, если бъ за операціей пришелъ къ нему помѣщикъ, онъ послалъ бы его къ спеціалистамъ. Но для мужика спеціалистъ недостижимъ, и все равно лучше ему никто не сдѣлаетъ.

Однакожъ меня, напримѣръ, онъ вылѣчилъ отъ экземы, которой наградили меня въ одной изъ лучшихъ московскихъ парикмахерскихъ на Кузнецкомъ мосту. Спеціалисты прижигали, вырывали волосы и вообще истязали меня самыми послѣдними средствами, а онъ взглянулъ и сказалъ:

— Пустое. Вотъ я тебѣ выпишу салициловую мазь.

И выписалъ. И отъ этой мази экзема моя прошла безслѣдно.

И все-таки утвержденіе, будто онъ любилъ лѣчить, остается произвольнымъ. Иногда онъ будто и самъ себя хотѣлъ увѣрить въ этомъ и, напримѣръ, своему товарищу по гимназіи писалъ: „Медицина — моя законная жена, литература—незаконная. Обѣ, конечно, мѣшаютъ другъ другу, но не настолько, чтобы исключать другъ друга".

Но на это нельзя смотрѣть иначе, какъ на шутку. Пусть за годъ передъ этимъ онъ даже исполнялъ обязанности участковаго врача (по случаю холеры) въ своемъ уѣздѣ и своею дѣятельностью заслужилъ даже особую благодарность земцевъ.

Но это вытекало скорѣе изъ сознанія долга, чѣмъ изъ любви къ дѣлу. И даже въ періодъ этой работы, которая съ виду увлекала его, и ради которой онъ на время почти совсѣмъ отказался отъ писанія, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Суворину такъ характеризовалъ это занятіе:

„Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себѣ, думать только о поносахъ, вздрагивать по ночамъ отъ собачьяго лая и стука въ ворота (не за мной ли пріѣхали?), ѣздить на отвратительныхъ лошадяхъ по невѣдомымъ дорогамъ и читать только про холеру и ждать только холеры и въ то же время быть совершенно равнодушнымъ къ сей болѣзни и къ тѣмъ людямъ, которымъ служишь,—это, сударь мой, такая окрошка, отъ которой не поздоровится".

Но, думая такъ, онъ носился по своему участку, входилъ въ сношенія съ мѣстными помѣщиками, уговаривалъ ихъ жертвовать деньги и, получивъ отъ земства на это какую-то сотню рублей, устроилъ свой участокъ образцово.

И окружавшіе его люди въ самомъ дѣлѣ должны были думать, что онъ любитъ лѣчить и обожаетъ свое лѣчебное призваніе, а на литературу смотритъ, какъ на нѣчто второстепенное. А онъ въ это время писалъ:

„Нехорошо быть врачомъ. И страшно, и скучно, и противно. Молодой фабрикантъ женился, а черезъ недѣлю зоветъ меня: „непремѣнно сію минуту, пожалуйста"... Все это противно, долженъ я это сказать. Дѣвочка съ червями въ ухѣ, поносы, рвота, сифилисъ—тьфу! Сладкіе звуки и поэзія, гдѣ вы?"

Кажется, ясно, и не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, что искренняго влеченія къ врачебной дѣятельности А. П. не питалъ. Заблужденіе же наблюдателей объясняется тѣмъ, что за влеченіе они принимали исключительно развитое въ немъ чувство долга, которое заставляло его съ улыбкой на губахъ дѣлать то, что было ему непріятно и даже противно.

Такова была его дѣятельность по холерѣ. Онъ держался мнѣнія, что, получивъ медицинское образованіе и живя въ мѣстности, которой угрожаетъ эпидемія, онъ не имѣетъ права отказаться отъ примѣненія своихъ познаній. Онъ, который считался равнодушнымъ къ общественнымъ вопросамъ, какъ разъ равнодушія-то и не признавалъ и относился къ нему съ строгимъ осужденіемъ.

Между прочимъ, для доказательства его любви къ лѣченію приводятъ примѣры: какъ онъ не отходилъ отъ постели своей опасно заболѣвшей жены и самъ ставилъ термометръ, компрессы и т. п., съ какимъ вниманіемъ онъ осматривалъ и выслушивалъ больного тогда артиста Московскаго Художественнаго театра Артема. Но это говоритъ только о томъ, что онъ любилъ жену и дружески относился къ Артему.

Навѣрно можно было бы привести и другіе подобные случаи. Но для того, чтобы ухаживать за страдающими близкими людьми, не надо даже быть врачомъ и любить медицину. Достаточно только ихъ любить и обладать хорошимъ сердцемъ. То же самое по отношенію къ заболѣвшимъ близкимъ людямъ дѣлаютъ и не врачи, съ той лишь разницей, что они въ этихъ случаяхъ могутъ быть менѣе полезны.

А себя онъ не лѣчилъ вовсе. Странно, непостижимо относился онъ къ своему здоровью. Жизнь любилъ онъ каждой каплей своей крови и страстно хотѣлъ жить, а о здоровьѣ своемъ почти не заботился.

Зналъ ли онъ о своемъ недугѣ? Можетъ-быть, сомнѣвался, можетъ-быть, у него была надежда, что его нѣтъ, но мысль о немъ допускалъ и иногда, кашляя и считая причиной бронхитъ, какъ бы полушутя произносилъ это слово: „чахотка"...

Да, слово это всегда было у него на умѣ, какъ будто онъ считалъ себя присужденнымъ рано или поздно сдѣлаться жертвой этой болѣзни, но находилъ, что время для этого еще не наступило.

Брату своему онъ пишетъ изъ Москвы въ октябрѣ 1893 г.: „Маленько покашливаю, но до чахотки еще далеко. Геморрой. Катарръ кишекъ. Бываетъ мигрень, иногда дня по два. Замиранія сердца. Лѣность и нерадѣніе".

Онъ видитъ и перечисляетъ всѣ ея признаки, но какъ бы нарочно отводитъ отъ нея глаза. „Я живъ и здоровъ,—пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней Суворину:—кашель противъ прежняго сталъ сильнѣе, но думаю, что до чахотки еще очень далеко". А еще позже, когда кто-то въ Петербургѣ сообщилъ, будто у

Медицинское свидетельство
Дано сие Студенту Императорского Университета Михаилу Павловичу Чехову 20 лет, православного вероисповедания в удостоверение, что он состоит с 1865 года моим родным братом и уполномочен много брать в редакциях, в самих работах, денег, сколько ему потребно: что надписом и приложением печати удостоверяю
Москва 1886 г
Января 15-го дня
Врач А. Чехов

Шуточное свидѣтельство, выданное А. П. Чеховымъ брату Михаилу для полученія изъ редакцій слѣдуемаго А. П. гонорара.



Домъ въ Мелиховѣ. На ступеняхъ лѣстницы сидитъ отецъ писателя. П. Е. Чеховъ.

А. П. чахотка: „Для чего распускать всѣ эти странные, ненужные слухи, вѣдомо только Богу, создавшему для чего-то сплетниковъ и глупцовъ. Чахотки у меня нѣтъ, и кровь горломъ не шла уже давно“.

Но одно уже то, что онъ постоянно возвращается къ этому и опровергаетъ, показываетъ, что мысль о чахоткѣ неотступно преслѣдовала его и не давала ему покою. И въ то же время онъ, какъ будто желая убѣдить себя въ томъ, что этого дѣйствительно нѣтъ, ничего не предпринималъ противъ надвигающагося недуга.

Да и что̀ онъ могъ предпринять? Какъ врачъ, онъ очень хорошо зналъ, что дѣйствительными средствами противъ чахотки медицина не располагаетъ.

Всякій другой на его мѣстѣ могъ бы заблуждаться на этотъ счетъ, но не онъ. Всякій другой могъ бы хвататься за все. что̀ въ изобиліи предлагалось шарлатанами, но онъ всему этому зналъ цѣну.

Единственнымъ средствомъ, какое могло бы быть дѣйствительнымъ, была радикальная перемѣна климата, и его онъ призналъ и постоянно мечталъ о немъ, но оно было недостижимо. Жизнь приковала его къ сѣверу, а сѣверъ незамѣтно, исподволь подтачивалъ его силы.

Не могу забыть, какъ однажды, въ вагонѣ, во время нашего переѣзда изъ Москвы въ Мелихово, сосѣдомъ нашимъ оказался какой-то кашлявшій субъектъ. Онъ сейчасъ же познакомился съ нимъ. Сосѣдъ назвался помѣщикомъ Вологодской губерніи.

Антонъ Павловичъ съ какимъ-то особеннымъ интересомъ началъ разспрашивать его о болѣзни, а когда тотъ съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ посмотрѣлъ на него, онъ твердо сказалъ:

— Я—врачъ.

И послѣ этого сосѣдъ выложилъ передъ нимъ всю подноготную его болѣзни. Тутъ были и головокруженія. и перебои сердца, и даже страннымъ образомъ геморрой, нѣсколько неглубокихъ кровохарканій, словомъ—все то, что̀ бывало и у него самого.

Потомъ сосѣдъ разсказалъ о двухъ десяткахъ врачей, у которыхъ онъ перебывалъ, и о сотнѣ лѣкарствъ, которыя онъ перепробовалъ. И на все это Антонъ Павловичъ сказалъ ему:

— Все это пустое. Нужно бросить Вологодскую губернію, закатиться куда-нибудь подъ тропики и пожить тамъ года два-три.

Это было какъ разъ то, о чемъ онъ самъ мечталъ, и что̀ было для него недостижимо.

И потомъ всю дорогу онъ чрезвычайно внимательно обращался съ вологодскимъ помѣщикомъ. разспрашивалъ его, какая у него земля, что̀ онъ сѣетъ и какіе плуги употребляетъ. А когда намъ нужно было на станціи Лопасня покинуть поѣздъ, онъ, почти дружески простившись съ нимъ, сказалъ:

— А все-таки вамъ слѣдуетъ пожить подъ тропиками.

— Ну, гдѣ же тамъ, — возразилъ вологодскій помѣщикъ: — у меня на плечахъ имѣніе и большая семья.

— Семью прогоните, а имѣніе продайте и поѣзжайте! Иначе ничего хорошаго не выйдетъ.

И такъ какъ онъ твердо зналъ, что „ничего хорошаго не выйдетъ“, то ничего и не предпринималъ.

Когда при немъ говорили о новыхъ средствахъ, о разныхъ блестящихъ опытахъ, онъ скептически усмѣхался. Судя по оказавшимся потомъ результатамъ — онъ былъ правъ. Блестящіе опыты въ этой области и до сихъ поръ не привели ни къ чему; но развѣ онъ могъ это знать? Больные обыкновенно хватаются за всякую возможность спастись.

И это равнодушіе къ своему здоровью меня поражало. Онъ и бронхита своего почти не лѣчилъ и не остерегался.

Вообще по отношенію къ болѣзнямъ онъ проявлялъ какое-то ложное мужество. Онъ какъ будто стыдился слишкомъ много заниматься ими, считалъ это малодушіемъ.

Бываютъ люди мнительные, которые малѣйшую перемѣну въ состояніи здоровья, даже въ настроеніи, принимаютъ за болѣзнь, а всякій прыщикъ—за сибирскую язву или ракъ, и всегда они въ страхѣ за свою жизнь и всегда отъ всего лѣчатся.

Онъ былъ противоположностью. Онъ не хотѣлъ признавать даже совершенно явныхъ враговъ, и они. въ видѣ туберкулеза, геморроя и еще другихъ, сосали его кровь и незамѣтно подтачивали его организмъ. Я. напримѣръ, никогда не слышалъ отъ него, чтобы онъ совѣтовался съ какимъ-нибудь профессоромъ о своемъ здоровьѣ.

Правда, что матеріальное положеніе не давало ему возможности свободно располагать своимъ временемъ и выбирать мѣсто. Обладая огромнымъ талантомъ изумительной красоты,—талантомъ, равный которому съ тѣхъ поръ не появился, несмотря на богатый приливъ въ нашей литературѣ свѣжихъ дарованій, и не скоро, должно-быть, появится,—онъ не могъ и мечтать о такихъ колоссальныхъ заработкахъ, какіе, слава Богу, позже выпадали на долю нѣкоторыхъ другихъ писателей.

Пожить бы ему въ Каирѣ зиму-другую, не думая о заработкѣ, о семьѣ,—можетъ-быть, мы и теперь еще видѣли бы его среди насъ,—разумѣется, если бы это было сдѣлано во̀-время.

Среди людей, искренно къ нему расположенныхъ, были очень богатые, которымъ ничего не стоило бы устроить ему такой отдыхъ. Но мы ничего не слышали о томъ, чтобы у кого-нибудь изъ нихъ явилась подобная мысль.

Скажутъ, что Чеховъ былъ до болѣзненности щепетиленъ въ денежныхъ вопросахъ и не согласился бы ни на какія денежныя одолженія.

Совершенно вѣрно, но и не нужны были одолженія, достаточно было не формально, а справедливо оцѣнить его трудъ. И на этой почвѣ мало ли какія можно устроить чисто дѣловыя комбинаціи.

Подумать только, что Чеховъ въ большой богатой газетѣ, которая справедливо гордилась его сотрудничествомъ, получалъ 12 коп. за строчку, то-есть 120 руб. за печатный листъ!..

Тутъ мнѣ припоминается эпизодъ съ однимъ московскимъ милліонеромъ, страстнымъ почитателемъ Чеховскаго таланта. Но объ этомъ будетъ удобнѣе разсказать нѣсколько позже.

Ницца. Яркій солнечный апрѣль, а можетъ-быть, мартъ. Не могу вспомнить. Знаю только, что въ Петербургѣ былъ еще основательный холодъ.

Чеховъ жилъ въ русскомъ пансіонѣ, который теперь уже, кажется, не существуетъ. Пріѣхавъ, я засталъ его тамъ. Пансіонъ былъ наполненъ, такъ что мнѣ едва удалось добыть комнату гдѣ-то во флигелѣ. У Чехова же была хорошая просторная комната въ главномъ зданіи.



Въ Мелиховѣ. Въ тачкѣ сидятъ А. П. Чеховъ и его братъ Михаилъ. Везетъ тачку писатель В. А. Гиляровскій. Направо—братъ А. П. Чехова, Иванъ: налѣво—двоюродный братъ А. П. Чехова—А. Долженко.

Публика въ пансіонѣ была русская, но крайне сѣрая и неинтересная. Какой-то провинціальный прокуроръ, учитель, баронесса съ дочерью, которой дома, въ Россіи, почему-то не удавалось выйти замужъ и т. п.

Но утѣшеніемъ служило близкое сосѣдство М. М. Ковалевскаго, который жилъ въ своей виллѣ, въ Болье, въ 20 минутахъ ѣзды отъ Ниццы, и часто посѣщалъ А. П., къ которому относился съ какой-то трогательной заботливостью.

А. П. чувствовалъ себя здѣсь въ высшей степени бодро. Я рѣдко видѣлъ его такимъ оживленнымъ и жизнерадостнымъ. Самое мѣсто, гдѣ помѣщался нашъ пансіонъ, не отличалось ни бойкостью ни красотой. Моря отсюда не было видно, да и горы заслонялись высокими домами.

Но недалеко была главная улица—Avenue de la Gare, по которой мы почти каждый день путешествовали къ морю и тамъ проводили часы.

Тогда же завязалась у А. П. трогательная дружба съ Юрасовымъ, мѣстнымъ вицеконсуломъ и консуломъ въ Ментонѣ, бѣлымъ старичкомъ, который съ обожаніемъ смотрѣлъ на него и возился съ нимъ, какъ съ ребенкомъ.

Разъ въ недѣлю у него бывали пироги, настоящіе русскіе пироги, и онъ зазывалъ Антона Павловича къ себѣ. Иногда удовольствіе ѣсть эти вицеконсульскіе пироги выпадало и на мою долю.

Да и самый пансіонъ не безъ основанія назывался „русскимъ“ (хотя въ то время официальное названіе у него было какое-то другое). Тамъ была русская кухарка, исторія которой интересовала все населеніе пансіона, а А. П. не менѣе, чѣмъ другихъ. Благодаря ей, на нашемъ столѣ иногда появлялись тоже пироги, по-русски приготовленная селедка и даже борщъ.

Сама же она хотя и не забыла родного языка, но давнымъ давно совершенно офранцузилась и не выражала ни малѣйшаго желанія вернуться въ Россію.

— Зачѣмъ?—говорила она. — Тамъ я была рабой, а здѣсь — свободная гражданка, такая, какъ всѣ.

Въ Ниццу она попала лѣтъ 20 тому назадъ, случайно, въ качествѣ горничной при купеческой семьѣ, но семья уѣхала, а она осталась. Вышла замужъ за негра, плававшаго на какомъ-то пароходѣ, и у нея была дочь-мулатка, таинственное существо. жившее тутъ же, въ зданіи пансіона, но отдѣльно отъ матери.

Дѣло въ томъ, что негръ, однажды вернувшись изъ плаванія, нашелъ у своей жены бѣлаго ребенка и, сдѣлавъ изъ этого правильный выводъ, отвергъ жену, не захотѣлъ имѣть съ нею больше никакого дѣла. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, его уже не существовало, онъ умеръ. Да и то бѣлое существо, которое послужило причиной разрыва, тоже умерло.

А смуглолицая Соня (такъ, кажется, ее звали), уже совсѣмъ взрослая дѣвушка, избѣгала показываться на глаза своей матери, которая встрѣчала ее суровымъ укоромъ. Она и вообще почти не показывалась, и если ужъ ей необходимо было выйти со двора. она дѣлала это торопливо, чтобы какъ можно меньше глазъ видѣли ее.

Выходила же она по вечерамъ и возвращалась домой не всегда одна...

Это странное сплетеніе обстоятельствъ почему-то сильно овладѣло вниманіемъ А. П. Впрочемъ, это было понятно.

„Въ жизни все просто“,—обыкновенно говорилъ онъ, бракуя въ литературѣ все нарочитое, искусно скомпанованное, эффектное, разсчитанное на то, чтобы удивить читателя. А тутъ вдругъ передъ нимъ жизнь, дающая готовый сюжетъ для забористаго бульварнаго романа.

Простая русская дѣвушка, негръ, бѣлый ребенокъ, таинственная мулатка, выходящая на ночной промыселъ...

Иногда за обѣдомъ, когда подавали русское блюдо, онъ сопоставлялъ, по обыкновенію, отрывисто и безъ всякихъ объясненій: „русскій борщъ и мулатка“...

И всегда, когда по двору проходила смуглолицая Соня, онъ всматривался въ нее и слѣдилъ за нею глазами.

Монте-Карло производило на него удручающее впечатлѣніе, но было бы неправдой сказать, что онъ остался недоступенъ его отравѣ.

Можетъ-быть, отчасти я заразилъ его своей увѣренностью (тогда была у меня такая), что есть въ игрѣ этой какой-то простой секретъ, который надо только разгадать—и тогда... Ну, тогда, конечно, выступала главная мечта писателя: работать свободно и никогда не думать о гонорарѣ, о заработкѣ, не связывать литературную работу съ вопросомъ о средствахъ къ жизни. Чеховъ мечталъ объ этомъ не меньше, чѣмъ я и всякій другой.

И вотъ онъ—трезвый, разсудительный, осторожный—поддался искушенію. Мы накупили цѣлую гору бюллетеней, даже маленькую рулетку, и по цѣлымъ часамъ сидѣли съ карандашами въ рукахъ надъ бумагой, которую исписывали цифрами. Мы разрабатывали систему, мы искали секретъ.

Однажды мы его нашли и поѣхали въ Монте-Карло съ точно опредѣленнымъ планомъ. Игра была маленькая, осторожная, и тѣмъ не менѣе, окончивъ ее, мы не досчитались пары сотенъ франковъ.

Опять бюллетени, снова карандаши и цифры. Подходили къ дѣлу съ другой стороны. вновь ѣхали въ Монте-Карло и пробовали. Одно время казалось, что мы нащупали вѣрный путь. Выиграли разъ, другой. Но на третій—неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ—и все полетѣло вверхъ дномъ.

Въ то время я, конечно, не занимался наблюденіями надъ нимъ. Я самъ гораздо больше, чѣмъ онъ, могъ бы быть объектомъ наблюденія; но когда припоминалъ все это, то какъ будто не узнавалъ обычно спокойнаго, сдержаннаго, разсудительнаго, уравновѣшеннаго Антона Павловича.

Кто изъ знавшихъ его повѣритъ, что въ немъ жилъ азартъ? А между тѣмъ онъ углублялся въ цифры, старался проникнуть въ сущность этихъ странныхъ комбинацій, разгадать ихъ тайну. Мы спорили, каждый предлагалъ свою систему и защищалъ ее. У него являлись остроумныя мысли въ этой области, и главное—что волненіе его было чисто спортивное, такъ какъ онъ проигрывалъ, въ сущности, пустяки.

Но однакоже въ этомъ не было ничего трезваго. Повѣрить



А. П. Чеховъ въ Мелиховѣ. У „дуба Мамврійскаго“.



Въ Мелиховѣ. Работы въ саду у „дуба Мамврійскаго“. На первомъ планѣ стоитъ А. П. Чеховъ.

даже на минуту, что въ случайныхъ комбинаціяхъ номеровъ, цвѣтовъ и всякихъ другихъ шансовъ могутъ быть отысканы какіе-то законы—для этого, конечно, нужна была извѣстная доля безумія которое владѣетъ игроками, дѣлаетъ ихъ слѣпыми и приводитъ къ гибели.

И вотъ онъ, какъ казалось, поставившій своей задачей трезвость, разумное отношеніе къ жизни, человѣкъ несомнѣнно сильной воли, въ теченіе десяти дней вѣрилъ въ это, то-есть допускалъ для себя капельку безумія.

Я пишу эти строки, и вотъ уже у меня является страхъ, что на нѣкоторыхъ почитателей личности А. П. онѣ произведутъ неблагопріятное впечатлѣніе. Въ моей памяти встаютъ нѣкоторыя, прочитанныя мною раньше, воспоминанія о Чеховѣ, продиктованныя несомнѣнно самыми лучшими намѣреніями и прекрасными чувствами. И тѣмъ, кто смотритъ сквозь призму этихъ воспоминаній, А. П. долженъ рисоваться существомъ, какъ бы лишеннымъ плоти и крови, стоящимъ внѣ жизни,—праведникомъ, отрѣшившимся отъ всѣхъ слабостей человѣческихъ, безъ страстей, безъ заблужденій. безъ ошибокъ.

Но если бы это было такъ, онъ не могъ бы быть художникомъ, да еще такимъ проникновеннымъ, какимъ былъ.

Нѣтъ. Чеховъ не былъ ни ангеломъ ни праведникомъ, а былъ человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова. И тѣ уравновѣшенность и трезвость, которыми онъ всѣхъ изумлялъ, явились результатомъ мучительной внутренней борьбы, трудно доставшимися ему трофеями. Художникъ помогалъ ему въ этой борьбѣ, онъ требовалъ для себя все его время и всѣ силы, а жизнь ничего не хотѣла уступить безъ бою. И она права: чтобы быть великимъ знатокомъ жизни, нужно испытать ея ласки и удары на самомъ себѣ. Развѣ Гёте и Пушкинъ были праведники, развѣ они не были „въ забавахъ суетнаго свѣта малодушно погружены“?

И въ жизни Чехова было все, все было пережито имъ—и большое и ничтожное. И если полнотѣ переживаній часто мѣшали его осторожность и какъ бы боязнь взять на себя всю отвѣтственность, то причиной этого былъ талантъ, который требовалъ отъ него большой службы и ревновалъ его къ жизни.

Но Чеховъ-человѣкъ страдалъ отъ этого. Испытывая постоянно потребность въ нѣжности, онъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ былъ лишенъ личной жизни. Онъ думалъ, что она отниметъ у него, какъ у художника, слишкомъ много вниманія и силъ. И когда наконецъ онъ позволилъ себѣ эту роскошь, вотъ какими словами онъ опредѣлилъ свое состояніе:

„Ты спрашиваешь, правда ли, что я женился? Это правда, но въ наши годы это уже ничего не мѣняетъ“.

Это, конечно, было преувеличено. Мы знаемъ, что женитьба не была для него такимъ безразличнымъ фактомъ. Но, можетъ-быть, въ этой грустной оговоркѣ сказалось сознаніе, что большое личное благо онъ допустилъ къ себѣ слишкомъ поздно.

Я возвращаюсь къ Ниццѣ. Дней десять длилось его увлеченіе рулеткой. Онъ пересталъ принимать во вниманіе мои мнѣнія и самъ разрабатывалъ какіе-то способы. Иногда онъ на мой зовъ поѣхать въ Монте-Карло отвѣчалъ отказомъ. Я ѣхалъ одинъ, но, смотришь, черезъ часъ онъ появлялся, нѣсколько какъ будто сконфуженный, становился у одного изъ столовъ и долго присматривался, наблюдалъ, видимо, провѣряя свою мысль, а потомъ садился и, осторожно вынимая изъ кармана золотые, ставилъ ихъ какъ-то по-новому.

Кажется, что въ результатѣ всѣхъ этихъ попытокъ былъ у него небольшой выигрышъ. Это и есть тотъ опасный моментъ, когда игрокъ слѣпнетъ и съ головой зарывается въ игру. А у него вышло иначе. Однажды онъ опредѣленно и твердо заявилъ, что съ рулеткой покончено: и дѣйствительно, послѣ этого ни разу больше не поѣхалъ туда. Взяли силу его обычныя качества — благоразуміе, осторожность, уравновѣшенность, а главное—ему стало стыдно увлекаться и отдавать силы такимъ пустякамъ.

Воля Чеховская была большая сила, онъ берегъ ее и рѣдко прибѣгалъ къ ея содѣйствію, и иногда ему доставляло удовольствіе обходиться безъ нея, переживать колебанія, быть даже слабымъ. У слабости есть своего рода прелесть, это хорошо знаютъ женщины.

Но когда онъ находилъ, что необходимо призвать волю—она являлась и никогда не обманывала его. Рѣшить у него значило—сдѣлать.

Я, напримѣръ, нисколько не меньше, чѣмъ онъ, сознавалъ всю тщету этихъ системъ, всякихъ ухищреній и выдумокъ, однакоже не могъ отстать и продолжалъ ѣздить въ Монте-Карло, все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ усердіемъ и игралъ и... проигрался. Встрѣтилъ одного солиднаго петербургскаго издателя, взялъ у него авансъ и тоже проигралъ его, и въ концѣ концовъ не безъ затрудненій, и то лишь при помощи Антона Павловича, выбрался изъ Ниццы и доставился въ Петербургъ.

Его я оставилъ въ „русскомъ пансіонѣ“, но скоро получилъ отъ него письмо изъ Парижа, откуда онъ поѣхалъ въ Москву.

Въ Ниццѣ же завершился и эпизодъ съ милліонеромъ, разсказъ о которомъ я отложилъ на-послѣ. Я не знаю, при какихъ условіяхъ произошло и чѣмъ было вызвано, что Антонъ Павловичъ послѣ долгихъ настойчивыхъ предложеній со стороны милліонера, страстнаго поклонника его таланта, рѣшился взять у него взаймы какую-то сумму (нѣсколько сотенъ). Можетъ-быть, это было передъ отъѣздомъ за границу.

У него вѣдь всегда бывали недоразумѣнія съ конторой по издательству его книгъ. Тамъ очень медленно производили расчетъ и нерѣдко предъявляли ему ошибочные счета, для выясненія которыхъ ему самому приходилось пріѣзжать въ Петербургъ. Объ одной чудовищной ошибкѣ, когда, по предъявленному счету, онъ оказался долженъ конторѣ семь тысячъ рублей, а по провѣркѣ вышло, что контора должна ему что-то,—онъ разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Но это — крупное недоразумѣніе, и потому онъ его отмѣчаетъ. А болѣе мелкія случались постоянно, и онъ часто жаловался на нихъ.

Очень можетъ быть, что и въ этомъ случаѣ контора опоздала съ правильнымъ счетомъ, а онъ не хотѣлъ терять лучшее время, чтобы поѣхать въ Ниццу, и рѣшился воспользоваться предложе-ложеніемъ милліонера.

И вотъ однажды въ Ниццѣ онъ получилъ письмо, въ которомъ милліонеръ извѣщалъ его о предстоящемъ своемъ пріѣздѣ. Я въ это время былъ у него въ комнатѣ. Онъ прочиталъ письмо, положилъ его на столъ и чуть-чуть усмѣхнулся.

— Никогда не бери взаймы у милліонеровъ,—сказалъ онъ.

— А что̀?—спросилъ я.

— Да вотъ—неосторожность: я взялъ у этого. За недѣлю до отъѣзда изъ Москвы. Въ теченіе недѣли мы встрѣтились два раза: въ первый разъ онъ заѣхалъ ко мнѣ въ номеръ на другой день послѣ займа, сидѣлъ часъ и все время говорилъ о томъ, какое это большое удовольствіе выручить и поддержать талантливаго человѣка. Мнѣ было стыдно, и я хотѣлъ тутъ же вернуть ему взятыя вчера деньги, но побоялся обидѣть. Второй разъ у Мюра и Мюрилиза. Я пошутилъ: „вотъ размѣнялъ вашу сторублевку“. Онъ взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону: — „Дорогой мой, я такъ радъ... И вы, пожалуйста, не безпокойтесь объ отдачѣ. Когда-нибудь, когда сами будете милліонеромъ...“—и разсмѣялся. Тутъ ужъ я непремѣнно вернулъ бы ему деньги, но ихъ не было со мной, да и начаты онѣ были. А вотъ отъ него извѣщеніе о предстоящемъ прибытіи въ Ниццу, адресъ гостиницы, гдѣ остановится, и приписка о томъ, что онъ намѣренъ дружески провести со мною денька два, и если я наслаждаюсь солнцемъ и чувствую себя хорошо, то онъ счастливъ отъ сознанія, что и онъ своимъ скромнымъ участіемъ капельку содѣйствовалъ этому... Понимаешь? Такъ это же хуже всякихъ процентовъ. И, кромѣ того, онъ убѣжденъ, что я непремѣнно побѣгу въ гостиницу привѣтствовать его съ благополучнымъ прибытіемъ. Для того и адресъ указываетъ. А я не пойду.

Онъ замолчалъ и ходилъ по комнатѣ, очевидно, раздосадованный. Потомъ сѣлъ къ столу, взялъ бумагу и аккуратно оторвалъ треть полулиста.

— Вотъ, помогай-ка...

И я помогалъ, сколько могъ. Въ французскомъ языкѣ мы были оба порядочно слабы. Но кой-какъ составили телеграмму въ контору издательства, гдѣ ему были должны, или онъ могъ взять авансомъ—этого не помню. Чеховъ просилъ немедленно перевести ему деньги телеграфомъ, и какъ разъ ту сумму, которую онъ былъ долженъ милліонеру.

Я зналъ, что у него было разсчитано до самой Москвы, и человѣкъ онъ былъ аккуратный, и спросилъ:—Зачѣмъ?

— Да вотъ, какъ пріѣдетъ и попроситъ меня объ отдачѣ не безпокоиться, такъ я и отдамъ. Готовъ держать пари, что такъ и будетъ.

Деньги онъ получилъ черезъ два дня. Скоро пріѣхалъ милліонеръ, но явился къ нему только черезъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда. Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ ждалъ, что Антонъ Павловичъ поспѣшитъ „привѣтствовать его съ благополучнымъ прибытіемъ“.

Я при этомъ свиданіи не присутствовалъ, а пришелъ вскорѣ послѣ его ухода. Чеховъ встрѣтилъ меня веселымъ смѣхомъ:

— Напрасно ты не держалъ пари, я выигралъ бы. Онъ-таки сказалъ это: „Вы, пожалуйста, говоритъ, дорогой мой Антонъ Павловичъ, не подумайте, что я своимъ приходомъ хочу напомнить вамъ“,—и прочее. Но какъ это хорошо, что мнѣ прислали. Вотъ сейчасъ мы это и устроимъ.

Онъ написалъ письмо, въ которомъ въ самыхъ корректныхъ выраженіяхъ благодарилъ своего заимодавца за оказанную услугу и просилъ принять уплату долга. А чтобы не обидѣть его, онъ прибавлялъ, что торопится быть аккуратнымъ плательщикомъ единственно для того, чтобы имѣть право въ будущемъ, въ случаѣ надобности, снова воспользоваться его любезностью.

Письмо и деньги были положены въ конвертъ, надписанъ адресъ, приглашенъ комиссіонеръ, которому и было поручено все это отнести по адресу.

— Онъ вѣдь въ экипажѣ, значитъ—уже дома, такъ это не будетъ слишкомъ скоро.

Такъ кончилась эта исторія. А милліонеръ, должно-быть, понялъ, потому что больше не заглянулъ къ нему.

И вотъ теперь, когда я вспоминаю объ этомъ, въ сущности, забавномъ, эпизодѣ, мнѣ начинаетъ казаться, что, можетъ-быть, я былъ и не совсѣмъ правъ нѣсколько страницъ назадъ, когда упрекнулъ богатыхъ поклонниковъ Антона Павловича въ недостаточномъ радѣніи о его здоровьѣ.

Я долженъ допустить, что могли быть сдѣланы попытки устроить для него такое положеніе, при которомъ онъ не долженъ былъ бы постоянно думать о заработкѣ, могъ свободно ѣхать, куда ему угодно, и жить, гдѣ нравится и полезно.

Но онъ, вообще державшійся взгляда, что надо разсчитывать только на свои собственныя силы, имѣлъ возможность въ эпизодѣ съ милліонеромъ найти только подкрѣпленіе этого взгляда.

Щепетильность же его въ денежныхъ дѣлахъ была исключительная. Я, конечно, не имѣю въ виду людей близкихъ и тѣхъ, кого онъ признавалъ своими товарищами. Но тамъ рѣчь могла итти о самыхъ незначительныхъ суммахъ, которыя никого не могли обременить. Тутъ и у него брали, и онъ не стѣснялся.

Но въ отношеніи къ издателямъ онъ всегда старался не быть должникомъ и прибѣгалъ къ просьбѣ объ авансѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, и то можно сказать, что иниціатива въ такихъ случаяхъ принадлежала ему развѣ въ первые годы его литературной дѣятельности, когда цѣнителями его таланта являлись редакторы „Осколковъ“, „Будильника“ и другихъ аналогичныхъ изданій.

Тогда ему приходилось на четырехъ страницахъ искусно подходить къ вопросу, чтобы въ концѣ концовъ попросить авансомъ пятьдесятъ рублей для переѣзда на дачу, со всевозможными гарантіями отработать въ такой-то срокъ и такими-то очерками.

Но позже, когда имя его стало цѣнностью, авансы предлагались ему со всѣхъ сторонъ, а онъ, всегда нуждаясь, тѣмъ не менѣе легонько, но все же очень твердо отстранялъ ихъ.

На авансъ онъ смотрѣлъ, какъ на петлю, которую писатель самъ набрасываетъ себѣ на шею. Случалось, что, взявъ авансъ и убѣдившись, что обѣщанной работы дать къ условленному сроку не въ состояніи, онъ дѣлалъ огромное усиліе, чтобы достать денегъ и поскорѣе снять съ своей шеи петлю и вернуть авансъ, чѣмъ, конечно, больше всѣхъ и несказанно удивлялъ издателя, который не былъ пріученъ къ такого рода щепетильности.

Чеховъ нуждался... Какъ это странно звучитъ теперь! Но въ тѣ годы въ этомъ не находили ничего страннаго. Напротивъ, считалось въ порядкѣ вещей, чтобы писатель нуждался, и чуть ли не прямо пропорціонально его таланту.

Вѣдь не задолго передъ тѣмъ нуждался и умеръ въ нуждѣ Достоевскій. А послѣ него нуждались Гаршинъ и Надсонъ. У всѣхъ это вызывало сочувствіе, но никто не удивлялся. Такъ полагалось. Книга, какъ бы ни была она талантлива, была тогда достояніемъ немногихъ.

Чеховъ умеръ наканунѣ радикальной перемѣны въ судьбѣ книги. Черезъ годъ послѣ его смерти начался небывалый въ Россіи праздникъ книги: вдругъ Богъ знаетъ откуда пришли тысячи новыхъ покупщиковъ, и—это странно даже звучитъ—у писателей, хоть и немногихъ, явились если не состоянія, то возможность обезпеченной жизни и свободы располагать своимъ временемъ.

А Чеховъ до этого праздника не дожилъ. Литературное право находило еще нѣкоторый сбытъ въ розницу, можно было продать изданіе той или другой книги, тысячу-другую экземпляровъ, но чтобы оно представляло опредѣленную и постоянную цѣнность, это едва ли кому-нибудь приходило въ голову.

Поэтому, когда узнали, что нашелся издатель, оцѣнившій сочиненія Чехова въ опредѣленную солидную сумму и предложившій ему эту сумму, стонъ удивленія пронесся по всему литературному стану.

Чехова цѣнили высоко. Но не въ оцѣнкѣ было дѣло, а въ томъ, что на литературу явился дѣловой спросъ. Какъ ни велики были обороты нѣкоторыхъ издателей съ книгами, но для писателя заработокъ отъ изданія его книги являлся только небольшимъ подспорьемъ, основнымъ же заработкомъ было то, что̀ ему платили въ журналахъ и газетахъ.

Что̀ платили и какъ обращались съ пріобрѣтеннымъ правомъ на изданіе рыночные издатели, объ этомъ лучше ужъ и не вспоминать. Заплативъ писателю какія-нибудь двѣ-три сотни за двадцать печатныхъ листовъ, они печатали, сколько хотѣли, экземпляровъ, потому что писатель проконтролировать ихъ не могъ или не умѣлъ или наконецъ просто не былъ способенъ возиться съ этимъ.

Издатели дѣтскихъ журналовъ, а въ то же время и книгъ, платили автору отъ 50 до 75 рублей за право не только печатанія въ журналѣ, но и отдѣльнаго изданія, при чемъ единственнымъ объясненіемъ такой малой платы былъ, кажется, малый возрастъ читателей. Другого объясненія не было, такъ какъ дѣтскія книги шли лучше всякихъ другихъ, а издатели переводили свои конторы и редакціи въ собственные дома.

Между прочимъ, въ Москвѣ ходилъ разсказъ, похожій на анекдотъ (но онъ не былъ анекдотомъ), о томъ, какъ одинъ очень популярный и весьма передовой издатель дѣтскаго журнала и книгъ расплатился съ А. П. Чеховымъ.

Онъ долго обхаживалъ писателя, упрашивая его дать что-нибудь въ журналъ. Отношенія были пріятельскія, встрѣчались у знакомыхъ, на литературныхъ обѣдахъ, собирались и у него. Между прочимъ, расположеніе издателя къ Чехову выразилось въ томъ, что онъ какъ-то послалъ ему въ презентъ нѣсколько бутылокъ вина изъ собственныхъ виноградниковъ, которые у него были гдѣ-то на югѣ. Вино было прескверное, но А. П., конечно, похваливалъ его.

И вотъ наконецъ Чеховъ, тѣснимый любезностью издателя, далъ ему какую-то вещь для журнала. И послѣ этого они встрѣтились у кого-то изъ знакомыхъ, гдѣ было много народу, а можетъ быть—и у самого издателя.



Первый и пока единственный памятникъ А. П. Чехову — на мѣстѣ его кончины, въ нѣмецкомъ курортѣ Баденвейлерѣ, близъ Баденъ-Бадена, сооруженный въ 1908 г. почитателями покойнаго писателя.

Когда А. П. ночью собрался уходить и надѣлъ пальто, издатель подошелъ къ нему и съ смущеннымъ видомъ весьма поспѣшно ткнулъ въ карманъ его пальто какой-то свертокъ и пробормоталъ что-то насчетъ своего долга. Чеховъ, вниманіе котораго въ этотъ моментъ было занято разговоромъ съ кѣмъ-то другимъ, почти не замѣтилъ этого движенія, простился и вышелъ на улицу.

Тутъ онъ зачѣмъ-то полѣзъ въ карманъ и нащупалъ свертокъ. Вынулъ—пакетецъ. Развернулъ нѣсколько кредитокъ, что-то рублей 12, и счетъ:—слѣдуетъ за разсказъ столько-то. Послано вина такое-то количество бутылокъ, на такую-то сумму. Остальные 12 руб. при семъ прилагаются.

Это было съ Чеховымъ въ ту пору, когда имя его гремѣло на всю Россію. А вотъ издатель совсѣмъ иного типа: идейный, положившій всю свою жизнь на хорошую книгу, отдавшій ей всѣ свои силы и дѣйствительно далекій отъ преслѣдованія цѣлей наживы. Да она и не была нужна ему, такъ какъ онъ изъ-за книги совсѣмъ не пользовался жизнью.

И вотъ этотъ издатель платилъ авторамъ, имена которыхъ въ то время были популярны, за книгу въ 15 печатныхъ листовъ въ 5.000 экземпляровъ—500 рублей. И это считалось наилучшими условіями, на какія можетъ разсчитывать писатель.

Не нужно быть знатокомъ, чтобы разсчесть, какая незначительная доля выпадала писателю, и какой процентъ на затраченный капиталъ получалъ несомнѣнно идейный и благорасположенный къ литературѣ издатель.

Послѣ его смерти остались солидныя средства, заботливо распредѣленныя имъ на просвѣтительныя цѣли. Слава Богу, конечно, и потомство будетъ ему благодарно, но справедливость требуетъ признать, что въ составленіи этого капитала въ значительной мѣрѣ участвовали изданные имъ писатели, работа которыхъ была имъ оплачена по произвольной оцѣнкѣ.

Какъ оцѣнивалась работа Чехова при изданіи его книгъ, и на какихъ условіяхъ онѣ выпускались до перехода правъ на изданіе ихъ къ купившей ихъ фирмѣ, я не знаю. Но несомнѣнно, что до этого времени онъ всегда нуждался въ заработкѣ, который доставался ему не легко. Въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 1895 года онъ пишетъ:

„Не работать мнѣ нельзя. Денегъ у меня такъ мало, я работаю такъ медленно, что, прогуляй я двѣ-три недѣли, мое финансовое равновѣсіе пойдетъ къ чорту, и я залѣзу въ долги. Я зарабатываю чортъ знаетъ какъ мало“.

Это было въ 1895 году, т.-е. когда имя Чехова уже сіяло. И тотъ же крикъ повторяется у него изъ года въ годъ. „Я до такой степени измочалился постоянными мыслями объ обязательной, неизбѣжной работѣ, — пишетъ онъ другому корреспонденту: — что вотъ уже недѣли, какъ меня безостановочно мучатъ перебои сердца. Отвратительное ощущеніе“.

И это не выдумка и не преувеличеніе. Душѣ его тѣсно было въ предѣлахъ Москвы, Петербурга и Мелихова, ему хотѣлось видѣть какъ можно больше, весь свѣтъ. Онъ постоянно мечталъ о поѣздкѣ въ какую-нибудь дальнюю страну, и единственная, какая ему удалась, это была поѣздка на Сахалинъ, — самая ненужная изъ всѣхъ, какія можно было выдумать, и, къ тому же, вредно отразившаяся на его хрупкомъ здоровьѣ.

Результатомъ этого удивительнаго путешествія была книга, которая несомнѣнно стояла ниже всего остальнаго, написаннаго имъ, и едва ли вплела лавры въ его вѣнокъ, въ матеріальномъ же отношеніи тоже едва ли прибавила что-нибудь къ его благополучію.

А впечатлѣнія? Гдѣ въ произведеніяхъ его, написанныхъ послѣ поѣздки на Сахалинъ, встрѣчаются отголоски тѣхъ впечатлѣній? Кой-гдѣ намеки, не имѣющіе существеннаго значенія. И не видно было, чтобы онъ любилъ вспоминать объ этомъ путешествіи. По крайней мѣрѣ я, проведшій съ нимъ не мало дней, ни разу не слышалъ отъ него ни одного разсказа изъ того міра. Все, что онъ получилъ тамъ, онъ какъ будто сдалъ въ свою книгу и забылъ.

Такъ чиновникъ, вернувшись изъ непріятной подневольной командировки, доставившей ему много хлопотъ и лишеній, даетъ о ней отчетъ начальству и торопится поскорѣе забыть о ней.

Мечталъ же онъ совсѣмъ о другомъ — о теплыхъ краяхъ, о жизни пестрой, оригинальной, не похожей на нашу.

„Денегъ, денегъ,—пишетъ онъ своей пріятельницѣ въ 1893 г. — Будь деньги, я уѣхалъ бы въ Южную Африку, о которой читаю теперь очень интересныя статьи. Надо имѣть цѣль въ жизни, а когда путешествуешь, то имѣешь цѣль“.

А позже ему хочется „изъ Москвы уѣхать на Мадейру. Это отъ грудей (т.-е. отъ грудной болѣзни) хорошо“, — и даже попутчикъ у него есть.

И такъ всю жизнь — то на Мадейру, то въ Африку, то въ Австралію, то въ Америку, то шутя, то очень серьезно. Но „денегъ, денегъ“, ихъ-то всегда у него и не хватало, и приходилось довольствоваться домашними поѣздками — въ Таганрогъ, въ Ялту, въ Нижній и т. п.

Одну изъ такихъ мы совершили съ нимъ вмѣстѣ, и на пути случился эпизодъ, пустячный и комичный, но показавшій мнѣ, до какой степени рѣшителенъ и непреклоненъ становился Чеховъ, когда его что-нибудь коробило.

Эпизодъ этотъ имъ разсказанъ Суворину въ письмѣ отъ 15 августа 1894 года.

Захотѣлъ А. П. показать свою родину, вѣрнѣе — его самого потянуло туда. Мы и рѣшили проѣхать по Волгѣ, начавъ съ Ярославля, спустившись до Царицына, а оттуда въ Калачъ и по желѣзной дорогѣ въ Таганрогъ. До Нижняго мы доѣхали благополучно. Намъ оставалось только пересѣсть на другой пароходъ, чтобы плыть дальше.

Бывшая въ это время въ разгарѣ ярмарка насъ почему-то не заинтересовала. Мы даже какъ-то и не подумали о ней.

И вдругъ встрѣча. Этотъ „N., другъ Льва Толстого“, какъ его именуетъ Чеховъ, былъ ему очень хорошо извѣстенъ, больше даже, чѣмъ мнѣ. И вотъ черта: А. П. не выносилъ его за хвастовство, ломанье, болтовню, за отсутствіе у него собственнаго духовнаго нутра и вслѣдствіе этого вѣчное пристегиваніе себя къ кому-нибудь болѣе сильному, чѣмъ онъ, — на такомъ опредѣленномъ счету онъ у него былъ всегда, но никогда при встрѣчѣ А. П. не показалъ ему и тѣни своего настоящаго мнѣнія о немъ. Нѣтъ, онъ былъ любезенъ, шутливъ, радушенъ, проявлялъ по отношенію къ нему лучшее, что можно проявить къ человѣку. И таковъ А. П. былъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

Если ему невмоготу, онъ уйдетъ, спрячется или даже, какъ было въ настоящемъ случаѣ, „позорно бѣжитъ“, но, пока онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, каковъ бы ни былъ тотъ человѣкъ, онъ какъ бы считалъ долгомъ въ лицѣ его уважать человѣческое достоинство.

Оттого изъ его отношеній къ людямъ, дѣловыхъ и интимныхъ, была исключена всякая вздорность. Ея не было вовсе. Въ средѣ писателей и художниковъ такъ развита болѣзненная впечатлительность, соединенная съ самолюбіемъ, очень часто самомнѣніемъ, всякій въ глубинѣ души считаетъ себя великимъ, и такъ легко возникаютъ недоразумѣнія и столкновенія. Большею частью это происходитъ именно отъ вздорности: неосновательныхъ претензій, нежеланія и неумѣнья спокойно выслушать, непониманія другъ друга, предубѣжденія, подозрительности, а иногда отъ нравственной невоспитанности.

Чеховъ, слава Богу, былъ избавленъ отъ этихъ качествъ, и я, право, не знаю, были ли у него съ кѣмъ-нибудь недоразумѣнія, которыя длились бы больше получаса, когда они спокойно и разумно объяснялись.

Я, конечно, не помню, что именно говорилъ N. такого, отъ чего А. П. „стало душно, нудно и тошно“, думаю даже, что ничего особеннаго и не было, но Чеховъ на эту встрѣчу не разсчитывалъ и представилъ себѣ, какъ его общество и та необыкновенно серьезная околесина, какую онъ обыкновенно несъ, отравятъ нѣсколько часовъ, а можетъ-быть—и дней. И это заставило его мгновенно измѣнить весь планъ.

Онъ выразительно взглянулъ на меня, бросилъ N. что-то первое попавшееся, а мнѣ шепнулъ: „на вокзалъ“,—и совершилось бѣгство.

Конечно, N. тоже прикатилъ на вокзалъ и принималъ всѣ мѣры, чтобы доканать его. Но ему надо было оставаться въ Нижнемъ, и это насъ спасло. Мы уѣхали въ Москву.

Тутъ досада перешла въ дурачливое настроеніе. Пришла фантазія ни съ кѣмъ не видаться, не заѣзжать даже въ Мелихово, хотя это было по дорогѣ, и сейчасъ же двигаться на югъ къ хорошимъ знакомымъ его, Линтваревымъ, усадьба которыхъ находилась на рѣкѣ Псёлъ.

Въ тотъ же день и поѣхали, успѣвъ въ Москвѣ только пообѣдать.

На Псёлѣ оказались радушные хозяева, и мы провели тамъ очаровательную недѣлю, и я былъ благодаренъ N за то, что онъ помѣшалъ намъ осуществить первоначальный планъ. Богъ знаетъ, что еще ожидало насъ въ Таганрогѣ, а о недѣлѣ, проведенной съ Чеховымъ у Линтваревыхъ, я и теперь вспоминаю съ благодарностью.

Петербургъ былъ для Антона Павловича чѣмъ-то желаннымъ и въ то же время запретнымъ.

Коренное различіе двухъ столицъ Россійской имперіи во всемъ чуть ли не вошло въ поговорку. Несходство дѣйствительно бросается въ глаза какъ при въѣздѣ въ Москву, когда вы окидываете ея улицы и площади бѣглымъ взглядомъ, такъ и при углубленіи въ ея нравы и обычаи. Для петербуржца все здѣсь иное, какъ будто онъ попадаетъ въ иной міръ.

Антонъ Павловичъ, не будучи москвичомъ по рожденію и проведя дѣтство и гимназическіе годы въ Таганрогѣ, среди смѣшаннаго населенія огороженныхъ хохловъ и обрусѣлыхъ грековъ и другихъ южныхъ національностей, въ Москвѣ за время студенчества и нѣсколькихъ лѣтъ самостоятельной жизни, конечно, не могъ сдѣлаться москвичомъ и никогда не былъ имъ по существу.

Душа его была соткана изъ какого-то отборнаго матеріала, стойкаго и не поддающагося разложенію отъ вліянія среды. Она умѣла вбирать въ себя все, что было въ ней характернаго, и изъ этого создавать свой міръ — чеховскій.

И никогда не былъ онъ ни таганрогцемъ, ни москвичомъ, ни петербуржцемъ, ни ялтинцемъ, а былъ Чеховымъ—той удивительно своеобразной личностью, которая такъ красочно рисуется въ его замѣчательныхъ письмахъ.

Но все же и на немъ лежалъ „московскій отпечатокъ“; по необходимости, онъ свой внѣшній обиходъ жизни долженъ былъ приспособить къ Москвѣ, вести знакомства и дѣла съ московскими людьми и, живя съ москвичами, „по-московски выть“.

Десять лѣтъ, какъ умеръ Чеховъ...

Его нерукотворный памятникъ—его сочиненія влекутъ къ себѣ читателей все болѣе, съ каждымъ годомъ расширяя ихъ кругъ.

Давъ уже дважды—въ 1903 и 1911 годахъ—возможность нашимъ подписчикамъ пріобрѣсти при „Нивѣ“ сочиненія Чехова, мы **въ настоящемъ году,** въ ознаменованіе десятилѣтней годовщины его смерти, **рѣшили удовлетворить желаніе многихъ нашихъ нынѣшнихъ подписчиковъ,** не имѣющихъ въ своей библіотекѣ сочиненій Чехова,—**пріобрѣсти ихъ на льготныхъ условіяхъ**—за пониженную цѣну: въ теченіе всего 1914 года всѣмъ подписчикамъ сего года предоставляемъ право пріобрѣсти по 1 экземпляру первые **16 томовъ „Полнаго Собранія Сочиненій Чехова“** (данныхъ подписчикамъ „Нивы“ за 1903 г.) **за 4 рубля** безъ пересылки (пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ.—50 коп.) и **12 книгъ** (дополнит. „къ Полному Собранію Сочиненій Чехова“, данныхъ подписчикамъ „Нивы“ за 1911 г.: томы 17—22) **за 2 рубля** безъ пересылки (пересылка—50 коп.; при совмѣстной высылкѣ всѣхъ 22 томовъ—пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ. 65 коп.).

Желающіе получить сочиненія въ 9 коленкоровыхъ переплетахъ доплачиваютъ 3 р. 60 к.

Для того, чтобы судить, насколько исключительны эти цѣны, укажемъ, что существующее отдѣльное изданіе **„Полное Собраніе Сочиненій Чехова“** стоитъ **24 рубля** безъ пересылки (16 томовъ по 1 р. 50 к. за томъ безъ переп.).

Эта льгота предоставляется исключительно подписчикамъ „Нивы“ сего 1914 года, выписавшимъ сочиненія Чехова не позже 31 декабря с. г.

Въ виду необходимости опредѣлить заблаговременно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ слѣдуетъ печатать сочиненія Чехова, гг. подписчики, желающіе **обезпечить себѣ полученіе сочиненій,** благоволятъ заявить объ этомъ **немедленно.**

Москва была для него буднями. Здѣсь онъ долженъ былъ сидѣть за работой, вѣчно думать о заработкѣ и сведеніи концовъ съ концами.

Но если Москва такъ отличалась отъ Петербурга въ смыслѣ внѣшняго вида и нравовъ, то для писателя, особенно для беллетриста, было еще другое, болѣе глубокое, различіе. Литература тогда была почти вся сосредоточена въ Петербургѣ.

Изъ пріемлемыхъ для Чехова журналовъ въ Москвѣ была только одна „Русская Мысль“. Изъ стоявшаго во главѣ ея тріумвирата—Гольцевъ, Лавровъ и Ремизовъ—литераторомъ въ полномъ смыслѣ этого слова былъ только одинъ В. А. Гольцевъ.

Былъ еще журналъ Куманина „Артистъ“, къ которому Антонъ Павловичъ относился сочувственно,—красивое изданіе съ широкимъ размахомъ. Но это былъ журналъ, почти исключительно посвященный интересамъ театра.

Изъ газетъ Чеховъ могъ тогда принимать въ расчетъ только „Русскія Вѣдомости“, въ которыхъ работали главнымъ образомъ московскіе профессорскіе круги, собственно же литераторы, статьи которыхъ отъ времени до времени тамъ появлялись, были петербуржцы. Беллетристика же какъ въ „Русской Мысли“, такъ и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ принадлежала почти вся сплошь петербургскимъ литераторамъ. Постоянно живущихъ въ Москвѣ беллетристовъ почти не было.

Что же касается мелкой прессы и разныхъ юмористическихъ еженедѣльниковъ, то это былъ тотъ міръ, въ которомъ А. П. невольно вращался въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности,—міръ, не оставившій въ немъ пріятныхъ воспоминаній, и тамъ ему теперь, конечно, нечего было дѣлать.

Знакомства въ Москвѣ у него были обширныя, но въ огромномъ большинствѣ обывательскія. Мнѣ сейчасъ даже трудно вспомнить, кто жилъ тогда въ Москвѣ изъ заправскихъ литераторовъ: кромѣ Вл. И. Немировича-Данченко и князя А. И. Сумбатова, которые оба больше клонились къ театру, и тѣхъ, кого я уже упомянулъ, а также журналистовъ, работавшихъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, я никого не припоминаю. П. Д. Боборыкинъ проживалъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Москвѣ, одно время жилъ Г. А. Мачтетъ.

Всѣ ежемѣсячники, за исключеніемъ „Русской Мысли“ и „Русскаго Вѣстника“, къ которому А. П. не имѣлъ никакого отношенія, издавались въ Петербургѣ, и тамъ были сосредоточены всѣ главныя литературныя силы.

Понятно, что и литературныя связи А. П., которыя съ каждымъ годомъ расширялись, были главнымъ образомъ въ Петербургѣ. Тамъ, а не въ Москвѣ, былъ впервые замѣченъ и признанъ его талантъ. Тамъ издавались его книги, а журналы наперебой звали его къ себѣ сотрудничать. Да даже и раньше того момента, когда былъ замѣченъ его талантъ, въ Петербургѣ, въ Лейкинскихъ „Осколкахъ“ и въ „Петербургской Газетѣ“ главнымъ образомъ помѣщались его разсказы, и оттуда шли первые скромные заработки.

Словомъ, если Москва дала ему медицинскія познанія и сдѣлала его врачомъ, то воспреемникомъ его литературной карьеры былъ Петербургъ.

И, сколько мнѣ помнится, въ Петербургъ онъ всегда ѣздилъ съ удовольствіемъ. Въ Москвѣ у него шла постоянная напряженная работа. Даже въ Мелиховѣ, которое онъ любилъ, какъ птица любитъ ею самой свитое гнѣздо, онъ не былъ избавленъ отъ всегдашней заботы о средствахъ къ жизни. Въ Петербургъ же онъ пріѣзжалъ какъ будто на гастроли.

Здѣсь были люди, у которыхъ онъ могъ считать себя какъ дома. Съ семействомъ А. С. Суворина онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ, и тамъ для него былъ всегда готовъ „и столъ и домъ“.

Правда, онъ не особенно любилъ тамъ останавливаться, но это происходило не отъ недостатка любезности со стороны хозяевъ или недовѣрія съ его стороны, а просто отъ желанія не стѣснять ни другихъ ни себя. Быть кому-нибудь обязаннымъ безъ увѣренности въ томъ, что онъ сможетъ отплатить, было для него



Памятникъ А. П. Чехову на его могилѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ. По фот. А. Савельева.

настоящимъ пугаломъ. И, если онъ иногда останавливался въ гостиницѣ, то это вызывалось не необходимостью, а его капризомъ.

Въ самомъ же Петербургѣ онъ былъ, что̀ называется, на-расхватъ. Всюду его звали, всѣмъ хотѣлось видѣть его своимъ гостемъ. Литературныхъ пріятелей у него было множество, со всѣми надо было посидѣть, поболтать, распить бутылку вина.

А кромѣ того, наполняли время и литературныя дѣла, такъ какъ кругъ его литературныхъ отношеній расширился.

И петербургскій образъ жизни былъ совсѣмъ иной, болѣе подходящій къ его вкусамъ, чѣмъ московскій, и менѣе для него вредный. Петербуржцы—домосѣды по преимуществу. Московская трактирность имъ не по нутру. И потому тутъ жизнь проходитъ спокойнѣе и здоровѣе.

Онъ всегда говорилъ, что въ Петербургѣ у него голова какъ-то яснѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Это понятно. Когда люди спрашиваютъ другъ у друга: гдѣ мы встрѣтимся вечеромъ? въ Петербургѣ это значитъ: я къ вамъ пріѣду, или вы ко мнѣ? Когда такой же вопросъ задаютъ въ Москвѣ, это значитъ: въ Эрмитажѣ, въ Метрополѣ, въ Прагѣ или у Яра?

И въ этомъ отношеніи Петербургъ былъ благопріятенъ для его здоровья. Здѣсь онъ и спать ложился раньше, и нервы его были спокойнѣе.

И, конечно, онъ давно оставилъ бы Москву и сталъ бы жить въ Петербургѣ, если бы не убійственный для его легкихъ климатъ нашей сѣверной столицы. Эта вѣчная сырость, постоянныя неожиданныя смѣны тепла холодомъ и холода тепломъ, убійственные вѣтры—все это для него было переносимо только въ самой небольшой дозѣ. И онъ, подъ личиной постояннаго бронхита всегда подозрѣвавшій прятавшуюся за нимъ свою болѣзнь, стремился въ этотъ городъ и боялся его.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Чеховъ и наша литература.

Очеркъ **Т. Ганжулевичъ.**

Перепечатка воспрещается.

Историки литературы да и критики, примыкающіе къ нимъ, любятъ раздѣлять литературу на періоды: пушкинскій, гоголевскій... но на этомъ и останавливаются; лишь одинъ смѣлый критикъ прибавилъ: и чеховскій. Самъ Чеховъ по скромности своей не замѣчалъ, что онъ замыкаетъ собою цѣлый литературный періодъ, но чувствовалъ, что новый синтезъ уже пришелъ. „Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Тихоновъ, не К., не Щ., не П., не Б., а восьмидесятые годы“,—говорилъ Чеховъ недавно скончавшемуся писателю В. А. Тихонову.

Несомнѣнно, что восьмидесятые годы имѣютъ свою окраску; со всей жизненной и литературной полнотой воплощаетъ ихъ Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ, и имя его тѣсно связано съ данной эпохой. Безыменнымъ остался періодъ литературы отъ Гоголя и до Чехова, несмотря на то, что блеснули здѣсь великія имена, которыя стали нашей святыней: Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой. Но Л. Толстой былъ слишкомъ великъ для того, чтобы у него были ученики и послѣдователи въ настоящемъ значеніи этого слова, какъ не было ихъ ни у Шекспира ни у Гёте. Тургеневъ и Гончаровъ были слишкомъ индивидуальны, внесли то личное начало въ творчество, которое не могло создать литературной школы. Разрабатываемая единичными силами, выдвинутыми въ 60-е годы торжествомъ личнаго начала, литература съ 70-хъ годовъ вступаетъ опять въ сгущенную атмфосмеру общественности. Жизненный переломъ совершился, и новыя формы жизненнаго уклада вызвали и новое теченіе въ литературѣ.

Усиленныя исканія народныхъ идеаловъ въ 70-е годы смѣнились въ 80-е полосой полной безнадежности: это и являлось завершеніемъ цѣлой эпохи. Матеріала для творчества здѣсь было не много, и реализму въ литературѣ нашей угрожала опасность однотонности и измельчанія: по самому существу своего направленія писатель-реалистъ не могъ оторваться отъ жизни, отъ ея настроеній. Чеховъ не отступилъ отъ реализма и въ то же время миновалъ опасность, введя въ реализмъ новый элементъ, преобразовавшій старую реалистическую школу. Онъ внесъ въ изображеніе жизни тотъ быстрый темпъ, который лишалъ безнадежность ея разслабляющей силы, а художественное произведеніе — однотонности. Въ сущности, здѣсь же крылась и точка жизненнаго равновѣсія, которую Чеховъ почувствовалъ своимъ творческимъ предугадываніемъ, своей художественной интуиціей. Отсюда, изъ проникновеннаго творчества въ самый жизненный нервъ, и создался импрессіонизмъ въ искусствѣ, чеховская литература настроеній.

Тяжелый романъ, большая тягучая повѣсть, заполнявшіе литературу до Чехова, уступили мѣсто короткимъ разсказамъ. Если раньше для того, чтобы запечатлѣть какую-либо картину и лицо, требовалось длительное, подробное описаніе съ повтореніемъ наиболѣе важнаго и характернаго, то новая художественная техника кладетъ вмѣсто этого одинъ лишь штрихъ на лицо и характеръ, но штрихъ, попадающій въ жизненный нервъ,—и передъ нами само собою вырисовывается лицо, живое, безъ дальнѣйшихъ усилій художника: это дополняется уже воображеніемъ читателя, получившаго творческое возбужденіе черезъ передачу настроенія. Единичное творчество такимъ образомъ, благодаря импрессіонизму, все болѣе приближается къ коллективному творчеству. Скучной и утомительной кажется теперь старая описательная манера, лишающая читателя творческой работы.

„Описаніе природы,—пишетъ Чеховъ А. В. Жиркевичу:—должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитавъ и закрывъ глаза, сразу могъ вообразить себѣ изображаемый пейзажъ“. И далѣе: „Описанія природы въ разсказахъ тогда лишь умѣстны и не портятъ дѣла, когда они кстати, когда помогаютъ вамъ сообщить читателю то или другое настроеніе, какъ музыка въ мелодекламаціи“. Читатель призывается такимъ образомъ къ активной работѣ и, разъ почувствовавъ уже всю прелесть мукъ творчества, въ которую вводитъ его писатель-импрессіонистъ, не захочетъ отказаться отъ нихъ. Это же коллективное творчество даетъ возможность и писателю сберегать свои силы, не растрачивая ихъ на тѣ детали, которыя сплошь и рядомъ ярче въ предчувствіи, чѣмъ въ описательной ихъ передачѣ. Экономія творческихъ силъ усиливаетъ интенсивность изобразительности. Вотъ почему маленькіе разсказы Чехова производятъ часто болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ длительныя описанія даже большихъ мастеровъ художественнаго слова.

Литература быта подъ перомъ Чехова получила новыя формы: мелкія подробности исчезли, и вмѣсто нихъ выступили общіе контуры. Маленькія чеховскія произведенія, какъ „Мыслитель“, „Горе“, „Гусевъ“, „Пересолилъ“, „Бабы“ и цѣлый рядъ другихъ, несмотря на свою миніатюрность, представляютъ, какъ въ каплѣ морской, отраженіе всей жизни. Нигдѣ у Чехова, въ самыхъ маленькихъ его разсказахъ, нѣтъ оторванности отъ общей жизни. Чувствуется опредѣленное, устойчивое міросозерцаніе художника, при которомъ каждая малѣйшая частица міра связана съ цѣлымъ, каждое маленькое явленіе стоитъ въ цѣпи причинъ и слѣдствій. Такая устойчивость міросозерцанія—истинный признакъ настоящаго, подлиннаго таланта въ художникѣ: талантъ всегда долженъ охватывать міръ въ его цѣломъ. Только въ такомъ случаѣ онъ не дастъ себя поработить какой-либо частности, а себѣ подчинитъ міръ дѣйствительности, чтобы творить изъ него новыя цѣнности. Законъ творчества одинъ для всего: какъ въ творчествѣ міра нѣтъ такой частицы, которая была бы внѣ связи съ цѣлымъ, такъ въ творчествѣ художника не должно быть такой подробности, такого сюжета, который былъ бы внѣ связи съ міровоззрѣніемъ художника, не осмысливался бы имъ. Не связанное общей идеей творчество тускнѣетъ и блекнетъ, не оставляя послѣ себя жизненнаго слѣда. Созидательная сила творчества требуетъ опредѣленнаго міровоззрѣнія. И каждый разсказъ Чехова (не исключая его юмористическихъ разсказовъ) заключаетъ въ себѣ общую идею его творчества, носитъ въ себѣ святоесвятыхъ художника.

Неудачникъ Треплевъ въ „Чайкѣ“—очень характерное явленіе въ стыдливомъ творчествѣ Чехова. Его карикатурно-символистическая пьеса вызываетъ смѣхъ у зрителей, но по основѣ своей, по выраженнымъ въ ней стремленіямъ она—родная творчеству Чехова. Изображаемая въ ней міровая душа — это, въ сущности, героиня всѣхъ произведеній Чехова, съ ея мечтою о прекрасномъ, но далекомъ будущемъ. „Во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ,—говоритъ міровая душа въ пьесѣ Треплева.—Какъ плѣнникъ, брошенный въ пустой, глубокій колодецъ, я не знаю, гдѣ и что̀ меня ждетъ. Отъ меня не скрыто лишь, что въ упорной, жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной, и наступитъ царство міровой воли. Но это будетъ лишь, когда мало-по-малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и Луна, и свѣтлый Сиріусъ, и Земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ ужасъ, ужасъ“... И чеховскіе герои мечтаютъ тоже о томъ, что̀ будетъ черезъ 200—300 лѣтъ, а пока ихъ окружаютъ грязь и пошлость обыденщины, духовная пустота и нравственное измельчаніе.

Для Чехова важна не маленькая частица быта, не тѣ уголки, которые, разъ отвоевавъ для наблюденія, разсматриваютъ наши писатели-реалисты, а весь міръ, вся общественная атмосфера, изъ которой уже выходятъ частныя явленія. Общей идеи, общаго Бога, по которымъ томилась литература нашихъ дней, и искалъ Чеховъ вездѣ въ литературѣ и жизни, искали съ нимъ вмѣстѣ и его герои, которые, какъ и всѣ русскіе люди, любятъ толковать о Богѣ, о мірѣ и смыслѣ жизни.

Чеховъ глубоко проникнулъ въ самую суть русской общественности. Произошло это, быть-можетъ, благодаря тому, что цѣльная натура его была вся въ жизни. Чеховъ любилъ жизнь такъ, какъ только могутъ любить ее люди, заранѣе обреченные на гибель и знающіе объ этомъ. Чѣмъ короче оказывается жизненная нить, тѣмъ интенсивнѣе жажда жизни, и тѣмъ съ большей полнотой, быть-можетъ, воспринимается жизнь. Такъ, по крайней мѣрѣ, было съ Чеховымъ. Ему претили „маленькія дѣла“ современности: за ними не замѣчали великихъ; претило измельчаніе

духовное, та удовлетворенность, которая, приковывая человѣка къ „дому съ мезониномъ“, незамѣтно отрывала его отъ большой жизни и опошливала его, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишала смысла его существованіе.

Лида въ „Домѣ съ мезониномъ“ и ея хлопотливая, будто бы общественная, суета, съ заботами о земскихъ выборахъ, о грамотности, школѣ и больничкѣ, кажется карикатурно-сентиментальной на фонѣ оторванности отъ общей жизни. „Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру“,—диктуетъ Лида дѣвочкѣ, чувствуя при этомъ полную духовную удовлетворенность, и это—символъ всей ея жизни: ей, какъ воронѣ, достался свой кусочекъ сыру въ видѣ служенія маленькому дѣлу, и она, захвативъ его, окаменѣла: затворившись въ своемъ домикѣ съ мезониномъ, становится глуха и слѣпа ко всему, что̀ не касается ея маленькаго дѣла. Глохнутъ чувства, атрофируется широкое жизненное пониманіе, и Лида превращается въ автомата, около котораго мертвѣетъ все живое. Она убиваетъ радость и счастье любящихъ ее людей, убиваетъ слѣпо, не разсуждая и все во имя своего „кусочка сыру“. Это—подвижница безъ души, живой человѣкъ безъ трепета жизненныхъ нервовъ, безъ пониманія жизненной красоты и ея цѣнностей. Для жизни-тюрьмы такіе люди, пожалуй, и нужны, но не для жизни общей, широкой и свободной: они ничего не внесутъ въ нее, потому что, отгородившись отъ нея, потеряли чутье общей жизни, потеряли связь съ нею и сами оказались выброшенными ею.

Обличителемъ пошлости въ бытѣ былъ Гоголь: Чеховъ преслѣдовалъ пошлость въ ея дальнѣйшемъ развитіи, въ ея выявленіи на психикѣ человѣка. Здѣсь пошлость приняла утонченныя формы, заразила интеллигентныя массы, прокралась въ искусство, въ художество и заполонила всю русскую жизнь, подавивъ настоящую красоту и благородство.

Художникъ въ „Домѣ съ мезониномъ“ говоритъ: „Науки и искусства, когда они настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему, — они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу, а когда ихъ пристегиваютъ къ нуждамъ и злобамъ дня, къ аптечкамъ и библіотечкамъ, то они только осложняютъ, загромождаютъ жизнь. У насъ много медиковъ, фармацевтовъ, юристовъ, стало много грамотныхъ, но совсѣмъ нѣтъ біологовъ, математиковъ, философовъ, поэтовъ. Весь умъ, вся душевная энергія ушли на удовлетвореніе временныхъ, переходящихъ нуждъ... У ученыхъ, писателей и художниковъ кипитъ работа, по ихъ милости удобства жизни растутъ съ каждымъ днемъ, потребности тѣла множатся, между тѣмъ до правды еще далеко, и человѣкъ попрежнему остается самымъ хищнымъ, самымъ нечистоплотнымъ животнымъ, и все клонится къ тому, чтобы человѣчество въ своемъ большинствѣ выродилось и утеряло навсегда всякую жизнеспособность. При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на повѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хищнаго, нечистоплотнаго животнаго, поддерживая существующій порядокъ“ и т. д.

Быть-можетъ, чеховскій художникъ черезчуръ увлекся: маленькія дѣла нужны, но не внѣ связи съ общимъ. Нужна и школа, но необходимъ и университетъ, громадное значеніе имѣетъ медицина, но еще большее—устроеніе соціальной жизни людей, которое уничтожало бы причины болѣзней: строить школы и лишать народъ широкаго развитія, заграждая доступъ его къ настоящему знанію,—это значитъ обрекать деревню на такое же состояніе, въ которомъ, по словамъ чеховскаго художника, она и при Рюрикѣ была: лѣчить и въ то же время порождать болѣзни, не обращая вниманія на экономическія условія народной жизни—это та же работа Данаидъ, которая въ результатѣ приводитъ къ нытью трехъ сестеръ, такъ и не вырвавшихся въ „Москву“, задавленныхъ маленькимъ дѣломъ.

Мысль о томъ, что „всѣ мы сообща, міромъ, искали бы правды и смысла жизни“, никогда не покидала и самого Чехова. Онъ повторяетъ ее съ тѣми или другими измѣненіями во всѣхъ почти своихъ произведеніяхъ. Въ „Дядѣ Ванѣ“ докторъ Астровъ мечтаетъ о томъ, что хорошо бы насадить опять густые лѣса, которые могутъ измѣнить климатъ къ лучшему и людямъ слѣдующихъ столѣтій будетъ легче жить. О лучшей жизни мечтаетъ и Вершининъ,—жизни черезъ 200—300 лѣтъ. Мечтой о далекомъ будущемъ живетъ и „неизвѣстный человѣкъ“, и докторъ „Палаты № 6“, слишкомъ ушедшій отъ жизни и потому трагически погибшій, и художникъ въ „Моей жизни“, и цѣлая галлерея дѣйствующихъ лицъ въ произведеніяхъ Чехова.

(Окончаніе будетъ).



Президентъ Французской республики Раймондъ Пуанкарэ.
Къ прибытію его въ Россію 7 іюля с. г.

Торжество русско-французскаго союза.

(Политическое обозрѣніе).

Нынѣшнее посѣщеніе главою Французской республики Россіи имѣетъ совершенно исключительное политическое значеніе. Оно было рѣшено послѣ новыхъ выборовъ въ палату депутатовъ, давшихъ большинство крайнимъ лѣвымъ партіямъ, наиболѣе видные дѣятели которыхъ, въ родѣ Жореса и Клемансо, относились съ нескрываемою враждою и къ военному закону и къ близости республики съ Россіей. Избирательная побѣда радикально-соціалистическаго блока дала обильную пищу для язвительныхъ кривотолковъ нѣмецкой печати. Германскіе и австрійскіе публицисты комментировали исходъ выборовъ, какъ начало неизбѣжнаго разрыва Франціи съ Россіей, и предвѣщали крутой поворотъ французской политики въ сторону полнаго примиренія съ Германіей. Возможно ли вообще и если возможно, то на какихъ условіяхъ примиреніе съ агрессивнымъ врагомъ, стремящимся къ полному господству надъ болѣе слабымъ сосѣдомъ?—Объ этомъ радикальные пацифисты не подумали. Они забыли, что вскорѣ послѣ версальскаго мира, Германія, безъ всякаго внѣшняго повода, снова уже была готова напасть на Францію и разгромить ее въ конецъ до предѣловъ окончательной утраты національно-государственной независимости, и только угроза энергичнаго военнаго заступничества Россіи остановила занесенный для смертельнаго удара бронированный кулакъ. При наличіи такой постоянной опасности для самаго бытія націи пацифизмъ, не учитывающій въ своихъ мечтахъ условій реальной дѣйствительности, становится духовно близкимъ къ сознательному предательству родины. Разумѣется, въ моментъ наступившей національной катастрофы всѣ французскіе соціалисты станутъ на защиту отечества и будутъ руководиться не книжными теоріями, а живымъ чувствомъ патріотизма—но тогда будетъ уже поздно, такъ какъ сколько-нибудь надежная военная защита страны требуетъ не героическихъ импровизацій, а долгой, систематической и планомѣрной подготовки. Недаромъ даже глава французскихъ соціалистовъ, Жоресъ, въ недавней рѣчи публично заявилъ, что соціалисты отнюдь не хотятъ сдѣлать



Супруга президента. Президентъ.

Президентъ Французской республики Раймондъ Пуанкарэ въ кругу своей семьи.

Францію беззащитной, но расходятся съ буржуазными партіями только въ томъ, что желаютъ организовать эту защиту на началахъ народнаго ополченія. Живымъ олицетвореніемъ дѣятельнаго и разумнаго французскаго патріотизма является президентъ республики Раймондъ Пуанкарэ. Возглавляя въ своемъ лицѣ всю Францію безъ различія партій и направленій, онъ своимъ торжественнымъ посѣщеніемъ Кронштадта и Петербурга заставляетъ всю Европу почувствовать глубокую ложь и суетность ядовитыхъ кривотолковъ о разложеніи франко-русскаго союза. Стихія политическаго союза неизмѣнно сильнѣе всѣхъ партійныхъ пожеланій, стремленій и мелкихъ парламентскихъ каверзъ. То, чтò спаяно самою исторіею подъ давленіемъ очевидной для всего народа необходимости, того не могутъ разорвать никакія усилія отдѣльныхъ людей. Всякая попытка уничтожить русско-французскій союзъ заставляетъ только еще сильнѣе чувствовать его крѣпость. Врагами нынѣшней политической комбинаціи было затрачено не мало усилій для торжества соціалистовъ-радикаловъ на выборахъ. Они отчасти достигли своей цѣли, и во главѣ новаго кабинета сталъ соціалистъ Вивіани. И чтò же? Первымъ его словомъ было заявленіе о неразрывности франко-русской дружбы, первымъ его шагомъ было участіе кабинета въ торжественномъ посѣщеніи Россіи главою республики. Чѣмъ больше работаютъ враги надъ разрывомъ союза, тѣмъ яснѣе осязаютъ оба народа сковавшія ихъ внутреннія скрѣпы. Послѣ обновленія палаты Франція почувствовала желаніе манифестировать свою вѣрность Россіи визитомъ президента, а Россія почувствовала потребность манифестировать свою приверженность къ Франціи усиленно горячими привѣтствіями главы Франціи. Союзъ съ нею вошелъ въ плоть и кровь нашего политическаго самосознанія. Онъ наложилъ свой отпечатокъ даже на внутреннее развитіе Россіи. Именно, въ дѣлѣ сближенія съ Французской республикой, замѣнившемъ традиціонное участіе въ явно антирусскомъ союзѣ трехъ императоровъ, императоръ Александръ III перешелъ въ нашей внѣшней политикѣ отъ династическихъ основъ къ основамъ національнымъ, построилъ ее не на соображеніяхъ родства и тожества государственнаго строя, а на реальныхъ государственныхъ интересахъ. Впервые при императорѣ Александрѣ III на площадяхъ русской столицы зазвучалъ французскій національный гимнъ свободы и патріотизма и нашелъ такой глубокій отзвукъ въ милліонахъ русскихъ сердецъ. Какъ рожденный волею судебъ, франко-русскій союзъ таитъ въ себѣ какое-то поистинѣ чудодѣйственное начало. Онъ заставляетъ самыхъ убѣжденныхъ русскихъ консерваторовъ съ восторгомъ внимать призывнымъ звукамъ марсельезы и самыхъ пламенныхъ французскихъ соціалистовъ сливаться сердцами въ торжественно-мистической мольбѣ русскаго народнаго гимна: „Боже Царя храни“. Свободный синтезъ двухъ культуръ, взаимопроникновеніе двухъ міросозерцаній — чтò несетъ оно тому и другому народу? Думается, что его значеніе не ограничивается однѣми только рамками международныхъ отношеній, но захватываетъ невидимыми отраженіями также и внутреннюю психологію народовъ. Кромѣ гарантіи внѣшней безопасности и взаимной страховки отъ нѣмецкаго нашествія, сближеніе двухъ столь разнокультурныхъ народовъ именно въ силу полярности ихъ культуръ обогащаетъ ихъ внутреннюю жизнь, научаетъ насъ, русскихъ, еще больше любить свободу, а французовъ заставляетъ невольно пріобщаться къ тому культу этическаго идеализма въ общественныхъ дѣлахъ, которымъ такъ обѣднѣлъ просвѣщенный Западъ и которымъ покамѣстъ еще такъ богата славянская душа. Вотъ почему и во имя мира, и во имя свободы, и во имя прогресса, и во имя грядущаго торжества всемірной правды въ эти дни многознаменательныхъ торжествъ изъ каждаго русскаго сердца неудержимо рвется горячій привѣтъ дружественной Франціи.

Къ рисункамъ.

Въ текущемъ № „Нивы“ мы продолжаемъ знакомить нашихъ читателей съ послѣдней Весенней выставкой въ Академіи Художествъ. Обращаютъ на себя вниманіе милые жанры Н. Харитонова; *„Няня“* и *„Дѣти“*. Художникъ вводитъ насъ въ дѣтскій мірокъ съ его горестями и радостями и даетъ цѣлую вереницу славныхъ дѣтскихъ типовъ. Шумной ватагой играютъ на задворкахъ деревенскіе ребята: лѣтнее солнце пронизываетъ ихъ тепломъ и свѣтомъ—и кажется, что и веселье нисходитъ къ нимъ отъ солнца же. Но грустна и мрачна маленькая деревенская няня. И невольно вспоминается при видѣ ея знаменитый чеховскій разсказъ „Спать хочется“.

Къ области жанра относятся также и картины М. Иванова *„Молитва передъ посѣвомъ“* и И. Дроздова *„Будни“*. Торжественно-религіозное настроеніе первой изъ нихъ составляетъ яркій контрастъ будничному судаченію досужихъ деревенскихъ кумушекъ, изображенныхъ И. Дроздовымъ. Въ строгихъ тонахъ, какъ и картина М. Иванова, написанъ библейскій жанръ В. Кучумова *„Іаковъ и Рахиль“*—извѣстная сцена изъ ветхозавѣтныхъ исторій.

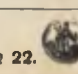
Изъ пейзажей Весенней выставки мы воспроизводимъ типичный видъ Сайменскаго озера В. Федоровича *„На берегахъ Саймы (Финляндія)“*. Предъ нами своеобразная картина спокойнаго озера, покрытаго тысячью большихъ и маленькихъ каменистыхъ острововъ. Далѣе — городской пейзажъ К. Горбатова — *„Выпалъ снѣгъ“*—сумрачная картина поздней осени въ большомъ городѣ. Полную противоположность ей представляетъ картина залитой весеннимъ солнцемъ аллеи *въ старомъ паркѣ* (К. Вроблевскаго). Много движенія, свѣта и воздуха въ пейзажѣ В. Зарубина *„Вѣтеръ“*.

Изъ скульптурныхъ работъ, появившихся на описываемой выставкѣ, воспроизводимъ эффектный *„Призывъ“* А. Вернера—гармонически-прекрасную фигуру играющей на арфѣ женщины. Въ ней все—музыка и красота, властно призывающія къ себѣ своимъ очарованіемъ. Много величія и властности въ скульптурной фигурѣ *патріарха Филарета* (работы В. Беклемишева). А художникъ С. Слободянюкъ-Подолянъ даетъ намъ и портретъ самого скульптора.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за Іюль 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Іюль 1914 г. съ 37 рис., отдѣльн. листъ съ 20 черт. выкр. въ натур. величину и 11 рис. для выжиганія.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29  Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

НИВА № 28 12 Іюля 1914 г.

В. Маковскій. Букинистъ. Музей Императорской Академіи Художествъ.

Сердце жизни.

Повѣсть В. В. Муйжеля.

(Продолженіе).

Она не поняла сначала, въ чемъ дѣло и про какія деньги написано тутъ. Нѣкоторое время съ удивленіемъ разсматривала бумагу. Потомъ посмотрѣла на конвертъ, опять прочла загадочную фразу—и вдругъ у нея мелькнуло подозрѣніе. Съ тою же забытой на лицѣ улыбкой, но уже краснѣя, какъ будто пойманная на чемъ-то нехорошемъ, она опять посмотрѣла на ковыляющія, неровныя буквы и безпомощно оглянулась.

Передъ ея воображеніемъ всталъ худенькій, съ серьезнымъ, какъ у большого, лицомъ, мальчикъ, разсудительный не по лѣтамъ, вѣжливый и тактичный до того, что она восторгалась порою этимъ тактомъ ребенка. Она вспомнила, какъ передъ елкой онъ пришелъ со звѣздою съ двумя другими мальчиками, и она дала имъ мелочь. На слѣдующій день на Рождество — онъ пришелъ уже одинъ славить Христа — и, не стѣсняясь, старательно выводя слова, пѣлъ, при чемъ у него выходило такъ, что со звѣздою приходили волки... И, получивъ опять серебряную мелочь, онъ поблагодарилъ, взялъ кусокъ ветчины на хлѣбѣ, которымъ хотѣла его угостить Прохорова, мѣшочекъ съ конфетами— и ушелъ.

Мужъ тогда говорилъ, что она напрасно развращаетъ ребенка деньгами, что этого не слѣдовало дѣлать, но она не обратила вниманія. Потомъ, послѣ елки, она позвала его приходить, какъ стараго знакомаго, и онъ сталъ бывать вмѣстѣ съ другимъ мальчикомъ, сыномъ молочницы.

Теперь оказалось, что мальчикъ все время ждалъ случая еще получить серебряную мелочь...

Ей стало горько, какъ будто этотъ разсудительный, похожій на взрослаго, Женя незаслуженно обидѣлъ ее. Она встала и по явившейся недавно привычкѣ, сжимая руки на груди, стала ходить изъ угла въ уголъ, качая головой и морщась, какъ отъ боли.

... Какъ нехорошо, какъ непріятно!.. На всю ея ласку, трепетную ласку одинокой женщины, жаждавшей дѣтской любви, ей отвѣтили такъ незаслуженно больно!.. Въ послѣднее время вообще стало случаться такъ, что окружающее давило и угнетало ее. Разсказы Полины Сергѣевны о своихъ подругахъ и о томъ, кто и какъ живетъ въ селѣ, неинтересные, граничащіе со сплетнею, свой стыдъ передъ Березскимъ, которому въ глубинѣ души она хотѣла показать, что живетъ не такою ужъ пустою и ненужною жизнью. Какъ больно, какъ непріятно все это!.. Теперь этотъ мальчикъ...

„Сколько за это денегъ будетъ?..“

... Деньги!.. Вѣчная, постоянная исторія. Когда она выходила замужъ—подруги поздравляли ее и съ тайной завистью говорили о томъ, что Прохоровъ много зарабатываетъ. И выходило такъ, что она выходитъ именно поэтому за него... Когда потомъ мужъ надсѣдался надъ работой, торчалъ на какихъ-то заводахъ, пропадалъ на постройкахъ, а она ходила въ послѣдней парижской модели пальто или шляпкѣ въ восемьдесятъ рублей — его товарищи, похлопывая Макса по плечу, удивлялись его трудоспособности и прибавляли:

— Впрочемъ, тебѣ надо, ты человѣкъ семейный!..

А ей совсѣмъ ничего этого не надо было, и тотъ же самый Максъ, уѣзжая съ нею въ театръ или куда-нибудь на вечеръ, дѣловымъ тономъ совѣтовалъ надѣть ей брильянты или брошь съ чернымъ жемчугомъ и, когда она возставала противъ этого, бормоталъ ласково:

— Нельзя, душечка. Тамъ будетъ директоръ Пельцевскаго завода, а у меня съ нимъ дѣла; нужно показать, что мы не оборвыши какіе-нибудь!..

А потомъ на вечерѣ—уже совсѣмъ унизительно шепталъ ей, подталкивая локтемъ, чтобы она поправила брошь, а то ее не хорошо видно... И она съ улыбкой, какъ будто нечаянно, поправляла брошь такъ, чтобъ она всѣмъ бросалась въ глаза...

Теперь Максъ пропадалъ на постройкѣ, метался изъ Петербурга домой, потомъ у него какія-то дѣла по деревнямъ, какіе-то торги съ крестьянами въ аккуратныхъ поддевкахъ, боязливо проходившими черезъ гостиную, и когда въ рѣдкія минуты свиданія она говорила ему, что не надо такъ много работать, что онъ утомляетъ себя—онъ устало моргалъ опухшими отъ безсонницы и дороги вѣками и отдѣлывался общими фразами:

— Ничего не подѣлаешь, матушка: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ... Такая наша доля — легъ въ хомутъ, такъ не вылѣзай!..

И совершенно неизвѣстно было: для чего имъ двоимъ, не имѣющимъ дѣтей, нужно было столько денегъ?..

Ей было скучно — нельзя жить такъ одной, сидя въ глупомъ селѣ, отрѣзанной отъ всего міра, а онъ разъѣзжалъ по дѣламъ, и видѣла она его разъ въ недѣлю на нѣсколько часовъ, бо́льшую часть которыхъ онъ спалъ у себя въ кабинетѣ, закрывшись съ головой и наполняя здоровымъ храпомъ никогда не высыпающагося человѣка всю квартиру...

И этотъ Березскій... Ну, зачѣмъ, зачѣмъ было брать его, именно его, знавшаго ихъ обоихъ еще молодыми? Какъ будто нельзя было найти другого чертежника. Теперь она ходила по дому такъ, какъ будто каждый шагъ ея могли видѣть, боялась выйти въ гостиную, потому что изъ чертежной слышно каждое движеніе въ ней, боялась сѣсть къ роялю,—а она любила музыку и такъ увлекалась ею, когда оставалась одна въ домѣ!..

Опять вошелъ Владиславъ и сказалъ, что пришла Полина Сергѣевна. Она сказала, что сейчасъ выйдетъ, и, когда Владиславъ былъ уже въ дверяхъ, спросила:

— А это письмо вамъ давно передали?

— Это мальчикъ-то? — переспросилъ лакей и, сдѣлавъ таинственное лицо, объяснилъ: — Сегодня утромъ... Осмѣлюсь доложить—совсѣмъ нестоющій мальчишка онъ... У него отецъ чайную содержитъ здѣсь, очень даже состоятельный человѣкъ, и которые люди если добро хотятъ сдѣлать — то совсѣмъ даже напрасно...

— Онъ у меня денегъ проситъ... Я не знаю, какъ теперь?...

— Просто даже гнать надо—не стоющій мальчикъ, только и глядитъ, какъ бы какую пользу себѣ имѣть...

Полина Сергѣевна зашла на минутку. Она попросила модный журналъ съ фасономъ какого-то платья. Замѣтивъ, что Антонина Александровна чѣмъ-то разстроена, она обняла ее и, заглядывая въ глаза, спросила:

— Что съ вами? У васъ такой видъ... Что-нибудь непріятное, а? Скажите, ну, скажите мнѣ, я васъ люблю...

— Пустяки, но мнѣ стало больно,—отвѣтила Антонина Александровна и разсказала исторію съ мальчикомъ.

— Ахъ, вотъ что,—разочарованно протянула учительница.— Ну, это тутъ постоянно бываетъ... На васъ всѣ смотрятъ, какъ на какихъ-то благодѣтелей Заполья... Ваша молочница, мать Коли — другого мальчика, съ которымъ вы занимаетесь—теперь уже всѣмъ говоритъ, что „анжинерша души въ моемъ Колькѣ не чаетъ; слава Тебѣ Господи, пристроенъ, можно сказать, малецъ; успокоилась душа моя вдовая“... Что вы хотите отъ нашего народа?

Она ушла, обѣщая забѣгать почаще, а Антонина Александровна медленно пошла назадъ. У кабинета мужа она остановилась. Тамъ дальше, черезъ открытую дверь, видно было, какъ Березскій, низко наклонившись къ доскѣ, вычерчивалъ что-то. Когда она хотѣла пройти дальше—онъ откинулся, положилъ карандашъ и взглянулъ на нее. Она подумала и прошла черезъ кабинетъ въ чертежную.

Они уже видѣлись сегодня и потому не здоровались. При ея входѣ онъ слегка приподнялся и сказалъ, такъ что трудно было понять, шутитъ онъ или нѣтъ:

— Я вамъ совѣтовалъ бы затворять двери, когда вы кого-нибудь принимаете,—здѣсь все слышно, что говорится въ гостиной...

— Да? Ну, что жъ, у меня секретовъ нѣтъ,—улыбнулась она.— Это была Полина Сергѣевна...

Онъ помолчалъ, глядя на нее темными впадинами угрюмыхъ глазъ, и какъ будто ждалъ, когда она уйдетъ.

— Со мной сегодня случилась маленькая непріятность,— усмѣхнулась она, стараясь сбросить неловкое ощущеніе отъ этого взгляда.

— Я знаю,—просто отвѣтилъ онъ.

— Да? Вы слышали? Ужасно... горько,—нашла она нужное слово.— Я такъ искренно любила этого мальчика, а оказалось...

— Оказалось, что вы помѣщали свое чувство въ банкъ, который не оправдалъ вашего довѣрія...—закончилъ онъ.— Это дѣйствительно грустно...

— Понимаете, обидно то, что я дѣлаю все съ чистымъ сердцемъ, такъ сказать, желая сдѣлать лучше, а тутъ...

Онъ неопредѣленно пожалъ плечами и поднялся.

— Я не знаю, что вамъ сказать,—проговорилъ онъ.—Въ такихъ случаяхъ говорятъ обыкновенно о томъ, что не надо падать духомъ, не надо отчаиваться или огорчаться... Я этого не сталъ бы говорить.

— А что же? — спросила она, тихонько покусывая кончикъ носового платка, который держала въ рукѣ.



В. Маковскій. Квасникъ. Первая картина художника, написанная въ 1861 г. ученикомъ московскаго Училища Живописи. (Собственность И. Е. Цвѣткова).

— Мм... Это трудно такъ сразу... Я, пожалуй, сказалъ бы, что ничего изъ этого не надо было дѣлать и начинать. Я боюсь быть неправымъ, но я думаю, что нельзя смѣшивать двѣ стихіи. Если смѣшать воду и землю—получится грязь. Къ тому же, если это дѣлается исключительно для себя, чтобы занять свое свободное время...

Онъ не докончилъ, потому что въ кабинетѣ стукнула дверь.

— Кто тамъ? — крикнула Прохорова. — Это вы Владиславъ?

Но это былъ не Владиславъ, а Полина Сергѣевна. Она забыла сумочку и теперь вернулась за нею.

— Ради Бога, простите, тысячу разъ виновата...—извинялась она, словно сдѣлала что-то непоправимое: — я такъ разсѣянна... Дошла до поворота къ школѣ и вдругъ схватилась... Такъ нехорошо — извините, пожалуйста!..

Сумочка оказалась на столѣ въ гостиной. Уходя, учительница опять извинилась, и въ этомъ усиленномъ извиненіи такъ же, какъ и въ самомъ тонѣ словъ, было непріятное. Она



В. Маковскій. Литературное чтеніе. Картина, удостоенная серебряной медали при окончаніи художникомъ московскаго Училища Живописи въ 1866 г. (Собственность И. Е. Цвѣткова).



В. Маковскій. Деревенскіе поставщики.

ушла, и Антонина Александровна сама заперла за нею дверь.

— Вы встрѣтили ее съ чистымъ сердцемъ, — усмѣхаясь, проговорилъ Березскій, когда она вошла въ чертежную:—а выйдетъ Богъ знаетъ что̀...

— Ну, что̀ вы. Полина Сергѣевна, она такая интеллигентная... И притомъ несчастная, больная...

— Ахъ, оставьте вы, пожалуйста, интеллигентность; болѣзнь и все прочее, — съ раздраженіемъ махнулъ рукой чертежникъ:— все это только ваши иллюзіи, а на самомъ дѣлѣ она такъ же не прочь посплетничать, какъ всѣ здѣсь въ этомъ селѣ... Вы не можете себѣ представить, какъ тутъ всѣ освѣдомлены о вашей жизни... Мы, напримѣръ, съ вами совершенно не знаемъ, когда пріѣдетъ Максимъ Павловичъ, хотя оба въ этомъ непосредственно заинтересованы, а моя старуха-мѣщанка безошибочно предрекаетъ, что онъ „должо̀нъ быть нынче, безвремѣнно должо̀нъ“...

— Да? Это странно... — протянула Прохорова, мелькомъ взглядывая на него: — тѣмъ болѣе, что и самъ Максимъ Павловичъ навѣрно никогда не знаетъ, когда онъ будетъ...

— Ну, вотъ видите... Теперь мы съ вами стоимъ и разговариваемъ въ чертежной, а Полина Сергѣевна съ точностью знаетъ, о чемъ мы говорили пять минутъ тому назадъ, и весь посадъ будетъ знать это...

— Я не знаю, можетъ-быть, вы, правы...—думая о чемъ-то другомъ, выговорила Прохорова:—это такъ странно...

— Ничего тутъ страннаго нѣтъ, вы только не смотрите кругомъ,—сказалъ онъ, но, взглянувъ на нее, умолкъ.

— Ахъ, да,—словно опомнившись, усмѣхнулась она:—вы говорили... Да такъ ли? Видите, когда я пріѣхала сюда—мнѣ казалось, что стоитъ сдѣлать небольшое усиліе и собрать ихъ вмѣстѣ, что ли, заинтересовать чѣмъ-нибудь—и все будетъ иначе... Имъ будетъ легче, не будетъ этихъ сплетенъ, пересудъ, Богъ знаетъ чего... Но я вижу, что это не такъ...

— Да,—подхватилъ онъ:—и въ этомъ виноваты не они, а вы... Дѣло все въ томъ, что вы привыкли смотрѣть на учителей, какъ на интеллигентныхъ людей, совершенно забывая, что этотъ типъ учителя давно вымеръ, его просто не хватило на всю школьную сѣть, а на смѣну ему пришелъ учительскій семинаристъ изъ крестьянъ, говорящій „чяво“, вмѣсто „чего“, пришла епархіалка, дочка дьякона, по развитію стоящая не выше своей среды, мечтающая о томъ, какъ выйти замужъ, и относящаяся къ своему учительству, какъ къ непріятной, но необходимой воинской повинности какой-то... Это плохо для васъ, случайно попавшей въ деревню и удивляющейся тому, что учительница, вздумавъ говорить о Шекспирѣ, забыла, какъ его зовутъ, и въ видѣ напоминанія объясняетъ: „Ну, какъ его, баронъ еще нѣмецкій, на Ш. фамилія начинается“... Но это не плохо— по крайней мѣрѣ, я думаю—для тѣхъ, кого они учатъ, ибо они ближе къ народу, чѣмъ мы съ вами, интеллигентные люди, читающіе современную литературу и способные ломать копья о какомъ-нибудь Стриндбергѣ... Въ конечномъ счетѣ деревнѣ пока, кромѣ элементарныхъ свѣдѣній, ничего не надо, и эти свѣдѣнія какой-нибудь Усачовъ или Жаворонокъ вполнѣ дать могутъ...

— Да, конечно... — согласилась она, очевидно, плохо слушая его: — это, разумѣется...

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на нее внимательно и взялъ циркуль.

— Я вамъ мѣшаю работать, простите... — проговорила она, оглядываясь:—я пойду...

Онъ что-то пробормоталъ и, когда она вышла, сѣлъ къ столу. Но чертить было трудно, потому что солнце звало на улицу, воробьи оглушительно щебетали подъ окномъ и въ селѣ звонили— медленно и торжественно, и звонъ плылъ въ воздухѣ широкими волнами...

Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ Прохоровъ. Безъ него накопилась цѣлая гора писемъ и телеграммъ, и, едва войдя въ кабинетъ, еще не умывшись, онъ присѣлъ къ столу и сталъ рѣзать большими ножницами конверты.

— А Пятница мой еще не приходилъ? — пробѣгая письма, спрашивалъ онъ.

— Нѣтъ, не былъ еще,—отвѣтилъ Березскій.

— Ахъ, чтобъ его!.. Вотъ народъ: чуть только отвернешься— сейчасъ чортъ знаетъ что̀ выходитъ... Гм...

Онъ читалъ письмо за письмомъ, сдвинувъ по привычкѣ очки на лобъ и быстро отрѣзая отъ конвертовъ узенькую каемочку. Одно письмо его, должно-быть, удивило, потому что онъ перечиталъ, перевернулъ, потомъ отыскалъ конвертъ, изъ котораго вы-

нулъ его, повертѣлъ его въ рукахъ и, тщательно сложивъ, запряталъ въ боковой карманъ пиджака. На другихъ онъ тутъ же быстро ставилъ для памяти карандашныя помѣтки, одно прямо выбросилъ въ корзину, одно, вскрывая, улыбнулся, но не сталъ читать и тоже спряталъ, очевидно, откладывая чтеніе.

Потомъ всталъ, потянулся такъ, что у него хрустнули суставы, и пошелъ мыться. Березскому надо было сказать кое-что по поводу работы, и онъ подождалъ его. Но о работѣ говорить не пришлось, такъ какъ Прохоровъ, едва только вышелъ, потащилъ чертежника въ столовую ужинать. Березскій хотѣлъ отказаться, но инженеръ такъ настаивалъ, что онъ пошелъ.

За чаемъ и ужиномъ Прохоровъ много говорилъ, разсказывалъ смѣшныя исторіи и самъ смѣялся громкимъ раздѣльнымъ смѣхомъ, гулко отдававшимся въ большой комнатѣ. Похоже было, что онъ не хочетъ остаться одинъ съ женой, и, когда Березскій пытался раза два встать, онъ удерживалъ его и опять начиналъ разсказывать. Когда заговорили о селѣ, о томъ, какую роль будетъ играть это село черезъ два года, — онъ откинулся на спинку стула и сказалъ:

— Подождите, вы не узнаете этого села...Здѣсь будетъ настоящая жизнь, а не какая-то муть... Теперь я удивляюсь Антонинѣ, какъ она можетъ жить здѣсь безъ дѣла, а тогда...

Онъ взглянулъ на жену, немного смутился и погладилъ бороду.

— Какое же дѣло должно быть у меня?—спросила она, и въ голосѣ ея Березскому послышалась горечь.—Я пробовала, но не дальше, какъ сегодня...

— Ахъ, да, я слышалъ,—подхватилъ онъ: — отъ кого, бишь, я слышалъ это? Да,—продолжалъ онъ:—но я тебѣ говорилъ, что ничего изъ этого выйти не можетъ. Ты совсѣмъ не знаешь мѣстныхъ условій: мѣщанское племя— племя лукавое... Оно потонуло въ сплетняхъ, мелочности, эгоизмѣ. Даже людей, которымъ совершенно нѣтъ дѣла до ихъ жизни, и то оно не можетъ оставить въ покоѣ, начинаетъ нюхать, врать, выслѣживать и пакостить... Такой ужъ народъ!

Онъ усмѣхнулся чему-то и погладилъ бороду и, слегка пожимая плечами, какъ будто снимая съ себя отвѣтственность за мѣщанское племя, добавилъ:

— Я говорилъ тебѣ, Нина, ты сама захотѣла...

Березскому было почему-то непріятно слушать его. Кажется, его раздражалъ этотъ самоувѣренный, чуть-чуть шутливый тонъ, по которому видно было, что инженеръ не придаетъ значенія тому, что̀ ему могутъ отвѣтить, такъ какъ знаетъ впередъ всѣ доводы противника. Онъ слегка двинулся, нахмурился еще больше и, постукивая по скатерти пальцами, сказалъ:

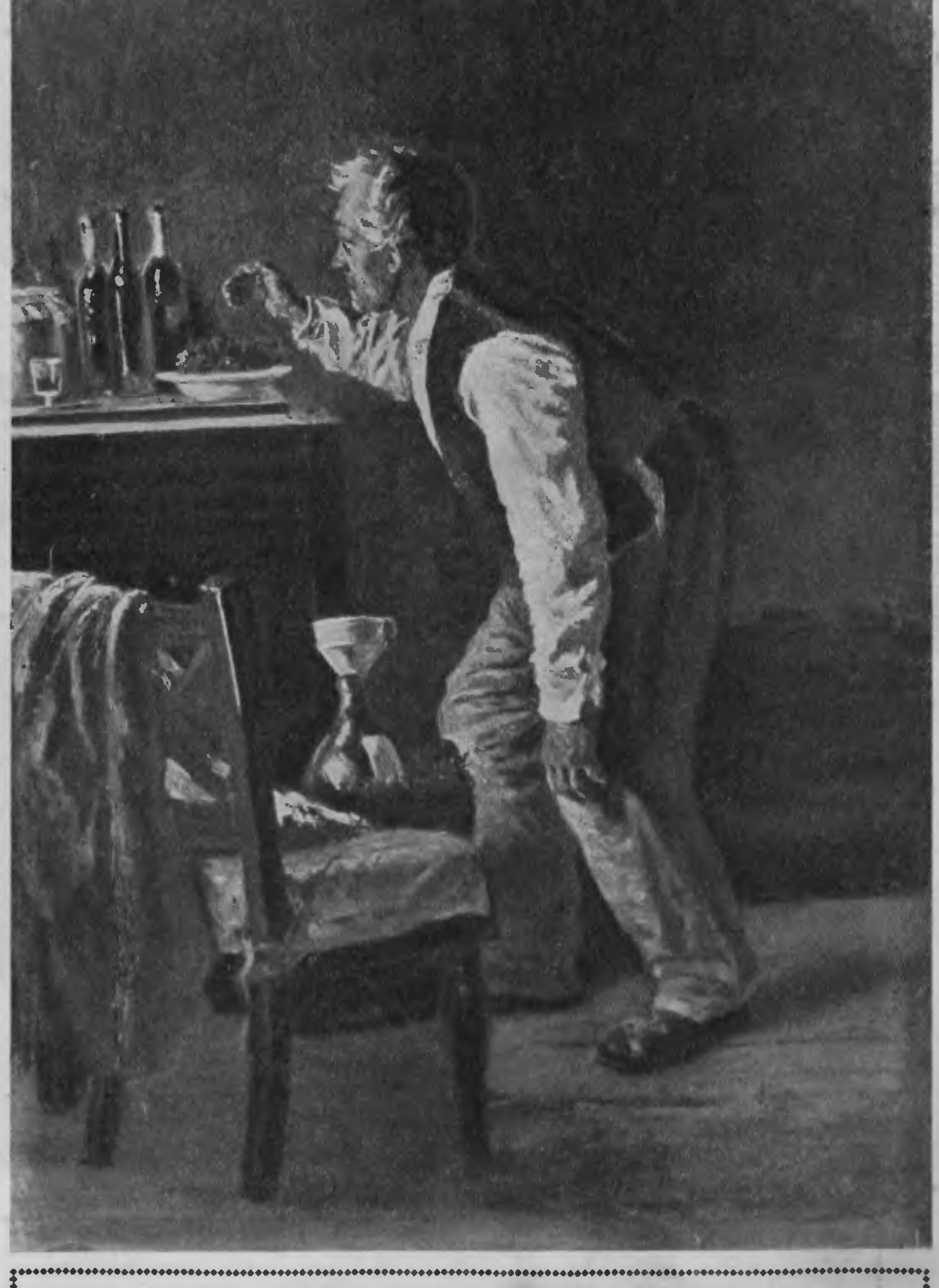
— Я не знаю, почему вы считаете, что учительница, въ жизни которой принимала нѣкоторое участіе Антонина Александровна, принадлежитъ къ этому вашему племени... Въ каждомъ человѣкѣ для другого есть непріятное, нельзя же считаться съ этимъ...

— Я не считаюсь, а...—началъ-было Прохоровъ, но онъ не далъ ему досказать.

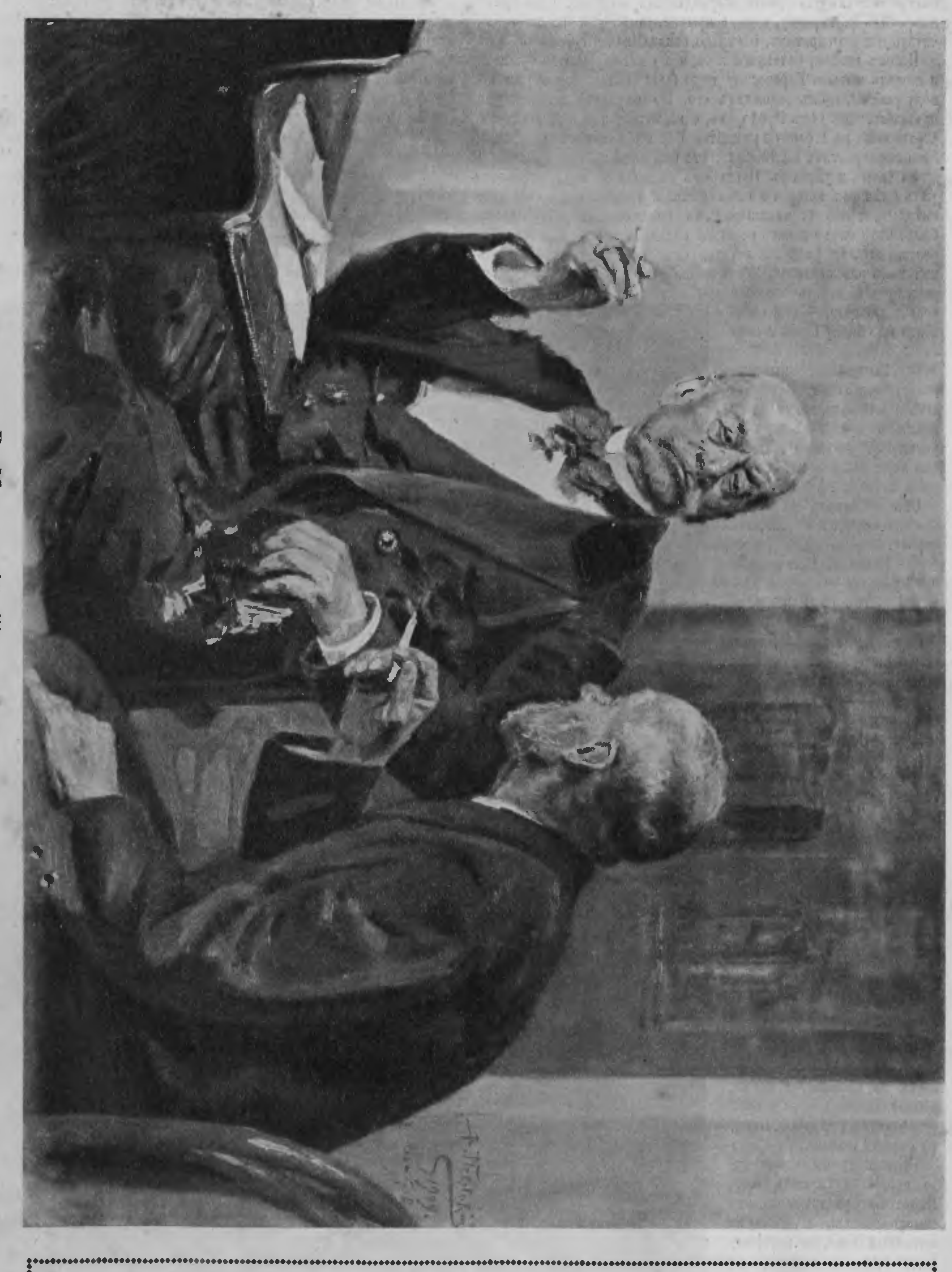
— Но позвольте, какъ вы не видите, что это непріятное идетъ совсѣмъ отъ другого, вѣдь вы-то не можете не знать, гдѣ тутъ зарыта собака? И вы вдругъ говорите такимъ тономъ, какъ будто считаетесь съ этимъ и рекомендуете считаться Антонинѣ Александровнѣ...

— Вы не такъ поняли меня... Я только отвѣтилъ Антонинѣ Александровнѣ.

Березскій остановился, крѣпко сжалъ губы и слабо махнулъ рукой.



В. Маковскій. Мухобой.



В. Маковскій. Школьные товарищи.

— Мнѣ домой пора...—неожиданно проговорилъ онъ:—уже поздно...

Былъ уже май—и ночи спускались медленно и осторожно, словно боясь спугнуть вечеръ, и западъ горѣлъ долгимъ краснымъ заревомъ. Еще не потухалъ его отблескъ, и странный разсѣянный свѣтъ лежалъ на тихой землѣ, а съ востока уже подымалась большая красная луна и круглымъ, напряженнымъ глазомъ взглядывала на спящую землю, и бѣлые грозди черемухи въ ея сказочномъ свѣтѣ рисовались таинственно и странно... Нѣжное голубое небо, свѣтлое и прозрачное, какъ крашеное стекло, отражалось въ рѣчкѣ, въ небольшихъ лужахъ около колодцевъ, и отъ этого ночь казалась еще свѣтлѣе. Это была пора, когда на сѣверѣ стоятъ бѣлыя ночи, и измученная безсонницей земля нервно дышитъ накопленнымъ за день тепломъ.

Село спало, и лавочки у воротъ опустѣли. Темная, высокая колокольня свѣтилась въ свѣтломъ небѣ блестящимъ крестомъ, и эта мерцающая точка напоминала лампаду, повисшую въ воздухѣ. На площади, за которой жилъ Березскій, въ сумеречномъ свѣтѣ одиноко стояла высокая фигура человѣка. Глухой, низкій басъ бубнилъ что-то, длинная рука замахивалась порою, и вся фигура качалась изъ стороны въ сторону, какъ медвѣдь, привязанный на цѣпь.

— Чай пить надо, кофей пить, а косить не надо!..—разобралъ Березскій, проходя мимо.—Не надо косить, довольно косить, кофей пить надо!..

Это былъ Захаръ-дурачокъ. Сидѣвшіе въ темнотѣ у лавокъ въ рядахъ ночные сторожа дразнили его, и онъ волновался глухимъ раздраженіемъ идіота, взмахивалъ огромной рукой и качался, переступая съ ноги на ногу. И одинокій на широкой площади, съ ушедшей въ плечи головой, оборванный и босой, онъ производилъ жуткое впечатлѣніе.

Въ рядахъ подъ крышей смѣялись и кричали тонкимъ голосомъ:

— Захаръ, косить надо, косить иди!..

Березскій обошелъ дурачка. Тотъ не обратилъ на него вниманія и все толковалъ про чай, кофе и косьбу. Кругомъ черными, слѣпыми окнами смотрѣли покосившіеся домишки, кое-гдѣ мерцала розовымъ свѣтомъ одинокая лампадка, и тяжелый, сытый сонъ висѣлъ надъ всѣмъ селомъ. Березскій оглянулъ темныя избы, глубокую тѣнь подъ навѣсомъ торговыхъ рядовъ, гдѣ днемъ сидѣли, ничего не дѣлая, краснолицые, бородатые мѣщане, и подумалъ:

„Сколько вѣковъ должно пройти, прежде чѣмъ живущіе здѣсь люди расширятъ интересъ своей жизни настолько, чтобы не замыкать ее своимъ селомъ, своимъ кругомъ, научатся уважать науку, познаютъ искусство, увидятъ цѣнность жизни не въ деньгахъ, не въ удовлетвореніи своихъ аппетитовъ, а въ развитіи мысли, въ радости творчества жизни?..“

Дома онъ не легъ спать, а сѣлъ къ окну и слушалъ неясные шорохи ночи. Они стлались тонкой паутиной, и чѣмъ выше всходила блѣднѣвшая большая луна, тѣмъ таинственнѣе были ночные голоса. Одинокій человѣкъ, сидящій у раскрытаго окна, былъ затерянъ въ блѣдной дымкѣ этой ночи.

Когда онъ легъ, то долго не могъ заснуть. Въ комнатѣ было душно, и гдѣ-то близко, надъ самымъ ухомъ, томительно звенѣлъ первый комаръ. Оттого, что звонъ этотъ то приближался, то удалялся, не прекращаясь ни на минуту, сонъ бѣжалъ, и въ душѣ накипало раздраженіе. Послѣднее, что онъ видѣлъ въ селѣ—огромный Захаръ—стоялъ передъ глазами, и мысль невольна возвращалась къ нему.

„Откуда могъ вылѣзть подобный типъ? Какія условія могутъ создавать всѣхъ этихъ дурачковъ, блаженныхъ, юродивыхъ?..

Грубое, жестокое дѣтство, постоянныя колотушки чѣмъ попало по головѣ, вѣчная нищета, ночи въ душныхъ, переполненныхъ народомъ, избахъ, гдѣ зимою не хватаетъ воздуху, принижающая работа...“

Чтобы хоть немного отвлечься, онъ сталъ думать о другомъ. Вчера къ нему приходилъ пьяный десятникъ Пятница, котораго Прохоровъ хотѣлъ увольнять, и долго и вространно жаловался, бранился и плакалъ. Онъ разсказывалъ о томъ, что инженеръ беретъ взятки, что подрядчикъ долженъ отдавать огромную сумму ему—десять процентовъ съ каждой поставки, что все нужное инженеру является даромъ, такъ какъ все это несутъ тѣ же подрядчики. И главное, что возмущало вѣрнаго до сихъ поръ Пятницу, и о чемъ онъ усиленно просилъ написать въ газету—спекуляція землей. Инженеръ зналъ, гдѣ пройдетъ дорога, примыкающая къ той, что строилась, и скупалъ у мужиковъ земли, играя на огромное повышеніе цѣнъ при отчужденіи.

Березскому въ заключеніе надоѣло слушать его, и онъ прогналъ пьянаго десятника; но теперь, лежа одинъ, затерянный въ молчаливомъ сумракѣ ночи, думалъ о томъ, что разсказывалъ этотъ хмельной человѣкъ. И, по мѣрѣ того, какъ думалъ,—глухое знакомое возмущеніе, похожее на горькую, незаслуженную обиду, подымалось у него въ душѣ.

VII.

— Вы говорите, что здѣсь душно отъ того, что называется сплетнями. Я не стану спорить съ вами, хотя на себѣ и не чувствую этого: но видите ли, въ чемъ дѣло: мы, такъ называемые культурные люди, съ позволенія сказать—интеллигенція, читаемъ газеты, выписываемъ журналы, напихиваемъ себя беллетристикой. Насъ интересуетъ судьба балканскаго вопроса, хотя, въ сущности, для насъ, напримѣръ, съ вами балканскій вопросъ такъ же важенъ, какъ прошлогодній снѣгъ. Затѣмъ извольте посмотрѣть нашу интеллигентскую публику — опять-таки, съ позволенія сказать, я упираю на это—едва только гдѣ-либо случится сенсаціонное убійство—газеты уже заранѣе выпускаютъ большое количество нумеровъ, особыя приложенія и такъ далѣе... И все это расходится, прочитывается. И это мы—культурные люди!

Прохоровъ сдвинулъ очки на лобъ, подчеркнулъ колонну цифръ, написанную на маленькомъ блокъ-нотѣ въ желтой блестящей обложкѣ, и, поправивъ крючокъ у цифры 5, продолжалъ:

— Живущіе здѣсь не имѣютъ возможности выписывать газетъ. Кругъ ихъ жизни настолько суженъ, что не выходитъ изъ рамокъ личнаго „я“, своего дома, своего села. Обвинять ихъ въ томъ, что они интересуются, какъ и что ѣстъ за столомъ пріѣзжій инженеръ, значитъ—обвинять насъ въ томъ, что мы нетерпѣливо разворачиваемъ утреннюю газету, чтобы узнать, кто побѣдилъ: турки или сербы? Насъ съ вами на войну не возьмутъ, на биржѣ мы не играемъ, въ Арміи Спасенія не состоимъ, за всеобщій миръ не ратуемъ. Насъ влечетъ въ большинствѣ случаевъ къ газетѣ просто любопытство. То же и у нихъ, только масштабъ меньше, сообразно съ ихъ развитіемъ.

Березскій откинулся на спинку стула, поправилъ лѣзущую на лобъ прядь волосъ и, помолчавъ, отвѣтилъ:

— Видите ли, я думаю, что если мы читаемъ газету, то, кромѣ пустого любопытства, насъ влечетъ и еще кое-что. Такъ, прочтя о какомъ-нибудь явленіи, мы обобщаемъ его—дѣлаемъ выводъ, слѣдимъ за тѣмъ, что называется развитіемъ культуры, человѣческой мысли, жизни... Здѣсь же, если говорятъ о томъ, что волостной подрался съ женой и былъ пьянъ на сходѣ,—этимъ занимаются только потому, что мелкая злость, ничего недѣланіе требуютъ пищу языку. Ну, какое имъ дѣло, скажите, до того, что вы ѣздите, куда ѣздите и когда пріѣдете?

— А какое намъ дѣло до того, что какая-нибудь герцогиня итальянскаго двора убѣжала съ армейскимъ офицеромъ, или владѣтельный князь нѣмецкаго княжества величиною съ наше село проигрался въ Монте-Карло и изъ-за этого вышелъ европейскій скандалъ?

Инженеръ опустилъ опять очки, просмотрѣлъ папку съ замѣтками и отбросилъ ее въ сторону.

— Нѣтъ, батюшка мой, я давно привыкъ мѣрять все масштабомъ. Мы ничуть не меньше занимаемся сплетнями, чѣмъ они, только наши сплетни болѣе, такъ сказать, абстрактны, а у нихъ, благодаря непривычкѣ отвлеченно мыслить, — конкретнѣе... На это нельзя сѣтовать, какъ нельзя обижаться на какого-нибудь дурачка Захара или дурочку Нюшу, когда они бранятся на улицѣ... Да-съ, государь мой, мы вотъ толкуемъ, а мнѣ ѣхать надо; поди, Александръ ужъ стоитъ и ждетъ меня...

— Куда же вы теперь?

— Охъ, ужъ и сказать не знаю, какъ... И на станцію—гнать этого самаго Пятницу, черти бы его побрали, и въ деревню, и опять на станцію, только на слѣдующую...

Онъ собралъ бумаги, провѣрилъ какой-то счетъ и, крикнувъ



В. Маковскій. Офицерская нянька. Русскій Музей Императора Александра III.

Владислава, ушелъ въ спальню. Березскій сталъ къ окну и молча смотрѣлъ на дворъ, гдѣ Александръ, уже на козлахъ, лѣниво поглядывалъ на окна въ ожиданіи барина.

Гдѣ-то въ домѣ, сначала вдали, потомъ ближе, послышались торопливые, быстрые шаги и характерный свистъ платья. Березскій часто слышалъ этотъ звукъ, и каждый разъ сердце вдругъ начинало биться, какъ при приближеніи неожиданной опасности. И въ такія минуты онъ съ особенной яркостью чувствовалъ странную горечь отъ того, что у него большая съ ранней просѣдью борода, что лицо его пожелтѣло и сложилось въ привычныя напряженныя морщины, что глаза глубоко ушли въ темныя ямы, и въ нихъ безнадежно и неподвижно лежитъ старая печаль.

Порою, когда онъ слышалъ знакомый, какъ будто немного задыхающійся голосъ, стоя гдѣ-нибудь у шкапа съ пыльными папками или сидя передъ большимъ столомъ, онъ страстно сжималъ руки и морщился, какъ отъ физической боли. И пока гдѣ-нибудь за двѣ или три комнаты звучалъ загадочный, потому, что онъ не зналъ его причины, волнующій смѣхъ — онъ вдругъ видѣлъ себя такъ, какъ будто бы смотрѣлъ со стороны. И это было самое мучительное.

(Продолженіе будетъ въ № 30).

Букетъ.

Братъ сказалъ съ улыбкой доброй: „Я окрестность обойду,
Но цвѣтовъ поры весенней непремѣнно я найду.
Изъ цвѣтовъ букетъ огромный и душистый соберу
И порадую букетомъ я любимую сестру“.

Въ небѣ солнце, въ небѣ птицы, въ полѣ легкій вѣтерокъ.
Братъ прилежно собираетъ за цвѣткомъ еще цвѣтокъ;
И, любуяся цвѣтами, ихъ вдыхая ароматъ,
О сестрѣ опять подумалъ улыбающійся братъ.

И пошелъ домой съ улыбкой и несетъ свои цвѣты.
Вдругъ онъ дѣвушку увидѣлъ въ блескѣ первой красоты.
Какъ цвѣтокъ въ травѣ росистой, передъ нимъ она стоитъ,
И съ лукавою улыбкой на него она глядитъ.

Онъ предъ ней остановился въ изумленьи, какъ нѣмой,
Ослѣпленный, словно солнцемъ, лучезарной красотой.
Въ первый разъ ее онъ видитъ, но тревогу сердце бьетъ,
И съ улыбкой восхищенья онъ букетъ ей подаетъ.

И букетъ рукой лилейной тихо дѣвушка взяла,
Головой слегка кивнула, повернулась и ушла.
Долго-долго за цвѣтами братъ по полю брелъ и брелъ,
Но къ сестрѣ своей любимой безъ букета онъ пришелъ.

Перекати-поле.

„Я васъ люблю, Зина“...

Посмертный этюдъ **Вл. Тихонова.**

(Окончаніе).

— А я долженъ сообщить тебѣ непріятную новость, — сказалъ мужъ, когда она вошла къ нему въ кабинетъ. — Я сегодня уѣзжаю въ Харьковъ, на процессъ... Думалъ, что на будущей недѣлѣ, а вотъ... экстренно вызвали... До разбирательства еще кое съ чѣмъ тамъ познакомиться нужно.

— Надолго?—упавшимъ голосомъ спросила Зинаида Сергѣевна.

Мужъ былъ тронутъ. Искренняя грусть послышалась ему въ ея тонѣ.

— Нѣтъ, голубчикъ, не волнуйся! Дней на десять какихъ-нибудь. Ты ужъ не скучай безъ меня, голубка!

И онъ нѣжно поцѣловалъ руку жены.

„О чемъ онъ говоритъ?—соображала Зинаида Сергѣевна.—Ахъ, да! Онъ думаетъ, что это я объ немъ скучать буду! Бѣдный, онъ вѣритъ въ мою любовь“.

И ей стало жалко мужа, и она, наклонившись, поцѣловала его въ лысѣющій лобъ. И жалко и совѣстно. Потому что въ это воскресенье она надѣялась видѣть у нихъ Левитскаго, ну, а теперь, по случаю отъѣзда мужа, конечно, гостей не будетъ...

Вечеромъ она проводила мужа на вокзалъ, а оттуда заѣхала въ гости къ однимъ очень скучнымъ знакомымъ, жившимъ тоже въ Царскомъ Селѣ.

Часовъ въ одиннадцать она вернулась домой и рано легла спать. А наутро, проснувшись, стала ждать... звонка телефона.

„Неужели онъ и сегодня не позвонитъ?“—думала она, переходя изъ комнаты въ комнату и не находя себѣ мѣста.

За завтракомъ она почти ничего не ѣла и въ часъ уже сидѣла за столомъ около аппарата.

— Я люблю васъ, Зина!—твердила она сама себѣ, словно стараясь загипнотизировать аппаратъ и вызвать дорогія, желанныя слова.

Стрѣлка часовъ двигалась мучительно медленно... Телефонъ не звонилъ...

Цѣлый часъ просидѣла она грустная, задумчивая. И когда стрѣлка показала два,—двѣ маленькія слезинки навернулись на глазахъ.

Она вздохнула и хотѣла-было подняться съ мѣста. И вдругъ новая мысль осѣнила ея голову. Она быстро схватила лежавшую тутъ же на столѣ желтую книжку телефонныхъ абонентовъ и начала ее перелистывать.

— К... Л... Ла... Ле... Левитскій,—нашла она.—Левитскій, Д. Н., присяжный повѣренный.

Она торопливо позвонила на станцію и сказала нумеръ Левитскаго.

— Петербургъ занятъ, — отвѣтила ей барышня.

Зинаида Сергѣевна чуть не вскрикнула отъ боли.

— Барышня! Барышня!—заторопилась она.—Когда освободится, позвоните ко мнѣ.

— Хорошо! — отвѣтила барышня.

Зинаида Сергѣевна стала ждать. Шли минуты за минутами, а барышня все не звонила. Зинаида Сергѣевна не вытерпѣла и позвонила вторично.

— Звоню, — отвѣтила барышня.

Зиваида Сергѣевна плотно прижала ухо къ трубкѣ и ждала. Слышались какіе-то неясные переговоры, потрескиванія, постукиванія. Наконецъ что-то звякнуло, зашуршало, и женскій голосъ спросилъ изъ аппарата:

— Что̀ угодно?

— Это квартира Левитскаго? — нерѣшительно и съ дрожью въ голосѣ спросила Зинаида Сергѣевна.

— Такъ точно.

— А самъ онъ дома?

— Никакъ нѣтъ.

И затѣмъ какія-то неясныя слова.

— Что? Что? Громче, пожалуйста! — почти кричала Зинаида Сергѣевна.

— ...они еще третьяго-дня уѣхали въ Харьковъ, — донеслось до нея.

— Что? Что?—разслышавъ, но словно не вѣря своимъ ушамъ, повторяла Зинаида Сергѣевна.

— ...уѣхали въ Харьковъ. Третьяго-дня. На двѣ недѣли. А что̀ прикажете имъ передать, когда вернутся? — спрашивала изъ аппарата, очевидно, горничная.

— Ничего,—совсѣмъ тихо отвѣтила Зинаида Сергѣевна и блаженно закрыла глаза.

„Стало-быть, это *онъ* со мной говорилъ! Значитъ, это *онъ* меня любитъ!.. Милый!.. Ненаглядный!.. Любимый!..“—радостно думала Зинаида Сергѣевна...

„Онъ любитъ!“—повторяла то и дѣло Зинаида Сергѣевна, и сидя у себя въ комнатѣ за работой, и проходя въ столовую къ обѣду, и вечеромъ, бродя по садику. — Онъ любитъ! Но... что̀ же дальше? Дальше-то что̀ же? Вѣдь я замужемъ... живу съ мужемъ „счастливо“... то есть ни на что не могу пожаловаться... Развѣ только на то, что мнѣ скучно?.. Но, можетъ-быть, я дѣйствительно сама виновата въ этомъ? И, можетъ-быть, мужъ правъ? Будь у меня какія-нибудь занятія, какое-нибудь дѣло—и я не знала бы этой томящей скуки... Такъ отчего же онъ мнѣ не далъ этого дѣла? Отчего же онъ меня не втянулъ ни въ какіе интересы? Правда, онъ меня записалъ въ какіе-то благотворительные комитеты, куда я должна разъ въ годъ вносить членскіе взносы... Правда, я могу ѣздить даже на засѣданія этихъ комитетовъ... но тамъ еще скучнѣе, чѣмъ дома. Мертвые люди дѣлаютъ тамъ какое-то мертвое дѣло, говорятъ мертвыя рѣчи; а живые, во имя которыхъ все это говорится и дѣлается, въ это время умираютъ съ голода... Развѣ я могу удовлетворяться этимъ?“

А мужъ? Онъ ведетъ тамъ какія-то свои дѣла, вводитъ кого-то во владѣніе; состоитъ юрисконсультомъ какихъ-то акціонерныхъ предпріятій; считается очень дѣльнымъ цивилистомъ; зарабатываетъ большія деньги... Но это гдѣ-то тамъ, въ сторонѣ отъ ея жизни... Два раза ѣздила она въ судъ, чтобъ послушать рѣчи своего мужа, и оба раза чуть не заснула отъ скуки.

Онъ говорилъ не словами, а все цифрами, цифрами и цифрами. Какіе-то счета, балансы, акціи да облигаціи... Можно было уснуть стоя. А между тѣмъ, оба эти процесса онъ выигралъ, получилъ большой гонораръ и сіялъ отъ удовольствія... Оба раза сдѣлалъ ей по цѣнному подарку, а она зѣвала... и просила его никогда больше не водить ее въ судъ на такіе процессы.

— Да я другихъ и не веду,—сказалъ онъ ей.

А между тѣмъ она была въ судѣ, когда защищалъ Левитскій. Какая разница! Какую чудную, вдохновенную рѣчь сказалъ онъ въ защиту бѣдной дѣвушки, обвинявшейся въ дѣтоубійствѣ. Плакала подсудимая, плакала большая часть публики, и искреннія слезы, казалось, сверкали и на глазахъ защитника.

Зинаида Сергѣевна была зачарована этой рѣчью, и, когда потомъ спросила мужа:

— А что же получитъ за это Левитскій?

Мужъ отвѣтилъ:

— Ничего. Онъ самъ же еще своей кліенткѣ рублей пятьдесятъ на бѣдность передавалъ.

А потомъ, подумавъ немного, добавилъ:

— Ему хорошо! Онъ—холостой.

Такъ думала Зинаида Сергѣевна, бродя по своему скучному садику.

— Ему хорошо! Онъ—холостой!—повторила она.

И вдругъ разсердилась.

„Стало-быть, мужу скверно, потому что онъ женатый! Стало-быть, благодаря ей, онъ занимается такими противными дѣлами о разныхъ акціяхъ и облигаціяхъ? А будь онъ холостъ, не будь ея, онъ тоже бы защищалъ бѣдныхъ и угнетенныхъ? Что жъ, Николай Алексѣевичъ, я могу и освободить васъ отъ этой обузы!—почти вслухъ проговорила она.—Если я стою вамъ поперекъ дороги, то... я могу и сойти съ нея. Только вы-то врядъ ли способны на что-нибудь, кромѣ этихъ акцій и облигацій! А вотъ Левитскій и женатый не сталъ бы задерживаться надъ гонораромъ, потому что онъ человѣкъ, а вы... вы... цифра!"

И этой вспышкой гнѣва противъ мужа Зинаида Сергѣевна почти совсѣмъ успокоила свою совѣсть.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, она подсѣла къ письменному столику, достала листокъ почтовой бумаги и принялась писать. Она писала мужу. Она писала, что ей скучно, но вовсе не потому, что онъ уѣхалъ въ Харьковъ, а потому, что его возлѣ нея никогда и не было, не было его души, не было его мысли. А былъ только мужъ, оплачивавшій ея существованіе и дѣлавшій ей подарки. Она писала, что не можетъ продолжать далѣе такую жизнь, что она хочетъ дѣла, дѣятельности, интересовъ, но, конечно, не въ кругу какихъ-то благотворительныхъ комитетовъ, гдѣ если и преслѣдуются какіе-нибудь интересы, то едва ли не исключительно интересы самихъ благотворителей. Одни преслѣдуютъ интересъ позы, другіе—интересъ связей; третьи—интересъ собственнаго кармана. Нѣтъ, она хочетъ дѣятельности живой, непосредственной—какой, она еще этого не знаетъ. Но онъ долженъ самъ прійти къ ней на помощь, посовѣтовать ей что-нибудь, а главное дѣло—не препятствовать. Никакія препятствія не помогутъ, потому что она, все равно, уйдетъ изъ этой душной атмосферы.

„Я хочу дѣла, дѣла, дѣла!"—закончила она свое письмо, подчеркивая послѣднія слова и снабжая ихъ достаточнымъ количествомъ восклицательныхъ знаковъ.

Потомъ взяла конвертъ, написала харьковскій адресъ мужа, запечатала письмо, наклеила марку и позвонила горничную.

— Опустите сейчасъ же въ ящикъ,—сказала она ей.

И когда та ушла, Зинаида Сергѣевна встала со стула, потянулась всѣмъ тѣломъ и почти простонала:

— Жить я хочу! Жить, жить, жить!

На другой день Зинаида Сергѣевна съ утра уѣхала въ Петербургъ. „Искать дѣла",—какъ, улыбаясь, говорила она сама себѣ. Вѣрнѣе, ей хотѣлось повидаться и посовѣтоваться съ одной своей давнишней подругой, дѣвушкой идейной, всегда чѣмъ-то занятой, всегда что-то дѣлающей и, за недосугомъ, до двадцати пяти лѣтъ не успѣвшей даже выйти замужъ.

„Надя—она знаетъ. Она что-нибудь посовѣтуетъ!" — говорила самой себѣ Зинаида Сергѣевна, стараясь вспомнить послѣдній адресъ своей подруги, съ которой не видалась уже около двухъ лѣтъ.

Адресъ она вспомнила, квартиру нашла, но подруги не застала.

— Съ утра по дѣламъ уѣхали,—сказала ей скромненькая горничная, отворившая дверь.

Зинаида Сергѣевна тутъ же, на лѣстницѣ, написала на своей карточкѣ:

„Милая Надя! Мнѣ необходимо тебя видѣть („необходимо" она подчеркнула). Пріѣзжай ко мнѣ въ Царское или скажи по телефону, гдѣ и когда мы можемъ съ тобою повидаться".

И передала карточку горничной.

Потомъ Зинаида Сергѣевна, сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, но все въ такіе дома, гдѣ ни о какомъ „дѣлѣ", а тѣмъ паче о „дѣятельности" говорить было не принято, вернулась домой.

— Въ телефонъ звонили,—доложила ей горничная.

— Когда?—насторожившись, спросила Зинаида Сергѣевна.

— Такъ во второмъ часу.

— Кто?—голосъ при этомъ вопросѣ у нея уже дрожалъ.

— Не могу знать. Я спросила, да ничего не отвѣтили. Я спрашиваю: „Кто говоритъ?" А они молчатъ. Я еще разъ: „Кто говоритъ?"—а они ужъ, слышу, разъединились.

Сердце у Зинаиды Сергѣевны такъ и замерло.

„Неужели это опять тотъ голосъ?—соображала она. — Если бъ къ мужу, по дѣлу, такъ непремѣнно что-нибудь бы сказали или спросили бы что-нибудь..."

— Таня, а вы не сказали: „Allo?" — обратилась она опять къ горничной.

— Никакъ нѣтъ. Я спросила только: „Кто говоритъ?" А они—молчатъ. Я опять. Только, слышу, разъединились.

„Что же это такое?—задумалась Зинаида Сергѣевна, оставшись одна. — Неужели это опять *онъ*, тотъ, неизвѣстный? Но если это онъ, стало-быть, это не Левитскій? Стало-быть, это кто-то другой? А я не хочу, не хочу никого, кромѣ Левитскаго! Что это за глупости! Что это за грубая мистификація? Что это за нахалъ, который позволяетъ себѣ подобныя выходки?.."

Эту ночь Зинаида Сергѣевна спала очень плохо.

— Боже мой! Да вѣдь я похудѣла!—воскликнула Зинаида Сергѣевна, присаживаясь на другой день къ туалетному столику и разглядывая въ зеркало свое лицо.

— И то похудѣли, барыня! — подтвердила стоявшая тутъ же горничная.—Вонъ у васъ какъ глаза-то подвело.

И дѣйствительно, большіе глаза Зинаиды Сергѣевны стали теперь еще больше. И щеки ввалились, и даже, казалось, заострился кончикъ носа.

— Сплю я плохо,—сказала Зинаида Сергѣевна.

— Ну, да вотъ баринъ вернутся, опять поправитесь!—замѣтила, улыбаясь, горничная.

Зинаида Сергѣевна брезгливо передернула плечами и сейчасъ же вспомнила, что вчера во второмъ часу кто-то звонилъ въ телефонъ, и она опять заставила горничную разсказать, какъ все было.

Одѣвшись и выпивъ кофе, она нерѣшительно подошла къ телефону, подумала немного и вызвала нумеръ Левитскаго.

— Что, Дмитрій Николаевичъ вернулся?—спросила она, когда женскій голосъ сказалъ въ трубку:

— Слушаю.

— Никакъ нѣтъ! Они вернутся только недѣли черезъ двѣ!—отвѣтили ей.—А кто говоритъ?—послышался затѣмъ вопросъ.

Зинаида Сергѣевна, не отвѣчая, положила трубку на рогульки аппарата.

Въ часъ она была опять уже у телефона и съ замираніемъ сердца ждала страшныхъ теперь для нея словъ.

„Я оборву! Я скажу, что это гадко! Я узнаю, кто, и буду жаловаться!"—думала Зинаида Сергѣевна.

И когда въ двѣнадцать минутъ второго задребезжалъ звонокъ, она вся похолодѣла. Затѣмъ сейчасъ же быстро схватила трубку и сердитымъ голосомъ крикнула:

— Ну! Что еще?

— Зина, это ты?—спросилъ ее женскій голосъ.

— Да, я. А кто говоритъ?—уже успокаиваясь, спросила Зинаида Сергѣевна.

— Да я, я, Надя Мартынова. Развѣ не узнаёшь по голосу?

— Ахъ, это ты, Надя! Здравствуй! А я вчера была у тебя и не застала.

— Знаю, знаю! И я тебѣ вчера же звонила.

— Когда?

— Да въ это же время. Да насъ оборвали.

— Ахъ, это ты звонила?

— Да, я. А что?

— Нѣтъ, такъ!

Словно горячая волна отхлынула отъ сердца Зинаиды Сергѣевны, и лицо ея просвѣтлѣло, и голосъ повеселѣлъ.

Надя Мартынова сообщила ей, между прочимъ, что она сегодня вечеромъ собирается къ ней въ Царское и можетъ даже остаться ночевать. Она такъ рада отдохнуть немного на воздухѣ.

— Ну, и отлично!—искренно обрадовалась и Зинаида Сергѣевна.—Мужа нѣтъ.—Она одна и она ей разскажетъ все, все, все!..

Вечеромъ пріѣхала подруга Надя, высокая, начинающая уже увядать, дѣвушка, и Зинаида Сергѣевна встрѣтила ее горячими объятіями. И затѣмъ онѣ принялись говорить. Говорить, какъ говорятъ двѣ давно не видавшіяся институтскія подруги.

Надя Мартынова хотя и считалась дѣвушкой серьезной, но ничто женское было и ей не чуждо: поболтать любила и она.

Говорили онѣ за обѣдомъ, говорили за вечернимъ чаемъ, говорили ложась спать, говорили и среди ночи, сидя другъ у друга на постели.

Зинаида Сергѣевна разсказала все, все, безъ малѣйшей утайки. Надя все выслушала, все сообразила и наконецъ сказала свое резюме:

— Тебѣ надо учиться. Тебѣ надо выбрать какую-нибудь спеціальность: врача, инженера, адвоката. Теперь все это доступно женщинѣ, а въ Даніи вонъ одна дѣвушка сдѣлалась даже капитаномъ парохода.

„Вотъ это бы лучше всего", — мелькнуло въ головѣ Зинаиды Сергѣевны.

— Тебѣ надо учиться! У твоего мужа хорошія средства. Поѣзжай въ Парижъ, куда тебя такъ тянетъ, но не для того, чтобы

шататься тамъ по театрамъ и бульварамъ, а осмотрись, выбери какую-нибудь спеціальность и примись серьезно за работу. Тогда всякую блажь какъ рукой сниметъ. Пройдетъ и скука, и въ голову разные амуры не полѣзутъ. Учись и работай! Трудъ — это единственное наше спасеніе!—заключила Надя и уѣхала съ однимъ изъ раннихъ поѣздовъ въ Петербургъ.

Зинаида Сергѣевна рѣшила учиться и работать и сейчасъ же принялась обдумывать, какую бы спеціальность ей выбрать. Больше всего ей нравилась дѣятельность капитана парохода — почему? — она и сама бы не могла хорошенько сказать. Но эта профессія слишкомъ исключительна для женщины, да и, вѣроятно, требуетъ подготовки съ самаго ранняго возраста... Быть докторомъ? Но это ужасно непріятно! Придется возиться съ трупами, съ болѣзнями... Фи!.. Адвокатура — вотъ ближе всего! Конечно, она не будетъ цивилистомъ, какъ ея мужъ, но уголовные процессы ее всегда интересовали... Она будетъ извѣстнымъ криминалистомъ... вотъ какъ Левитскій...

И она бросилась къ шкапамъ своего мужа и принялась рыться въ толстыхъ, хорошо переплетенныхъ книгахъ. Выбрала томы съ защитительными рѣчами Спасовича, Плевако и другихъ корифеевъ русской адвокатуры и жадно принялась за чтеніе.

Телефонъ звонилъ нѣсколько разъ, но Зинаида Сергѣевна подходила теперь къ нему безъ всякой робости. Если справлялись о мужѣ, она отвѣчала, что онъ въ отъѣздѣ, вернется недѣли черезъ полторы; а если спрашивали о ея здоровьѣ—говорила, что она совершенно здорова, но страшно завалена работой. Какой? Ахъ, это такъ долго объяснять!.. Однимъ словомъ, она читаетъ...

Она теперь была увѣрена, что четыре вѣщихъ слова не долетятъ уже болѣе до нея изъ этой трубки.

На слѣдующій день ей подали телеграмму отъ мужа.

„Не волнуйся. Успокойся. Послѣзавтра вернусь. Процессъ отложенъ. Выѣзжаю",—телеграфировалъ онъ.

И Зинаида Сергѣевна сейчасъ же позвонила на квартиру Левитскаго. И ей отвѣтили оттуда, что Дмитрій Николаевичъ прислалъ телеграмму, что изъ Харькова онъ выѣхалъ въ Ростовъ-на-Дону и вернется не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли.

„И отлично!—подумала Зинаида Сергѣевна.—Я успѣю уѣхать въ Парижъ до его возвращенія".

Послѣ бесѣды съ Надей Мартыновой мысли ея приняли самое цѣломудренное направленіе.

Вернулся мужъ. Произошло серьезное объясненіе. Были и слезы—и съ его и съ ея стороны. Конечно, она ничего не сказала ему о своемъ увлеченіи Левитскимъ. Но зато горячо говорила и о гнетущей тоскѣ, и о безсмысленности и безполезности своей жизни, и о проходящей молодости, и о напрасно растрачиваемыхъ силахъ, и о темпераментѣ, который требуетъ отъ нея какой-нибудь дѣятельности, и даже о возможности „свихнуться" въ этой мертвящей пустотѣ, которая окружаетъ ее...

Послѣдній аргументъ больше всего подѣйствовалъ на мужа, и онъ сдался.

И черезъ три дня у Зинаиды Сергѣевны уже былъ заграничный паспортъ и мѣсто въ „нордъ-экспрессѣ"...

— Я бы самъ поѣхалъ проводить тебя,—прощаясь съ нею на Варшавскомъ вокзалѣ, говорилъ мужъ:—но до половины іюня дѣла приковываютъ меня къ Петербургу.

— И отлично! Дай мнѣ самой стать на ноги, безъ чужой помощи! Такъ будетъ крѣпче, — заключила Зинаида Сергѣевна и, поцѣловавъ мужа въ послѣдній разъ, вошла въ свое купэ.

Передъ отъѣздомъ она запаслась у Нади Мартыновой нѣсколькими рекомендательными письмами къ разнымъ нужнымъ и дѣловымъ людямъ. У Нади и въ Парижѣ были дѣловыя знакомства.

Но, прибывъ въ „столицу міра", въ этотъ шумный и веселый Парижъ, теперь уже такой зеленый и цвѣтущій, Зинаида Сергѣевна рѣшила на нѣкоторое время отложить дѣловую цѣль своего пріѣзда и сначала вкусить отъ радостей жизни, т.-е. побывать во всѣхъ театрахъ, у разныхъ знаменитыхъ портнихъ, во-обновить свой гардеробъ, наконецъ поѣздить по окрестностямъ и просто погулять и посидѣть на бульварахъ.

Первые дни она съ полной радостью предалась всему этому, но очень скоро стала замѣчать, что развлекаться одной ей какъ-то немножко неловко, да и — что скрывать грѣха? — даже скучно.

„Ахъ, если бъ встрѣтить кого-нибудь здѣсь изъ знакомыхъ... интересныхъ... дамъ или, еще лучше... мужчинъ... Вотъ, напримѣръ, если бы Левитскій былъ здѣсь... Какъ бы онъ отвѣтилъ ей всѣ прелести Парижа... А то одна да одна... Это даже уже и... неприлично!.."

И Зинаида Сергѣевна все чаще и чаще начала посматривать на „дѣловыя" рекомендательныя письма Нади Мартыновой.

А тутъ еще погода перемѣнилась, пошелъ дождь, день... другой...

Зинаида Сергѣевна сидѣла въ своемъ хорошенькомъ номерѣ отеля и задумчиво смотрѣла на маленькій телефонный аппаратъ, стоявшій на столикѣ.

„Какъ безполезна здѣсь для меня эта игрушка!—думала она.—Никто, никто не позвонитъ мнѣ здѣсь... Одна! Оторвана отъ міра, единственная связь съ которымъ, это — ежедневныя письма отъ мужа, длинныя, полныя жалобъ на тоску одиночества, да неинтересныхъ разсказовъ о петербургскихъ новостяхъ, которыя она въ болѣе пикантной передачѣ знала и здѣсь уже изъ французскихъ газетъ."

Почти двѣ недѣли Зинаида Сергѣевна уже въ Парижѣ. Она побывала въ нѣсколькихъ театрахъ и концертахъ; обѣгала множество магазиновъ... Пора бы ужъ приниматься за „дѣло", а ей все что-то не хочется... Словно чего-то самаго главнаго еще не сдѣлала она, чего-то не допила еще изъ чаши радости... И есть еще какая-то незаполненная брешь въ ея сердцѣ. И пока эта брешь будетъ существовать—не можетъ она ни за что приняться, ни къ чему не протянутся ея руки...

Зинаида Сергѣевна смотрѣла на телефонный аппаратъ, и весь ея странный, загадочный романъ по телефону воскресалъ въ ея памяти.

„Я люблю васъ, Зина!" — мысленно повторяла она, и нѣжные звуки бархатнаго голоса ласкали ея сердце.

„Милый... милый!.. Да гдѣ же ты?.. Вѣдь я люблю... люблю тебя!.."—искренно призналась она самой себѣ, понявъ, что это чувство важнѣе для нея всего на свѣтѣ, что никакое „дѣло", никакая дѣятельность недоступна ей, пока не успокоится ея сердце, пока не утолится ея любовь.

— Милый... милый... люблю тебя!..—прошептала она опять.

И вдругъ... задребезжалъ звонокъ телефона.

Почти мистическій ужасъ охватилъ Зинаиду Сергѣевну. Дрожащей рукой сняла она трубку и прижалась къ ней ухомъ.

— Allo!—едва выговорили ея губы.

— Я люблю васъ, Зина! — громко и радостно донесся до нея голосъ Левитскаго.

— И я... и я люблю васъ! — почти крикнула она и, уронивъ трубку аппарата, закрыла лицо руками.

Радостныя слезы цѣлымъ потокомъ брызнули изъ ея глазъ.

— Онъ здѣсь!.. Онъ любитъ меня!.. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ!.. Онъ нашелъ!.. Милый! Милый!—несвязно повторяла она, и смѣясь и плача...

Въ дверь постучали.

— Entrez!—проговорила Зинаида Сергѣевна и, поднявшись съ мѣста, выпрямилась во весь ростъ.

Глаза и съ радостью и съ ужасомъ смотрѣли на дверь. Она отворилась.

Сверкая веселыми зубами, сіяя весь отъ радости, вошелъ — Левитскій.

— Я люблю тебя, Зина!—побѣдно проговорилъ онъ.

— И я, и я люблю!—вскрикнула Зинаида Сергѣевна и, не помня себя, бросилась къ нему на грудь.

Нѣсколько лѣтъ съ А. П. Чеховымъ.

(Къ 10-лѣтію со дня его кончины).

Воспоминанія **И. Н. Потапенко.**

(Окончаніе).

Среди петербургскихъ литераторовъ особенно близкихъ пріятелей у А. П. не было, но добрыя товарищескія отношенія были со многими.

Съ большимъ вниманіемъ и, я даже скажу, съ товарищескимъ состраданіемъ относился онъ къ странной литературной судьбѣ недавно умершаго И. Л. Щеглова. Ихъ отношенія были давнія, завязавшіяся еще въ тѣ времена, когда у А. П. не было извѣстности.

Чеховъ искренно жалѣлъ Щеглова и говорилъ, что его здоровый нѣкогда талантъ „заболѣлъ неизлѣчимой болѣзнью".

Въ самомъ дѣлѣ, странна была судьба этого писателя, который началъ такими свѣжими, здоровыми очерками военной жизни, помѣщавшимися въ „Дѣлѣ", а затѣмъ точно вдругъ попалъ въ какой-то тупикъ, изъ котораго никакъ не могъ выбраться.

Соблазнилъ его театръ, и написалъ онъ для театра что-то, имѣвшее успѣхъ. И этотъ успѣхъ какъ будто отравилъ его. Въ дальнѣйшемъ на всей его работѣ лежалъ налетъ театра и кулисъ.

И при этомъ странно то, что самъ онъ не былъ театральнымъ человѣкомъ. Никто не вспомнитъ, чтобы часто его видѣли въ театрѣ, а тѣмъ больше—встрѣчали за кулисами. Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ народному театру, много писалъ о немъ, составилъ книгу, которая, впрочемъ, никакого движенія въ дѣлѣ народнаго театра не произвела.

И вотъ, когда о немъ заходила рѣчь, лицо Чехова всегда становилось печальнымъ. Онъ часто говорилъ объ особомъ авторскомъ психозѣ, которымъ заболѣваетъ человѣкъ, ставящій пьесу.

— Я самъ испыталъ это, когда ставилъ „Иванова", —говорилъ онъ и описывалъ болѣзнь:—человѣкъ теряетъ себя, перестаетъ быть самимъ собой, и его душевное состояніе зависитъ отъ такихъ пустяковъ, которыхъ онъ въ другое время не замѣтилъ бы: отъ выраженія лица помощника режиссера, отъ походки выходного актера...

„Актеръ, исполняющій главную роль, надѣлъ клѣтчатый галстукъ, а автору кажется, что тутъ нуженъ черный. Публика, можетъ-

быть, совсѣмъ не замѣчаетъ галстука, а ему, автору, кажется, что она не видитъ ни декорацій, ни игры, а только галстукъ, и что это ужасно, и что галстукъ этотъ погубитъ пьесу.

„Бываетъ и хуже: актриса—ломака, вульгарнѣйшая изъ женщинъ,—раньше онъ не могъ выносить ея голоса, у него дѣлались спазмы въ горлѣ, когда она съ нимъ кокетничала. Но вотъ ей аплодируютъ, она тянетъ пьесу къ успѣху, и онъ, авторъ, начинаетъ чувствовать къ ней нѣжность, а въ антрактѣ подбѣгаетъ къ ней и цѣлуетъ ей ручки...

„А вотъ идетъ главная сцена, на которую онъ возложилъ всѣ надежды. Въ залѣ кашляютъ, сморкаются. Ни малѣйшаго впечатлѣнія, ни хлопка... Авторъ прячется въ темной норѣ, среди старыхъ декорацій, и рѣшаетъ никогда отсюда не выйти и уже ощупываетъ свои подтяжки, пробуя, выдержатъ ли онѣ, если онъ на нихъ повѣсится.

„И никто этого не понимаетъ. И тѣ не понимаютъ, что приходятъ за кулисы „утѣшать“ автора и даже поздравляютъ съ успѣхомъ. Они не подозрѣваютъ, что передъ ними временно-сумасшедшій, который можетъ наброситься на нихъ и искусать ихъ.

„Человѣкъ съ болѣе или менѣе здоровой нервной организаціей выдерживаетъ это потрясеніе, понемногу отходитъ, и дня черезъ три его можно перевести въ разрядъ „выздоравливающихъ“, но иныхъ это потрясаетъ на всю жизнь. Вотъ это и случилось съ Иваномъ Леонтьевичемъ.

„Нѣтъ, вы посмотрите, что̀ ему театръ? Да онъ его даже, въ сущности, не любитъ, почти не бываетъ въ немъ и не знаетъ ни актеровъ ни актрисъ, а пишетъ объ актерахъ и актрисахъ“.

И онъ постоянно убѣждалъ Щеглова: „Бросьте вы театръ и кулисы. Вѣдь это же, въ сущности, лазаретъ самолюбій. За исключеніемъ, можетъ-быть, дюжины настоящихъ талантовъ, все — страдающіе mania grandiosa. А вы обратили бы ваше благосклонное око на простую здоровую жизнь, которой вокругъ васъ хоть отбавляй. Вотъ отворите окно—и она на васъ такъ и пахнётъ“.

Но это не помогло. Щегловъ пережилъ Чехова, но отъ театральной отравы не вылѣчился. Кажется, иногда онъ даже сомнѣвался въ полной искренности Чеховскихъ совѣтовъ: вѣдь самъ-то Антонъ Павловичъ театромъ занимается, для театра пишетъ, и театръ въ послѣдніе годы завершилъ его славу.

Но тутъ уже было роковое непониманіе, съ которымъ ничего нельзя было подѣлать.

Въ Петербургѣ у А. П. было много литературныхъ пріятелей, и каждый хотѣлъ повидаться съ нимъ. Онъ былъ для петербуржцевъ человѣкомъ свѣжимъ, отъ него живой Русью вѣяло. Всѣ тутъ, встрѣчаясь постоянно въ однѣхъ и тѣхъ же комбинаціяхъ, изрядно надоѣли другъ другу, и появленіе его — такого своеобразнаго и такъ непохожаго на всѣхъ — какъ бы озонировало атмосферу.

Въ воспоминаніяхъ одного писателя, достовѣрность которыхъ выше всякихъ сомнѣній, я нашелъ описаніе странной сцены: какъ, въ квартирѣ одного извѣстнѣйшаго писателя, почтенная дама, впослѣдствіи занимавшая видное положеніе въ журнально-издательскомъ дѣлѣ, задѣла Чехова рѣзкимъ замѣчаніемъ относительно одного изъ его литературныхъ друзей. И это была его первая встрѣча и съ писателемъ и съ дамой.

Въ воспоминаніяхъ объ этомъ говорится вскользь, но я знаю, что эпизодъ этотъ въ дѣйствительности не скользнулъ по душѣ Антона Павловича. Онъ не задѣлъ и не оскорбилъ его лично, хотя не было бы ничего удивительнаго, если бъ такъ случилось.

Каждый имѣетъ право считать своими друзьями тѣхъ, кто ему нравится. Опредѣляя направленіе писателя, казалось бы, достаточно имѣть въ виду его произведенія и оставить въ сторонѣ его друзей.

Но упрекъ этотъ подѣйствовалъ на него въ другомъ направленіи. Онъ всю жизнь потомъ страшился тѣхъ исключительности и нетерпимости, какими повѣяло на него въ томъ эпизодѣ.

Я встрѣтился съ нимъ гораздо позже, и все же объ эпизодѣ этомъ онъ мнѣ разсказалъ и не разъ возвращался къ нему. И потомъ, сколько мнѣ извѣстно, онъ, по своимъ общественно-политическимъ симпатіямъ близкій къ взглядамъ того кружка, до конца жизни никогда съ нимъ не сблизился.

— Хорошіе люди, — говорилъ онъ: — всѣ превосходные люди, но требуютъ, чтобы и ты былъ такимъ же превосходнымъ, какъ они.

Но это было, можетъ-быть, единственное огорченіе, доставленное ему петербургскими литературными кругами. Сколько я помню, всегда всѣ были ему рады, и его появленіе всюду привѣтствовалось. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ не только производилъ освѣжающее впечатлѣніе, но какъ-то безъ всякихъ стараній съ своей стороны объединялъ довольно-таки разбросанные и разрозненные элементы.

Онъ, напримѣръ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ подвигнулъ здѣшнихъ беллетристовъ хоть разъ въ мѣсяцъ собираться на общіе обѣды. Пріѣздъ его совпалъ съ Татьянинымъ днемъ. Въ Москвѣ онъ привыкъ этотъ день проводить въ шумномъ обществѣ товарищей по Московскому университету, и привычка эта была такъ сильна въ немъ, что онъ, несмотря на то, что дѣла этого не позволяли, чуть-было не укатилъ на одинъ вечеръ въ Москву.

Онъ отказался отъ этой мысли только тогда, когда ему удалось уговорить группу петербургскихъ беллетристовъ собраться въ этотъ день гдѣ-нибудь въ ресторанѣ для общаго обѣда, что̀ и было исполнено.

И этому обѣду суждено было сдѣлаться „учредительнымъ“, такъ какъ отъ него пошелъ цѣлый рядъ регулярно повторявшихся обѣдовъ. Они назывались „беллетристическими“. Но потомъ почему-то пришпилили къ нимъ ничѣмъ неоправдываемое названіе „Арзамасъ“. Кличка, какъ нимало не подходящая и взятая на прокатъ, скоро сама собою отклеилась, да и обѣды погибли отъ взаимнаго равнодушія участниковъ и—какъ это ни странно—отсутствія общихъ интересовъ.

Изъ сверстниковъ-беллетристовъ большими симпатіями его пользовались К. С. Баранцевичъ, М. Н. Альбовъ, В. А. Тихоновъ. Но совершенно особое мѣсто онъ отводилъ нынѣ уже покойному Дмитрію Наркисовичу Мамину-Сибиряку.

Онъ вызвалъ въ Чеховѣ особый интересъ и какъ человѣкъ и какъ писатель, и А. П. при встрѣчахъ видимо присматривался къ нему и наблюдалъ его. Онъ какъ бы любовался его самобытностью и часто говорилъ о томъ, что вотъ этого человѣка жизнь трепала, какъ, можетъ-быть, ни одного изъ насъ, а онъ между тѣмъ не уступилъ ей ни капли изъ своего уральскаго колорита.

Какъ-то у него все выходило по-своему. Его грубоватая и зачастую непріемлемая въ взыскательномъ обществѣ рѣчь, изумительныя по своей мѣткости шутки, лишенные всякой дипломатичности эпитеты, которые онъ съ лицомъ невиннаго младенца преподносилъ пріятелямъ, его полная беззаботность относительно внѣшности, небрежно торчащіе въ разныя стороны волосы, кой-какая одежда—все это выдѣляло его изъ ряда другихъ.

И невозможно было представить такой обстановки, гдѣ Маминъ заставилъ бы себя быть инымъ. Всегда и во всемъ онъ былъ самимъ собою и такимъ остался до конца дней своихъ.

Чеховъ сравнивалъ его съ черноземомъ гдѣ-нибудь въ Тамбовской или Херсонской губерніи: копай хоть три дня въ глубину—все будетъ черноземъ, никогда до песку или глины не докопаешься.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ А. П., встрѣтившись гдѣ-то съ Маминымъ, такъ сильно заинтересовался имъ, что потомъ все время въ разговорѣ возвращался къ нему, а затѣмъ вдругъ однажды покаялся, что ни одной его вещи не прочиталъ, какъ слѣдуетъ.

Помню, что мы вмѣстѣ зашли въ книжный магазинъ Суворина, и онъ велѣлъ прислать ему все, что̀ было издано отдѣльно, Мамина-Сибиряка.

И онъ принялся поправлять свою оплошность, каждый день въ свободные часы читая Мамина, но, когда при встрѣчѣ я его спрашивалъ о впечатлѣніи, онъ, видимо, избѣгалъ опредѣленно высказываться.

И только когда прошло нѣсколько дней, онъ однажды самъ заговорилъ объ этомъ:

— А знаешь... я про Мамина... Онъ въ книгахъ такой же точно, какъ и въ жизни. Тотъ же черноземъ—жирный, плотный, сочный, который тысячу лѣтъ можетъ родить безъ удобренія. Растутъ на немъ дикія травы и злаки, имъ же нѣсть числа, а въ гущинѣ ихъ живутъ на волѣ зайцы, стрепеты, куроватки и перепела... Это—та степь, которая воспѣта Гоголемъ.

— Ты хочешь сказать, что онъ некультуренъ?

— Да, вотъ слава Богу, за культурностью онъ не гоняется. Но зато въ каждомъ его разсказѣ какой-нибудь Поль Бурже извлекъ бы матеріала на пять толстыхъ романовъ. Знаешь, когда я читалъ Маминскія писанія, то чувствовалъ себя такимъ жиденькимъ, какъ будто сорокъ дней и сорокъ ночей постился...

— Я теперь понялъ, почему онъ самъ такой,—снова потомъ вернулся онъ къ той же темѣ. — Тамъ, на Уралѣ, должно-быть, всѣ такіе: сколько бы ихъ ни толкли въ ступѣ, а они все—зерно, а не мука. Когда, читая его книги, попадаешь въ общество этихъ крѣпышей, — сильныхъ, цѣпкихъ, устойчивыхъ черноземныхъ людей,—то какъ-то весело становится. Въ Сибири я встрѣчалъ такихъ, но, чтобы изображать ихъ, надо, должно-быть, родиться и вырасти среди нихъ. Тоже и языкъ... У насъ народничаютъ, да все больше по наслышкѣ. Слова или выдуманныя или чужія. Я знаю одного писателя-народника, — такъ онъ, когда пишетъ, усердно роется у Даля и въ Островскомъ и набираетъ оттуда подходящихъ „народныхъ“ словъ... А у Мамина слова настоящія, да онъ и самъ ими говоритъ и другихъ не знаетъ.

Въ другой разъ, снова вернувшись къ этой темѣ, Чеховъ сказалъ:

— Маминъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которыхъ по-настоящему начинаютъ читать и цѣнить послѣ ихъ смерти. И знаешь, почему? Потому что они свое творчество не пріурочивали къ преобладающему направленію...

Это ужъ было отчасти и про себя. Его вѣдь тоже упрекали въ равнодушіи къ направленію. Одно время это было даже ходячей фразой, которую повторяли люди, привыкшіе высказывать готовыя сужденія съ чужого голоса: „Чеховъ—талантъ, но безъ всякаго направленія“.

Извѣстный въ то время критикъ Скабичевскій, который весь состоялъ изъ направленія, немало способствовалъ распространенію этого взгляда.

Симпатія Чехова къ Дмитрію Наркисовичу завершилась торжественнымъ совмѣстнымъ снятіемъ въ фотографіи. Въ качествѣ общаго ихъ пріятеля, на этой карточкѣ очутился и я (см. № 26, стр. 512).

Начало зимы 1896 года ознаменовалось однимъ изъ самыхъ нелѣпыхъ событій, какія только бывали въ исторіи петербургскихъ казенныхъ театровъ. Я говорю объ извѣстномъ провалѣ въ Александринскомъ театрѣ Чеховской „Чайки“.

Я знаю людей, которые и теперь еще, по прошествіи 18 лѣтъ, когда вспоминаютъ объ этомъ, начинаютъ безпокоиться такъ, какъ будто это было вчера:

— Нѣтъ, но „Чайка“... Вы помните? Съ Коммиссаржевской... Вѣдь это было что-то безпримѣрное...

„Чайка“,—которая потомъ сдѣлалась символическимъ знакомъ Московскаго Художественнаго театра, и до сихъ поръ еще, кажется, красуется на его занавѣси, бланкахъ и т. п.

Мнѣ привелось близко стоять ко всей исторіи этой постановки, заботиться о перепискѣ экземпляровъ для цензуры, вести переговоры съ самой цензурой и т. п.

Современный читатель, вѣроятно, удивится упоминанію о переговорахъ съ цензурой. Онъ знаетъ „Чайку“, и ему извѣстно, что тамъ нѣтъ ничего, что̀ могло бы дать поводъ для работы красныхъ чернилъ Театральной улицы.

Но въ тѣ времена, отдѣленныя отъ насъ только 18-ю годами, ни одинъ авторъ не могъ поручиться за цензурность своей пьесы. Требованія были не то что очень большія или суровыя, а просто произвольныя. Была не цензура, дѣйствующая на основаніи точныхъ правилъ, которыя могъ бы имѣть въ виду и авторъ, а цензора̀, каждый съ своими особыми взглядами и требованіями и даже капризами.

Въ одномъ изъ писемъ, гдѣ рѣчь идетъ именно о „Чайкѣ“, Антонъ Павловичъ безпокоится о судьбѣ пьесы и называетъ цензора Литвинова. Это былъ цензоръ, съ которымъ драматурги предпочитали имѣть дѣло. Человѣкъ культурный,—съ нимъ можно было говорить, спорить, убѣждать. Къ пьесамъ онъ предъявлялъ минимумъ требованій, дѣлалъ уступки, до самаго того рубежа, гдѣ начинался уже его личный рискъ отвѣтственностью.

Но были цензора̀ и другого рода, и ихъ весьма тщательно избѣгали авторы. Кажется, въ то время былъ еще живъ цензоръ Донауровъ, не пропускавшій въ пьесѣ никакого упоминанія о Богѣ, и если, напримѣръ, у дѣйствующаго лица была привычка божиться, повторять—„ей-Богу“, то цензоръ преспокойно лишалъ его этой привычки, считая, что на сценѣ это представляетъ кощунство.

При такихъ обстоятельствахъ Чеховъ имѣлъ право бояться за „Чайку“. Но по счастью она попала къ „доброму цензору“ и существенной аваріи не претерпѣла.

Самая пьеса, когда Чеховъ прислалъ ее въ Петербургъ еще въ рукописи и даже не въ оконченномъ видѣ, такъ какъ она отсылалась ему въ деревню, измѣнялась имъ и отдѣлывалась,—вызвала къ себѣ очень осторожное отношеніе.

Талантливость ея, какъ литературнаго произведенія, била въ глаза. Но для сцены, какъ казалось съ точки зрѣнія установившагося вкуса, въ ней чего-то важнаго недоставало. Не было условнаго развитія драматическаго сюжета съ постепеннымъ нарастаніемъ и разрѣшеніемъ въ концѣ, передъ паденіемъ послѣдняго занавѣса. Иными словами—не было того, что̀ составляетъ сущность театральнаго представленія, что̀ захватываетъ всего зрителя и держитъ его плѣнникомъ до конца.

Это порождало сомнѣніе въ возможности удачной постановки ея на сценѣ. Мысль сама собою переносилась къ нашимъ актерамъ, которые привыкли къ извѣстнымъ формамъ, и было мало надежды на то, что имъ удастся схватить, усвоить и выявить то совершенно новое, что̀ предлагалъ имъ Чеховъ. Еще меньше было надежды на то, что пьесу пойметъ и приметъ наша театральная публика.

Но художественныя достоинства этого произведенія были такъ блестящи, краски такъ свѣжи и оригинальны, манера рисовать жизнь такъ проста и полна какого-то внутренняго изящества, особаго, Чеховскаго, секретъ котораго онъ никому не завѣщалъ и унесъ съ собою, какъ сказочный волшебникъ уноситъ съ собой въ могилу вѣщее слово, заклятіе, которое только онъ одинъ зналъ,—что думалось: почемъ знать, можетъ, свершится чудо, и эти достоинства такъ завладѣютъ актерами и публикой, что они не замѣтятъ того, чего недостаетъ.

Я лично былъ въ восторгѣ отъ „Чайки“, но съ Чеховымъ спорилъ. Я говорилъ, что сцена предъявляетъ вполнѣ законныя требованія условности, и если писатель не хочетъ подчиняться имъ, то онъ не долженъ пользоваться сценой, а избрать для своихъ образовъ другой родъ литературы.

Но онъ этого не признавалъ и, возражая, впадалъ въ преувеличеніе, какъ это съ нимъ всегда бывало:—никакихъ сюжетовъ не нужно. Въ жизни нѣтъ сюжетовъ, въ ней все перемѣшано—глубокое съ мелкимъ, великое съ ничтожнымъ, трагическое съ смѣшнымъ. Вы, господа, просто загипнотизированы и порабощены рутиной и никакъ не можете съ нею разстаться. Нужны новыя формы, новыя формы...

Эту послѣднюю фразу онъ повторялъ часто, а въ „Чайкѣ“ вложилъ ее въ уста Треплеву и заставилъ тоже повторять.

Въ концѣ концовъ онъ на меня подѣйствовалъ своей убѣжденностью. Я началъ думать, что художественныя достоинства „Чайки“ покорятъ жестоковыйную публику Александринскаго театра.

Но въ судьбѣ этой пьесы сыграли роль такія случайности и постороннія дѣлу обстоятельства, какія, кажется, немыслимы ни въ одномъ театрѣ, кромѣ русскаго.

Въ то время въ Александринскомъ театрѣ въ полномъ ходу была система бенефисовъ. У главныхъ актеровъ бенефисы были ежегодные, вторые же получали ихъ отъ времени до времени, за особыя заслуги или просто когда кому-нибудь удавалось выхлопотать. Основной репертуаръ сезона составлялся заранѣе, и если авторъ приходилъ съ своей пьесой во время сезона, то какими бы достоинствами она ни обладала, для нея уже не было мѣста.

Конечно, бывали исключенія. Связи и хлопоты, слово, замолвленное вліятельнымъ лицомъ, легко открывали дверь храма во всякое время. Но у Чехова не было связей, хлопотать же онъ не умѣлъ да и не хотѣлъ.

Но зато, благодаря бенефисамъ, на сцену иногда попадали пьесы, лишенныя всякихъ художественныхъ достоинствъ, но заключавшія въ себѣ эффектную роль для бенефиціанта. Бенефиціантъ самъ выбиралъ для себя пьесу, требовалось только формальное утвержденіе дирекціи. Такъ же формально къ такимъ пьесамъ относился и Театрально-Литературный Комитетъ. Что̀ же было дѣлать, если актеръ или, еще хуже, актриса настаивали?

Если бенефисъ получалъ актеръ второстепенный, то онъ иногда, ради хорошаго сбора, жертвовалъ своимъ актерскимъ самолюбіемъ и выбиралъ пьесу съ козырной ролью не для себя, а для первой актрисы, имя которой дѣлало сборъ, или старался выѣхать на имени автора.

Къ несчастью, тутъ случилось именно это послѣднее. Пьеса досталась для бенефиса Левкѣевой. Въ ней для бенефиціантки совсѣмъ не было роли.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ, не помню—кому, А. П., говоря о распредѣленіи ролей въ „Чайкѣ“, сообщаетъ, что „Чайку“, т.-е. Нину Зарѣчную, будетъ играть толстая комическая актриса Левкѣева. Конечно, это была завѣдомая шутка.

Но въ дальнѣйшемъ, когда начали искать роль для бенефиціантки, стали втупикъ. Бенефиціанткѣ въ пьесѣ нечего было дѣлать. Упоминаемая въ одномъ изъ писемъ Суворину моя мысль—отдать ей роль жены управляющаго, конечно, не принадлежала къ удачнымъ, но это была единственная возможность такъ или иначе ввести ее въ пьесу и, какъ это водилось, дать публикѣ возможность встрѣтить ее аплодисментами.

Цѣль—прямо-таки святотатственная, когда рѣчь идетъ о такомъ произведеніи, какъ „Чайка“, но это все-таки было гораздо меньшее зло, чѣмъ ставить пьесу въ бенефисъ Левкѣевой.

Это была актриса своеобразная. Есть такіе люди, которые, не дѣлая никакихъ усилій, однимъ своимъ появленіемъ въ обществѣ вызываютъ веселое настроеніе. Что-то въ нихъ есть смѣшное—въ манерахъ, въ движеніяхъ, въ голосѣ. Общество умираетъ отъ скуки, но появляется такой человѣкъ—и всѣмъ вдругъ становится весело.

Левкѣева, на мой взглядъ, была такая актриса. При исполненіи роли едва ли она задавалась цѣлью дать какой-нибудь характеръ или типъ. Это всегда была Левкѣева. Сама она по своему складу очень подходила для нѣкоторыхъ персонажей Островскаго, но это было просто счастливое совпаденіе. Въ остальномъ же, въ чемъ она появлялась, она смѣшила своими манерами, походкой, голосомъ.

Появленіе такой актрисы въ пьесѣ Чехова, конечно, было бы неумѣстно. „Публика станетъ ждать отъ этой роли чего-нибудь смѣшного и разочаруется“,—совершенно справедливо замѣтилъ Чеховъ. Было ясно, что бенефиціантку придется совсѣмъ устранить изъ пьесы, что̀ и было потомъ сдѣлано.

Дальше начали мудрить съ другими женскими ролями. Мужскія разошлись болѣе или менѣе правильно, но женскія—это всегда труднѣй.

Правильная мысль роль актрисы поручить М. Г. Савиной, у которой эта роль вышла бы блестяще, по какимъ-то дипломатическимъ причинамъ, кажется, даже и не высказывалась. Для этой роли была выдвинута Дюжикова, хорошая актриса для драмы, но лишенная юмора и скучная въ характерныхъ роляхъ. Савиной же, по мысли А. С. Суворина, предполагалось предложить роль Зарѣчной, изъ чего, несмотря на огромный талантъ М. Г., едва ли вышло бы благо.

Почему-то о Коммиссаржевской тогда никто и не подумалъ. Самъ же Чеховъ ни въ чемъ ее не видалъ и не былъ знакомъ съ ея дарованіемъ. И только въ послѣднюю минуту вспомнили объ этой актрисѣ.

Невозможно описать, какъ волновалась Вѣра Ѳедоровна, приступая къ созданію этой роли. Самая пьеса очаровала ее, но она боялась и за себя и особенно за пріемъ пьесы публикой.

Антона Павловича еще не было въ Петербургѣ, когда приступили къ репетиціямъ. Онѣ шли слабо. Артисты отнеслись къ пьесѣ совершенно такъ же, какъ ко всякой другой.

Сегодня не пришелъ одинъ, завтра двое, и въ то время, какъ явившіеся играютъ свою роль уже подъ суфлера, за неявившагося читаетъ по рукописи помощникъ режиссера. Что̀ изъ этого получалось—легко себѣ представить.

Артистъ, исправно посѣщающій репетиціи и искренно желаю-

щій добросовѣстно работать и создать изъ роли, что̀ въ силахъ, теряется, напрасно ищетъ тона, сбивается, а въ концѣ концовъ приходитъ въ отчаяніе и на все машетъ рукой: что̀ будетъ, то будетъ.

Такое отношеніе къ дѣлу нѣкоторыхъ актеровъ — настоящая бѣда театра.

Есть большіе актеры съ признаннымъ талантомъ, благодаря чему они занимаютъ въ труппѣ твердое положеніе. Опираясь на свой авторитетъ и считая для своего большого дарованія и опытности достаточнымъ двѣ-три репетиціи, они обыкновенно на цѣлый рядъ репетицій не приходятъ, и то, что̀ они сдѣлаютъ изъ своихъ ролей, для остальныхъ участвующихъ чуть не до послѣдняго момента является тайной. При такихъ условіяхъ никакой архитектурный планъ выполненъ быть не можетъ, каждый играетъ за себя, чувствуетъ себя отвѣтственнымъ, насколько это возможно, только за свою роль. Ни общей, единой для всѣхъ, задачи, ни тона, ни настроенія тутъ быть не можетъ.

Если отъ этого страдаетъ всякая пьеса, то „Чайка“, написанная тонкими штрихами, гдѣ лица нарисованы нѣжнѣйшими красками, должна была завянуть, какъ нѣжное молодое растеніе отъ повѣявшаго на него холода. Такъ это и было.

И когда Чеховъ, никѣмъ изъ актеровъ незамѣченный, пришелъ въ театръ, занялъ мѣсто въ темной залѣ и посидѣлъ часа полтора, то, что̀ происходило на сценѣ, произвело на него гнетущее впечатлѣніе. До спектакля оставалось пять дней, а половина исполнителей еще читала роли по тетрадкамъ, нѣкоторыхъ же вовсе не было на сценѣ, вмѣсто нихъ появлялся бородатый помощникъ режиссера и безъ всякаго выраженія прочитывалъ, въ видѣ репликъ, послѣднія слова изъ ихъ роли.

Когда режиссеръ упрекалъ актера, читающаго по тетрадкѣ: „Какъ вамъ не стыдно до сихъ поръ роль не выучить!“—тотъ съ выраженіемъ оскорбленной гордости отвѣчалъ:

— Не безпокойтесь, я буду знать свою роль...

Антонъ Павловичъ вышелъ изъ театра подавленный. „Ничего не выйдетъ,—говорилъ онъ.—Скучно, неинтересно, никому это не нужно. Актеры не заинтересовались, значитъ—и публику они не заинтересуютъ“.

У него уже являлась мысль — пріостановить репетиціи, снять пьесу и не ставить ее вовсе.

Когда обо всемъ этомъ узнала Коммиссаржевская, она пришла въ отчаяніе. Сама она усердно посѣщала репетиціи, но играла вполголоса, — о ней судить Антонъ Павловичъ не могъ. Но она больше, чѣмъ кто другой, чувствовала всю нелѣпицу, какая выходила изъ представленія, и въ то же время видѣла себя безсильной.

На одну изъ слѣдующихъ репетицій Чеховъ пришелъ къ самому началу, и, когда его увидѣли актеры, на сценѣ произошло то непонятное и неподдающееся объясненію явленіе, которое знакомо только актерамъ и, можетъ-быть, только русскимъ: чудо, иногда спасающее совсѣмъ проваливающуюся пьесу: безъ предварительнаго уговора—общій подъемъ, коллективное вдохновеніе, незримо сошедшіе съ неба огненные языки.

Всѣ подтянулись и начали играть. У не знающихъ ролей утончился и обострился слухъ, и они улавливали каждый шорохъ, вылетавшій изъ суфлерской будки. Появился рисунокъ, даже что-то общее, что-то похожее на настроеніе.

Когда же вышла Коммиссаржевская, сцена какъ будто озарилась сіяніемъ. Это была поистинѣ вдохновенная игра.

Въ послѣдней своей сценѣ, когда Нина ночью приходитъ къ Треплеву, артистка поднялась на такую высоту, какой она, кажется, никогда не достигала.

Въ залѣ не было публики, но былъ Чеховъ, она играла для него одного и привела его въ восторгъ. Было что-то торжественное и праздничное въ этой репетиціи, которая несомнѣнно была чудомъ. Александринскіе актеры доказали, что, при извѣстныхъ условіяхъ, они могутъ достигать высочайшаго подъема.

И куда дѣвалось унылое настроеніе, съ которымъ Чеховъ уходилъ изъ театра послѣ предыдущихъ репетицій! Исчезли всѣ сомнѣнія. Пьеса несомнѣнно пройдетъ хорошо, и если публика не приметъ ея, то приметъ актеровъ, которые всѣ даютъ массу живого и интереснаго.

Но чудо, какъ видно, не повторяется. На генеральной репетиціи на сценѣ царила какая-то неопредѣленность. Что-то какъ будто переломилось, словно артисты, давъ слишкомъ много на той репетиціи, надорвали свои силы. Вдохновенія уже не было, огненные языки не слетѣли съ неба.

Все шло гладко, но блѣдно и сѣро. Чеховскіе люди все больше и больше сбивались на Александринскихъ. Актеры, которые такъ вдохновенно на той репетиціи отошли отъ себя, какъ будто забыли, какъ это они сдѣлали. Дорогу занесло снѣгомъ, и пришлось итти ощупью, какъ попало.

Наканунѣ представленія мы съ Антономъ Павловичемъ обѣдали у Палкина. Онъ уже предчувствовалъ неуспѣхъ и сильно нервничалъ.

Къ спектаклю пріѣхали изъ Москвы Марья Павловна и еще кой-кто изъ близкихъ, и онъ выражалъ недовольство. Зачѣмъ было пріѣзжать? Это какъ будто увеличивало его отвѣтственность.

И вотъ—спектакль, кажется—дѣйствительно безпримѣрный въ исторіи театра, по крайней мѣрѣ на моей памяти.

Все же я долженъ сказать, что сужденія о какомъ-то исключительномъ, точно по особому заказу, плохомъ исполненіи „Чайки“ въ ту постановку ея на Александринской сценѣ были преувеличены. Я сужу по генеральной репетиціи и по дальнѣйшимъ спектаклямъ, кромѣ перваго представленія, на которомъ я, по особымъ личнымъ обстоятельствамъ, не былъ.

И тотъ провалъ, о которомъ такъ много говорили и писали, и который произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на Чехова, былъ вызванъ взаимодѣйствіемъ исключительныхъ причинъ.

На сценѣ были Коммиссаржевская, Абаринова, Дюжикова, Читау, Давыдовъ, Варламовъ, Аполлонскій, Сазоновъ, Писаревъ, Панчинъ. Этимъ актерамъ, даже и не въ столь густой концентраціи, приходилось выступать въ пьесахъ безжизненныхъ и бездарныхъ, и они умудрялись дѣлать имъ успѣхъ. О небрежности же съ ихъ стороны, о невниманіи не могло быть и рѣчи.

Можно сказать съ увѣренностью, что они напрягали всѣ силы своихъ дарованій, чтобы дать наибольшее и наилучшее. То, чего недоставало, — общій тонъ, единство настроенія, — былъ недостатокъ коренной и проявлялся не здѣсь только, а и въ другихъ постановкахъ.

Можетъ-быть, здѣсь оно проявилось нѣсколько рѣзче, потому что среди участниковъ представленія были люди, отрицательно относившіеся къ самой пьесѣ и авторской манерѣ изображенія. Они такимъ образомъ играли безъ убѣжденности.

Но зато ихъ согрѣвала симпатія къ автору, котораго всѣ любили и желали сдѣлать для него какъ можно лучше.

И все-таки былъ—даже не неуспѣхъ, а провалъ, притомъ выразившійся въ совершенно нетерпимыхъ, некультурныхъ, дикихъ формахъ.

И, конечно, дѣло было не въ актерахъ и не въ ихъ игрѣ, а въ публикѣ. Публика первыхъ представленій Александринскаго театра—довольно пріятная публика. Хорошее она принимаетъ съ восторгомъ, къ посредственному снисходительна. Въ массѣ она интеллигентна и равнодушна.

Въ театръ публика эта приходитъ отдыхать и съ нѣкоторой пользой для ума и сердца развлечься. Половина театра — по записямъ автора, режиссеровъ, актеровъ, дирекціи: они чувствуютъ себя чуточку привилегированными, и это дѣлаетъ ихъ снисходительными союзниками.

И потому первыя представленія въ этомъ театрѣ почти сплошь проходятъ гладко. Актерамъ аплодируютъ, потому что любятъ ихъ, автора вызываютъ,—ну, хотя бы для того, чтобы посмотрѣть, каковъ онъ изъ себя и какое у него будетъ глупое лицо, когда онъ начнетъ раскланиваться.

Но бенефисная публика, это — нѣчто другое. Преобладающій составъ ея не поддается общему опредѣленію. Это зависитъ отъ того, чей бенефисъ.

У каждой актрисы и у каждаго актера—свои особые поклонники, и ужъ они, конечно, первые заполняютъ запись на мѣста. И самая запись производилась (не знаю, какъ теперь) не въ кассѣ и не въ конторѣ театра, а у бенефиціанта на дому.

Это тоже вѣдь представляетъ особаго рода прелесть:—прійти къ артисткѣ и засвидѣтельствовать свое поклоненіе или выразить его въ письменной формѣ. Такимъ образомъ успѣхъ пьесы ставится въ прямую зависимость отъ того, чей бенефисъ и каковъ контингентъ поклонниковъ.

Безъ сомнѣнія, актеръ зналъ своихъ почитателей и пьесу для своего бенефиса выбиралъ примѣнительно къ ихъ вкусамъ, но въ данномъ случаѣ, очевидно, Левкѣеву посѣтило какое-то затменіе. Рѣшительно необъяснимо, почему именно она выбрала „Чайку“ и этимъ ввела неповиннаго автора въ крайне невыгодную сдѣлку.

Левкѣева — веселая смѣшная актриса, обыкновенно появлявшаяся въ роляхъ бытовыхъ, а то игравшая приживалокъ, старыхъ дѣвъ, которыя обыкновенно трактуются въ комическомъ видѣ и говорятъ смѣшныя слова, съ смѣшными ужимками.

При появленіи Левкѣевой на сценѣ всѣмъ было смѣшно, и вызванный ею смѣхъ былъ добродушнаго, но невысокаго, общедоступнаго качества. Ея поклонниками были купцы, приказчики, гостинодворцы, офицеры.

Очевидное дѣло, что, когда былъ объявленъ ея бенефисъ, они подумали: „Левкѣева! Вотъ ужъ насмѣемся, потѣшимъ душу. То-то, должно-быть, угоститъ она пьесочкой... Бока надорвемъ, смѣючись“.

И ринулись записываться на мѣста, невзирая на возвышенныя цѣны. Сама Левкѣева въ этомъ случаѣ перескромничала, слишкомъ мало понадѣялась на свое собственное имя и усилила его еще именемъ автора.

Но въ томъ кругу, который она привлекла на свой бенефисъ, едва ли было даже извѣстно имя Чехова.

Были, конечно, зрители, которыхъ привлекло въ театръ имя не Левкѣевой, а Чехова, но ихъ было ничтожное число. Широкую интеллигентную аудиторію, которая тогда уже была у Чехова, бенефисныя цѣны заставили отложить наслажденіе до слѣдующихъ спектаклей.

И вотъ эта-то публика и явилась цѣнительницей Чеховскихъ „новыхъ формъ“, которыя ей показали со сцены. Ничего другого и не могло произойти, кромѣ того, что̀ произошло.

Съ первыхъ же сценъ началось недоумѣніе. Актеры говорили на непонятномъ языкѣ недоступныя пониманію публики вещи. Никто не смѣшилъ, никто не раздиралъ душу.

Герой—какой-то неизвѣстный молодой человѣкъ, вздыхающій по „новымъ формамъ“ и страдающій оттого, что у него изъ литературы ничего не выходитъ.

Наивная провинціальная дѣвушка... Извѣстный писатель, пожилая актриса... Скучный докторъ, скучный сельскій учитель, жена его, пьющая водку...

Требовать отъ этой публики, чтобы она разглядѣла ту тихую незримую трагедію, которая витаетъ надъ жизнью этихъ людей, было бы даже несправедливо.

И, выслушавъ актъ и часть второго, Левкѣевская публика почувствовала себя оскорбленной. Кромѣ того, эта публика была невоспитанная. Другая публика, если бъ даже нашла пьесу неудачной, плохой, изъ уваженія къ автору — проводила бы ее молчаніемъ. Это былъ бы неуспѣхъ, но въ этомъ не было бы ничего обиднаго. Не нравится. Что̀ съ этимъ подѣлаешь? Дѣло вкуса.

Но тутъ было иначе. Невоспитанная публика захотѣла показать и даже подчеркнуть свою невоспитанность.

Къ моему большому счастью, я этого своими глазами не видѣлъ. Но люди, которые пришли послѣ спектакля, разсказали мнѣ вещи, которымъ я не хотѣлъ вѣрить.

Во время представленія зрители первыхъ рядовъ демонстративно поворачивались спиной къ сценѣ, громко разговаривали съ знакомыми, смѣялись, шипѣли, свистали.

Какъ должны были реагировать на это актеры? Нужно знать, что̀ такое актеръ на сценѣ. Это барометръ, чутко воспринимающій все, происходящее въ зрительной залѣ.

И ужъ, конечно, всякое настроеніе и всякая игра должны были пойти къ чорту. Сначала недоумѣніе, потомъ обида, досада, отчаяніе, растерянность и „всеобщая паника“, какъ опредѣлилъ самъ Чеховъ.

Потомъ онъ кому-то писалъ, что актеры играли ужасно, ролей не знали и проч., и что будто бы игра была такъ плоха, что черезъ нее нельзя было разглядѣть самой пьесы.

Но тутъ онъ былъ несправедливъ. Актеры просто растерялись. Они никогда ничего подобнаго не испытали. Въ залѣ сидѣла чужая публика, которая и вела себя по-чужому.

„Всеобщая паника“—какой же хорошей игры можно было требовать отъ актеровъ, какого знанія ролей? Да они въ это время навѣрно забыли таблицу умноженія и свои собственныя имена. И чѣмъ горячѣе они относились къ пьесѣ, тѣмъ сильнѣе это должно было въ нихъ проявиться.

Чеховъ несправедливо взвалилъ всю отвѣтственность на актеровъ, тогда какъ вся причина была въ публикѣ, а виноватъ былъ онъ самъ, неосмотрительно отдавшій пьесу въ бенефисъ Левкѣевой.

Впечатлѣніе, произведенное на него этимъ невѣроятнымъ событіемъ, было огромное. И нужно было обладать Чеховской выдержкой, чтобы имѣть равнодушное лицо и почти равнодушно шутить надъ всѣмъ происшедшимъ.

Въ тотъ вечеръ я его не видѣлъ и не знаю, съ какимъ лицомъ онъ „ужиналъ у Романова, честь-честью“.

Я пришелъ къ нему на другой день часовъ въ десять утра. Онъ занималъ маленькую квартирку въ домѣ Суворина, гдѣ-то очень высоко, и жилъ одинъ. Я засталъ его за писаніемъ писемъ. Чемоданъ, съ плотно уложенными въ немъ вещами, среди которыхъ было много книгъ, лежалъ раскрытый.

— Вотъ отлично, что пришелъ. По крайней мѣрѣ проводишь. Тебѣ я могу доставить это удовольствіе, такъ какъ ты не принадлежишь къ очевидцамъ моего вчерашняго тріумфа... Очевидцевъ я сегодня не желаю видѣть.

— Какъ? Даже Марью Павловну?

— Съ нею увидимся въ Мелиховѣ. Пусть погуляетъ. Вотъ письма. Мы ихъ разошлемъ. Я уже уложился.

— Почтовымъ?

— Нѣтъ, это долго ждать. Есть поѣздъ въ двѣнадцать.

— Отвратительный. Идетъ, кажется, двадцать два часа.

— Тѣмъ лучше. Буду спать и мечтать о славѣ... Завтра буду въ Мелиховѣ. А? Вотъ блаженство!.. Ни актеровъ, ни режиссеровъ, ни публики, ни газетъ. А у тебя хорошій нюхъ.

— А что̀?

— Я хотѣлъ сказать: чувство самосохраненія. Вчера не пришелъ въ театръ. Мнѣ тоже не слѣдовало ходить. Если бъ ты видѣлъ физіономіи актеровъ! Они смотрѣли на меня такъ, словно я обокралъ ихъ, и обходили меня за сто саженей. Ну, идемъ...

Захнативъ чемоданы и письма, вышли и спустились по лѣстницѣ. Тутъ письма были отданы швейцару, съ порученіями. Въ одномъ онъ извѣщалъ о своемъ отъѣздѣ Марью Павловну, въ другомъ Суворина, въ третьемъ, кажется, брата.

Взяли извозчика и поѣхали на Николаевскій вокзалъ. Тутъ Антонъ Павловичъ уже шутилъ, посмѣивался надъ собой, смѣшилъ себя и меня.

На дебаркадерѣ ходилъ газетчикъ, подошелъ къ намъ, предложилъ газетъ. Антонъ Павловичъ отвергъ: — не читаю! Потомъ обратился ко мнѣ:

— Посмотри, какое у него добродушное лицо, а между тѣмъ руки его полны отравы. Въ каждой газетѣ по рецензіи...

Поѣздъ былъ пустой, и у Антона Павловича оказалось въ распоряженіи цѣлое купэ второго класса.

— Ну, и сладко же буду спать,—говорилъ онъ.

Но въ глазахъ его было огорченіе. Всѣ эти остроты, шутки, смѣхъ ему кой-чего стоили.

— Кончено,—говорилъ онъ передъ самымъ отъѣздомъ, уже стоя на площадкѣ вагона.—Больше пьесъ писать не буду. Не моего ума дѣло. Вчера, когда шелъ изъ театра, высоко поднявъ воротникъ, яко тать въ нощи, — кто-то изъ публики сказалъ: „Это беллетристика“, а другой прибавилъ: „И преплохая...“ А третій спросилъ: „Кто такой этотъ Чеховъ? Откуда онъ взялся?“ А въ другомъ мѣстѣ какой-то коротенькій господинъ возмущался: „Не понимаю, чего это дирекція смотритъ. Это оскорбительно — допускать такія пьесы на сцену“. А я прохожу мимо и, держа руку въ карманѣ, складываю фигу: — на, молъ, скушай; вотъ ты и не знаешь, что это сдѣлалъ я.

— А то, можетъ, раздумаешь, Антонъ Павловичъ, да останешься?—предложилъ я, когда раздался второй звонокъ.

— Ну, нѣтъ, благодарю. Сейчасъ всѣ придутъ и утѣшать будутъ—съ такими лицами, съ какими провожаютъ дорогихъ родственниковъ на каторгу.

Третій звонокъ. Простились.

— Пріѣзжай въ Мелихово. Попьемъ и попоемъ.

И поѣздъ отошелъ. Антонъ Павловичъ уѣхалъ, глубоко оскорбленный Петербургомъ.

Но какъ скоро душа его осилила это проклятое навожденіе! На другой день, пріѣхавъ въ Мелихово, онъ уже пишетъ дѣловыя письма, хлопочетъ о книгахъ для Таганрогской библіотеки, которой онъ помогалъ организоваться. Заботится о больныхъ мужикахъ, съ которыми онъ, несмотря ни на что, возится, а о своемъ душевномъ состояніи пишетъ шутливо: „Дома у себя я принялъ касторки, умылся холодной водой—и теперь хоть новую пьесу пиши...“

И опять явилась прежняя уравновѣшенность. Своей „Чайкѣ“ онъ сперва велѣлъ не показываться на глаза. На просьбу помѣстить ее въ „Русской Мысли“ послалъ отказъ, а потомъ согласился, разрѣшилъ любителямъ играть ее и вообще примирился съ нею.

Я былъ на второмъ и на третьемъ представленіяхъ „Чайки“. Въ зрительной залѣ сидѣла обычная публика Александринскаго театра, и я могъ наблюдать, съ какимъ вниманіемъ она вслушивалась въ то новое, что̀ происходило на сценѣ.

Тамъ не было обычныхъ — драматической актрисы, перваго любовника, простака-мужа, великосвѣтскаго хлыща и пр. и пр., что̀ полагалось и къ чему привыкли глазъ и ухо, но это не мѣшало съ любопытствомъ слушать и смотрѣть.

Я рѣшительно утверждаю, что пьеса на этихъ представленіяхъ нравилась большой публикѣ. Актеры начали сыгрываться, и можно было думать, что мало-по-малу у нихъ получится нѣчто цѣльное, чего нельзя было и требовать раньше за почти полнымъ отсутствіемъ настоящихъ репетицій, и „Чайка“ войдетъ въ репертуаръ.

Въ этомъ смыслѣ я и другіе телеграфировали и писали Антону Павловичу, но онъ принялъ это за желаніе утѣшить и вообще отнесся скептически.

Онъ былъ правъ только въ одномъ отношеніи: что, если даже все это и такъ, то пьесѣ не дадутъ выиграться и занять надлежащее мѣсто. Такъ это и случилось.

Тогдашняя дирекція оказалась по своимъ художественнымъ вкусамъ мало чѣмъ выше той публики, какая наполняла залу на первомъ представленіи „Чайки“. Бенефисная дирекція... Въ оцѣнкѣ пьесы она, очевидно, руководствовалась такими внѣшними признаками, какъ вызовы актеровъ, аплодисменты и цифра сбора.

Аплодисментовъ дѣйствительно было немного и вызовы были скромные. Но это понятно. „Громъ аплодисментовъ“ обыкновенно вызывается чѣмъ-нибудь эффектнымъ, совершающимся на сценѣ, а въ „Чайкѣ“, какъ и вообще у Чехова, за исключеніемъ первыхъ его пьесъ, написанныхъ еще въ старой манерѣ, т.-е. именно до „Чайки“, — такихъ нарочито эффектныхъ мѣстъ не было.

Что̀ же касается цифры сборовъ, то „новыя формы“, казалось бы, заслуживали того, чтобы подождать и дать публикѣ возможность ознакомиться съ ними, разглядѣть ихъ и оцѣнить.

Но цифра 800 рублей на четвертомъ представленіи такъ испугала дирекцію, что она, чуть ли не послѣ этого спектакля, рѣшила снять пьесу съ репертуара.

А нѣсколько лѣтъ спустя, „Чайка“ была вторично поставлена въ томъ же театрѣ. Тогда уже появились новыя вѣянія и была новая дирекція. Роли были распредѣлены нѣсколько иначе. Въ Александринскомъ театрѣ уже не было Коммиссаржевской, умеръ Сазоновъ, изъ пьесы выступилъ Варламовъ.

И что̀ же? Несмотря на все это, „Чайка“ имѣла успѣхъ. Она была дана заурядным спектаклемъ, бенефисной публикѣ не было предоставлено рѣшать ея судьбу. Коммиссаржевскую замѣнила Селиванова, хорошая актриса, но не претендовавшая даже на сравненіе съ Коммиссаржевской. Роль Сазонова исполнялъ Шуваловъ, опять-таки съ большимъ ущербомъ для роли.

И, несмотря на все это, пьеса имѣла успѣхъ, дѣлала сборы и держалась на афишѣ.

Я ужъ не говорю о Художественномъ театрѣ, для котораго „Чайка“ была своего рода исходнымъ пунктомъ, гдѣ она имѣла шумный демонстративный успѣхъ.



В. Е. Маковскій. Бюстъ работы Р. Баха.

И я совершенно увѣренъ, что, если бъ и въ первый разъ въ Александринскомъ театрѣ „Чайка“ была дана обыкновеннымъ спектаклемъ, то публика приняла бы ее, хотя, можетъ-быть, и съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но благосклонно и почтительно. Какъ театральная пьеса, „Чайка“ не удовлетворила бы ея, но плѣнили бы ея исключительныя художественныя достоинства.

Все то, что̀ я разсказалъ здѣсь, я взялъ изъ своей памяти. Я не веду дневниковъ и не имѣю привычки заносить свои мысли и наблюденія въ записныя книжки.

Но если бы даже такая привычка у меня была, я ничего не записалъ бы о Чеховѣ, такъ какъ никогда не смотрѣлъ на него, какъ на объектъ для наблюденія.

Менѣе всего я претендую на характеристику личности А. П. Чехова. Я хотѣлъ только отмѣтить нѣкоторые моменты его жизни, когда я стоялъ къ нему близко. Пусть все это будетъ даже незначительно, но ничто касающееся его не должно быть потеряно.

Десять лѣтъ тому назадъ умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Но нѣсколько лѣтъ спустя онъ воскресъ передъ вами въ своихъ письмахъ, которыя были собраны и изданы въ четырехъ книгахъ.

Сборники эти не полны. Я, напримѣръ, знаю, что послѣ постановки „Чайки“ у А. П. была переписка съ В. Ѳ. Коммиссаржевской, писалъ онъ и Д. Н. Мамину и другимъ. Этихъ писемъ, вѣроятно, нельзя было получить, и ихъ нѣтъ въ изданныхъ сборникахъ.

Но, несмотря на неизбѣжные пробѣлы, эти четыре книги воскрешаютъ передъ нами его образъ съ изумительной ясностью и красочностью.

Читая эти письма, я вижу передъ собою живого Антона Павловича и любуюсь его изящной очаровательной душой.

Владиміръ Егоровичъ Маковскій.

(Къ 50-лѣтію его художественной дѣятельности).

Очеркъ **Іер. І. Ясинскаго.**

(Съ 2 карт. въ краскахъ, 5 снимками съ карт., портр. и бюстомъ на стр. 541—548 и 556).

Русская живопись долгое время находилась подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ (ложно-классической и романтической школы) и постоянно искала и находила, при помощи правительства, хорошихъ инструкторовъ за границей; еще въ XIX вѣкѣ академическіе шедевры создавались иностранцами, состоявшими на службѣ у русскаго искусства.

Это надо всегда принимать во вниманіе при оцѣнкѣ того значенія, которое имѣютъ въ исторіи русскаго искусства первые художники, начавшіе изображать жизнь въ ея національныхъ выраженіяхъ.

Однимъ изъ такихъ художниковъ, имя котораго всегда будетъ славно, не только ради его недюжиннаго таланта, но и потому, что онъ сознательно принялся за основаніе русской школы живописи, былъ Венеціановъ. Онъ первый сталъ запечатлѣвать на полотнѣ сцены бытового характера. Углубилъ же бытъ Ѳедотовъ, давшій рядъ изумительныхъ картинъ и сатирическихъ рисунковъ. Онъ рано умеръ, но оставилъ послѣ себя даровитыхъ наслѣдниковъ. И, хотя со времени основанія русской жанровой живописи прошло чуть не сто лѣтъ, и художественное потомство Венеціанова и Ѳедотова размножилось, все же на долю одного В. Е. Маковскаго выпала завидная и почетная роль знаменосца современнаго русскаго жанра. Онъ является типичнымъ представителемъ художниковъ, отдавшихъ свои силы живописному изображенію русскаго комизма и быту русскаго средняго человѣка.

Наша живопись въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ пріобрѣла значительную самостоятельность во всѣхъ ея отросляхъ; множество выставокъ свидѣтельствуютъ о плодовитости и самобытности русскихъ художниковъ, которые, даже заимствуя краски и манеру у европейскихъ мастеровъ, вносятъ много своего родного въ искусство, но въ массѣ остаются вѣрными натурализму и реализму, и въ этомъ отношеніи они стяжали себѣ болѣе или менѣе почетную извѣстность на международныхъ выставкахъ; тѣмъ не менѣе русская школа живописи, освободившись изъ-подъ иностранной опеки, не достигла еще той полноты выраженія національной идеи и той глубины, какихъ въ правѣ ждать отъ русскихъ художниковъ историкъ искусства. Въ послѣднее время наши художники замѣтно уклонились въ исканіе новыхъ красокъ, въ красочную пѣвучесть, въ этюдность, въ красивый, часто прелестный, но безпредметный жонглеризмъ. Но уже и теперь замѣтно стремленіе къ переработкѣ накопленныхъ жадно ищущими молодыми людьми красочныхъ матеріаловъ въ художественныя цѣнности. Но то, что̀ было создано Владиміромъ Маковскимъ и что̀ наполнило собою цѣлую полосу жизни русскаго искусства, — необычайно тонкая изобразительность душевныхъ движеній, — все меньше и меньше встрѣчается въ художественныхъ произведеніяхъ дня. Душа перестаетъ глядѣть съ картинъ нашихъ художниковъ. Пусть она будетъ маленькая, средняя душа, но хочется видѣть душу живу, которая бы глядѣла съ прекрасно исполненнаго полотна. Ея нѣтъ. Молодежь погналась за красками, за драгоцѣнными каменьями, за благоуханными цвѣтами, за звѣздами, за райскими птицами. Но она забыла о томъ духовномъ началѣ, о той небесной сущности, которая одна даетъ смыслъ и райскимъ птицамъ, и звѣздамъ, и благоуханнымъ цвѣтамъ, и драгоцѣннымъ каменьямъ, и золоту. Нѣтъ души — нѣтъ картины. Исчезла или, въ лучшемъ случаѣ, потускнѣла душа русскаго искусства.



В. Е. Маковскій въ своей мастерской.

Но жива она еще въ картинахъ В. Маковскаго. Пусть его персонажи—маленькіе люди съ маленькими душами. Иногда отъ ихъ пошлости становится жутко и даже страшно; но это живыя души. Картины живутъ: изображенные люди хитрятъ, улыбаются, смѣются, завидуютъ другъ другу, лукавятъ, нѣжничаютъ, умиляются, злятся. Вся гамма душевныхъ движеній, хотя и въ пониженномъ тонѣ, потому что сама жизнь низменна и обыденна, развертывается передъ нами на картинахъ В. Маковскаго.

Переживъ своихъ сверстниковъ и товарищей по жанру, В. Маковскій остается одинокъ въ современномъ искусствѣ не только потому, что время способствовало этому и вымерли шедшіе подъ знаменемъ, которое онъ держитъ въ своихъ рукахъ; но убыла душа русскаго искусства. Ужасно много мастерства стало, много блеска вокругъ. Но мало души, мало сердца, нѣтъ добродушнаго, а подчасъ и злого русскаго юмора. В. Маковскій—если не единственный представитель жанра въ нашей современной живописи, то, во всякомъ случаѣ, единственный тонкій наблюдатель и изобразитель бытовыхъ сценъ въ ихъ психологической живописности.

Владиміръ Егоровичъ Маковскій долго работаетъ въ искусствѣ, и давно популярно его имя. Онъ родился въ 1846 году въ Москвѣ, въ художественно просвѣщенной семьѣ, и, уже будучи 18 лѣтъ, выставилъ въ Академіи Художествъ жанровую картину, а черезъ годъ получилъ серебряную медаль за картину „Мастерская художника“. Скоро онъ сдѣлался класснымъ художникомъ I степени и академикомъ. Ежегодно выставляетъ В. Е. свои картины на Передвижной выставкѣ, и такимъ образомъ членомъ ея онъ состоитъ 42 года, и уже минуло 50 лѣтъ со времени его перваго художественнаго дебюта.

Нельзя сказать, чтобы талантливость всегда сопровождалась плодовитостью, но В. Е. и талантливъ и плодовитъ. И мало сказать, плодовитъ,—разнообразенъ. Достаточно побывать въ Третьяковской галлереѣ, гдѣ его произведеніями наполнена большая комната, чтобы убѣдиться въ яркости таланта и многообразности этого высоко одареннаго художника. Многія картины его въ свое время шумѣли, какъ шумятъ выдающіяся литературныя произведенія. Стоитъ только вспомнить его „Крахъ банка“. Очаровательны и проникнуты юморомъ и добродушіемъ и какой-то нѣжной снисходительностью къ людямъ его, напримѣръ, „Друзья-пріятели“. Прелестна сцена 50-хъ или 60-хъ годовъ: пожилые товарищи собрались въ гостиной „за водочкой и селедочкой“ и поютъ подъ аккомпанементъ гитары хозяина. Тѣмъ же идиллическимъ юморомъ проникнуты „Любители соловьевъ“, или „За чашкой чая“, или „Въ четыре руки“. И такихъ картинъ—сотни.

Нѣсколько суровѣе юморъ на картинѣ „Мухобой“. Человѣкъ въ лѣтахъ, но здорово опустился; даже брюки на немъ лежатъ, какъ на покойникѣ. Жалкая обстановка. Сулея съ ливеромъ, и на шкапчикѣ бутылки съ настойками. Мухи обсѣли ягоды на тарелкѣ; и несчастный ловитъ мухъ, осторожно подкрадываясь и занося невѣрную руку, чтобы казнить лакомокъ. А можетъ-быть, ему представляются маленькіе чертенята, судя по своеобразному выраженію его мутныхъ глазъ?

Есть нота состраданія и уже не юмора, а сатирическаго негодованія въ картинѣ „Школьные товарищи“. Чиновникъ-старикъ, дослужившійся до Анны 2-й степени, можетъ-быть, уже вицедиректоръ, горделиво сидитъ или, вѣрнѣе, возсѣдаетъ за письменнымъ столомъ въ креслѣ и въ полъ-оборота, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и съ полупрезрительной гримасой, смотритъ на своего товарища по училищу, угодливо сгорбленнаго и просящаго о мѣстечкѣ и высокомъ покровительствѣ. Чиновный товарищъ угостилъ его папиросой, разрѣшилъ курить въ своемъ присутствіи. Но онъ ничего не можетъ сдѣлать. На его помощь и покровительство нечего разсчитывать. Тутъ очень сложная душевная игра. Все прошлое неудачника выражено въ его потертой временемъ и нуждой фигурѣ. Но и орденосцу не легко далась служебная карьера. Чиновничья лямка сказалась, и онъ тоже не пощаженъ временемъ. И жаль неудачника, но сановникъ не можетъ иначе поступить. И еще жаль погасшей молодости обоихъ стариковъ, въ сущности, безцѣльно уже бременящихъ землю.

В. Е. Маковскій создалъ и до сихъ поръ продолжаетъ создавать типы, выхваченные имъ цѣликомъ изъ жизни. Въ 80-хъ годахъ была выставлена его картина, находящаяся нынѣ въ Третьяковской галлереѣ—„Вечеринка“. За чайнымъ столомъ и вокругъ него сидятъ и стоятъ представители разныхъ поколѣній и обсуждаютъ „жгучій“ вопросъ. Молодая дѣвушка съ некрасивымъ, но одушевленнымъ лицомъ говоритъ рѣчь. Ее жадно слушаютъ, горятъ глаза. Кто рукоплещетъ, кто понурилъ голову въ раздумьѣ. Сѣдой старикъ, сочувствующій молодежи, вспоминаетъ былое. Картина — цѣлый романъ. Любопытна эта отзывчивость Владиміра Маковскаго и его чуткость.

И не только нашъ художникъ изображаетъ сцены изъ жизни мелкихъ чиновниковъ и вдовъ, полуинтеллигентовъ и интеллигентовъ, онъ авторъ и многихъ картинъ изъ простонароднаго быта. Онъ отдалъ дань и живописности малорусскихъ крестьянъ. Пишетъ стариковъ, старухъ и любитъ писать дѣтей.

И трогательны его „Деревенскіе поставщики“ — два мальчика: одинъ съ кошолкою яицъ, другой съ грибами: они встрѣтились, будущіе хозяева и хлѣборобы, а можетъ-быть, и сельскіе коммерсанты, и сообщаютъ другъ другу о своихъ оборотахъ.

На прошлогодней выставкѣ обращала на себя вниманіе большая картина В. Маковскаго, написанная въ свѣтлыхъ и, такъ сказать, любовныхъ тонахъ и изображавшая группу школьниковъ съ огромнымъ псомъ—другомъ и сторожемъ, бѣгущимъ впереди.

Перечислить всѣ картины Владиміра Маковскаго невозможно,—такъ много создано въ теченіе долгаго, славнаго пути художника и такъ трудно передать ихъ содержаніе.

Въ заключеніе нашей характеристики слѣдуетъ сказать, что В. Е. Маковскій уже много лѣтъ профессорствуетъ въ Академіи Художествъ и, какъ профессоръ, отличается несомнѣнными достоинствами. Ученики В. Е. Маковскаго, судя по конкурентскимъ выставкамъ, всегда находятъ въ немъ солиднаго, спокойнаго и авторитетнаго, знающаго руководителя и совѣтника; и свѣтъ его таланта озаряетъ ихъ первые опыты на открытой аренѣ служенія „свободнымъ художествамъ“.

Чеховъ и наша литература.

Очеркъ **Т. Ганжулевичъ.**

(Окончаніе).

Синтетическая манера Чехова послужила поворотнымъ пунктомъ къ новому раздробленію въ искусствѣ, но едва ли не она внесла въ жизнь и тотъ бурный общественный подъемъ, свидѣтелемъ котораго уже не довелось быть Чехову. Банкротство „маленькихъ дѣлъ“, на которое уже указывалъ Чеховъ, сказалось въ жизни 90-хъ годовъ и вызвало тотъ порывъ къ борьбѣ и подвигу, который и проявился въ слѣдующемъ затѣмъ десятилѣтіи (XX в.).

Отвращеніемъ ко всякой раздробленности объясняется и мнимый общественный индеферентизмъ Чехова: онъ никогда не смотрѣлъ на міръ изъ одного окошка и не признавалъ той разграниченности, которой такъ строго придерживались въ то время наши общественники. „Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индиферентистъ,—пишетъ Чеховъ Плещееву. — Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ — и только“. Какъ художникъ, Чеховъ былъ въ синтезѣ прогрессивныхъ общественныхъ теченій. Отсюда и та доля недоразумѣній, которая такъ тяжело отозвалась на писателѣ: литературная кружковщина долго замалчивала Чехова и заговорила о немъ лишь тогда, когда читатель и безъ критики узналъ его имя и полюбилъ его.

Свобода художественнаго творчества была для Чехова дороже всего, и самъ онъ ничѣмъ не поступался въ ней, храня во всемъ безпристрастіе и объективность, которыя и необходимы художнику для того, чтобы быть творцомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Онъ не признавалъ ни поклоненія мужику, давъ своихъ „Мужиковъ“ во всей правдѣ ихъ быта и дикости, ни интеллигентскаго служенія общему дѣлу съ скрытымъ самоудовлетвореніемъ и ограниченностью, ни увлеченія „непротивленіемъ злу“ („Хорошіе люди“), истолковываемаго въ наиболѣе выгодномъ смыслѣ для людей, любящихъ покой и тишину.

Всѣмъ этимъ „аптечкамъ, больничкамъ“ Чеховъ высказалъ свое безповоротное порицаніе, угадывая за ними духовную пустоту, не желающую и не умѣющую обнять общей идеи, способной преобразить жизнь. А она, по изображенію Чехова, нуждалась въ полномъ обновленіи, начиная съ отдѣльныхъ единицъ, съ семьи, и кончая обществомъ. „Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ: я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи. Поэтому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Форму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая-святыхъ, это —человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохно-

Десять лѣтъ, какъ умеръ Чеховъ...

Его нерукотворный памятникъ его сочиненія влекутъ къ себѣ читателей все болѣе, съ каждымъ годомъ расширяя ихъ кругъ.

Давъ уже дважды — въ 1903 и 1911 годахъ возможность нашимъ подписчикамъ пріобрѣсти при „Нивѣ“ сочиненія Чехова, мы **въ настоящемъ году,** въ ознаменованіе десятилѣтней годовщины его смерти, **рѣшили удовлетворить желаніе многихъ нашихъ нынѣшнихъ подписчиковъ,** не имѣющихъ въ своей библіотекѣ сочиненій Чехова, — **пріобрѣсти ихъ на льготныхъ условіяхъ** — за пониженную цѣну: въ теченіе всего 1914 года всѣмъ подписчикамъ сего года предоставляемъ право пріобрѣсти по 1 экземпляру первые **16 томовъ „Полнаго Собранія Сочиненій Чехова“** (данныхъ подписчикамъ „Нивы“ за 1903 г.) **за 4 рубля** безъ пересылки (пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ. — 50 коп.) и **12 книгъ** (дополнит. „къ Полному Собранію Сочиненій Чехова“, данныхъ подписчикамъ „Нивы“ за 1911 г.: томы 17—22) **за 2 рубля** безъ пересылки (пересылка — 50 коп.; при совмѣстной высылкѣ всѣхъ 22 томовъ — пересылка въ Европ. Россіи и Закавказ. 65 коп.).

Желающіе получить сочиненія въ 9 коленкоровыхъ переплетахъ доплачиваютъ 3 р. 60 к.

Для того, чтобы судить, насколько исключительны эти цѣны, укажемъ, что существующее отдѣльное изданіе **„Полное Собраніе Сочиненій Чехова“** стоитъ **24 рубля** безъ пересылки (16 томовъ по 1 р. 50 к. за томъ безъ перепл.).

Эта льгота предоставляется исключительно подписчикамъ „Нивы“ сего 1914 года, выписавшимъ сочиненія Чехова не позже 31 декабря с. г.

Въ виду необходимости опредѣлить заблаговременно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ слѣдуетъ печатать сочиненія Чехова, гг. подписчики, желающіе **обезпечить себѣ полученіе сочиненій,** благоволятъ заявить объ этомъ **немедленно.**

веніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, — заканчиваетъ свою исповѣдь Чеховъ: которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ“.

Такимъ и былъ Чеховъ, самъ того не сознавая, но и въ своемъ невѣдѣніи оставаясь вѣрнымъ намѣченной программѣ. Съ любовью останавливается онъ на полныхъ жизни и радости ея образахъ героевъ и героинь въ родѣ Мисюсь въ „Домѣ съ мезониномъ“; но чаще мелькаютъ образы усталыхъ, скучныхъ, опошлившихся людей, которыми и изобиловала жизнь. Съ тонкостью, свойственной лишь таланту Чехова, подмѣчаются тѣ жизненные штрихи, которые, не играя роли сами по себѣ, являются центральными въ выявленіи того или другого впечатлѣнія.

Характерна въ этомъ отношеніи маленькая замѣтка, занесенная Чеховымъ въ записную книжку: „когда этотъ либералъ, пообѣдавъ безъ сюртука, шелъ къ себѣ въ спальню и я увидѣлъ на его спинѣ помочи, то такъ было понятно, что этотъ либералъ-обыватель — безнадежный мѣщанинъ“. Къ такимъ пріемамъ прибѣгаетъ Чеховъ во всѣхъ своихъ разсказахъ: одинъ штрихъ, одна черта, какими-то иногда, какъ въ данномъ случаѣ, невидимыми нитями связанная съ цѣлымъ, — и душа героя передъ нами. Такія черты постигаются только интуиціей, угадать ихъ можетъ только художникъ съ стройнымъ міропониманіемъ, съ широкимъ взглядомъ на жизнь.

Пошлость семейной жизни выступаетъ у Чехова не въ длительныхъ описаніяхъ какихъ-либо семейныхъ сценъ, а въ характерныхъ набросахъ, схватывающихъ одну черту, на которой лишь сильнѣе отразился отпечатокъ пошлости, изъ-за которой само собою вырисовывается уже вся жизнь, съ ея характеромъ и складомъ. Таковы „Послѣдняя могиканша“, „Слѣдователь“, „Анна на шеѣ“: все это — живыя картины, охватывающія одинъ характерный моментъ, изъ-за котораго съ яркостью выступаетъ любимая чеховская идея: спасайтесь отъ пошлости. Она принимаетъ всевозможные оттѣнки: вотъ она въ маленькомъ разсказѣ „Клевета“, гдѣ мы погружаемся въ атмосферу сплетенъ и дрязгъ захолустнаго мірка, гдѣ настолько привыкли къ пошлости, что сами накликаютъ ее на свою голову: а вотъ пошлость, создавшая трагедію въ разсказѣ „Слѣдователь“, гдѣ человѣкъ въ теченіе, быть-можетъ, ряда лѣтъ не подозрѣваетъ, что убилъ своею пошлостью — мелкой ненужной измѣной — живую душу своей жены, которая отравилась послѣ родовъ такъ, что никто ничего не подозрѣвалъ. Входитъ пошлость въ видѣ семейной трагедіи въ драмѣ „Ивановъ“, и въ чистомъ драматическомъ видѣ появляется она въ „Трехъ сестрахъ“ и „Дядѣ Ванѣ“. Особенно пропитана пошлостью атмосфера, окружающая трехъ сестеръ, захлебывающихся въ болотѣ, въ которомъ захлебнулся уже ихъ братъ, ихъ единственная надежда — Андрей: онъ опускается окончательно подъ вліяніемъ вздорной и мелочной женщины, которую выбралъ себѣ въ жены. Она вошла въ жизнь трехъ сестеръ и все опошлила въ ней.

Та же семейная пошлость раскрывается передъ нами въ „Попрыгуньѣ“, въ „Княгинѣ“. Тѣ же мелкіе штрихи и общая идея въ обрисовкѣ общественныхъ отношеній. Вотъ „Торжество побѣдителя“ съ хамствомъ силы сильнаго, вотъ жизнь, укладывающаяся въ собственный огородъ въ „Крыжовникѣ“, подлость пошлости, подхалимство въ „Хамелеонѣ“, незамѣчаемая пошлость обывательщины въ „Іонычѣ“, пошлость въ мірѣ искусства („Произведеніе искусства“) и пошлость бездарнаго литературничанья въ „Драмѣ“.

Рядомъ съ пошлостью — безсиліе, безволіе, исканіе новыхъ путей, тоска при полномъ ихъ незнаніи. Руководителей, вожаковъ, за которыми можно бы пойти, не было въ чеховское время. Толпа начала прокладывать дорогу сама, все еще оглядываясь, умоляя о помощи. Характерна въ этомъ отношеніи „Скучная исторія“. Чеховскій профессоръ въ „Скучной исторіи“ — типичный представитель полосы безвременья, когда общая растерянность охватила всѣхъ, растерянность передъ надвигающейся необходимостью жизненнаго подвига. Профессоръ изъ „Скучной исторіи“ не можетъ указать Катѣ настоящее дѣло, несмотря на все свое желаніе поруководить ею, несмотря на свою отвѣтственность, какъ опекуна ея, — потому что у него самого пусто въ душѣ.

Русская дѣйствительность съ ея пошлостью и гнетомъ духовнымъ выѣла душу у людей, и ничего не осталось для жизни. Такова общая картина въ литературѣ того времени. Требовалось не возрожденіе, не подъемъ, а прямо духовное перерожденіе. Оно могло прійти лишь послѣ разрушенія всѣхъ прежнихъ иллюзій. Это разрушеніе уже надвигалось, и Чеховъ предвидѣлъ его. Грусть, уныніе, общее безсиліе, безполезная гибель цѣннаго и прекраснаго, — та гибель, которая является грѣхомъ всего общественнаго строя въ данный моментъ, отражается въ каждомъ произведеніи Чехова. Гибнетъ Іонычъ, залѣзающій въ провинціальную обывательщину и въ ней ожирѣвшій и отупѣвшій, гибнетъ докторъ „Палаты № 6“, уходя отъ жизни и лишь мечтая о разговорѣ съ настоящимъ, понимающимъ интеллигентомъ, котораго напослѣдокъ онъ думаетъ найти въ сумасшедшемъ больномъ, — и признается самъ ненормальнымъ. Гибнетъ красота въ разсказѣ „Красавица“, гибнутъ „три сестры“, такъ и не увидѣвшія Москвы и не попытавшіяся развернуть свои силы: гибнетъ „вишневый садъ“ съ его поэзіей, подрубаемый топорами практика и дѣльца, губящаго въ то же время свою личную жизнь. И въ этихъ разсказахъ о человѣческой гибели Чеховъ безъ эффекта потрясаетъ сердца читателей своей простотой и безыскусственностью, подходя вплотную къ жизненнымъ переживаніямъ. Создается та иллюзія, которая составляетъ основу художественнаго творчества.

Простота реализма у Чехова достигла своего апогея. Полная безотрадности картина русской жизни подъ перомъ Чехова получила мало замѣчаемый въ свое время грозный смыслъ и значеніе. Въ атмосферѣ общей пошлости и безсилія создается „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“, задолго предшествующій ропшинскому роману „То, чего не было“. Герой переживаетъ то же разочарованіе послѣ пыла борьбы и готовности къ ней: пока сановникъ Орловъ, къ сыну котораго нанялся „неизвѣстный человѣкъ“, представлялъ для него лишь врага, онъ принималъ рискованныя мѣры, чтобы уничтожить его; но какъ только онъ увидѣлъ духовную пустоту окружающихъ и близкихъ ему людей, какъ только лицомъ къ лицу встрѣтился съ своимъ врагомъ, старикомъ Орловымъ — и увидѣлъ его въ старческомъ безсиліи, — исчезла необходимость мести: мстятъ лишь сильнымъ, а пошлость вызываетъ лишь отвращеніе, какъ вызвала она его у „неизвѣстнаго человѣка“ при близкомъ наблюденіи жизни молодого Орлова. Въ то же время пошлость — показатель естественнаго разложенія въ духовной организаціи общества или личности, и способы открытой, благородной борьбы къ ней не подходятъ. Это пришлось уже признать послѣ Чехова русскимъ общественнымъ дѣятелямъ, отдавшимся-было на время миражу открытой борьбы и благородныхъ героическихъ подвиговъ. „Неизвѣстный человѣкъ“ у Чехова приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, что и ропшинскій герой: онъ отказывается отъ борьбы, правда, сломленный ею. Жажда жизни, безумная и страстная, просыпается у того, кто умѣлъ въ свое время жертвовать ею. Это прекрасно подмѣтилъ Чеховъ въ своемъ „Неизвѣстномъ человѣкѣ“, и это проявилось на дѣлѣ послѣ нашего бурнаго періода. „Жить и только жить!“ — Такова была реакція на лозунгъ: „Умереть, но добиться лучшаго!“ Эта жажда жизни — не пошлость, а пробужденіе того здороваго инстинкта самосохраненія, который, можетъ-быть, и выведетъ изъ плѣна пошлости.

Основные тоны чеховскаго творчества есть въ то же время и основные тоны жизни той эпохи. Она отразилась въ чеховскомъ творчествѣ во всей полнотѣ, и только чеховскими пріемами можно было уловить то измельчаніе духовное, которое и привело затѣмъ къ кризису. Со страницъ Чехова глядитъ на насъ исторія 80-хъ годовъ съ ихъ раскаявшимися, остепенившимися и ослабѣвшими Лаевскими („Дуэль“), старыми студентами („Вишневый садъ“), съ разслабленными „Ивановыми“ и тоскующими интеллигентами. Все это было, и было не такъ давно, и многое изъ того, что отразилъ Чеховъ, будетъ жить вѣчно, будетъ выявляться при каждой смѣнѣ жизненныхъ теченій. Въ этихъ вѣчныхъ элементахъ чеховскаго творчества, быть-можетъ, и заключается самое большое въ талантѣ Чехова, но отъ 80-хъ годовъ его нельзя отнять: онъ слился съ ними въ протестѣ противъ нихъ, а связь по ненависти, — по собственному чеховскому признанію въ одномъ изъ его разсказовъ, — еще крѣпче, чѣмъ по любви. И въ своемъ протестѣ противъ „маленькихъ дѣлъ“ современности, въ своемъ исканіи общей идеи Чеховъ создалъ цѣлую школу исканій и неудовлетворенности, школу реалистовъ-импрессіонистовъ, отражающихъ дѣйствительность, но и творящихъ изъ нея. Чеховская школа въ литературѣ еще далеко не завершилась: настоящая исторія ея и опредѣленіе еще впереди.



Французскій министръ-президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Ренэ Вивіани, сопровождающій президента Пуанкарэ въ Россію.



Французскій дредноутъ „Jean Bart“.

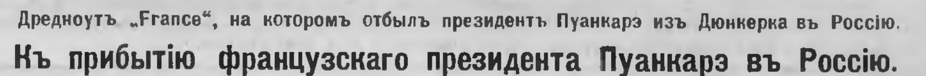
На закатѣ германскаго міровладычества.

(Политическое обозрѣніе).

Свиданіе въ Констанцѣ недаромъ продолжаетъ волновать политическіе круги Европы. Горячіе споры о томъ, былъ ли или не былъ заключенъ формальный союзъ между Россіей и Румыніей, должны теперь сами собою прекратиться послѣ обращеннаго къ Турціи тожественнаго требованія обоихъ правительствъ о нейтрализаціи Дарданеллъ въ случаѣ возникновенія греко-турецкой войны. Тожественность нотъ говоритъ о совмѣстности дѣйствій по огражденію общихъ интересовъ, о сліяніи русской и румынской политики и согласованности ея цѣлей. Послѣ этого многознаменательнаго акта уже ни въ комъ не остается сомнѣнія въ установленіи новаго курса румынской политики, онъ окончательно закрѣпляетъ переходъ Румыніи отъ тройственнаго союза къ тройственному согласію и полное крушеніе той комбинаціи, которая была создана усиліями князя Бисмарка послѣ Берлинскаго конгресса. Покойный канцлеръ былъ несомнѣнно геніальнѣйшимъ дипломатомъ прошлаго вѣка и сотворилъ нѣчто невозможное, превративъ маленькое прусское королевство въ великую имперію, почти первенствующую въ Европѣ. Личный геній великаго политика восторжествовалъ надъ естественными стихіями европейской международной жизни, но для того, чтобы созданіе его продолжало существовать, необходима безпрерывно длящаяся работа не менѣе геніальныхъ преемниковъ, а такъ какъ геніи вообще въ природѣ довольно рѣдки и рождаются не по заказу и не по назначенію, то при наслѣдникахъ желѣзнаго канцлера подавленныя его геніальностью стихіи начинаютъ обнаруживать свою скрытую силу, и великія дѣянія его постепенно приходятъ къ умаленію. Ничего удивительнаго и страннаго въ этомъ нѣтъ. Естественный порядокъ вещей, временно нарушенный давленіемъ такого мірового феномена, какъ Бисмаркъ, постепенно возстановляется, подобно тому, какъ рѣки послѣ бурнаго вешняго разлива неизбѣжно вновь возвращаются въ свои узенькія русла. Дѣло въ томъ, что даже въ періодъ тріумфовъ Бисмарка германская гегемонія въ Европѣ держалась вовсе не германскими силами, а силами искусно ослѣпленныхъ германскимъ чародѣемъ правительствъ и народовъ. Въ наиболѣе тяжелые моменты своей исторіи Пруссія получала дѣятельную поддержку со стороны Россіи. Она росла и крѣпла, какъ маленькій паразитъ на тѣлѣ большого и



Адмиралъ Ле-Бри, командующій французской эскадрой, сопровождающей президента.



Дредноутъ „France“, на которомъ отбылъ президентъ Пуанкарэ изъ Дюнкерка въ Россію.

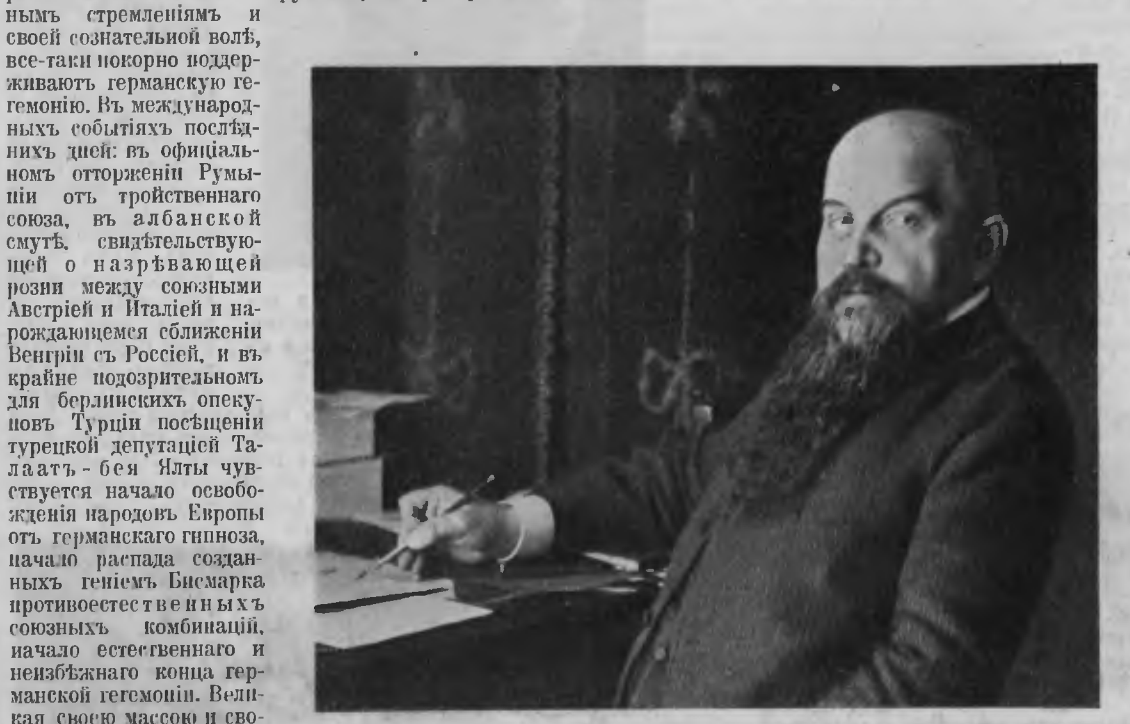
Къ прибытію французскаго президента Пуанкарэ въ Россію.

добродушнаго сосѣда, держалась на высотѣ положенія только безграничной терпимостью и слѣпотой восточнаго покровителя. Такая полоса удачи длилась вплоть до начала царствованія императора Александра III. Онъ положилъ конецъ „союзу трехъ императоровъ“, укрѣплявшему гегемонію Германіи на острiѣ русскихъ штыковъ, и вошелъ въ союзъ съ Франціей. Тогда Бисмаркъ скомбинировалъ новый тройственный союзъ, включивъ въ него взаимно враждующіе элементы—Италію и Австрію. Геній и здѣсь торжествовалъ надъ національными стихіями, дипломатическое искусство побѣдило естественныя симпатіи скованныхъ цѣпью союза народовъ. И славяне, составляющіе почти ²/₃ населенія Австріи, и всѣ итальянцы поголовно, какъ романскій народъ, враждебны германскому господству въ Европѣ, но по гипнозу ослѣпленныхъ берлинскимъ магомъ правителей, разоряясь на непосильныя вооруженія, наперекоръ своимъ естественнымъ стремленіямъ и своей сознательной волѣ, все-таки покорно поддерживаютъ германскую гегемонію. Въ международныхъ событіяхъ послѣднихъ дней: въ офиціальномъ отторженіи Румыніи отъ тройственнаго союза, въ албанской смутѣ, свидѣтельствующей о назрѣвающей розни между союзными Австріей и Италіей и нарождающемся сближеніи Венгріи съ Россіей, и въ крайне подозрительномъ для берлинскихъ опекуновъ Турціи посѣщеніи турецкой депутаціей Талаатъ-бея Ялты чувствуется начало освобожденія народовъ Европы отъ германскаго гипноза, начало распада созданныхъ геніемъ Бисмарка противоестественныхъ союзныхъ комбинацій, начало естественнаго и неизбѣжнаго конца германской гегемоніи. Великая своею массою и своимъ удѣльнымъ политическимъ вѣсомъ, Россія, даже пассивная, даже лишенная подъема, дѣйствуетъ на сосѣдніе маленькіе народы такъ же, какъ большой магнитъ на желѣзныя опилки: она располагаетъ ихъ въ совсѣмъ иныхъ комбинаціяхъ, чѣмъ хотѣлось бы магамъ и чародѣямъ Берлина, и тѣмъ самымъ разстраиваетъ всю работу послѣднихъ. Сравните работу нашей и германской дипломатій и сопоставьте декларацiи обоихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. Германская дипломатія въ высшей степени активна, напряженно дѣятельна и нервна, русская—пассивна, безъ конца оптимистична и въ національномъ смыслѣ почти безлична. И что же? Вялое, казенно-оптимистическое миролюбіе русской деклараціи несравненно болѣе импонируетъ сердцамъ правителей и народовъ, колеблющихся на рубежѣ двухъ политическихъ водораздѣловъ, чѣмъ полная страсти и гнѣва, активности и энергіи талантливая германская декларація. Въ концѣ концовъ природа возьметъ свое. Венгровъ ли не натравливали противъ Россіи, ежедневно напоминая нашъ грѣхъ 48 года, турокъ ли не благодѣтельствовали, снабжая ихъ пришедшими въ негодность броненосцами, неразрывающимися снарядами и застывшими въ старой рутинѣ генералами, итальянцевъ ли не ослѣпляли перспективами африканскихъ завоеваній? Все оказывается ни къ чему: неблагодарные народы не хотятъ больше служить величію добраго Михеля, а желаютъ заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ, найти твердую опору для своего свободнаго развитія гдѣ-то далеко-далеко отъ Потсдама. Германское плѣненіе Европы окончилось, и центръ тяжести международной жизни сразу передвинулся на сѣверъ.

СМѢСЬ.

Ямбургское коммерческое училище. — Въ 4-хъ часахъ ѣзды отъ Петербурга по Балтійской жел. дорогѣ лежитъ небольшой городокъ Спб. губ. Ямбургъ на берегу живописной рѣки Луги. Тихо течетъ жизнь городка, больше похожаго на село, чѣмъ на городъ. Жизнь такихъ маленькихъ пунктовъ бѣдна событіями, тѣмъ болѣе общественнаго характера, поэтому для Ямбурга состоявшійся въ нынѣшнемъ году первый выпускъ мѣстнаго общественнаго коммерческаго училища имѣетъ большое значеніе. Это, казалось бы, маленькое событіе пріобрѣтаетъ характеръ общій, если посмотрѣть на него шире, какъ на то движеніе жизни, которое начинаетъ пробуждаться понемногу и внѣ крупныхъ центровъ. Въ исторіи Ямбургскаго коммерческаго смѣшаннаго 8-классного училища мы имѣемъ дѣло съ настойчивостью частной иниціативы, съ общественнымъ дѣломъ, созданнымъ энергіей частныхъ лицъ, съ умѣніемъ внести живое біеніе жизни въ мертвую ткань обывательщины.

Идея объ организаціи средняго учебнаго заведенія въ Ямбургѣ зародилась уже давно, но осуществлена была лишь въ 1907 г., когда дружными усиліями мѣстной интеллигенціи въ главѣ съ докторомъ И. Н. Прохоровымъ было основано общество «Просвѣщеніе», которое и открыло коммерческое училище. Открытое вначалѣ въ наемномъ помѣщеніи, училище теперь помѣщается въ собственномъ каменномъ зданіи, построенномъ на развалинахъ древней крѣпости Ямгородъ. На Гигіенической выставкѣ въ Петербургѣ училище получило малую золотую медаль за программу по гигіенѣ и правильный медицинскій надзоръ. Это тѣмъ болѣе важно, что значительная часть учащихся въ Ямбургскомъ коммерческомъ училищѣ—дѣти крестьянъ прилегающихъ деревень. Понятія о гигіенѣ, медицинская помощь—все это еще чуждо нашей деревнѣ; учащаяся молодежь внесетъ изъ школы въ жизнь оздоровляющіе принципы. Первый выпускъ, несмотря на трудность веденія новаго развивающагося дѣла, оказался блестящимъ. Совмѣстное ученіе, оказалось, прекрасно повліяло на учащихся: смягчило грубость съ одной стороны, выработало серьезное отношеніе къ дѣлу съ другой. Характерно, что въ числѣ лучшихъ учениковъ одинаковое количество и ученицъ. Быть-можетъ, такіе опыты и такія общественныя начинанія проложатъ путь и другимъ. Къ особенностямъ и достоинствамъ Ямбургскаго училища надо отнести, что оно является попыткой насадить школу въ городѣ-деревнѣ, гдѣ условія жизни значительно легче для учащагося, чѣмъ въ крупномъ центрѣ: чистый воздухъ, просторное помѣщеніе, дешевизна жизни.



Русскій посланникъ въ Сербіи гофмейстеръ Николай Генриховичъ Гартвигъ, скончавшійся отъ паралича сердца въ Бѣлградѣ 27 іюня с. г. Смерть этого выдающагося дипломата, являющаяся большой потерей для Россіи, глубоко опечалила Сербію, оказавшую его праху исключительныя почести и постановившую принять похороны на государственный счетъ, какъ политическаго дѣятеля, много содѣйствовавшаго возвеличенію Сербіи и заключенію балканскаго союза. Н. Г. Гартвигъ скончался еще въ цвѣтѣ силъ, около 60 лѣтъ, въ разгаръ своей политической карьеры. Смерть постигла его внезапно въ кабинетѣ австрійскаго посланника, съ которымъ онъ велъ бесѣду.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями: Безъ дост. въ СПБ. 6 р. 50 к., съ дост. 7 р. 50 к.; съ пересылкой по всей Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 4.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.



XLV г. № 29 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенія, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 19 іюля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана“ кн. 3.



Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. И. Е. Рѣпинъ въ своей мастерской въ „Пенатахъ“ (Куоккала). Фотографія «Нивы».

Какъ я сдѣлался художникомъ.—Бѣдность.

Впечатлѣнія дѣтства.

И. Е. Рѣпина.

I. Какъ я сдѣлался художникомъ.

Марія Борисовна Чуковская, прочитавъ часть моихъ автобіографическихъ воспоминаній, сдѣлала очень серьезное замѣчаніе, что у меня мало обращено вниманія на самое главное: какъ я сдѣлался художникомъ?

Со всею искренностью добросовѣстнаго труженика я приношу ей мою благодарность за это замѣчаніе и постараюсь перейти на все касающееся этой любимой стороны моей жизни. Обыкновенно мы не видимъ и не можемъ знать всѣхъ вліяній на развитіе какой-нибудь стороны нашихъ способностей; но когда начинаешь поглубже проникать въ эти давно забытыя мелочи, видишь ихъ важность: это—сѣмена, начала всѣхъ началъ.

„Нива“ и художники не разъ выражали желаніе ознакомиться съ личной исторіей моего художественнаго развитія, но мнѣ казалось, что задача эта относится къ психологическимъ разсужденіямъ о творчествѣ, и я больше заботился о полнотѣ своей біографіи.

Признаюсь, не безъ удовольствія я обрываю дорогу въ подробности и послѣдовательности воспоминаній—ихъ слишкомъ много, особенно бытовыхъ. Держаться же одной улицы искусства будетъ и короче и интереснѣе.

Перехожу къ первой сценѣ своей художественной работы надъ конемъ изъ тряпокъ и палокъ. Батеньку (отца), какъ билетнаго солдата, „угнали“ далеко, у насъ было и бѣдно и скучно, и мнѣ часто хотѣлось ѣсть. Очень вкусенъ былъ черный хлѣбъ съ крупной сѣрой солью, но и его давали понемногу.

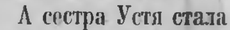
Мы все бѣднѣли.

О батенькѣ ни слуху ни духу. Батеньку солдатомъ мы только одинъ разъ видѣли, въ сѣрой солдатской шинели; онъ былъ жалкій, отчужденный отъ всѣхъ. Маменька теперь все плачетъ и работаетъ разное шитье. Устя, Иванечка и я никакъ не можемъ согрѣться, насъ трясетъ лихорадка. Хотя у насъ на всѣхъ окнахъ и дверяхъ прилѣплены сверху записочки, что насъ „дома нѣтъ“, но лихорадка не вѣритъ и непремѣнно кого-нибудь изъ насъ трясетъ, а иногда и всѣхъ троихъ вмѣстѣ. Недавно заѣзжала тетка Палага Витчинчиха, и маменька съ нею такъ наплакалась: батеньку съ другими солдатами угнали далеко, въ Кіевъ; и онъ тамъ служитъ уже въ нестроевыхъ ротахъ; тамъ же и деверь тетки Палаги; она все знала о солдатахъ.

Съ утра мнѣ бываетъ лучше, и я тогда принимаюсь за своего коня. Я давно уже связываю его изъ палокъ, тряпокъ и дощечекъ, и онъ уже стоитъ на трехъ ногахъ. Какъ прикручу четвертую ногу, такъ и примусь за голову; шею я уже вывелъ и загнулъ: конь будетъ „загинастый“. Маменька шьетъ шубы осиновскимъ бабамъ, на заячьихъ мѣхахъ; и у насъ пахнетъ мѣхомъ; а ночью мы укрываемся большими заячьими, сшитыми вмѣстѣ (ихъ такъ и покупаютъ) мѣхами. Я подбираю на полу обрѣзки мѣха для моего коня, изъ нихъ дѣлаю уши, гриву, а на хвостъ мнѣ обѣщали принести — какъ только будутъ подстригать лошадей у дяди Ильи—настоящихъ волосъ лошадинаго хвоста.

Мой конь большой: я могу сѣсть на него верхомъ; конечно, надо осторожно, чтобы ноги не разъѣхались,—еще не крѣпко прикручены. Я такъ люблю лошадей и все гляжу на нихъ, когда вижу ихъ на улицѣ. Изъ чего бы это сдѣлать такую лошадку, чтобы лошадка была похожа на живую? Кто-то сказалъ—изъ воску. Я выпросилъ у маменьки кусочекъ воску (на него наматывались нитки). Какъ хорошо выходитъ головка лошади изъ воска! И уши, и ноздри, и глаза—все можно сдѣлать тонкой палочкой, надо только прятать лошадку, чтобы кто не сломалъ: воскъ нѣжный.

Къ маменькѣ помощницами поступили двѣ дѣвки-сосѣдки: Пашка Полякова и Ольга Костромитинова. Онѣ такъ удивлялись моей лошадиной головкѣ и не вѣрили, что это я самъ слѣпилъ. Ольгу я не люблю: она высокая-высокая, и все смѣется каждому слову. Сейчасъ, какъ придетъ, подыметъ меня къ самому потолку. Страшно дѣлается, а потомъ лѣзетъ цѣловаться:—Женихъ мой, женихъ!..—Ну, какой я ей женихъ! Я такъ се начинаю бить и царапать даже... А она все хохочетъ, съ каждымъ словомъ ее все больше смѣхъ разбираетъ. А Паша умная и всегда серьезно смотритъ, что я дѣлаю. Но вотъ бѣда: ноги лошадокъ никакъ не могутъ долго продержаться, чтобы стоять, согнутся и сломаются. Паша принесла мнѣ кусокъ дроту (проволоки) и посовѣтовала на проволокахъ укрѣпить ножки. Отлично! Потомъ я сталъ выпрашивать себѣ огарки восковыхъ свѣчей отъ образовъ, и у меня уже сдѣланы двѣ цѣлыхъ лошадки.



Родина И. Е. Рѣпина. Чугуевъ. Рѣка Донецъ. Дорога въ Кочетокъ.

А сестра Устя стала вырѣзывать лошадей, и мы налѣпливали ихъ на стекла оконъ.

По праздникамъ мальчишки и проходящіе мимо даже большіе люди останавливались у нашихъ оконъ и подолгу разсматривали. Я наловчился вырѣзывать уже быстро—начавъ съ копыта задней ноги, я вырѣзывалъ всю лошадь; оставлялъ я бумагу только для гривы и хвоста и послѣ мелко разрѣзывалъ и подкруглялъ ножницами пышные хвосты и гривы у моихъ загинастыхъ лошадей. Устѣ больше удавались люди: мальчишки, дѣвчонки и бабы въ шубахъ. Къ нашимъ окнамъ такъ и шли. Кто ни проходилъ мимо, даже черезъ дорогу переходили къ намъ, посмотрѣть, надъ чѣмъ это сосѣди такъ смѣются и на окна указываютъ пальцами. А мы-то хохочемъ, стараемся и все прибавляемъ новыхъ вырѣзокъ.

И вотъ нехитрое начало моей художественной дѣятельности. Она была не только народна, но даже дѣтски простонародна. И Осиновка твердо утаптывала почву передъ нашими окнами сѣмечками отъ подсолнуховъ.

Я вырѣзывалъ только лошадей и не завидовалъ Устѣ, когда она очень хорошо стала вырѣзывать и коровъ, и свиней, и куръ,



Домъ родителей И. Е. Рѣпина въ Чугуевѣ.

и утокъ, и даже индюковъ, чѣмъ особенно восхищалась наша публика, увидѣвъ подъ носомъ индюка его атрибуты.

На рождественскіе праздники къ намъ отпустили нашего двоюроднаго брата, сироту Троньку (Трофимъ). Онъ былъ мальчикомъ въ мастерской у Касьянова, моего крестнаго, портного для военныхъ. Троша принесъ съ собою рисунки Полкана, и я очень удивился, какъ онъ хорошо рисуетъ. Подъ каждымъ рисункомъ онъ старательно подписывалъ названіе: „Полканъ“ и свою фамилію: Трофимъ Чаплыгинъ. У него была огромная голова, коротко остриженная. Онъ зналъ много сказокъ, такихъ занятныхъ, что мы не могли оторваться—все слушали. „Струбметаллъ—Запечная Искра“, „Зеленый“, особенно про Царя Самосуда, какъ заспорили охотникъ и билетный солдатъ. Одинъ говорилъ: „пѣсня—правда, а сказка—брехня“; а другой: „сказка—правда, а пѣсня—брехня“. Долго препирались охотникъ съ солдатомъ, пока не дошли до дворца Царя Самосуда. И наконецъ Царь Самосудъ, усадивъ ихъ по правую и лѣвую руку, долгой исторіей объяснилъ имъ, кто правъ.

На другой день Трофимъ изъ плоской коробочки, завернутой въ нѣсколько бумажекъ, досталъ краски и кисточки. Въ городѣ, въ ихъ мастерскую приходитъ много разныхъ людей; аптекарь принесъ Трофиму краски и кисточки. Въ аптекѣ краски сами дѣлаютъ. Трофимъ зналъ названія всѣмъ этимъ краскамъ: желтая—думигутъ; синяя—лазурь; красная—баканъ и черная—тушь.

Трофимъ и при насъ вдругъ нарисовалъ еще Полкана; чиркъ, чиркъ—все точками и черточками; потомъ аккуратно складывалъ вчетверо свои рисунки Полкановъ и пряталъ ихъ въ свою шапку на дно. Рисунки его были очень похожи одинъ на другой, и намъ показалось, что и Тровька нашъ двоюродный—самъ Полканъ; особенно его большой лобъ и черные глазки, поставленные глубоко подъ лбомъ, и короткіе волосы, щеткой покрывавшіе его круглую голову, были совсѣмъ похожи на рисованныхъ имъ Полкановъ: каждый Полканъ держалъ булаву. Красокъ я еще никогда не видѣлъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ, какъ Трофимъ будетъ рисовать красками. Онъ взялъ чистую тарелку, вывернулъ кисточки изъ бумажки, поставилъ стаканъ съ водою на столъ, и мы взяли Устину азбуку, чтобы по ея некрашенымъ картинкамъ онъ могъ раскрашивать красками. Первая картинка—арбузъ—вдругъ на нашихъ глазахъ превратилась въ живую; то, что было обозначено на ней едва черной чертой, Трофимъ крылъ зелеными полосками, и арбузъ зарябилъ намъ въ глаза живымъ цвѣтомъ; мы рты разинули. Но вотъ было чудо, когда срѣзанную половину второго арбузика Трофимъ раскрасилъ красной краской—такъ живо и сочно, что намъ захотѣлось даже ѣсть арбузъ; и когда красная высохла, онъ тонкой кисточкой сдѣлалъ по красной мякоти коегдѣ черныя сѣмечки,—чудо! чудо!

Быстро пролетѣли эти дни праздниковъ съ Тронькой. Мы никуда не выходили и ничего не видѣли, кромѣ нашихъ раскрашенныхъ картинокъ, и я даже сталъ плакать, когда объявили, что Тронькѣ пора домой.

Чтобы меня утѣшить, Трофимъ оставилъ мнѣ свои краски, и съ этихъ поръ я такъ впился въ краски, прильнувъ къ столу, что меня едва отрывали для обѣда и срамили, что я совсѣмъ сдѣлался мокрый, какъ мышь, отъ усердія и одурѣлъ со своими красочками за эти дни. Я раздосадовался и расплакался до того, что у меня пошла изъ носу кровь и долго шла; не могли остановить, и я совсѣмъ поблѣднѣлъ. Помню, какъ кровь моя студнемъ застыла на глубокой тарелкѣ, и мнѣ мочили уже затылокъ холодной водой и клали на шею подъ затылкомъ большой желѣзный ключъ отъ погреба; надо было еще подымать высоко правую руку—кровь текла изъ лѣвой ноздри. Оправился кое-какъ только дня черезъ три. Кровь перестала—я сейчасъ же за красочки. Но недолго я наслаждался: вдругъ, къ моему ужасу, большая красная капля крови капнула на мой рисунокъ, другая, третья, и опять полила, полила... Ахъ, какая досада! Опять надо было сидѣть смирно, поднявши голову и правую руку вверхъ и держать... Тоска сидѣть въ такомъ положеніи, и я чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ. Сначала раздражался капризно, а потомъ уже спокойно лежалъ на лежанкѣ и почувствовалъ черезъ нѣсколько дней, что не могу держать голову: она клонилась на грудь или какое-нибудь плечо; также и спина моя не держалась: сидѣть я не могъ; уже кротко лежалъ и равнодушно слушалъ, какъ бабы-сосѣдки, приходившія мѣрить свои шубы, безнадежно махали на меня рукой и откровенно совѣтовали заказывать мнѣ гробикъ и шить смертённую рубашку и саванъ.

— Не жилецъ онъ у васъ, Степановна: посмотрите, какія у него ушки блѣдныя, и носикъ совсѣмъ завострился. Помретъ, накажи меня Богъ, помретъ. Это—вѣрная примѣта, когда носикъ завострился, это уже не къ житью. Вотъ у Субочевыхъ также



Дворъ при домѣ Рѣпиныхъ въ Чугуевѣ.



Мать И. Е. Рѣпина, Татьяна Степановна Рѣпина. Портретъ масляными красками работы И. Е. Рѣпина.

мальчикъ хворалъ; тотъ съ перепугу. И переполохъ ему выливали, и заговаривали—и что же—что ни дѣлали, умеръ.

Я посмотрѣлъ на свои руки и удивился, какія онѣ бѣлыя, блѣдныя, съ синими жилками, и всѣ косточки и суставчики отчетливо видны были на тонкихъ пальцахъ, и ногти отросли длинные, бѣлые. И лежу я почти неподвижно и отлично слышу со своей лежанки всякое слово, даже шопотъ и всякій звукъ приходившихъ и уходившихъ людей, т.-е. бабъ; даже въ кухнѣ все слышно, даже когда шепчутъ.

Прибѣжала Химушка Крыцина. Обращается къ Доняшкѣ, нашей работницѣ, молодой еще дѣвочкѣ, изъ семьи сосѣдей Сапелкиныхъ.

— А что еще „не умёръ" вашъ Илюнька? Живъ еще? А сказали еще вчера, что кончается—носикъ завострился... Алдакимъ Шаверневъ называется сдѣлать ему гробикъ, пока мы бы его и обшили позументиками. А можно взглянуть на Илюньку?—спрашиваетъ она и отворяетъ дверь ко мнѣ. Мнѣ сдѣлалось такъ смѣшно, что я подумалъ даже показать ей языкъ, но воздержался.

— Кхи-хи-и, да онъ еще смѣется, смотрите. А вѣдь краше въ гробикъ кладутъ, и носикъ востренькій, а и бѣленькій, тоже какъ булка! Ну что еще смѣешься? Вотъ умрешь, такъ не будешь смѣяться!.. Снесемъ мы тебя далеко и закопаемъ... А можно съ него мѣрку снять? Ну, протяни ножки, мы тебѣ хорошенькій гробикъ сдѣлаемъ, красиво обошьемъ, тебѣ хорошо будетъ лежать... А тебѣ чего бояться умирать? До семи лѣтъ младенецъ: отрастутъ крылышки, и полетишь прямо въ рай—грѣховъ у тебя нѣтъ, не то, что мы, грѣшные, тутъ бьемся, колотимся. Но тебѣ мы и голосить не будемъ... И за насъ и за своихъ родителей тамъ будешь Богу молиться.

— А красочки и кисточки тамъ будутъ?—спрашиваю я: мнѣ жаль стало красокъ.

— А какъ же!.. Весь рай въ цвѣтахъ: тамъ и горицвѣтъ, и синее небо, и базъ, и черемуха, все въ цвѣту: а сколько той розы и ягоды! Вишни кисточками навязаны. А кругомъ—калина, калина.

— Ты не про то!—перебиваю я.—Красочки, что по бумагѣ рисуютъ, и бумага тамъ есть?

— Бумага? Вишь ты, бумаги захотѣлъ... У Бога всего много. Попросишь Бога—и бумаги дастъ тебѣ.

Въ это время въ дверь вошла маменька. Химушка вдругъ съ испугомъ отскочила отъ меня и, какъ виноватая, стала прятать мѣрку за спину.

Маменька сердито оглядѣла ее:

— Тебѣ тутъ чего надо? Что ты здѣсь дѣлала?

Химушка онѣмѣла и не отвѣчала.

— Маменька,—заступаюсь я:—она добрая, она мнѣ гробикъ сошьетъ.

— Какой гробикъ? Кто ее просилъ? Сошьетъ!..

— Прости, Христа ради, Степановна: всѣ говорятъ, что Илюнька вашъ кончается; я пришла попрощаться съ нимъ: а Алдакимъ Шаверневъ позывается сдѣлать гробикъ... А онъ, вишь, еще смѣется. Только смотрите, Степановна, какъ у него носикъ завострился—не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ... ужъ не сердитесь...

Химушка была прогнана, и маменька прильнула ко мнѣ и стала тихо всхлипывать:—Такъ неужто ты умрешь, Илюша?—и разрыдалась, и обдавала меня своими теплыми слезами...

— Не плачьте, маменька, — утѣшаю я: — всѣ говорятъ, что я умру: носикъ у меня завострился; а Химушка добрая, она сошьетъ мнѣ хорошенькій гробикъ. И меня отнесутъ, гдѣ дѣдушка и бабушка лежатъ, гдѣ мы катали красныя яички на ихъ могилкахъ, я знаю дорогу туда, я самъ одинъ дошелъ бы.

Но я не умеръ, несмотря на вѣрную примѣту завострившагося носика.

Вѣроятно, была уже вторая половина зимы, и мнѣ до страсти захотѣлось нарисовать кустъ розы: темную зелень листьевъ и яркіе розовые цвѣты, съ бутонами даже. Я началъ припоминать, какъ это листья прикрѣплены къ дереву, и никакъ не могъ припомнить и сталъ тосковать, что еще не скоро будетъ лѣто, и я можетъ-быть больше не увижу густой зелени кустарниковъ и розъ.

Пришла однажды Доня Бочарова, двоюродная сестра, подруга Усти. Когда она увидѣла мои рисунки красками, я уже началъ понемногу пробовать рисовать кусты и темную зелень розъ и розовые цвѣты на нихъ. Донѣ такъ понравились мои розовые кусты, что она стала просить меня, чтобы я нарисовалъ для ея сундучка такой же кустъ: она прилѣпитъ его къ крышкѣ. И еще она принесла мнѣ отъ своего брата Ивана сказку о „Бовѣ Королевичѣ", съ картинками. Тамъ былъ и Полканъ и еще много картинокъ. Лежали мальчики безъ рукъ, безъ ногъ и безъ головъ. Это все Бова еще маленькимъ, играючи: такая сила: кого хватитъ за руку — рука прочь, за ногу — нога прочь. Я отдалъ ей книжку нашу: „Пантюха и Сидорка въ Москвѣ". Книжку эту мнѣ уже много разъ читали, она уже надоѣла, хотя все-таки жаль было отдавать.

Заказъ Дони Бочаровой потянулъ и другихъ подругъ Усти также украсить свои сундучки моими картинками, и я съ наслажденіемъ увивался работою по заказу, высморкаться некогда было... А самымъ важнымъ въ моемъ искусствѣ было писаніе писанокъ къ Великодню. Я и теперь вспоминаю объ этомъ священнодѣйствіи съ трепетомъ. Выбирались утиныя или куриныя яйца размѣромъ побольше. Дѣлалось два прокола въ свѣжемъ яйцѣ — въ остромъ и тупомъ концѣ — и сквозь эти маленькія дырочки терпѣливымъ взбалтываніемъ выпускалась дочиста вся внутренность яйца. Послѣ этого яйцо

долго чистилось пемзой, особенно куриное: утиныя, по своей нѣжности и тонкости, требовали мало чистки; но вычищенное куриное яйцо получало какую-то розовую прозрачность, и краска съ тонкой кисточки пріятно впитывалась въ его сферическую поверхность. На одной сторонѣ рисовалось Воскресеніе Христа, оно обводилось пояскомъ какого-нибудь затѣйливаго орнамента съ извѣстными буквами „Х. В." На другой можно было рисовать или сцену Преображенія, или цвѣты—все, что подходило къ торжеству.

По окончаніи этой тончайшей миніатюры, она покрывалась спиртовымъ бѣлѣйшимъ лакомъ; въ дырочки продергивался тонкій шнурокъ съ кисточками и завязывался искусными руками—часто Усти. За такое произведеніе въ магазинѣ Павлова мнѣ платили полтора рубля. Съ какою осторожностью носилъ я такой ящичекъ, чтобы какъ-нибудь не разбить эти нѣжныя писанки, переложенныя ватой уже руками маменьки. Степаша Павковъ самъ писалъ такія писанки, и я былъ до безконечности удивленъ его работой. Онъ однакоже снисходительно хвалилъ и мою работу и заказывалъ приносить еще, когда будутъ. У насъ кто-то сплетничалъ, будто магазинъ Павлова беретъ по три рубля за эти писанки — этому я мало вѣрилъ: я былъ болѣе чѣмъ доволенъ своею платою.

Я уже нисколько не боялся, когда начинала итти кровь изъ носу — это частенько бывало: отъ излишней бѣготни въ жаркій день, отъ самаго небольшого ушиба, отъ вспыльчивости изъ-за споровъ. Я зналъ, что дѣлать; сейчасъ же справившись, изъ какой ноздри идетъ (большей частью изъ лѣвой шла кровь), я становился затылкомъ къ стѣнѣ, подымалъ правую руку и держалъ большой желѣзный ключъ отъ погреба на своемъ загривкѣ; сначала чувствовалъ, какъ кровь наполняетъ мнѣ ротъ и идетъ уже ртомъ внизъ; поднявши высоко голову, я ждалъ, чтобы кровь остановилась,—однако она все шла, но тише. И когда совсѣмъ переставала, я выпрямлялся. Надо было только долго не сморкаться ноздрей, полной густой крови, а то сейчасъ опять пойдетъ. Часа два приходилось быть очень осторожнымъ въ движеніяхъ и не пригибаться къ столу. Скучно было выдерживать, но что дѣлать—надо было терпѣть.

II. Бѣдность.

Все шло хорошо. Но весною, въ солнечное утро, на улицѣ я увидѣлъ, какъ Химушку и другихъ женщинъ-сосѣдокъ „погнали" утромъ на казенную работу. Ефрейторъ Середа, худой, сѣрый, сердитый, вѣчно съ палкой, ругаетъ бабъ, чуть онѣ станутъ разговаривать.

— А? Понравился?—говоритъ мнѣ Химушка, проходя мимо меня. — Ну что, какъ здоровье? Вишь, ожилъ.

— А васъ куда гонятъ?—спросилъ я со страхомъ, пока Середа отсталъ подгонять другихъ бабъ.

— Далеко, къ Харьковской улицѣ, новыя казармы обмазывать глиной. А твою мать еще не выгоняли?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я съ ужасомъ:—развѣ можно?

— А что же, она такая же поселянка, какъ и мы всѣ.

— А что же ты Рѣпчиху не выгоняешь на работу вмѣстѣ съ нами?—обратилась она къ догнавшему насъ Середѣ:—вѣдь такая же поселянка. Что же она за барыня? Вишь, братья въ офицеры выслужились! Да у меня можетъ-быть дядя въ писаряхъ, а я иду же на работу.

Середа остановился, задумался.

— А въ самомъ дѣлѣ, что жъ она за барыня! Онъ зашелъ къ нашему крыльцу и крѣпко застучалъ палкой о дверь.

Маменька выбѣжала съ блѣднымъ лицомъ.

— Завтра на работу, — сегодня только упреждаю; а завтра рано собирайся и слушай, когда бабы и дѣвки мимо будутъ итти—выходи немедленно!

Маменька весь день проплакала, но къ утру распорядилась, какъ завтра быть.

Такъ какъ Устя и Иванечка были больные, то Доняшкѣ надо было дома готовить обѣдъ и смотрѣть, а мнѣ—нести маменькѣ обѣдъ на работы. Новыя казармы были на выгонѣ, недалеко отъ Дѣлового Двора, откуда виденъ Страшный Ровъ. Къ Страшному Рву всѣ боялись подходить: тамъ цѣлыми сворами бѣгали и лежали разстервившіяся собаки, даже бѣшеныя оттуда иногда мчались, мокрыя, съ пѣной у рта, прямо по дорогѣ, пока ихъ не убивали палками мужики. Въ ровъ валили всякую падаль: дохлыя коровы, лошади, собаки и кошки и дохлыя овцы лежали тамъ, съ оскаленными зубами, съ ободранными шкурами, раздутыми животами, а другія—высоко поднявшими одну заднюю ногу. Вонь такая несла оттуда, что не подступиться.

Доняшка учила, чтобы я прежде вышелъ къ саду Дворянской улицы и во-надъ стѣнкой—тутъ все-таки люди ходятъ—пробрался потихоньку къ казармамъ; а тамъ мнѣ уже виднѣе будутъ наши осиновскія бабы. А на-дняхъ эти собаки разорвали чьего-то живого теленка: такъ и растерзали и обглодали до костей.

Съ узелкомъ, въ которомъ на тарелкѣ было положено съѣстное для маменьки, я поднялся на Гридину гору и прошелъ дальше къ плетню Дворянскаго сада; тамъ я увидѣлъ, что собаки со



Отецъ И. Е. Рѣпина. Ефимъ Васильевичъ Рѣпинъ.



И. Е. Рѣпинъ-юноша. Автопортретъ (1863 г.).

страшнымъ лаемъ понеслись къ кладбищу и Староверскому лѣсу. Я обрадовался и почти бѣгомъ пустился къ казармамъ, и бабы наши уже мнѣ были видны.

Дѣвки пѣли пѣсни и мѣшали глину съ коровьимъ пометомъ и соломой. День былъ жаркій, и онѣ почти всѣ были покрыты бѣлыми платками и косынками, чтобы не загорѣть. Мнѣ трудно было узнать маменьку, я стоялъ и всматривался.

— Степановна, это, вѣрно, вамъ Илюнька принесъ обѣдъ!— крикнулъ изъ-подъ одной косынки голосъ Химушки.

— Барыня, бѣлоручка,—кивали бабы въ сторону маменьки:—узнаешь, небось, какъ поселянки работаютъ, а то, вишь, все отбояриваются. Что у нея братья въ благородные изъ кантонистовъ повышли, такъ уже и она барыня!.. Небось, Середа тебѣ покажетъ барство!.. Вишь, и мальчонка—въ чемъ душа держится, босикомъ ходить, вишь, не привыкъ, а штаники на одной подтяжкѣ... У самой-то кожа на рукахъ нѣжная, сейчасъ до крови стерла, какъ стала мѣсить глину. Я ужъ и то говорю ей:—„Ну ужъ носи, подавай, гдѣ тебѣ мѣсить“. Ногами тоже босикомъ ступить не можетъ — колко ей... Привыкнешь, матушка... Обѣднѣла безъ мужа; далеко, говорить, угнали.

Подошла Химушка:

— А что, живъ остался? Какъ это ты собакамъ не попался. Вишь, загорѣлъ какъ, поздоровѣлъ, а то былъ совсѣмъ бумажный.

Маменька подошла ко мнѣ; она была подъ чернымъ большимъ платкомъ, спущеннымъ низко. Лицо ея было красно и блестѣло отъ слезъ такъ, что я едва узналъ ее...

— Ахъ, напрасно ты все это несъ, мнѣ и ѣсть не хочется! — сказала маменька. Мы сѣли на высохшей травкѣ.—Какъ же ты отъ собакъ прошелъ?—спросила маменька.

— Я, какъ Доняшка сказала: къ садамъ, къ плетню, а оттуда, какъ увидѣлъ, что собаки понеслись, я скорѣй сюда.

У маменьки были руки въ глинѣ, и мѣстами кровь сочилась.

— А трудно, маменька? — шепчу я.—Можно мнѣ за васъ поработать? — Маменька разсмѣялась сквозь слезы и стала меня цѣловать.

Я никогда не любилъ цѣловаться.

— Маменька, — отталкиваюсь я:—можетъ-быть поселянамъ нельзя цѣловаться? Не надо...

Маменька заплакала, посмотрѣла на свои руки и пошла къ общей бадьѣ вымыть ихъ...

Потомъ мы сидѣли; маменька ѣла обѣдъ. Намъ слышенъ былъ лай разстервившихся собакъ, и когда вѣтерокъ шелъ оттуда, доносилась даже сюда нестерпимая вонь отъ дохлятины изъ „Страшнаго Рва“.

— Ну, будетъ тебѣ, барыня, прохлаждаться, пора и на работу!— крикнулъ на маменьку Середа.—А ты чего таращишь глаза? — подошелъ онъ ко мнѣ.—Будешь сюда ходить, такъ и тебя заставимъ подолѣе глину мѣсить. Вишь, барыня, не могла съ собою взять обѣда—носите за ней! Еще не учены... за господами все норовятъ.



И. Е. Рѣпинъ на этюдѣ (1869 г.). Неизданный рисунокъ И. Н. Крамского.



И. Е. Рѣпинъ (1870 г.). Неизданный рисунокъ Ѳ. Васильева.

Скучно и тяжело вспоминать про это тяжелое время нашей бѣдности. Какіе-то дальніе родственники даже хотѣли выжить насъ изъ нашего же дома, и маменькѣ стоило много стараній и много слезъ отстоять наши права на построенный нами для себя на наши же деньги домъ.

Середа насъ допекалъ казенными постоями: въ нашихъ сараяхъ были помѣщены цѣлые взводы солдатъ съ лошадьми, а въ лучшихъ комнатахъ отводили квартиры для офицеровъ. Маменька обращалась съ просьбою къ начальству; тогда вмѣсто офицеровъ поставили хоръ трубачей, и они съ утра до вечера трубили, кому что требовалось для выучки, отдѣльные звуки. Выходилъ такой нарочитый гамъ, что ничего не было слышно даже на дворѣ, и маменька опухла отъ слезъ и досады. Всѣ родные насъ покинули, и некому было заступиться... Скучно. Прекращаю.

Зимою было свободнѣе. Я отводилъ душу въ рисованіи и однажды вечеромъ, когда маменьки не было дома, попросилъ Доняшку посидѣть мнѣ смирно. При сальной, тусклой свѣчѣ лицо ея, рыжее отъ веснушекъ, освѣщалось хорошо; только фитиль постоянно нагоралъ, и дѣлалось темнѣе. А свѣча становилась ниже, и тѣни мѣнялись. Доняшка сначала снимала пальцами нагаръ, но скоро ее сталъ разбирать такой сонъ, что она клевала носомъ и никакъ не могла открыть глазъ, такъ они слипались.

Однако портретъ вышелъ очень похожій, и когда вернулись маменька съ Устей, онѣ много смѣялись. У Доняшки даже руки были въ веснушкахъ; а волосы вились рыжими завитками.

Только съ возвращеніемъ домой батеньки жизнь наша перемѣнилась.

Изъ нея я буду вспоминать, что мнѣ нравилось, а неважное буду обходить. Обойду даже школу, которую завела маменька. У насъ, вмѣстѣ съ нами, училось болѣе десятка осиновскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Смѣшно вспомнить, какъ они шепелявили громко сложные склады: бра, вра—и произносили такъ: буки олцыазла — бла, вѣди олцыазла — вла (л вмѣсто р) и т. д. Мы съ Устей подсмѣивались надъ тупыми учениками и ученицами; мы читали лучше и все схватывали быстро. Писали также лучше другихъ. Законъ Божій и чистописаніе обыкновенно преподавалъ намъ дьячокъ или понамарь осиновской церкви; онъ снималъ у насъ комнату и обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, если былъ безсемейный, издалека.

У дьячка В. В. Яровицкаго я началъ учиться ариѳметикѣ и очень его обожалъ. Но скоро онъ бросилъ должность дьячка и опять поступилъ учиться въ Харьковскій университетъ.

У отца шли дѣла хорошо, и мы стали богатѣть, домъ нашъ былъ полная чаша, съ хорошимъ хозяйствомъ; у насъ бывали гости и вечера. А залу нашу часто снимали топографы, съ писаремъ Гейцыгомъ, для своихъ баловъ. Скоро я сталъ ходить въ корпусъ топографовъ и учился чистописанію у В. В. Гейцыга, а онъ потомъ передалъ меня топографскому ученику Ѳ. А. Бондареву, котораго я обожалъ еще болѣе, чѣмъ Яровицкаго.

Итакъ, это уже послѣ долгихъ ожиданій и желаній я попалъ наконецъ въ самое желанное мѣсто обученія, гдѣ рисуютъ акварелью и чертятъ тушью,— корпусъ топографовъ; тамъ большія залы были заставлены длинными широкими столами, на столахъ съ большими досками были прилѣплены географическія карты, главнымъ образомъ—частей Украинскаго Военнаго Поселенія: бѣлыя тарелки, съ натертою на нихъ тушью, стаканы съ водою, гдѣ купаются кисти отъ акварельныхъ красокъ, огромныя кисти. А какія краски! Чудо, чудо! (Казна широко и богато обставляла топографовъ, все было дорогое, перваго сорта изъ Лондона). У меня глаза разбѣгались. А на огромномъ столѣ мой взглядъ уперся вдругъ въ двѣ подошвы саноговъ со шпорами вверхъ. Это лежалъ во весь столъ грудью внизъ топографъ и раскрашивалъ границы большущей карты. Я не думалъ, что бумага бываетъ такихъ размѣровъ, какъ эти карты: а тамъ дальше еще и еще. Потомъ я уже зналъ фамиліи всѣхъ топографовъ. По стѣнамъ висѣли также огромныя карты: земного шара изъ двухъ полушарій, карта Государства Россійскаго, Сибири и отдѣльныя карты европейскихъ государствъ. Мнѣ почему-то особенно нравилась карта Германскаго Союза и Италіи. Но больше всего мнѣ нравилось, что на многихъ тарелкахъ лежали большія плитки ньютоновскихъ свѣжихъ красокъ,—казалось, онѣ совсѣмъ мягкія и такъ сами и плывутъ на кисть.

Ахъ, вотъ идетъ мой учитель—Ониногенъ Аѳанасьевичъ Бондаревъ. Я видѣлъ его только на танцовальномъ вечерѣ, гдѣ маменька упросила его взять меня въ ученики.

Онъ былъ въ гусарскомъ унтеръ-офицерскомъ мундирчикѣ. Блондинъ съ вьющимися волосами у висковъ, съ большими добрыми глазами, онъ мнѣ нравился больше всѣхъ людей на свѣтѣ. Послѣ я узналъ, что въ корпусъ топографовъ, куда я попалъ, были прикомандированы изъ разныхъ кавалерійскихъ полковъ топографскіе ученики; они



Автопортретъ И. Е. Рѣпина (1873 г.). Набросокъ карандашомъ. Изъ альбома И. Е. Рѣпина.



И. Е. Рѣпинъ возвращается изъ Академіи на каникулы домой.

носили формы своихъ полковъ. Вотъ почему и Бондаревъ былъ не въ формѣ топографа. Скоро изъ другихъ залъ мимо насъ прошла за своимъ преподавателемъ, также топографомъ, кучка человѣкъ изъ 10-ти кантонистовъ; у каждаго писанная тетрадь въ рукахъ. Преподаватель палочкой указывалъ мѣсто на картѣ, и они громко выкрикивали названія странъ, рѣкъ, горъ, городовъ, морей, заливовъ, проливовъ и т. д. Мнѣ очень понравились эти кантонистики въ военныхъ курточкахъ и рейтузахъ. Вотъ если бы мнѣ такъ одѣться! Нѣтъ, совѣстно. Они такъ бойко отвѣчали своему учителю на вопросы и быстро указывали мѣста на картахъ. Все изучалось быстро, громко и весело — и сложный Германскій Союзъ, и Удѣльвая система великихъ русскихъ князей и княжествъ. Все это узналъ я послѣ уже, разумѣется, когда учился постоянно тутъ же.

III. Дядя Митя.

Трофимъ по праздникамъ приходилъ къ намъ уже въ модномъ сюртучкѣ и жилеткѣ, и я его часто усаживалъ и подолгу мучилъ до одури, все рисовалъ съ него портреты; онъ сидѣлъ съ удовольствіемъ и все выставлялъ и поправлялъ свой синій шелковый галстукъ.

Онъ былъ франтомъ: у него былъ даже бархатный пиджакъ. Я сталъ просить маменьку, чтобы и мнѣ у Касьяновыхъ сшили сюртучокъ. Маменька купила коричневаго суконца хорошаго и всего приклада. Но я долго-долго ждалъ, пока наконецъ къ Великодню (Пасхѣ) его принесли. Чудесно былъ сшитъ, но, пока его шили, я подросъ настолько, что сюртучокъ едва-едва можно было натянуть на меня и застегнуть пуговки; а сидѣлъ чудо какъ хорошо: извѣстно, шили хорошіе портные. Ужъ не Доняшка же культяпала спросонья.

Мы все смѣялись и представляли ее, какъ она клевала носомъ, съ иголкой въ рукѣ; рука во снѣ уже дергалась куда-то вверхъ, а она все ниже кивала головой: невозможно было удержаться отъ хохота, а она сердится:

— Небось, заклевали бы и вы, когда бы вставали чуть свѣтъ къ коровѣ да къ теленку; а то дрыхнуть, сколько влѣзетъ — такъ вамъ не дремится! — Доняшка была сердитая, „клягая", какъ говорили про нее дѣвки и бабы.

У насъ, въ мѣщанскомъ и купеческомъ быту, въ подражаніе господамъ, всегда презирался физическій трудъ, а трудъ земледѣльца считался позорнымъ, чуть не проклятіемъ, каторжнымъ трудомъ.

Всѣ поселяне побойчѣе норовили въ писаря, въ ремесленники, въ торговцы и смѣялись надъ хлѣборобами: черный трудъ считался хуже всякаго порока на человѣкѣ: съ мужикомъ даже разговаривать считали низкимъ.

Трофимъ, напримѣръ, про своихъ портныхъ и про себя говорилъ: портной — тотъ же майоръ.

Но Богъ его за это наказалъ: когда нашему портному-майору исполнилось 15 лѣтъ (не знаю хорошенько правилъ о военныхъ поселянахъ, каковымъ состоялъ и Трофимъ Чаплыгинъ), его потребовали на казенный сѣнокосъ. Дѣвокъ и мальчиковъ — гресть-подгребать (косить они, конечно, не умѣли). Трофимъ и тетя Груша, которая была ему вмѣсто матери, изъ города въ Осиновку прибѣжали къ намъ въ сумерки, въ слезахъ и воздыханіяхъ: Троньку выгоняютъ на покосъ. Жалоба была уже къ маменькѣ, чтобы она упросила дядю Ѳедю заступиться за своего племянника... Сейчасъ же къ Бочаровымъ; тамъ горевали горючими до поздней ночи... Ничего не помогло, нельзя было отбояриться, долженъ итти. Трофиму наконецъ напекли пироговъ, лепешекъ, связали узелъ платья, бѣлья и отправили на цѣлый мѣсяцъ. Куда-то далеко угнали ихъ: за Коробочкину, къ Желудковкѣ. По несчастномъ сиротѣ причитали, какъ по покойникѣ; у всѣхъ родственниковъ были опухшіе отъ слезъ глаза.

Черезъ недѣльку тетенька поѣхала къ Тронькѣ провѣдать — чуть не на тотъ свѣтъ запротырили мальчика.

Разсказывала намъ подробно: сначала наплакалась и ахнула, какъ увидѣла его издали: узнать было нельзя — черный, какъ головешка, ошарпанный, но веселый и здоровый.

Послѣ покоса, когда онъ пришелъ къ намъ, мы тоже едва узнали его, такъ онъ почернѣлъ, подросъ, и усики стали пробиваться, но онъ вовсе не плакалъ,



Фигуры изъ глины, вылѣпленныя И. Е. Рѣпинымъ для компановки картины „Запорожцы".

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. Впервые воспроизводимые рисунки И. Е. Рѣпина изъ его альбомовъ.

Фигура изъ глины, вылѣпленная И. Е. Рѣпинымъ для компоновки картины „Запорожцы".

а разсказывалъ, что было тамъ очень весело: дѣвки, бабы. По вечерамъ пѣсни и пляски; такъ что вспоминалъ онъ это время всегда съ охотой — весело было.

Однажды зимой я остался ночевать у Касьяновыхъ, такъ какъ поднялась сильная мятель. И вотъ въ этотъ вечеръ я наслушался и сказокъ и прибаутокъ много. Одинъ денщикъ усѣлся посреди мастерской, на особомъ стулѣ, какъ-то зычно скомандовалъ всей почтенной компаніи слушать и началъ такъ (вотъ что я запомнилъ):

„Писаря, портные, сапожники,
Въ томъ числѣ и картежники!
Сатана началъ судъ судить
И по одному въ адъ водить.
Появились на тотъ свѣтъ господа:
А бѣсъ кричитъ: — „Пожалуйте сюда!
Для вашихъ роскошныхъ тѣлъ
У меня есть мѣдный котелъ;
А чтобы разогрѣть ваши скаредныя души,
У меня есть горячее олово, вмѣсто чая и пунша".

и т. д. — длинная, дальше не помню.

Нашъ главный интересъ всегда былъ у Бочаровыхъ; тамъ мы главнымъ образомъ учились танцамъ; въ ихъ залѣ былъ кирпичный полъ; онъ не поддавался нашей шлифовкѣ наподобіе лужайки подъ Хаминами, но зато быстро шлифовались подошвы нашихъ сапоговъ, и скоро онѣ стирались до „бѣлаго лебедя", а засимъ и подошва ноги чувствовала уже ласку мачехи снизу отъ кирпичей. Экономные смѣльчаки предложили танцовать босикомъ, и многіе глухо притопывали отполированной собственной подошвой, такъ розово блестѣвшей въ нѣкоторыхъ „па".

Трофимъ танцовалъ твердо, безъ всякаго каданса къ музыкѣ.

— Да что это, Трофимъ, — говорили учившія его сестры Бочаровы: — ты держишься коломъ! Это невозможно, ты хоть слегка вихляйся въ стороны.

— А, понимаю, — отвѣчаетъ Трофимъ. — Значитъ, всѣмъ корпусомъ?

Но опять упираетъ бороду себѣ въ грудь и, заложивъ руки въ карманы, такъ же твердо, коломъ, отбиваетъ „па" польки Рано; ничего съ нимъ не могли добиться — не было у него способностей къ танцамъ.

Во всякомъ быту матеріальное довольство, хорошіе достатки измѣняютъ отношенія людей. И къ намъ, съ тѣхъ поръ какъ отецъ сталъ богатѣть отъ своей торговли лошадьми, домъ нашъ сталъ гостепріимнѣе и веселѣе, и насъ, дѣтей военныхъ поселянъ, родившихся въ этой презрѣнной кастѣ, вездѣ принимали, благородные люди нами не брезговали, и наши родные дяди, вышедшіе изъ кантонистовъ въ офицеры, не стыдились насъ.

Дядя Дмитрій Степановичъ служилъ эскадроннымъ командиромъ въ кирасирскомъ полку, который стоялъ въ Умани и приходилъ въ Чугуевъ только на большіе царскіе маневры — компаменты. Вотъ радость: вмѣсто случайныхъ г.г. офицеровъ, лучшая половина нашего дома была приготовлена для дяди съ семействомъ, сарай — для его лошадей и экипажа, въ кухнѣ помѣщалась семья его крѣпостныхъ людей и т. д.

Помню, мы вышли къ заставѣ съ юга встрѣчать кирасирскій полкъ. Долго ждали. И вотъ наконецъ показалось вдали огромное облако пыли на большой дорогѣ; все ближе и ближе: уже слышенъ лязгъ оружія — сабель, фырканье лошадей, и вверху султаны пикъ въ родѣ часкъ стадомъ плывутъ надъ пылью... Вотъ и кони — огромныя вороныя лошади въ пыли и въ пѣнѣ: сами кирасиры черны, какъ земля чернозема, по которой они шли столбовымъ шляхомъ.



Дочь И. Е. Рѣпина, Вѣра Ильинична (въ 1878 г.), авторъ воспоминаній, помѣщенныхъ въ этомъ нумерѣ.

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. Впервые воспроизводимые рисунки И. Е. Рѣпина изъ его альбомовъ.



В. Сѣровъ - подростокъ. (Къ очерку „Изъ дѣтскихъ воспоминаній“ Вѣры Рѣпиной).

Кирасиры въ бѣлыхъ колетахъ, въ черныхъ кирасахъ, большею частью огромнаго роста: вмѣстѣ съ воронымъ конемъ кирасиръ намъ казался великаномъ — не взглянешь; черные хвосты отъ мѣдныхъ касокъ шевелились въ воздухѣ: стальные мундштуки, удила, перепачканныя пѣной, вмѣстѣ съ ясными бляхами стального набора воинственно блестѣли на черныхъ ремняхъ сѣделъ. Полкъ шелъ шагомъ, но какимъ!..

Мы шли почти бѣгомъ около, чтобы не отстать, и старались узнать нашего дядю... И наконецъ маменька указала мнѣ, когда выступилъ его эскадронъ: онъ ѣхалъ впереди эскадрона, съ огромнымъ палашомъ наголо въ правой рукѣ, прислоненнымъ къ плечу.

Насъ онъ, конечно, не видалъ: лицо его было сурово, большіе усы; черный отъ пыли и загару, онъ былъ неузнаваемъ и страшенъ.

Вдругъ маменька какъ-то тонко взвизгнула: — Митя! — и засверкала слезами, зажмуривая глаза. Дядя услыхалъ, сдѣлалъ едва замѣтный поворотъ въ нашу сторону, и подъ его грознымъ глазомъ также сверкнула слеза... Но онъ продолжалъ сурово свой кавалерійскій маршъ. Заиграли впереди трубачи (они были на сѣрыхъ и бѣлыхъ лошадяхъ). Вотъ восторгъ! Лучше трубъ ничего не могло быть для меня. Долго я не отходилъ отъ дяди, все время, когда онъ уже въ комнатѣ скидалъ кирасу, денщикъ снималъ съ него огромные ботфорты, потомъ онъ умывался, фыркалъ, и ему долго мѣняли воду—такъ много пыли набилось въ кожу и въ волосы.

Умывшись, онъ сѣлъ; денщикъ раскурилъ длинную трубку и подалъ ему.

Увидѣвъ Устю, онъ подхватилъ ее на руки, отставивши въ уголъ свою огромную трубку съ длиннымъ чубукомъ. Устя страшно испугалась такой высоты и кричала: „Горькій панъ, горькій панъ!“—когда онъ цѣловалъ ее; она барахталась, какъ птица въ рукахъ великана.

Маменька разсказывала, что дядя Митя выучилъ ее грамотѣ: другія двѣ сестры ея, Груша и Параня, были безграмотны, а маменька съ дядей Митей учили всѣ его уроки: они проявили большую охоту къ чтенію, и братъ Митя носилъ ей книги изъ библіотеки кантонистовъ. Особенно они зачитывались Жуковскимъ, и маменька многія изъ его поэмъ знала наизусть, напримѣръ, „Громобоя“ и др. И часто по вечерамъ, когда дядя до пріѣзда его семьи пилъ съ нами чай, они съ маменькой вспоминали свое дѣтство со всѣми подробностями. А когда приходилъ дядя Ѳедя, то непремѣнно появлялся графинчикъ водочки, и дяденька Ѳедя быстро поддавался чувствительности и начиналъ всхлипывать, а тетя Груня сейчасъ же затягивала какую-нибудь старинную пѣсенку, и вся родня скоро была въ родственныхъ слезахъ восторга и пѣла хоромъ. Съ особеннымъ чувствомъ серьезности запѣвалась одна протяжная пѣсня:

Ты взойди, солнце, надъ горою,
Надъ высокою, надъ крутою, надъ крутою...

Когда я учился уже въ корпусѣ топографовъ (въ штабѣ, какъ называютъ въ Чугуевѣ), и дядя Митя узналъ, что я изучаю русскую грамматику, онъ вызвалъ меня при гостяхъ и началъ экзаменовать, спрашивалъ: „какой части рѣчь“, называя какое-нибудь слово: напр., благодѣяніе. Хотя я училъ нѣсколько иначе:—„какая часть рѣчи“, но я сейчасъ же смекнулъ; и дяденька экзаменовалъ меня довольно долго. Родня сидѣла смирно, съ открытыми глазами, удивляясь моей смѣлости и знаніямъ.



Въ саду у Рѣпина.

Какой старинной красотою
Уединенный садъ цвѣтетъ,
Гдѣ жизнью мудрой и простою
Художникъ радостно живетъ!
Недвижны дремлющія воды,
Красивы ивы у воды...
Содружны здѣсь съ рукой природы
Людскіе мирные труды:
Тамъ кустъ сиреневый посаженъ,
Тамъ брошенъ камень-великанъ;
Изъ-подъ земли на много саженъ
Студеный выведенъ фонтанъ.

А посрединѣ сада домикъ—
Какъ будто сказка наяву!—
Стоитъ и тянется въ истомѣ
Съ земли куда-то въ синеву.
Онъ весь стеклянный, весь узорный,
Веселый, смѣлый и чудной.
Его завидѣвъ, воронъ черный
Летитъ пугливо стороной.
А пѣвчихъ птицъ семья цвѣтная
Гнѣздится густо близъ него,
Своей игрой напоминая,
Что жизнь—земное торжество.

Сергѣй Городецкій.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній дочери И. Е. Рѣпина.

Вѣры Рѣпиной.

I.

Мы жили въ Москвѣ въ Трубномъ пер., во второмъ этажѣ деревяннаго дома. Помню этотъ домъ, гдѣ въ одномъ углу комнаты промерзала стѣна и лежалъ уголкомъ бѣлый снѣгъ. Мы были маленькіе. Мнѣ было 6 лѣтъ. Ходили мы гулять каждый день съ нянькой на бульваръ и послѣ дождя пускали кораблики въ бурноструящемся потокѣ у тротуара.

Особенно любили мы гулять съ папой на Дѣвичье поле и по льду на Москву-рѣку. Держалъ насъ папа за руки: меня—правой (это была моя рука, съ обручальнымъ кольцомъ) и сестру Надю—лѣвой. Если навстрѣчу дулъ вѣтеръ, папа, подбодряя, говорилъ:

— Впередъ! смѣлѣе! на абордажъ! преодолѣвай пространство!

Мы доходили до Нескучнаго сада, и при видѣ каменной бесѣдки Надя говорила:

— Уфъ, мы капельку близко къ этой камынкѣ.

За нами бѣжала рыжая собачка Каштанъ, которую Надя называла „Кафтанъ“, и разъ на нашихъ глазахъ на нее бросились собаки. Мы увидѣли, какъ у чернаго огромнаго меделяна точно большіе усы, а это была Каштанка, и изъ пасти онъ выбросилъ ее мертвой.

Папа понесъ ее домой въ носовомъ платкѣ, на которомъ виднѣлась кровь.

И такъ намъ было жаль маленькую Каштанку!

Часто мы катались съ папой въ саду съ ледяной горы. Взберемся наверхъ, усядемся всѣ на санки и запоемъ пѣсню:

Я и полемъ шла,
Не шаталася,
На дворъ пришла —
Пошатнулася,—

и на этихъ словахъ скатывались съ хохотомъ внизъ.

Гуляя на Дѣвичьемъ полѣ, мы слушали разсказы папы, какъ за рѣшетчатымъ окномъ монастыря томилась царевна Софья, и у окна ея кельи висѣлъ повѣшенный Петромъ стрѣлецъ. Папа писалъ тогда картину „Царевна Софья“, — для нея, помню, шился изъ серебряной парчи сарафанъ съ откидными рукавами, мама обшивала его жемчугомъ; подъ сарафанъ надѣвалась рубашка съ узкими, длинными, въ девять аршинъ, кисейными рукавами съ золотой ниткой, которая очень царапала руку, когда надѣвали рукавъ, а рукавъ собирался мелкою сборочкою.

Для картины пріѣзжала позировать Ел. Ив. Бларамбергъ. Она распускала свои чудные, длинные волосы и позволяла мнѣ трепать ихъ и путать, а я воображала, что плету косы. Для этой же картины папѣ немного позировала Вал. Сем. Сѣрова, мать художника, и подолгу „стояла для Софьи“ молодая, толстая домашняя портниха, жившая во дворѣ, во флигелѣ.

Въ то время папа, по совѣту одного знакомаго, А. А. Бѣлопольскаго, началъ спать при открытыхъ окнахъ. Онъ съ восторгомъ говорилъ о своемъ новомъ спаньѣ, чувствовалъ себя бодрѣе, менѣе нервнымъ и, конечно, настоялъ, чтобъ и мы спали такъ же. Для насъ сшили длинные, заячьяго мѣха, мѣшки съ узкой прорѣшкой: внутрь мѣшка продергивалась простыня, на ноги надѣвались теплыя туфли, на голову капоръ, и такъ, подобравъ мѣшокъ, мы шли въ комнату съ открытыми окнами; она у насъ называлась „холодная“. Разъ, когда папа прилегъ послѣ обѣда, пришелъ къ намъ одинъ его знакомый:

— Гдѣ папа? Дома?

— Въ холодной.

— Въ холодной? За что?

„Холодная“ по-деревенски—острогъ.

Въ холодной комнатѣ спали и папа и мама, и наутро, если было холодно, у папы замерзали усы, а снѣжокъ сыпался въ окно, прямо на лицо! Если у насъ болѣла голова—въ „холодную“! Если мы были нездоровы — „въ холодную“, и тамъ, казалось, все скорѣе проходило. Но все же мы больше любили спать въ обыкновенной комнатѣ и бѣжали скорѣй до 9-ти часовъ, чтобы хоть 10 минутъ поспать въ теплотѣ. Я была очень живая, и мнѣ конецъ мѣшка завязывали веревкой, чтобы наутро не оказались ноги внѣ мѣшка, какъ было разъ, когда весь мѣшокъ сбился къ головѣ; и также, помню, разъ ночью я свалилась на полъ и еле взобралась на постель. Иногда, когда мы уже улеглись, раскрывалась дверь, и маминъ голосъ говорилъ:

— Вотъ здѣсь спятъ мои ребята.

Или кто-нибудь изъ знакомыхъ заходилъ, когда мы еще одѣвались, и разсматривалъ съ любопытствомъ, какъ что̀ надѣвается, и какъ мы шествуемъ въ холодную. По утрамъ, если мы еще не вставали, папа говорилъ изъ „Конька Горбунка“:

Эй вы, сонныя тетери,
Отворяйте брату двери.

Мы носили платья, сшитыя по фасону, который придумалъ папа, очень узкія: надо было поднять кверху руки, и тогда натягивались они на насъ плотно. И всѣ спрашивали: „да какъ они на васъ надѣваются? и гдѣ застежка?“ Тогда у насъ жилъ В. А. Сѣровъ. Ему было 16 лѣтъ. Онъ учился у папы живописи. Мы его очень любили и называли: Антонъ. Онъ часто возился съ нами, схватитъ своей сильной рукой за кушакъ, сгребетъ и пересадитъ со стула на полъ, на коверъ или на диванъ, а мы барахтаемся въ воздухѣ, какъ черепахи. Помню, что онъ писалъ этюды изъ окна, послѣ обѣда читалъ папѣ вслухъ исторію искусствъ, а на ночь ѣли вмѣстѣ гречневую кашу съ молокомъ. Иногда читала папѣ я; папа научилъ меня читать, когда мнѣ было пять лѣтъ, и училъ со мною много стиховъ. Первые стихи были: „По небу полуночи ангелъ летѣлъ“. Когда папа съ мамой уѣзжали въ гости или въ концертъ, Сѣровъ копировалъ заданный ему папой портретъ. Мы, оставшись одни, приставали къ Сѣрову:

— Антонъ, разскажи намъ сказку.



В. С. Сѣрова, вдова композитора А. Н. Сѣрова и мать художника В. А. Сѣрова. Этюдъ для картины „Царевна Софья“.

Къ 70-лѣтію дня рожденія И. Е. Рѣпина. Впервые воспроизводимые рисунки И. Е. Рѣпина изъ его альбомовъ.

И такъ надоѣдали, что онъ наконецъ, продолжая серьезно вглядываться и копировать портретъ, разсказывалъ намъ интересную сказку про три лимона: съѣшь одинъ — сморщишься, какъ старуха; съѣшь другой — помолодѣешь; а третій — не помню, забыла. Потомъ мы шли пить чай, гдѣ на столѣ лежали намъ оставленные сахарные крендельки, и „вотъ, — продолжалъ Сѣровъ: — шелъ я мимо булочной, вижу: на окнѣ лежатъ вкусные, поджаристые крендельки, я попробовалъ одинъ, другой...“ — и такъ съѣдалъ онъ всѣ крендельки! А мы слушали, раскрывъ рты, и не замѣчали, что наши крендельки исчезаютъ.

Сѣровъ очень похоже представлялъ звѣрей, и мы слушали, замеревъ, какъ рычитъ левъ, скучающій въ клѣткѣ, и потрясаетъ грмвой (удивительно хорошо!), взглядываетъ и опять рычитъ: своей небольшой широкой рукой съ короткими пальцами онъ изображалъ, какъ прыгаетъ лягушка по столу — такъ и шлепается, остановится и опять прыгаетъ, и мы, особенно Юра, закатывались отъ смѣха. Часто жестами, взглядами, мимикой онъ изображалъ кого-нибудь изъ знакомыхъ (и мы сразу угадывали, кто это), или звѣря, или даже вещь: столъ обѣденный, столъ кухонный и т. д.

Почти каждый день папа читалъ вслухъ о запорожцахъ по-малорусски, въ стихахъ: „О трехъ братьяхъ“, „О Савуръ-могилѣ“ и разсказывалъ о Сѣчи. Тогда онъ писалъ свою картину „Запорожцы, пишущіе отвѣтъ султану“. Мы уже знали постепенно всѣхъ героевъ: атамана Сѣрко съ сѣдымъ усомъ, это былъ мой (я все себѣ получше выбирала), казакъ Голото—„не боится ни огня, ни меча, ни болота“:

У казакові на голові шапка бирка,
Зверху дірка,
Травой пошита,
Вітромъ підбита,
Віе повіае,
Молодого казака прохлажае,—

Тараса Бульбу съ Остапомъ и Андріемъ и кузнеца Вакулу.

„Мы и сами изъ запорожцевъ, — думалось мнѣ: — папа изъ Малороссіи, а запорожцы—единственный смѣлый, вольный народъ!“ Такъ, увлекаясь, папа и насъ увлекалъ своими разсказами и чтеніемъ. Моему маленькому брату Юрѣ выбрили голову и оставили чубъ: на круглой головѣ его сначала висѣлъ маленькій, а потомъ вился длинный „оселедецъ“, который онъ заматывалъ за ухо. И костюмъ ему сшили: желтый жупанъ съ откидными рукавами, когда крестный его Мурашко привезъ ему малороссійскую рубашку и шаровары. Жупанъ ему дали заносить, чтобы походилъ больше на настоящій.

Часто мы играли въ запорожцевъ: папа былъ Тарасъ Бульба, я—Остапъ, Надя—Андрей, или папа съ Юрой были запорожцы, а мы съ Надей — русалки, зазывавшія казаковъ въ камыши: камыши замѣнялись кучками снѣга: мы играли на бульварѣ Дѣвичьяго поля, бѣжали впередъ и прятались за сугробы.

Папа лѣпилъ фигурки запорожцевъ изъ сѣрой глины, Тараса Бульбу и др., нѣкоторые сохранились до сихъ поръ, иные съ отбитыми головами и руками. Лѣтомъ папа съ Сѣровымъ уѣхали на этюды въ Малороссію, а мы жили у Мамонтовыхъ въ Абрамцевѣ, о которомъ у меня сохранились самыя лучшія и веселыя воспоминанія. Зимой папа писалъ „Запорожцевъ“ въ мастерской—въ обыкновенной комнатѣ въ три окна; я не знала тогда, что у художниковъ можетъ быть спеціальная мастерская съ верхнимъ свѣтомъ.

Въ серединѣ картины былъ уже такой знакомый одноглазый рыжій запорожецъ, протянувшій руку съ шапкой вдаль, курились дымки костровъ. Атаманъ Сѣрко съ живыми сѣрыми глазами, взявшійся за бока, хохочущій Тарасъ Бульба, казакъ Голото, кузнецъ Вакула, положившій свой кулакъ на спину голаго запорожца, писарь и всѣ другіе казаки. Мнѣ тогда казалось, что рисовать можетъ каждый, кто хочетъ; только взять карандаши и кисть. И мы всегда рисовали цвѣтными карандашами въ тетрадкахъ, а папа, по нашему заказу, рисовалъ намъ по очереди,—сегодня Юрѣ—кузнеца Вакулу, завтра Надѣ — Пацюка, а потомъ мнѣ — „какою я буду большой“. Или русскихъ бояринь въ кикахъ, которыхъ мы сами раскрашивали акварелью, осторожно расписывая штофъ сарафана серебряной и цвѣтной красками, по указанію папы.

Разъ въ сумерки, помню, сказали, что къ папѣ пришелъ Левъ Толстой. Я смотрѣла въ полуоткрытую дверь. Въ мастерской стоялъ плечистый, немного сутулый, коренастый человѣкъ въ пальто безъ шапки, съ сѣдѣющими волосами, въ которыхъ еще много было черныхъ волосъ. Онъ стоялъ, слегка нагнувшись, и разсматривалъ папинъ рисунокъ къ „Переписи въ Москвѣ“, а потомъ картину „Крестный ходъ“.

Пріѣзжалъ смотрѣть картину „Проводы новобранца“ великій князь Владиміръ Александровичъ. Я помню, какъ улицу у нашего дома усыпали желтымъ пескомъ, она вся какъ-то опустѣла, и только деревянными игрушечными солдатиками виднѣлись городовые. Мы бѣгали въ саду и прибѣжали домой, когда уже великій князь уѣхалъ...

Въ то время шили костюмъ для Іоанна Грознаго, который папа самъ кроилъ, съ особеннымъ покроемъ рукава, черный, въ видѣ подрясника для Грознаго и розоватый съ серебристымъ отливомъ для молодого Ивана, синіе штаны съ цвѣточками и теплые высокіе сапоги съ загнутыми носками, которые папа самъ расписывалъ съ бирюзовымъ оттѣнкомъ разными завитками и загогулинами. Для молодого царевича позировалъ Гаршинъ, котораго папа писалъ на отдѣльномъ холстѣ, въ профиль. Когда Гаршинъ входилъ, то смотрѣлъ прямо, какъ бы не видя, своими грустными черными глазами, и на нихъ какъ будто были слезы. И я всегда спрашивала сама себя:

— Что съ нимъ? Почему такъ скорбно приподняты брови? Кто его обидѣлъ?

Онъ заходилъ къ намъ въ дѣтскую, и такъ какъ я была маленькая, то обращала вниманіе на ноги, которыя онъ такъ особенно-прямо ставилъ: носки впередъ, и на одномъ изъ нихъ была круглая заплатка. Это было уже въ Петербургѣ, гдѣ папа кончалъ и „Грознаго“ и „Запорожцевъ“.

Помню, что разъ во время гимнастики у меня закружилась голова, я упала съ трапеціи и разбила себѣ носъ. Мама кинулась съ водой и полотенцемъ.—„Подождите, не трогайте, не трогайте“,—сказалъ папа. Я остановилась и такъ стояла нѣкоторое время. „Ну, теперь довольно, вытирайте“. Папа хотѣлъ запомнить цвѣтъ крови для Іоанна Грознаго.

„Запорожцевъ“ папа продолжалъ писать на другомъ большемъ холстѣ, прибавилъ много новыхъ лицъ, написалъ писаря съ Дм. Ив. Эварницкаго, одного изъ казаковъ—съ Вас. Вас. Тарновскаго и съ другихъ знакомыхъ. Мы уже учились въ гимназіи и заходили къ папѣ въ мастерскую.

— Вѣра, ты? Ну что, какъ? — спрашивалъ онъ про картину.

Я смотрѣла молча. Мнѣ нравились запорожцы, и каждый разъ было измѣненіе, прибавленіе новаго, неожиданнаго, вотъ еще кто-то хохочетъ! Хорошо. Такъ похоже, что намъ смѣшно.

— Ну, Вѣруня, говори, какъ?

— Да не знаю... Развѣ сказать, какъ думается?

— Говори, говори, какъ думается.

Такъ папа самъ вызывалъ дѣлать замѣчанія, и помню, что былъ доволенъ. Я часто позировала папѣ для картинъ и для портретовъ, которыхъ папа написалъ нѣсколько. Чтобы мнѣ не было скучно, мама читала вслухъ біографію Шекспира, „Въ лѣсахъ“ Печерскаго, „Войну и миръ“ Толстого. Мнѣ надоѣдало сидѣть долго въ одномъ положеніи, и я все вертѣлась.

— Ну, ну, сиди смирно, Вѣра. Посмотри-ка на меня, не верти головой!

Сеансъ длился часа 3—4 съ перерывами, и наконецъ папа говорилъ:

— Ну, теперь довольно, встань и бѣги!

И когда я вскакивала, папа, протянувъ руку съ палитрой и кистью, какъ бы желая задержать меня, быстро говорилъ:

— А ну-ка еще, вернись, постой минуточку,—и, махнувъ рукой, прибавлялъ: ну, ужъ теперь бѣги, не оглядывайся... А ну-ка еще, постой, постой!

— Ну-у, па-а-па,—тянула я съ нетерпѣніемъ.

— Ну,—иди, Богъ съ тобой!

Я долго позировала папѣ для дѣвочки въ картинѣ „Не ждали“, которую папа писалъ въ Мартышкинѣ, гдѣ мы жили лѣто. Я нечаянно поставила криво ноги, позируя для дѣвочки, и папа написалъ ихъ.

Мальчика-гимназиста онъ писалъ съ Сережи Костычева, теперь профессора.

Однажды зимой папа привелъ незнакомаго господина, котораго встрѣтилъ въ Публичной Библіотекѣ и писалъ съ него „возвратившагося“. Это былъ не единственный случай: онъ всегда приглашалъ кого-нибудь изъ рабочихъ или встрѣченныхъ имъ случайно на выставкѣ или на улицѣ. Такъ знакомо выраженіе папинаго лица, заинтересованнаго подходящимъ ему типомъ. Онъ долго смотритъ, не отрываясь, пристально, не въ силахъ отойти, и наконецъ рѣшается попросить позировать ему...



И. Е. Рѣпинъ пишетъ свой портретъ въ „Пенатахъ“. (1914 г.). Фотографія „Нивы“.



Утро въ „Пенатахъ“.

И. Е. Рѣпинъ въ саду.

Выйдетъ въ курточкѣ зеленой,
Поглядитъ на водометъ,
Зачерпнетъ воды студеной
И съ улыбкою испьетъ.

Свѣтлый весь, глаза сіяютъ,
Голубую сѣдину
Вѣтеръ утренній ласкаетъ,
Будто легкую волну.

Семь десятковъ за плечами,
А какъ будто ноши нѣтъ!
Дѣтски-зоркими очами
Онъ глядитъ на бѣлый свѣтъ.

Не усталъ онъ, не измаянъ,
Полонъ силы и борьбы,
Сада яркаго хозяинъ,
Богатырь своей судьбы.

Солнце всходитъ, пышетъ златомъ...
Тихо, тихо онъ стоитъ
И за облакомъ крылатымъ
Взоромъ ласковымъ слѣдитъ.

Можетъ-быть, онъ видитъ дѣтство,
Золотыхъ начало дней,
Озорное малолѣтство,
Вырѣзныхъ своихъ коней?

Иль, черемуху почуявъ
Въ легковѣйномъ вѣтеркѣ,
Видитъ вешній свой Чугуевъ
Въ невозвратномъ далекѣ?

Сергѣй Городецкій.

И. Е. Рѣпинъ.

Ф. И. Шаляпина.

Въ 1897 году, когда въ частной оперѣ С. И. Мамонтова въ Москвѣ впервые вздумали дать „Псковитянку“ Римскаго-Корсакова, по Мею, мнѣ была поручена роль Ивана Грознаго. Трудная это была задача для меня въ то время.

Для актера, т.-е. для пластическаго изображенія типа, да еще такого, какъ Иванъ Грозный, всего прочитаннаго въ книгахъ было недостаточно, и вотъ гдѣ воскликнулъ я великое спасибо Ильѣ Ефимовичу Рѣпину. Я увидѣлъ его Грознаго съ сыномъ въ Третьяковской галлереѣ. Совершенно подавленный ушелъ я изъ галлереи. Какая силища, какая мощь! И хотя эпизодъ убійства сына не входилъ въ играемую мною роль, однако душа Грознаго (несмотря на всѣ звѣрства, имъ творимыя), какъ мнѣ именно и хотѣлось, представлена была Душой Человѣческой, т.-е. подъ толщею деспотизма и звѣрства, тамъ гдѣ-то, далеко-далеко въ глубинѣ, я увидѣлъ теплющуюся искру любви и доброты.

Вскорѣ я лично познакомился съ этимъ огромнымъ художникомъ и съ радостью убѣдился, что Рѣпинъ и не могъ написать никакого владыку тирана—иначе, какъ съ человѣческой душой, потому что самъ онъ, этотъ дорогой намъ всѣмъ маэстро,—человѣкъ огромной души и сердца, полнаго любви къ людямъ. Считаю себя счастливцемъ жить вмѣстѣ въ одно время съ дорогимъ Ильей Ефимовичемъ и горжусь принадлежать къ его эпохѣ.

Федоръ Шаляпинъ

И. Е. Рѣпину.

Сонетъ.

Какъ жароцвѣтъ чугуевскихъ степей,
Какъ синіе стожары ночи южной,
Живутъ и пламенѣютъ силой дружной
Созданья кисти сказочной твоей.

Пусть сыплется на кудри иней вьюжный,
Неколебимъ великій чародѣй
Надъ сѣрой рябью мелководныхъ дней,
Въ нашъ хмурый вѣкъ, разслабленно-недужный.

Царевна-плѣнница, злодѣй Иванъ.
Глумливыхъ запорожцевъ вольный станъ:
Во всемъ могучъ, во всемъ великолѣпенъ,

Въ сіяніи лучистомъ долгихъ лѣтъ,
Надъ Русью вставъ, ты гонишь мракъ и бредъ,
Художникъ-Солнце, благодатный Рѣпинъ.

Борисъ Садовской.

„Дѣловой Дворъ“.

Проектъ **И. Е. Рѣпина.**

Грандіозность—главное качество Рѣпина. Чего онъ ни коснется, все принимаетъ такія величавыя, пышныя формы. Онъ циклониченъ не только въ искусствѣ, но и въ строительствѣ жизни. Теперь, какъ извѣстно, его охватила мечта создать у себя въ родномъ городѣ Народную Академію Художествъ. Это широчайшая, воистину рѣпинская мечта. Ему мерещится цѣлый дворецъ прикладного искусства, гдѣ многочисленные цехи работниковъ, подъ мудрымъ руководствомъ художника, въ пылу дружной совмѣстной работы научаютъ своему ремеслу всѣхъ, кто желаетъ учиться, создавая такимъ образомъ для родины, вмѣсто нищихъ, самоубійцъ, хулигановъ,—„ратниковъ труда и красоты“. Свой воображаемый дворецъ художникъ назвалъ по-старинному: „Дѣловой Дворъ“. Городъ Чугуевъ, узнавъ о такомъ величавомъ проектѣ знаменитаго своего земляка, отвелъ для „Дѣлового Двора“ обширную площадь въ красивѣйшей мѣстности города, и нужно надѣяться, что скоро этотъ воздушный замокъ воплотится въ камень и желѣзо-бетонъ.

„Нива“, вмѣстѣ со всей Россіей чествуя 70-лѣтіе Рѣпина и желая пріобщить своихъ читателей къ этой его завѣтной мечтѣ, обратилась къ самому художнику съ просьбой изложить, въ чемъ существо его проекта.

И. Е. Рѣпинъ написалъ для насъ слѣдующее:

Характеръ искусства юга Россіи еще держится подъ спудомъ, или о немъ забыли, а между тѣмъ вся Малороссія имѣетъ свои вкусы и живетъ своими лубочными произведеніями кустарнаго издѣлія какъ-то особо.

Центральная Россія уже прекрасно обставлена школами московско-новгородскаго стиля: Строгановское училище представляетъ собою серьезно обработанный образецъ, строго-иконописнаго, догматическаго служенія церкви.

Пора подумать объ украинскомъ стилѣ въ искусствѣ и начать развитіе его народныхъ непосредственныхъ импровизацій, которыми такъ щедро засѣянъ этотъ большей частью сытый и красивый, а слѣдовательно—и веселый край.

Самодовлѣющее начало жизни Малороссіи чувствуется во всемъ обиходѣ ея ласкающей обстановки, отъ вкусныхъ и разнообразныхъ объяденій до цвѣтовъ передъ кокетливыми красавицами-хатками, до ихъ чарующаго убранства внутри жилыхъ покоевъ, раскрашенныхъ печей и стѣнъ, любовно увѣшанныхъ душистыми травами, устланныхъ красивыми шитьями и пышными перинами до потолковъ.

Этотъ игривый, поющій, и день и ночь напролетъ ликующій народъ имѣетъ особое право на свое особое искусство.

Мысль эта давно живетъ во мнѣ, какъ въ каждомъ русскомъ, кому довелось пожить въ милой Украйнѣ.

И вотъ когда къ моему семидесятилѣтію даровитые чугуевцы вспомнили обо мнѣ и пожелали учредить въ своемъ городѣ рисовальную школу моего имени, я очень обрадовался случаю примѣнить на практикѣ давно-лелѣемую идею — осуществить возрожденіе народнаго южно-русскаго искусства.

Въ послѣдніе годы черезъ Академію Художествъ, лѣтъ 15 уже, идетъ непрерывающееся открытіе рисовальныхъ школъ и музеевъ по всей Россіи. Всѣ они тяготѣютъ къ Академіи Художествъ, почти всѣ получаютъ отъ нея помощь и формы и, организуясь по одному образцу, неминуемо повторяютъ въ своемъ устройствѣ одинъ шаблонъ.

За очень рѣдкими исключеніями, весь продолжительный курсъ этихъ школъ одинаково принудителенъ къ копированію образцовъ, какъ таковыхъ, безъ всякаго примѣненія ихъ къ текущей жизни. Не поднимаясь совсѣмъ до платоническаго обожанія этихъ геніальныхъ откровеній отжившихъ вѣковъ искусства, ученикъ отъ младенчества привыкаетъ цинически презирать *непонятныя* ему совершенства и вмѣстѣ съ этимъ наполняется на всю жизнь пошлымъ отношеніемъ къ профессіи художника-мастера, обманувшей его ожиданія.

Самая отвратительная отрава всѣхъ академій и школъ есть царящая въ нихъ пошлость.

Кромѣ главнаго конечнаго результата своего курса — пошлости, ученики поставлены серьезно еще къ достиженію наиважнѣйшихъ отличій отъ прочихъ смертныхъ.

Первое: добиться права на чинъ и на мундиръ соотвѣтствующаго шитья.

Второе: добиться избавленія отъ воинской повинности и —

Третье: выслужиться у своего ближайшаго начальства до полученія постоянной стипендіи.

И эти бюрократическія традиціи такъ завладѣваютъ юношей

въ самые горячіе годы его художественнаго призванія, что, добившись намѣченныхъ благъ, онъ уже привыкаетъ къ дѣятельности другого рода настолько, что неспособенъ даже бываетъ вернуться къ искусству, а идетъ служить, напримѣръ, по акцизу, добившись такой привилегіи за свое призваніе къ искусству.

Наглядѣвшись и назнакомившись съ такими отрицательными примѣрами образованія молодыхъ мастеровъ „прикладного“ искусства, я намѣреваюсь въ „Дѣловомъ Дворѣ“ установить дѣло обученія разнымъ искусствамъ молодыхъ людей обоего пола на другихъ основаніяхъ.

Первое. Мастерскія будутъ выучивать учениковъ на самомъ процессѣ работы *по заказу*, гдѣ съ десяти лѣтъ ученики, ученицы, прислуживая въ общемъ производствѣ, изучаютъ всякій предметъ искусства практически, при его появленіи на свѣтъ.

Второе. Ученики и ученицы, работая со дня поступленія въ мастерскихъ, быстро выучиваются искусству и скоро дѣлаются участниками заработка мастерскихъ.

Третье. Мастерская-школа, въ силу своей дѣятельности, пропорціонально своей продуктивности, зарабатываетъ столько своимъ коллективнымъ трудомъ, что не нуждается ни въ какой субсидіи для своего существованія. Она устанавливаетъ для себя самостоятельный стиль и обезпечиваетъ себя со всѣми сотрудниками довольствомъ жизни и запасными кооперативными предпріятіями по дѣламъ своего искусства.

Спеціальныя мастерскія будутъ возникать въ зависимости отъ знакомства съ краемъ и заказами съ разныхъ сторонъ. Но вотъ главное, съ чего начнетъ „Дѣловой Дворъ“, если осуществится его дѣятельность:

Мастерскія (дерево).

Столярная—мебель, рамы.
Рѣзчицкая—изящныя издѣлія.
Позолотная—иконостасы.
Токарная—детали декорацій.
Иконописная—образа, декораціи.

Мозаика (смальтъ, цементъ, желѣзо).

Декоративное панно—фрески, образа, наружныя картины въ архитектурѣ домовъ. (Простая, но прочная мозаика позднѣйшаго венеціанскаго образца).

Керамика (на основаніи народныхъ кустарныхъ издѣлій, чему будетъ помогать музей при мастерской). Посуда всевозможныхъ родовъ южно-русскаго стиля.

Ткацкая (производство ковровъ, плахтъ, полотенецъ и т. д., поясовъ, аналоевъ и пр. церковныхъ предметовъ).

Литейная—отливка всевозможныхъ мѣдныхъ, чугунныхъ и др. металлическихъ рѣшетокъ, кронштейновъ, капителей и наконецъ статуй, если художественныя работы дойдутъ до этого рода заказовъ.

Все будетъ зависѣть отъ директора и избранныхъ имъ руководителей спеціальныхъ мастерскихъ.

Ученики и ученицы отъ 10 до 50-лѣтняго возраста будутъ имѣть столъ, дортуары и даже костюмъ безплатно отъ мастерской. Выученики и выученицы будутъ участвовать въ дѣлѣ доходовъ отъ заказовъ пропорціонально своему знанію дѣла и умѣнію быть полезными въ отвѣтственныхъ работахъ.

Объ И. Е. Рѣпинѣ.

К. Чуковскаго.

Рѣпинъ—поэтъ душевныхъ катастрофъ, ураганові, экстатическихъ, нечеловѣческихъ чувствъ. Вспомните его „Самосожженіе Гоголя“, „Царевну Софью“, „Исповѣдь“, „Сыноубійцу Ивана“,—всюду чрезмѣрныя корчи и судороги чрезмѣрныхъ душъ—у послѣдней черты!

Ничего тривіальнаго, мелкаго. Даже изображеніе полупьяныхъ казаковъ вышло у него грандіозно. Казаки собрались за бутылкой и пишутъ смѣшное письмо: казалось бы, это жанръ, пустякъ, анекдотъ, но Рѣпинъ и здѣсь циклониченъ: Вся эта картина такъ густо насыщена чрезмѣрнымъ гомерическимъ хохотомъ, что, кажется, музей содрогается. Если бы буйволы умѣли смѣяться, они смѣялись бы именно такъ. И какой колоссальный захватъ: въ



Два генія русской земли—Л. Н. Толстой и И. Е. Рѣпинъ въ Ясной Полянѣ (въ сентябрѣ 1907 г.).



Не ждали.

картинѣ всего двадцать казаковъ, но вѣдь это синтезъ всей Сѣчи: кажется, исчезни навсегда Малороссія, останься только эта картина, — и весь украинскій духъ, вся народная стихія украинская сохранятся навсегда для потомства.

„Вѣдь они



Иванъ Грозный и сынъ его Иванъ.

даже смѣются по-нашему!“ сказалъ одинъ малороссъ. Художнику словно чудомъ далось вмѣстить въ небольшую картину всю квинтъ-эссенцію, всю сущность огромной, богатой народности.

Или его „Государственный Совѣтъ“! Вѣдь даже сюжета нѣтъ никакого: просто сидятъ старики-генералы, всѣ почти въ одинаковыхъ позахъ, — оффиціальный, казенный портретъ. А Рѣпинъ и изъ этого создалъ исполинское, рѣпински-мощное. Когда я впервые увидѣлъ картину на выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ, мнѣ показалось, что вдругъ заигралъ какой-то громчайшій оркестръ, тысячи литавровъ и трубъ: мажорная, бравурная музыка! Каждый клочокъ бороды, каждая складка мундира крикомъ-кричатъ, оглушительно, множествомъ глотокъ—обо всѣхъ этихъ разнообразнѣйшихъ людяхъ. Черточки нѣтъ вялой и дряблой, экспрессія



Правительница царевна Софья Алексѣевна.

такая, что страшно. Изъ каждой самомалѣйшей морщинки такъ и прётъ на тебя весь человѣкъ, и ты знаешь всю его подноготную, а вѣдь нарисованы только спина, только затылокъ да лысина. У Рѣпина есть много рисунковъ, гдѣ человѣкъ изображенъ со спины, и, право, эти спины выразительнѣе, чѣмъ лица у иныхъ портретистовъ. Спина старухи-матери въ „Не ждали“ есть предѣлъ изобразительной мощи: въ этой спинѣ столько чувствъ—и радость, и сомнѣніе, и страхъ, и приливъ материнской любви. Только толстовскому генію бывала доселѣ доступна такая мощь тѣлесной выразительности. Сказано: тайновидецъ плоти!

Плоть, какъ отраженіе духа; плоть, преображенная въ духъ; тѣло, претворенное въ душу—здѣсь основа его дарованія.

Конечно, Рѣпинъ—колористъ изумительный и могъ бы щеголять виртуозностью, но вся энергія его мастерства ушла на прозрѣніе

Запорожцы.

психологическихъ сущностей, на уловленіе человѣческихъ душъ. Эстетику онъ подчинилъ психологіи, и если иные куски его живописи вызываютъ восклицанія восторга,—какъ, напр., intérieur въ той же картинѣ „Не ждали“,—то все же его стихія не здѣсь, а въ ошеломляющей силѣ экспрессіи.

Лица и фигуры людей у него не говорятъ о себѣ, а, повторяю, кричатъ, и кричатъ такъ пронзительно-громко, что былъ бы дикій галдежъ, визготня, какофонія, если бы все это множество криковъ онъ своей титанической властью не сливалъ бы въ единый гармоническій хоръ, не подчинялъ бы единому ритму. Сколько лицъ въ его „Крестномъ ходу“, и каждое страшно-характерно: тысячи человѣческихъ „я“, обнаженныхъ до послѣднихъ предѣловъ, какъ они затормошили бы насъ, ошарашили, если бы всю ихъ пестроту многоликую художникъ могуче не свелъ къ какой-то великой мелодіи, и теперь, когда я не вижу картины, мнѣ вспоминаются не отдѣльныя ея фигуры и лица, а вся ея лирика, вся ея музыкальная сущность.

Сила рѣпинскаго психологизма такая, что самыя сложныя движенія души, неуловимо-утонченныя, доступны и подвластны его кисти. Только развѣ Толстой могъ бы выразить въ словѣ иные жесты, улыбки и позы написанныхъ Рѣпинымъ людей: такъ они многозначительны и богаты оттѣнками. Но его всегда отъ полутоновъ и оттѣнковъ влекло къ стихійнымъ, безмѣрнымъ страстямъ, къ самосожигателямъ и сыноубійцамъ, и замѣтьте: не въ театрально-драматическихъ позахъ, не въ эффектныхъ какихъ-нибудь жестахъ выражалъ онъ все буйство страстей, которыми объяты его персонажи: его „Софья“, напримѣръ, послѣ казни стрѣльцовъ просто стоитъ, скрестивъ руки, безъ всякихъ позъ и гримасъ, просто стоитъ и глядитъ, и все же въ ней высшее выраженіе отчаянія, ярости, гнѣва, такого пыланія души, котораго не погаситъ даже смерть! Она не мечется по своей могилѣ-тюрьмѣ,—волчиха, попавшая въ яму,—она просто стоитъ и глядитъ, и въ этой простотѣ, не-театральности, въ этомъ отвращеніи къ эффектамъ—національное величіе Рѣпина. Русскому искусству враждебна риторика: никакого треску, никакой декламаціи, никакихъ бенгальскихъ огней, все горитъ внутреннимъ пожаромъ, идетъ отъ души къ душѣ въ искусствѣ Толстого, Рѣпина, Сѣрова и Чехова.

И рѣпинское пренебреженіе къ красивости—такая же глубоко-національная черта. Не ждите отъ него элегантности, граціи, для этого онъ слишкомъ громаденъ: странно было бы искать у Льва Толстого романсовъ, серенадъ или рондо. Русская природа вѣдь вся отрицаетъ красивость: въ ней нѣтъ мишуры, декораціи, она знаетъ только одно: красоту. И Рѣпинъ пришелъ къ красотѣ помимо изящества, наперекоръ тривіальной красивости — сквозь уродство, неуклюжесть и грубость, — національнѣйшій изъ русскихъ художниковъ!

Пушкинъ у Брюллова.

Неизданный рисунокъ **И. Е. Рѣпина.**

Пушкинъ для Рѣпина — культъ, старая прочнѣйшая любовь, которую онъ трогательно лелѣетъ. Не по-дилетантски знаетъ онъ жизнь и творенія Пушкина, собираетъ его иконографію, и, когда говоритъ о поэтѣ, въ его голосѣ слышится умиленная нотка.

Однажды И. Е. сказалъ мнѣ, доставая изъ папки портретъ Пушкина, рисованный и гравированный англичаниномъ Райтомъ:

— Обратите вниманіе... что̀ въ наружности Пушкина отмѣтилъ англичанинъ! Голова общественнаго человѣка, лобъ мыслителя. Виденъ государственный умъ...

Дѣйствительно, нельзя лучше характеризовать идею райтовской работы одного изъ лучшихъ портретовъ Пушкина.

Мнѣ пріятно подѣлиться съ тѣми, кто любитъ и цѣнитъ Рѣпина, еще однимъ принадлежащимъ ему изображеніемъ Пушкина, до сихъ поръ нигдѣ не воспроизведеннымъ. Это—рисунокъ перомъ, иллюстрирующій веселый и трогательный эпизодъ изъ послѣднихъ дней Пушкина.

„Сегодня,—читаемъ мы въ запискахъ ученика знаменитаго живописца К. П. Брюллова, А. И. Мокрицкаго, подъ 25 января 1837 г., за два дня до дуэли поэта съ Дантесомъ: — въ нашей мастерской были Пушкинъ и Жуковскій. Сошлись они вмѣстѣ, и Карлъ Павловичъ угощалъ ихъ портфелью и альбомами. Весело было смотрѣть, какъ они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками, но когда онъ показалъ имъ недавно оконченный рисунокъ: „Съѣздъ на балъ къ австрійскому посланнику въ Смирнѣ“, то восторгъ ихъ выразился крикомъ и смѣхомъ.



Пушкинъ не могъ разстаться съ этимъ рисункомъ, хохоталъ до слезъ и просилъ Брюллова подарить ему это сокровище: но рисунокъ принадлежалъ уже княгинѣ Салтыковой, и Карлъ Павловичъ, увѣряя его, что не можетъ отдать, обѣщалъ нарисовать ему другой. Пушкинъ былъ безутѣшенъ. Онъ, съ рисункомъ въ рукахъ, сталъ передъ Брюлловымъ на колѣни и началъ умолять его:

— Отдай, голубчикъ! Вѣдь другого ты не нарисуешь для меня. Отдай мнѣ этотъ.

Не отдалъ Брюлловъ рисунка, а обѣщалъ нарисовать другой. Я, глядя на эту сцену, не думалъ, что Брюлловъ откажетъ Пушкину. Такіе люди, казалось мнѣ, не становятся на колѣни передъ равными себѣ. Это было ровно за четыре дня до смерти Пушкина...

Гибель поэта глубоко опечалила Брюллова. Въ этомъ настроеніи онъ, черезъ два дня послѣ смерти Пушкина, велѣлъ Мокрицкому читать вслухъ его стихи—„и восхищался каждой строкой, каждой мыслью и жалѣлъ душевно о ранней кончинѣ великаго поэта. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не отдалъ ему рисунка, о которомъ тотъ такъ просилъ его“.

Съ своимъ обычнымъ мастерствомъ передалъ Рѣпинъ выраженіе удовольствія, веселости и беззаботности на умоляющемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣющемся лицѣ Пушкина.

Н. Лернеръ.

Въ Издательствѣ Т-ва А. Ф. Марксъ готовится къ печати:

И. Е. Рѣпинъ. „*Впечатлѣнія*“. Съ иллюстраціями автора.

Содержаніе: Автобіографія. — Изъ моихъ общеній съ Л. Н. Толстымъ. — Воспоминанія о Крамскомъ.—Ник. Ник. Ге.—Чеховъ, Гаршинъ, Влад. Соловьевъ и др.

Величайшій въ мірѣ сухой докъ.

(Рис. на стр. 578 и 579).

1 іюля с. г. въ Кронштадтѣ состоялось большое торжество въ Высочайшемъ присутствіи: былъ освященъ громадный новый докъ имени Цесаревича Алексѣя Николаевича, заложенный въ 1908 году.

Этотъ гравдіозный докъ вызванъ былъ къ жизни тѣмъ, что съ созданіемъ новыхъ морскихъ гигантовъ—дредноутовъ у насъ не оказалось достаточнаго для нихъ по величинѣ дока. Обновленіе русскаго флота вензбѣжно влекло за собою постройку такого вмѣстилища для починки новыхъ судовъ, которое могло бы соотвѣтствовать ихъ размѣрамъ. Существующіе въ Кронштадтѣ военные доки, Александровскій и Константиновскій, оказались недостаточными для строящихся гигантовъ обновленнаго флота.



Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества изволятъ присутствовать на торжествѣ освященія дока.

Работы по созданію Алексѣевскаго дока начались, какъ сказано, въ 1908 году. Такъ какъ въ Кронштадтѣ было слишкомъ мало мѣста для новаго гигантскаго дока, то пришлось отвоевать часть земли у моря. Это была трудная задача: нужно было отнять у морского пространства площадь въ 13.000 квадратныхъ саженъ и построить гигантское сооруженіе тамъ, гдѣ до этого времени плескались пустынныя волны. Вбивали цѣлые ряды свай, засыпали пространство между ними пескомъ, потомъ осушали это пространство, при чемъ все время приходилось вести самую напряженную борьбу съ просачивавшейся водой. Работамъ очень мѣшали водопроводныя трубы городской водопроводной станціи: пришлось отвести трубы въ другое мѣсто, построить новую водопроводную станцію и новый водопріемникъ. Изъ образовавшейся отмели вынули около 46.000 кубическихъ саженъ земли, такъ что образовалась громадная яма. Эта яма превратилась въ исполинскій бассейнъ, куда при помощи сложныхъ машинъ и приборовъ быстро наливается вода и вводится громадный корабль.



Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества изволятъ обозрѣвать сооруженія дока.

Торжество русскаго флота. Открытіе величайшаго въ мірѣ сухого дока Цесаревича Алексѣя Николаевича въ Кронштадтѣ, состоявшееся въ Высочайшемъ присутствіи 1 іюля с. г. По фот. К. Булла.

По своимъ размѣрамъ новый докъ является самымъ громаднымъ въ мірѣ. Его длина—815 футовъ, и длина эта еще можетъ быть потомъ легко увеличена, потому что боковыя стѣнки проведены далѣе хвоста, и докъ можетъ быть продолженъ съ перерывомъ дѣятельности лишь въ самомъ концѣ работъ по достройкѣ. Ширина дока—120 футовъ (входная часть). Глубина дока такова, что въ него могутъ войти самыя большія суда даже при ненормальномъ погруженіи въ воду (напримѣръ, подбитыя и полупотопленныя). Входное отверстіе заграждается колоссальнымъ желѣзнымъ ботапортомъ вѣсомъ въ 46.000 пудовъ.



Торжество русскаго флота. Открытіе величайшаго въ мірѣ сухого дока Цесаревича Алексѣя Николаевича въ Кронштадтѣ, состоявшееся въ Высочайшемъ присутствіи 1 іюля с. г. Первый пускъ воды въ докъ. По фот. К. Булла.

Около дока помѣщается водоотливная станція съ тремя огромными насосами. Насосы эти имѣютъ въ діаметрѣ 48 дюймовъ, и мощность приводящей ихъ въ движеніе электрической энергіи такова, что они могутъ въ четыре часа выкачать всю воду изъ дока, а докъ вмѣщаетъ 4.200.000 кубическихъ футовъ воды.

Постройка дока съ вспомогательными работами и механическимъ оборудованіемъ обошлась въ 5 милліоновъ рублей. Проектъ дока былъ составленъ подъ руководствомъ бывшаго главнаго инженера кронштадтскаго порта, Б. А. Берга. Строителемъ же дока былъ инженеръ морской строительной части, В. П. Шаверновскій.

День освященія Алексѣевскаго дока знаменуетъ цѣлую эпоху въ нашемъ морскомъ дѣлѣ: только-что освященное новое колоссальное сооруженіе чрезвычайно усиливаетъ значеніе Кронштадта, какъ морской военной базы. Новые дредноуты имѣютъ теперь въ Кронштадтѣ опору и прибѣжище, и тѣмъ понятнѣе то значеніе, которое придано у насъ сооруженію новаго дока, и та торжественность, съ которой онъ былъ освященъ 1 іюля.

Скандинавская поѣздка Р. Пуанкарэ.

(Политическое обозрѣніе).

Послѣ сердечной и торжественной встрѣчи въ нашей столицѣ, упоенный бурными выраженіями горячаго энтузіазма, нашъ союзный дорогой гость Р. Пуанкарэ до возвращенія домой рѣшилъ заѣхать на нѣсколько дней въ Швецію. Визиту этому европейская печать всѣхъ лагерей придаетъ огромное политическое значеніе. Одни со страхомъ и трепетомъ, а другіе съ радостью и надеждой ожидаютъ, что высокопоставленный туристъ, пріѣхавшій въ Стокгольмъ прямо изъ Петербурга, выступитъ какъ бы естественнымъ посредникомъ между обѣими странами и въ качествѣ чрезвычайно авторитетнаго истолкователя открытыхъ ему тайнъ русской политики сумѣетъ разсѣять всѣ недоразумѣнія и ложныя тревоги запуганной германскими агнтаторами Швеціи. Президенту Французской республики, конечно, ближе, чѣмъ кому-нибудь другому въ Европѣ, извѣстны миролюбивые планы и замыслы союзнаго ему русскаго правительства. Глава Франціи будетъ говорить не какъ чрезвычайный посолъ Россіи, а какъ достовѣрный и неоспоримо авторитетный свидѣтель ея глубокаго миролюбія и искренней симпатіи къ маленькой сѣверной сосѣдкѣ. Свидѣтельство его будетъ тѣмъ авторитетнѣе, что въ наше время грандіозныхъ международныхъ коалицій политика отдѣльныхъ государствъ по существу положенія уже не можетъ быть совершенно самостоятельной и скрытой отъ ближайшихъ союзниковъ.

Интересы всѣхъ до такой степени переплетаются, что воображаемое, напр., нападеніе Россіи на Швецію было бы очень невыгоднымъ для Франціи и Англіи, такъ какъ отвлеченіе нѣсколькихъ корпусовъ на сѣверъ ослабили бы русскую армію на западной границѣ и тѣмъ нанесли бы громадный ущербъ всему тройственному согласію, точно такъ же, какъ по логичнымъ соображеніямъ для Россіи было бы крайне невыгодной такая же „частная" война союзной Франціи съ Испаніей, или Англіи съ Нидерландами. Пока существуетъ тройственное согласіе, каждый изъ его участниковъ не можетъ затѣвать никакихъ войнъ безъ согласія и одобренія своихъ союзниковъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Р. Пуанкарэ располагаетъ слишкомъ неоспоримыми документальными доказательствами самаго миролюбиваго и дружескаго отношенія Россіи къ Швеціи и уже самымъ фактомъ появленія своего въ Стокгольмѣ послѣ петербургскихъ торжествъ убьетъ лживыя химеры о русскомъ нашествіи, распущенныя по вдохновенію изъ Берлина Свенъ-Гединомъ. Со времени искусно локализированной имъ первой балканской войны нынѣшній президентъ Французской республики вполнѣ заслуженно считается однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ дипломатовъ Европы. Такъ какъ Франція заинтересована больше всего въ сохраненіи европейскаго равновѣсія, то ея глава, разумѣется, широко используетъ свою тріумфальную поѣздку въ Россію и Швецію для упроченія мира на сѣверѣ Европы. Въ высшей степени характерно, что самое обнародованіе его маршрута уже оказало замѣтно отрезвляющее вліяніе на шведскихъ шовинистовъ. Тонъ ихъ разсужденій о Россіи сразу сдѣлался совершенно инымъ.

Ультра-консервативная шведская газета „Nya Dagligt" говоритъ: „Если высоко-симпатичный президентъ Французской республики несетъ намъ вѣсть о дружбѣ и мирѣ не только отъ имени своего народа, но также отъ имени великой и процвѣтающей Россіи, мы, конечно, примемъ ее съ величайшимъ удовлетвореніемъ. Мы убѣждены, что она не оставитъ ничего желать въ смыслѣ искренности, и что мы можемъ надѣяться на скорую ея реализацію".

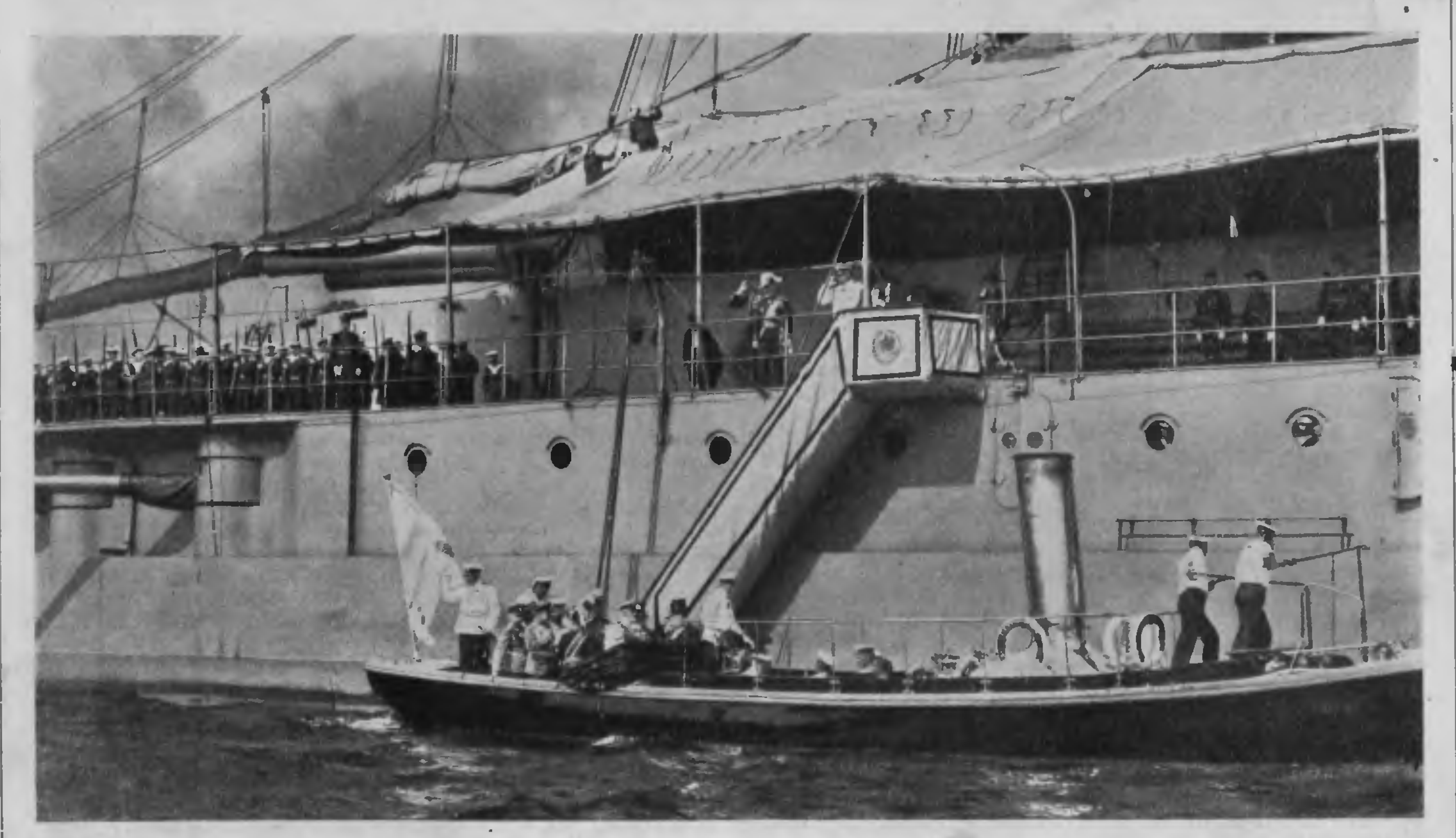
Либеральная шведская газета „Stockgolms Tidningen" говоритъ:

„Въ Швеціи съ почтительной симпатіей выслушають увѣренія президента Пуанкарэ въ миролюбивыхъ чувствахъ Франціи по отношенію къ нашей странѣ. Если Пуанкарэ убѣдитъ насъ, что тѣ же чувства существуютъ и въ Россіи, онъ преисполнитъ насъ радостью, такъ какъ докажетъ, что нынѣшнее французское правительство желаетъ нашей свободы. Единственный руссофобъ въ Швеціи—Свенъ-Techинъ. Шведское правительство, шведскій риксдагъ и большая часть народа — не враги Россіи, но намъ надо знать, какая опасность можетъ намъ грозить во время европейскаго конфликта, какъ отъ Россіи, такъ и съ другихъ сторонъ“. Большая консервативная газета „Stockgolms Dagblad“, близкая нынѣшнему правительству, пишетъ по поводу союза между Швеціей и Германіей, что внѣшняя политика Швеціи была до сихъ поръ глубоко лойяльна, и Швеція сохранитъ, какъ и до сихъ поръ, осторожный и лойяльный нейтралитетъ.

Участіе во враждебныхъ союзахъ подъ прикрытіемъ нейтралитета равносильно открытому нарушенію послѣдняго, поэтому формальное заявленіе близкаго къ правительству органа объ отказѣ Швеціи отъ союза съ Германіей, сдѣланное послѣ таинственной поѣздки шведскаго короля на совѣщаніе съ императоромъ Вильгельмомъ и покойнымъ эрцгерцогомъ Францемъ-Фердинандомъ, уже звучитъ какъ вѣсть мира и дружбы между двумя сѣверными державами. Пуанкарэ всюду является съ пальмовою вѣтвью мира въ рукахъ, а Германія, повидимому, безвозвратно утрачиваетъ надежду найти въ лицѣ маленькой Швеціи компенсацію за потерянную тройственнымъ союзомъ Румынію.



1) Президентъ Пуанкарэ въ моментъ прибытія въ Россію 7 іюля с. г. 2) Прибытіе французской эскадры на Кронштадтскій рейдъ. Привѣтствія русскихъ судовъ.



Отбытіе президента Пуанкарэ на Императорскомъ катерѣ „Петергофъ“ съ адмиральскаго броненосца „France“ для слѣдованія къ Императорской яхтѣ „Александрія“.

Франко-русскія торжества. Прибытіе президента Пуанкарэ въ Кронштадтъ 7 іюля с. г. По фот. К. Булла.



Государь Императоръ и президентъ Пуанкарэ обходятъ почетный караулъ на Петергофской военной пристани.



Слѣдованіе Его Величества Государя Императора и президента Пуанкарэ въ Большой Петергофскій дворецъ.

Франко-русскія торжества.

Франко-русскія торжества, состоявшіяся 7, 8, 9 и 10 іюля въ Кронштадтѣ, Новомъ Петергофѣ, Петербургѣ и Красномъ Селѣ, взволновали весь политическій міръ и обострили въ каждомъ государствѣ именно тѣ политическія чувства, какія оно питаетъ: насколько въ странахъ тройственнаго соглашенія еще громче заговорили голоса о новомъ залогѣ мира Европы, настолько рѣзче забряцали оружіемъ государства тройственнаго союза, возглавляемыя Германіей. Въ печати мѣтко охарактеризованы эти торжества, какъ „серебряная свадьба франко-русскаго союза“, и за время 25-лѣтія его существованія, быть-можетъ, ни разу послѣ памятнаго визита президента Феликса Фора въ 1897 г., когда была произнесена во всеуслышаніе историческая формула о двухъ дружественныхъ и союзныхъ народахъ,—не отмѣчалось значеніе франко-русскаго союза такъ ярко, какъ теперь. Это доказываютъ два знаменательныхъ тоста, произнесенныхъ за Высочайшимъ обѣдомъ во дворцѣ въ Новомъ Петергофѣ 8 іюля Государемъ Императоромъ и президентомъ Пуанкарэ.

Государь Императоръ изволилъ сказать:

«Глава дружественнаго и союзнаго государства можетъ быть всегда увѣренъ найти въ Россіи самый теплый пріемъ. Но сегодня удовлетвореніе, испытываемое вслѣдствіе возможности привѣтствовать президента Французской республики, усугубляется тѣмъ, что въ вашемъ лицѣ Мы встрѣчаемъ стараго знакомаго, съ которымъ Я два года тому назадъ имѣлъ удовольствіе завязать личныя отношенія.

Издавна объединенныя взаимною симпатіею ихъ народовъ и общностью ихъ интересовъ, Франція и Россія уже скоро четверть вѣка поддерживаютъ



У Большого Петергофскаго дворца. Прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ предъ Государемъ Императоромъ и президентомъ Пуанкарэ почетнаго караула отъ 94-го пѣхотнаго Енисейскаго полка — на флангѣ караула Августѣйшій Главнокомандующій войсками Великій Князь Николай Николаевичъ.

Франко-русскія торжества. Прибытіе президента Пуанкарэ въ Новый Петергофъ 7 іюля с. г. По фот. К. Булла.



Прибытіе президента Пуанкарэ въ Петербургъ на Императорской яхтѣ „Александрія“. У Царской пристани на Англійской набережной у Николаевскаго моста.

тѣсную связь для успѣшнаго достиженія одной и той же цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы охранять свои интересы, содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненію равновѣсія и мира въ Европѣ.

Я не сомнѣваюсь, что, оставаясь вѣрными своему мирному идеалу и опираясь на свой испытанный союзъ, равно какъ и на одинаковыя дружественныя отношенія, наши двѣ страны будутъ продолжать пользоваться благами мира, обезпеченнаго полнотою ихъ силъ, и все болѣе укрѣплять тѣсныя узы, ихъ связующія».

Въ своемъ отвѣтномъ тостѣ президентъ Пуанкарэ сказалъ:

«Около 25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ оба наши государства въ ясномъ предвидѣніи своихъ судебъ объединили дѣятельность своей дипломатіи. Счастливые результаты этого постояннаго сотрудничества каждый день даютъ себя чувствовать въ міровомъ равновѣсіи. Основанный на общности интересовъ, освященный мирными стремленіями обоихъ правительствъ, опирающійся на арміи и флоты, которые знаютъ и уважаютъ другъ друга и привыкли брататься, укрѣпленный продолжительнымъ опытомъ и дополненный цѣнными дружбами союзъ нашъ, инициатива котораго принадлежитъ славному императору Александру III и президенту Карно, постоянно съ тѣхъ поръ давалъ доказательства своего благотворнаго вліянія и непоколебимой крѣпости. Ваше Величество можете быть увѣрены, что Франція, какъ до сихъ поръ, такъ и впредь, въ тѣсномъ и ежедневномъ сотрудничествѣ со своей союзницей, будетъ трудиться надъ дѣломъ мира и цивилизаціи, на благо которыхъ оба правительства и оба народа не переставали работать».

Послѣ этихъ тостовъ протекли яркіе три дня блестящихъ торжествъ въ честь президента Пуанкарэ, и эти блестящіе союзные дни завершились новымъ подтвержденіемъ тѣсныхъ узъ, связующихъ Россію и Францію, въ двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ 10 іюля с. г. за торжественнымъ обѣдомъ на броненосцѣ „Франція“ передъ уходомъ эскадры изъ Россіи. Президентъ Пуанкарэ сказалъ:

„Ваше Величество. Я не хочу удалиться отъ этихъ береговъ, не высказавъ вновь Вашему Величеству, насколько я тронутъ тою любезною сердечностью, которую Вы мнѣ засвидѣтельствовали во время моего пребыванія здѣсь, и тѣмъ горячимъ пріемомъ, который я встрѣтилъ со стороны русскаго народа. Въ знакахъ вниманія, мнѣ оказанныхъ, моя страна увидитъ новый залогъ тѣхъ чувствъ, которыя Ваше Величество всегда обнаруживали по отношенію къ ней, и блистательное подтвержденіе неразрывнаго союза, соединяющаго Россію и Францію. Относительно всѣхъ вопросовъ, ежедневно ставящихся передъ обоими правительствами и требующихъ согласованной дѣятельности ихъ дипломатовъ, постоянно устанавливалось согласіе и будетъ устанавливаться и впредь, тѣмъ болѣе, что обѣ страны неоднократно испытывали выгоды, доставляемыя каждой изъ нихъ этимъ постояннымъ сотрудничествомъ, и что у нихъ обѣихъ одинъ и тотъ же идеалъ мира въ силѣ, чести и достоинствѣ. Я пью за здоровье Вашихъ Величествъ, Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и всей Императорской Фамиліи. Я пью за славу Россійской Имперіи“.

Отвѣтомъ на эту рѣчь были слѣдующія знаменательныя слова Государя Императора:

„Господинъ президентъ. Принося вамъ благодарность за ваши любезныя слова, Я хочу еще разъ сказать вамъ, какимъ удовольствіемъ было для насъ видѣть васъ въ нашей средѣ. Вернувшись во Францію, вы соблаговолите передать вашей прекрасной странѣ выраженіе вѣрной дружбы и сердечной симпатіи всей Россіи. Согласованная дѣятельность нашихъ двухъ дипломатическихъ вѣдомствъ и братство нашихъ сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ облегчатъ задачу обоихъ нашихъ правительствъ, призванныхъ блюсти интересы союзныхъ народовъ, вдохновляясь идеаломъ мира, который ставятъ себѣ обѣ наши страны въ сознаніи своей силы. На этомъ прекрасномъ суднѣ, носящемъ славное имя Франціи, Я особо включаю въ свои пожеланія доблестный французскій флотъ, поднимая Мой бокалъ за Ваше здоровье, господинъ президентъ, и за славу и благоденствіе Франціи“.

Франко-русскія торжества. Прибытіе президента Пуанкарэ въ Петербургъ 8 іюля с. г. По фот. К. Булла.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана“ кн. 3.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.



ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 30 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 26 іюля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 5.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1914 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ
ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ:

В. Г. КОРОЛЕНКО | А. Н. МАЙКОВА | Э. РОСТАНА,

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.



Н. Харитоновъ. Въ полѣ. Весенняя выставка въ Академіи Художествъ.

Сердце жизни.

Повѣсть **В. В. Муйжеля.**

(Продолженіе).

Дверь изъ спальни въ кабинетъ была отворена, и слышно было, какъ Антонина Александровна вошла туда. Должно-быть, Прохоровъ переодѣвался, потому что онъ забормоталъ что-то испуганнымъ голосомъ, потомъ вдругъ сказалъ ясно:

— Ну, ничего, я готовъ уже, входи...

— Ты опять ѣдешь? — услышалъ Березскій ея голосъ и закрылъ глаза.

— Да вѣдь знаешь — надо... Опять на станцію... — отвѣтилъ мужъ.

Она проговорила что-то, чего нельзя было разобрать, и онъ отвѣтилъ такъ же громко и ясно:

— Нѣтъ, нельзя, ты же знаешь, такая масса работы... Мнѣ обязательно надо.

— Не поѣзжай,—яснѣе сказала она, и Березскій безпомощно оглянулся: теперь закрыть дверь значило показать, что онъ слышалъ уже ихъ, а не закрывъ—онъ могъ сдѣлаться свидѣтелемъ объясненія. Выйти тоже нельзя было, такъ какъ надо было пройти кабинетъ. Онъ оперся локтями о столъ и обнялъ руками голову.

— Ну, не поѣзжай этотъ разъ, останься!..—говорила она просящимъ голосомъ.—Ты всегда ѣздишь, а я одна, одна...

— Дѣточка, что съ тобой?—удивленно бормоталъ Прохоровъ, шагая по комнатѣ, должно-быть, отыскивая что-то.—Я не узнаю тебя... Ты знаешь, что мнѣ надо ѣхать, что у меня работа... Я думалъ, что это у насъ уже давно кончилось...

— Но ты подумай, подумай только — я одна... Я сижу одна день и вечеръ, день и вечеръ... Кругомъ такъ нехорошо... Я боюсь!..

— Чего бояться?

— Всего боюсь... Такъ тихо, и эти большія комнаты, и все молчитъ... И люди—всѣ смотрятъ и — молчатъ... Не поѣзжай!.. Какъ-нибудь потомъ, можетъ-быть...

Она говорила слабымъ, виноватымъ голосомъ, и похоже было, что готова заплакать. Чтобы не слышать, Березскій заткнулъ уши ладонями и съ исказившимся судорожной гримасой лицомъ уставился глазами въ размѣченную на бумагѣ площадь Сонинскаго моста. Но голоса въ спальнѣ глухо отдавались, хотя нельзя было разобрать словъ, и отъ этого было еще больнѣе.

Онъ поднялъ голову, когда стукнула дверь и мимо пробѣжалъ Владиславъ. Когда Прохоровъ съ женой выходили на крыльцо— онъ заперъ дверь въ кабинетъ. Потомъ сѣлъ, не глядя въ окно, взялъ отброшенную инженеромъ папку съ замѣтками и раскрылъ ее.

— Мнѣ надо,—шепталъ онъ вслухъ, усиліемъ воли заставляя себя думать о другомъ: — мнѣ надо найти эскизъ водокачки на Струговѣ, надо перевести его и вычертить... Мнѣ надо!..

Брякнули за окномъ мягкимъ звономъ бубенцы, кто-то что-то крикнулъ, потомъ послышался дружный и тяжкій топотъ пары лошадей. Мелькомъ взглянувъ въ окно, онъ видѣлъ, какъ длинная линейка заворачиваетъ въ ворота съ нелѣпыми вазами, а на крыльцѣ стоитъ свѣтлая тѣнь.

— Гдѣ же этотъ эскизъ?—бормоталъ онъ, поворачивая тугіе, иногда смятые листы бумаги.—Онъ говорилъ, на листкѣ записной книжки...

У Прохорова была привычка набрасывать первоначальный проектъ гдѣ попало—въ вагонѣ, на станціи, гдѣ онъ ждалъ лошадей, при чемъ онъ пользовался въ такихъ случаяхъ записной книжкой, первымъ попавшимся листкомъ бумаги и потомъ, мелко сложивъ его, пряталъ въ карманъ, а иногда носилъ такъ нѣсколько дней, до того, что бумага почти изнашивалась.

Развертывая такіе листочки, Березскій слышалъ, какъ входная дверь затворилась, потомъ мимо простучали тѣ же знакомые шаги, особый сухой и короткій звукъ высокихъ каблуковъ. У двери кабинета шаги пріостановились на минуту, потомъ послышались опять.

Онъ вздохнулъ и, вынувъ двѣ мелко сложенныя бумажки, сталъ разглядывать ихъ. Одна изъ нихъ была исписана страннымъ почеркомъ, падающимъ въ обратную сторону. Онъ думалъ, что это какая-нибудь замѣтка, написанная Сердой или кѣмъ-нибудь изъ работавшихъ на станціи, и сталъ читать. И вдругъ, откинувшись, посмотрѣлъ кругомъ.

— Что это такое? Откуда могла попасть эта записка въ папку?

Онъ прочелъ еще и густо покраснѣлъ. Ломанымъ, очевидно, нарочно измѣненнымъ, почеркомъ было написано:

„ ...а вы уѣзжаите и ничемъ не глядите а онъ кажній день пропадаетъ въ васъ и съ вашей мадамъ анжинершей всякіі разговоры и все прочее какъ полагитца въ молодыхъ кавалерѣ и дамѣ. И еще не глядите вы какъ змѣю отогрѣли на грудѣ и она жалитъ насъ честь вашу позоритъ и все про это знаютъ и на пасадѣ говорятъ одинъ мужъ въ неведеніи блаженномъ и очень жалко даже до слезъ насъ, потому какъ настоящій господинъ вашъ доброжелатель...“

Да, конечно, иначе это не могло быть.

Въ послѣднее время Антонина Александровна иногда заходила вечеромъ, когда темнѣло, въ чертежную и говорила:

— Работать уже темно, а мнѣ подали самоваръ. Я не могу пить чай одна — пойдемте вмѣстѣ.

Первое время онъ отказывался, говорилъ, что торопится домой, гдѣ его ждетъ дѣло, но потомъ соглашался и шелъ въ столовую. За большимъ столомъ, казавшимся пустымъ оттого, что за нимъ сидѣли только два человѣка, они сидѣли иногда по часу за остывшимъ чаемъ. Всей своей долгой неудачной жизнью онъ пріучился презирать такихъ людей и въ особенности женщинъ, какъ она. Онъ считалъ, что они являются людьми разныхъ лагерей, и въ первые вечера онъ отвѣчалъ рѣзко, хмурился и торопился уходить. Но потомъ вышло такъ, что послѣ чаю они переходили въ гостиную, иногда она садилась за рояль, и въ полутемной комнатѣ, заставленной тяжелой мебелью, похожей на дно сказочнаго грота, плыли затушеванные нажатой педалью звуки.

Когда-то она играла очень хорошо, но потомъ забросила музыку, и рояль стоялъ по цѣлымъ мѣсяцамъ закрытый расшитой золотомъ матеріей, напоминающей церковную ризу. Теперь у нея пропала техника, появилась неувѣренность, но это почему-то нравилось Березскому больше, чѣмъ что-либо. Она любила Чайковскаго—и мягкая, безотчетная грусть его мотивовъ странно сливалась съ зеленоватыми сумерками, наполнявшими комнату, съ свѣтлой фигурой когда-то любимой женщины, склонившейся надъ клавіатурой, съ строгимъ молчаніемъ большого, пустыннаго дома.

Что-то таяло и расплывалось въ душѣ отъ этихъ неокрѣпшихъ аккордовъ, и почему-то, когда онъ слышалъ по вечерамъ игру Прохоровой, Березскій думалъ о томъ, что вся его жизнь прожита какъ-то не такъ, какъ ее надо бы было прожить, что много ушло назадъ безвозвратныхъ годовъ, и что впереди нѣтъ ничего, кромѣ одинокой старости...

Отъ музыки, отъ сумерекъ, отъ того, что фигура въ свѣтломъ платьѣ дѣлалась въ темнѣющей комнатѣ какъ будто тоньше и легче, привычный знакомый холодъ въ душѣ таялъ, и, когда она, обернувшись, говорила, — онъ отвѣчалъ безъ обычной нетерпимости, мягко и тихо. И странныя печальныя слова знакомаго голоса будили давній отзвукъ.

— Я прежде не замѣчала этого, — говорила она, повернувшись къ нему и слегка качаясь изъ стороны въ сторону на вертящемся стулѣ:—но теперь мнѣ почему-то тяжело и трудно жить здѣсь... Максъ думаетъ навсегда поселиться тутъ — и я знаю, что ему нужно это, но я не могу безъ ужаса думать о томъ, что всегда буду одна, онъ попрежнему будетъ уѣзжать, и кругомъ это село...

Ему хотѣлось отвѣтить рѣзко, чѣмъ-нибудь разорвать возникающую жалость къ этой молодой, печальной въ сѣрыхъ тѣняхъ сумерекъ женщинѣ, но не было сильныхъ словъ, и онъ говорилъ:

— Максимъ Павловичъ не всегда будетъ такъ разъѣзжать. Когда окончится постройка, работы у него будетъ меньше, и притомъ она просто войдетъ въ колею...

— Вы думаете?—спрашивала она, и по самому тону ея голоса видно было, что оба они не вѣрятъ тому, что сказалъ онъ.

— Притомъ мнѣ кажется,—продолжалъ онъ, чтобы пройти скорѣе эту невысказанную ложь: —притомъ вы живете — я бы сказалъ — не современно.

— Какъ не современно?

— Это трудно сказать. Я боюсь, что буду непонятымъ. Дѣло въ томъ, что самъ я тоже не современенъ: въ то время какъ вы пришли изъ прошлаго — я явился изъ будущаго. Вы родились слишкомъ поздно — я слишкомъ рано. Прежде люди жили, стараясь сохранить благожелательное отношеніе къ окружающему и примирить его съ собою; примѣръ: люди поняли, что хозяинъ и работникъ никогда не могутъ быть друзьями — они всегда враги, потому что работникъ заявляетъ свои права на обладаніе прерогативой хозяина — орудіемъ производства. Но добрый душевно человѣкъ, родившійся слишкомъ поздно, хочетъ примирить это и кладетъ заплаты на отношенія и боится посмотрѣть правдѣ въ глаза. Это, разумѣется, рѣзкій до карикатуры примѣръ, но я нарочно взялъ такой. Перенося это въ область вообще житейскихъ отношеній, я назвалъ васъ человѣкомъ, родившимся слишкомъ поздно.

— А вы?—тихо спросила она.

— Я? Я родился слишкомъ рано. Я осмѣливаюсь думать, что я — новый человѣкъ. Я долго смотрѣлъ на жизнь людей и поставилъ себѣ правиломъ: никакихъ иллюзій. А такъ какъ безъ иллюзій жить нельзя, то я отошелъ отъ жизни. Я просто бродячій человѣкъ, „человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій“, если хотите: я иду мимо жизни, какъ случайный прохожій, и стараюсь не принимать въ ней участія. Ибо—едва вы войдете въ жизнь на одну секунду—будетъ боль и тоска и рабство, а я этого не хочу. Я назвалъ себя новымъ, потому что обычно принято думать, что вся нескладица жизни — явленіе временное, а вотъ завтра, или черезъ годъ, или черезъ десять лѣтъ люди проснутся—и все будетъ великолѣпно. Я не вѣрю этому и поэтому иду въ сторонѣ своей дорогой.

— Какъ вы дошли до этого?

— То-есть—„какъ дошла ты до жизни такой“? Видите ли, я имѣлъ прежде глупость вѣрить и поэтому ломалъ свою жизнь такъ, что теперь отъ нея осталось одно недоразумѣніе: бородатый, почти сорокалѣтній человѣкъ бродитъ по землѣ, служитъ чертежникомъ, или статистикомъ, или еще чѣмъ-нибудь и возбуждаетъ изумленіе какой-нибудь старухи-мѣщанки, сдающей комнату:— Пьешь ты, что ли, сильно, али запоемъ?—спрашиваетъ она меня...

— Неужели вы все время такъ жили?

— Увы. Я считаю это болѣе достойнымъ человѣка, чѣмъ строить дороги и летать изъ Петербурга въ деревню, со станціи въ Петербургъ. Я просто не хочу этого — отнесите это къ недостатку моей психики—и предпочитаю просто смотрѣть на жизнь, чѣмъ принимать участіе въ этой грязной исторіи.

— И вы довольны, счастливы?

Уже совсѣмъ темнѣло, и онъ видѣлъ только свѣтлое пятно у рояля. Она, должно-быть, не глядѣла на него, потому что слова доносились неясно, и онъ скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ ихъ.

— А вы очень счастливы? Впрочемъ, это не отвѣтъ, — перебилъ онъ себя:—дѣло не въ томъ, счастливъ человѣкъ или нѣтъ. По крайней мѣрѣ я осмѣливаюсь такъ думать. Я просто „не согласенъ“. Есть у Чехова такой монахъ—что бы ни видѣлъ, онъ на все ворчитъ: „не ндравится мнѣ, прости Господи“. Очевидно, я—разновидность этого монаха. Я хожу по жизни, хмурюсь, иногда ворчу, иногда бранюсь— и качаю головой: — Не ндравится, прости Господи...

— Это любопытно... — задумчиво бросила она.

— Не знаю, можетъ-быть.

Они долго молчали, потомъ онъ подымался и собирался домой. Но иногда ихъ разговоры принимали иной оттѣнокъ. Она разспрашивала его, гдѣ онъ жилъ, что видѣлъ — и онъ начиналъ расказывать медленно, скупо бросая слова, но потомъ самъ увлекался, вспомнивъ какой-нибудь фактъ или мѣсто изъ своей долгой бродячей жизни, вдругъ загорался — и говорилъ своимъ глуховатымъ голосомъ, странно гудѣвшимъ въ темной комнатѣ, вставалъ, ходилъ изъ угла въ уголъ и, взмахивая рукой, спрашивалъ ее:

— Понимаете? Это пошлость, узость, злость!.. Вы понимаете? Вотъ почему я хожу и смотрю и не желаю принимать въ этомъ участіе... Потомъ я былъ на лѣсныхъ промыслахъ. Если бъ вы видѣли, что это такое: лѣсъ — ему нѣтъ конца! Когда я просыпался утромъ въ крохотной сторожкѣ, я слышалъ: гудитъ боръ. Его голосъ суровъ и благостенъ, какъ голосъ бога, уже забытаго людьми, умирающаго бога. Его жизнь проста и несложна, и въ жестокости ея, въ самой безпощадности ея борьбы, такой простой, какъ рожденіе и смерть, великая мудрость. Объ этой мудрости говорятъ по утрамъ старыя деревья, и когда я слушалъ ихъ—я начиналъ понимать нѣчто. Я чувствовалъ, что мое существо распадается, что я—часть природы, что моя воля — это воля зайца, птицы, ничтожной песчинки этого лѣса. Я не знаю, какъ это объяснить,—упавшимъ голосомъ говорилъ онъ.

— Я понимаю,—тихимъ эхо отзывалось свѣтлое пятно.

— Да, да, вы должны понимать это...

И онъ опять говорилъ — быстро и неясно, какъ бы для самого себя; это похоже было, какъ будто онъ думалъ вслухъ передъ этой женщиной. А когда онъ шелъ домой и вспоминалъ все, о чемъ говорилъ вечеромъ, онъ морщился, какъ отъ боли. И въ душѣ было такое впечатлѣніе, словно онъ старается развлечь ее, какъ ребенка, этими разсказами и бережетъ ее отъ чего-то, что должно обрушиться и придавить слабую, одинокую женщину.

Дома старуха отворяла ему двери и ворчала что-то о безпокойствѣ, о томъ, что лучше ему житіе почитать, чѣмъ таскаться по ночамъ. Потомъ спрашивала:

— Анжинеръ-то опять уѣхадчи?

Думала нѣкоторое время, склонивъ голову въ черномъ платкѣ набокъ, словно рѣшала трудную задачу, и прибавляла безъ всякой связи съ предыдущимъ:

— Вотъ она бабья-то доля наша, да-а... Ты тутъ себѣ сиди, ровно на чемъ привязана, тоскуй безъ мужа-то, лица человѣческаго не видѣвши, да-а... Охъ, ужъ горькая, можно сказать, обидная даже до крайности доля-то бабья... Разлучная доля!..

И когда уходила къ себѣ, Березскій долго еще слышалъ за стѣною медленное ворчанье о разлучной доли, о „чемы“, на ко-



В. Вучичевичъ-Сибирскій. Осенній шумъ Байкала.

торой сидитъ жена по долгу своему женскому, о мужскомъ легкомысліи...

VIII.

Послѣ письма, которое онъ случайно нашелъ въ папкѣ для замѣтокъ, Березскій сталъ рѣже оставаться въ домѣ. Когда въ чертежную приходила Антонина Александровна и звала его пить чай, онъ отговаривался домашней работой и, не глядя на нее, говорилъ особенно строгимъ голосомъ, а она смотрѣла удивленно и не могла понять — почему этотъ странный человѣкъ опять сталъ замкнутымъ и угрюмымъ?

Теперь она была совсѣмъ одна, такъ какъ дѣти не заходили совсѣмъ, а учительница куда-то уѣхала и тоже не показывалась. Цѣлые дни она бродила по дому, выходила въ садъ, шла въ конюшню и ласкала лошадей, встрѣчавшихъ ее сдержаннымъ ржаніемъ—и вездѣ: въ комнатахъ—Владиславъ, въ спальнѣ—Нюша, на дворѣ кучеръ Александръ или садовникъ, сѣдой, весь заросшій волосами старикъ Кудимычъ—всѣ смотрѣли на нее такъ, какъ будто бы она была давно и неизлѣчимо больна.



В. Вучичевичъ-Сибирскій. Байкалъ нахмурился.

Если она обращалась къ кому-нибудь съ вопросомъ—ей отвѣчали быстро и охотно и съ такимъ выраженіемъ, какъ отвѣчаютъ болѣзненному ребенку, который долженъ скоро умереть. И самое странное было, когда она спрашивала о мужѣ.

— Вамъ когда приказалъ Максимъ Павловичъ выѣхать на станцію?—спрашивала она встрѣтившагося Александра.

Кучеръ бросалъ ведро, которое несъ къ колодцу, быстро оправлялся и глядѣлъ на нее пустыми, стеклянными глазами, отвѣчалъ, какъ солдатъ офицеру:

— Не могу знать... Такъ что они ничего не говорили — и, когда будутъ, неизвѣстно. Какъ въ нихъ работы очень много, на ту станцію поѣхадчи и послѣ мостъ этотъ самый...

Владиславъ, подавая чай или убирая со стола, дѣлалъ таинственное лицо и вѣжливымъ голосомъ сообщалъ:

— Нынче у барина ужасно какъ много работы — надо такъ думать, не раньше вторника должны быть. Мостъ въ Заборовьѣ и потомъ совѣщаніе въ комитетѣ въ Петербургѣ будетъ безпремѣнно.

И когда она смотрѣла на него — скромно опускалъ глаза и вздыхалъ сдержанно. Если она спрашивала раздѣвавшую ее Нюшу о чемъ-нибудь или жаловалась ей, что стало скучно — опять слышала про какой-то мостъ, про комитетъ, про работу, и ловила соболѣзнующій, жалостный взглядъ.



В. Вучичевичъ-Сибирскій. Разрушенная берлога.

Тогда она начинала разспрашивать Березскаго. Но онъ отдѣлывался короткими замѣчаніями, хватался за циркуль или карандашъ, хмурилъ брови—и неловко было мѣшать занятому человѣку. Такъ одна, полная неясной тревоги, поддаваясь смутнымъ голосамъ женскаго инстинкта, бродила она, какъ сказочная царевна въ заколдованномъ царствѣ, и прислушивалась къ легкому постукиванію своихъ каблуковъ и смотрѣла кругомъ недоумѣннымъ взглядомъ...

А ночи были безсонныя, длинныя, свѣтлыя... Тишина опускалась на большой домъ, и смутныя мысли текли въ ней медленно, неуклонно, какъ тяжкія тучи въ вечернемъ небѣ. Били, отмѣчая падающее въ вѣчность время, часы на колокольнѣ, и каждый ударъ несъ напоминаніе о томъ, чего никто не минуетъ.

Недвижно стояли въ пустомъ, по-ночному, саду деревья—уже бѣлыя отъ нѣжнаго цвѣта, и свѣтлымъ облакомъ казались цвѣтущія яблони, нѣжныя вишни, корявыя старыя груши. Какъ будто рой легкихъ видѣній недвижно застылъ въ воздухѣ и смотритъ безсонными очами прямо въ душу и слѣдитъ, какъ копится горькая увѣренность въ одинокомъ сердцѣ...

Она вставала, подходила къ окну и подолгу смотрѣла на грустныя звѣзды, мерцающія блѣднымъ жидкимъ огнемъ въ свѣтломъ небѣ.



В. Вучичевичъ-Сибирскій. Шаманскій хоботъ. Байкалъ.

— Да, конечно, —шептала молодая женщина, подавленная безмолвіемъ и пустотой ночи:—я для него—только будни. Свой праздникъ, свое веселье онъ ищетъ тамъ, вдали отъ дома, а сюда приходитъ усталый, измученный, къ вѣчной работѣ, къ чертежамъ и расчетамъ. И всѣ видятъ это, и имъ жаль меня — и Березскій, этотъ странный, чуждый всему человѣкъ, уходитъ раньше, чтобъ какъ-нибудь не проговориться или случайно не выдать его...

Она смотрѣла на бѣлыя видѣнія, молчаливо стоявшія въ тайномъ ожиданіи, и спрашивала:

— Но зачѣмъ такъ? Почему ложь, зачѣмъ это вниманіе ко мнѣ, бережливость, какъ къ привычной старой игрушкѣ? Максъ, вѣдь ты не такой! Когда мы узнали другъ друга — ты подходилъ ко мнѣ и, взявъ меня за подбородокъ, говорилъ: „Когда мы разлюбимъ другъ друга—мы скажемъ объ этомъ одинъ другому; не будетъ позорящей обоихъ лжи“. Максъ, вѣдь это ты говорилъ!

Молчалъ садъ, молчалъ старый домъ, молчало высокое небо. И безсонная, полная темной тоски, ходила по комнатѣ одинокая женщина, крѣпко сжимая холодныя руки.

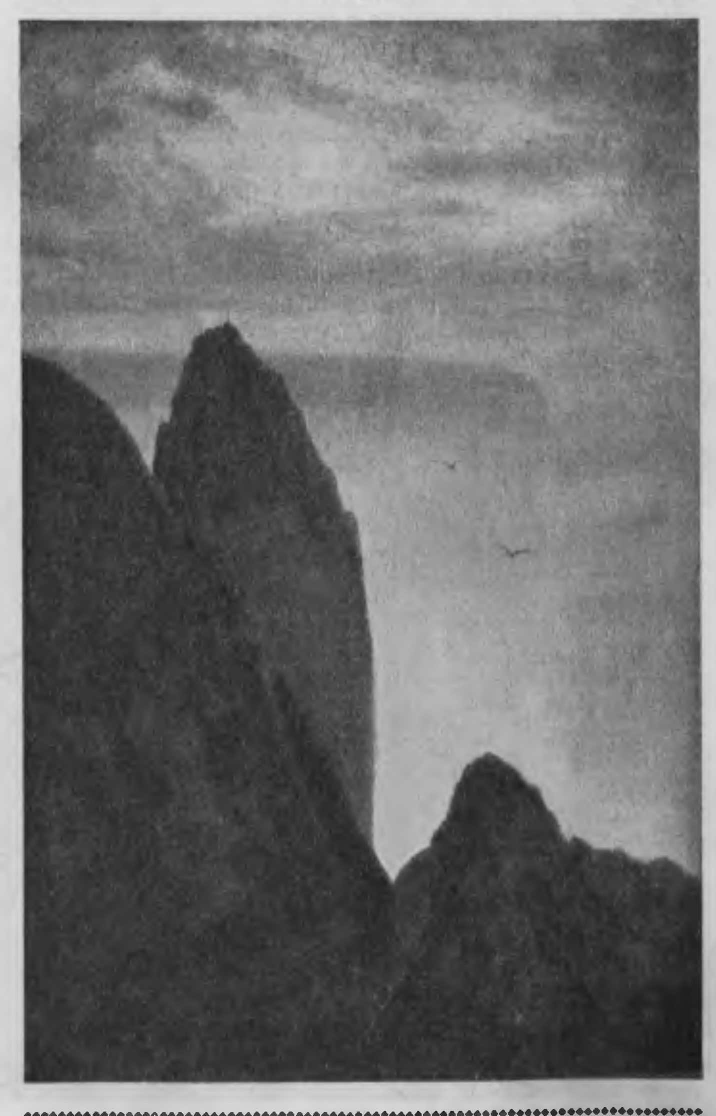
Тогда она начинала припоминать; незамѣтныя прежде мелочи выплывали въ памяти и пріобрѣтали характеръ увѣренности.

Максъ пріѣзжалъ домой и спалъ по тринадцати часовъ. Какъ будто тамъ, гдѣ онъ былъ, — онъ совсѣмъ не спалъ; не можетъ быть столько работы. Разъ она замѣтила, что отъ него пахнетъ какими-то тонкими, незнакомыми духами. Максъ никогда не покупалъ духовъ и не любилъ ихъ. Другой разъ Нюша, вынимая носовые платки изъ кармановъ барина, принесла ей маленькій кружевной платокъ, какихъ у нея никогда не было. Онѣ обѣ не знали, откуда могъ взяться этотъ платокъ, и рѣшили, что прачка случайно обмѣнила послѣ стирки. Какъ-то разъ Владиславъ передалъ ей почту, и среди газетъ, бандеролей съ каталогами какого-то цемента, желѣзодѣлательнаго завода, дѣловыхъ писемъ—было одно въ твердомъ бѣломъ конвертѣ, и отъ него пахло тѣми же незнакомыми тонкими духами. Она потомъ забыла спросить мужа—что это за письмо?

Середа пьянствовалъ, и его не пускали въ домъ. А однажды онъ пьяный пришелъ въ кухню и рвался къ барынѣ и кричалъ:

— Я его выведу на свѣжую воду, я знаю такое, что тутъ и крышка!.. Дайте мнѣ барыню, не могу, чтобы не сказать!..

Александръ вытолкалъ его, а потомъ она узнала, что мужъ разсчиталъ десятника.



В. Вучичевичъ-Сибирскій. Скала на Байкалѣ, гдѣ въ старину приносились человѣческія жертвы.

Нѣтъ болѣе горькаго чувства, какъ чувство обманутой женщины. Оно тонко—и жалитъ, какъ отравленная стрѣла, и разъ нанесенная рана не заживаетъ. Она затягивается тонкой пленкой, и можно подумать, что зажила, но малѣйшее прикосновеніе къ ней заставляетъ сочиться свѣжую, красную кровь... Уходитъ сонъ, и мертвыя тѣни ложатся на лицо, и впалые глаза смотрятъ съ нѣмымъ вопросомъ, и блѣдныя губы шепчутъ:

— За что?

Такъ внезапно опустошается жизнь, и, милая прежде, гнететъ своей безцѣльностью; остается одна оболочка жизни, а таинственная сущность ея — иногда заключающаяся въ смѣшной мелочи, въ какой-нибудь улыбкѣ или шутливомъ словѣ — гаснетъ, и холодный, сѣдой пепелъ ложится тамъ, гдѣ было радостное ожиданіе.

Пустымъ и мрачнымъ сталъ огромный старинный домъ, такъ нравившійся прежде. Остановившись гдѣ-нибудь въ полутемной гостиной или въ ненужно большой столовой, мо-

лодая женщина съ изумленіемъ оглядывала большую комнату и съ оттѣнкомъ глубокаго, непонятнаго страха спрашивала:

— Какъ, зачѣмъ, почему попала она сюда? Отчего все такъ тихо кругомъ, и она одна во всемъ домѣ? Какая страшная сила бросила ее сюда, одинокую, всѣми оставленную, робкую, слабую женщину, съ испугомъ прислушивающуюся къ жуткой тишинѣ пустыхъ комнатъ?..

Казалось, случилось какое-то непоправимое несчастье — произошло крушеніе, непонятное разрушеніе, холодное и равнодушное, какъ смерть, — и весь домъ притаился и замеръ и стоитъ слѣпой пустыми окнами, какъ трупъ съ насильно закрытыми глазами. И какъ на мѣстѣ, гдѣ вмѣсто сверкающей жизни безмолвно стала смерть, неслышно двигались прислуги, говорили пониженными голосами, и часто Антонина Александровна ловила на себѣ сочувствующій взглядъ и слышала легкій вздохъ Нюши или кухарки, приходившей со счетомъ.

И молчаніе. Оно легло на весь домъ, на садъ, на дворъ, распростерло черныя крылья и властно обняло одинокаго человѣка. О, это молчаніе!..

Отъ него хотѣлось уйти — и она шла въ садъ, спускалась по аллеямъ, останавливалась на поворотахъ дорожекъ и смотрѣла кругомъ, вспоминая что-то давно минувшее и безвозвратное.

Чаще, чѣмъ когда-либо, она вспоминала такую недавнюю и казавшуюся такой далекой молодость, когда она въ коричневомъ платьѣ гимназистки бродила такъ же по дорожкамъ сада въ далекомъ городѣ и ждала. Чего она ждала?

Она возвращалась домой, заглядывала въ чертежную — и тамъ никого не было...

Послѣ обѣда, прежде чѣмъ сѣсть за работу, Березскій любилъ иногда выйти въ садъ выкурить трубочку — рѣдкое удовольствіе, которое онъ считалъ слабостью и скрывалъ отъ всѣхъ.

Садъ былъ большой, запущенный, и расположенъ онъ былъ по склону оврага, на днѣ котораго немолчно звенѣлъ ручей. Была въ этомъ саду нижняя аллея — большіе, когда-то подстриженные каштаны, широкіе, особенно красивые въ маѣ. Какъ рождественская елка, были украшены они прямыми свѣчами розовато-бѣлыхъ цвѣтовъ, и тѣнь подъ ними была прозрачная отъ лапчатыхъ солнечныхъ пятенъ, ползавшихъ по черной, еще сырой поутреннему дорожкѣ.

Ее рѣдко чистили, и молодая яркая травка лѣзла изъ земли рядомъ съ правильными, какъ кучки насыпанной дроби, бугорками — слѣдами земляныхъ червей, ушедшихъ въ глубь.

Березскій любилъ покоробившуюся отъ дождей и солнца деревянную скамейку на этой дорожкѣ. Сидя здѣсь съ трубкой и поглядывая на ту сторону оврага, правильно расчерченную мягкими волнами пашни, онъ слушалъ, какъ гдѣ-то въ кустахъ несложной трелью заливается малиновка, а издали — мягко и звучно — вторитъ ей старинный колоколъ сельской церкви...

Разъ, когда онъ собрался уже спрятать трубочку и итти домой, изъ боковой аллеи, сверху, неожиданно вышла Антонина Александровна. Она какъ будто нисколько не удивилась, увидѣвъ его здѣсь, поздоровалась и сѣла рядомъ на скамейку, наивно сложивъ руки на колѣняхъ.

— Какъ хорошо, когда такъ тихо кругомъ, — сказала она, слопно думая вслухъ. — Я живу въ постоянной тишинѣ, но у меня такое впечатлѣніе, какъ будто кругомъ меня шумъ, какая-то борьба, непонятная злоба...

Березскій посмотрѣлъ на нее, незамѣтно выколотилъ свою трубку и спряталъ ее въ карманъ.

— Пожалуй, такъ оно и есть, — отвѣтилъ онъ, слегка пожимая плечомъ: — но только вы, какъ сказочная царевна, сидите за семью замками...

— Не сидите, а спите, вы хотѣли сказать, — усмѣхнулась она. — Злая царевна зачаровала меня, и я сплю... Лежу спокойно и не двигаюсь и вижу долгій, страшный сонъ...

Она помолчала, опять улыбнулась и заговорила:

— Въ такое время, когда въ домѣ никого нѣтъ, и даже прислуга разбрелась куда-то... когда по-особенному тихо, совсѣмъ иначе — и звонъ — вы слышите? — это ко всенощной — такой тягучій, зовущій... Въ это время я брожу изъ комнаты въ комнату или здѣсь въ саду — смотрю и удивляюсь: неужели это я? Понимаете? Та самая я, что когда-то смѣялась всякому пустяку, танцовала на гимназическихъ балахъ, плакала оттого, что получила переэкзаменовку по русскому языку... Понимаете? Вы помните?

— То-есть, что помните?

— Ну, какъ вы не понимаете, ну, нашъ городъ, городской садъ, кладбище? Ну, помните?

Онъ глубже взглянулъ въ загорѣвшіеся, нетерпѣливые глаза и опустилъ голову. Ему хотѣлось сказать: — то-есть, помню ли я молодость? — но онъ сказалъ:

— Да, помню...

— Помните, помните? — обрадовалась она и засмѣялась, а ему и казалось, что она сейчасъ заплачетъ. — Помните кладбище старое, гдѣ мы гуляли по вечерамъ, и сторожъ — такой бородатый, страшный, и я его боялась, потому что вы увѣряли, что у него лицо убійцы...

Онъ вспомнилъ и невольно улыбнулся.

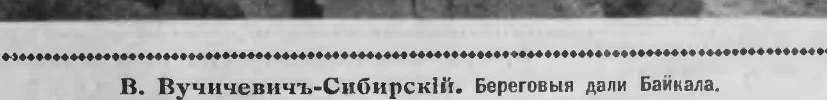
— Когда надо было запирать кладбище, онъ неслышно выныривалъ изъ кустовъ и пугалъ васъ, — проговорилъ онъ.

— Ну да, ну да! — обрадовалась она. — Вотъ видите, вы отлично помните, — увѣряла она, какъ будто онъ говорилъ противное. — А потомъ Лапинскую горку помните? Ахъ, какъ тамъ хорошо было — рѣка внизу, на той сторонѣ слобода...

Они вспоминали то, что уже давно прошло: пору, когда сердце начинало биться сильнѣе, и жизнь лежала впереди прямой и широкой дорогой. Она все говорила, перебирая далекое время, и часто, вспомнивъ что-либо особенно забавное или радостное, довѣрчиво хватала его за руку и сердито трясла ее, если онъ забывалъ какую-нибудь мелочь. Или, заливаясь смѣхомъ при другомъ воспоминаніи, наклонялась къ нему и, заглядывая въ глаза, повторяла:

— Помните? Помните?..

И онъ смѣялся и кивалъ голо-



В. Вучичевичъ-Сибирскій. Береговыя дали Байкала.



В. Вучичевичъ-Сибирскій. Александровская сопка въ утреннемъ туманѣ. (Граница Европы и Азіи).

вой, и ему казалось, что эти прямо уставленные на него сѣровато-голубые глаза, съ маленькими золотыми искрами въ нихъ, смотрятъ изъ туманной дымки давно пережитыхъ годовъ, — глаза дѣвочки-гимназистки въ коричневомъ платьѣ, — и сердце замирало трепетнымъ, сладкимъ восторгомъ...

Надо было дѣлать большое усиліе надъ собой, чтобы не схватить ея руку; надо было сжимать зубы, чтобы смотрѣть въ мерцающіе золотыми искрами глаза и не крикнуть, чтобы не увести ее изъ этого сада, отъ этого дома, отъ села, гдѣ теперь такъ плавно и торжественно гудитъ колоколъ.

Ему хотѣлось встать, схватить ее за плечи и сказать сильнымъ, твердымъ голосомъ:

— Послушайте, уходите... Дайте мнѣ вашу тонкую, нѣжную руку, такую нѣжную, что кольца кажутся на ней бременемъ, дайте мнѣ ее и пойдемте... Пойдемте отсюда, потому что тутъ боль, тутъ нищета духа, тутъ пошлость мѣщанскаго бытія, независимо отъ того, строитъ ли она дороги и мосты или торгуетъ молокомъ и плачется на бѣдность... Уйдемте вмѣстѣ, я ничего отъ васъ не хочу, ничего никогда не потребую и буду счастливъ, если вы когда-нибудь обопретесь на мое плечо... Поймите же, повѣрьте, почувствуйте, какъ страшно, какъ тяжко я люблю васъ, — милую дѣвочку въ коричневомъ платьѣ!..

Но сказать ничего нельзя, и онъ смѣялся пустячному воспоминанію, чтобы не плакать, ощущая прикосновеніе ея руки, кивалъ утвердительно головой и повторялъ:

— Да, да, какъ же, помню...

А вечеромъ, когда село уже спало, и въ окнахъ тухли огни, и бѣлыми призраками стояли цвѣтущія яблони, онъ пробирался въ садъ и смотрѣлъ на освѣщенное окно, за которымъ двигалась знакомая легкая тѣнь, и, прислонившись къ какому-нибудь дереву, тосковалъ.

И уже не молодой, забывшій ушедшіе въ прошлое годы, полный поздняго, страшнаго чувства, готовъ былъ плакать, какъ мальчикъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Буря.

Разсказъ **А. Грузинскаго.**

Перепечатка воспрещается.

Время тянется медленно. До свиданія еще не близко, часа полтора, но Басаргина начинаетъ бить лихорадка, и опасенія, что кто-нибудь придетъ и помѣшаетъ ему уйти, все растутъ и растутъ. Какъ на грѣхъ, вбѣгаетъ сестра Басаргина, Таня, веселая, возбужденная, и говоритъ радостно:

— Куда ты спрятался? Пойдемъ играть въ крокетъ, Борисъ.

— Не хочу! — мрачно отзывается Басаргинъ. — Мнѣ нездоровится, — болитъ голова.

— Ну, да, конечно, будетъ болѣть, если ты будешь сидѣть въ комнатахъ, неподвижно, какъ сычъ или сова. Пойдемъ! На воздухѣ твоей головѣ будетъ легче.

— Не пойду.

— Ну, для меня! Ну, милый! Тамъ Лелька безъ партнера, — вѣдь это же разстраиваетъ игру.

— Не пойду.

— Ффу... какъ это неделикатно, какъ гадко...

Личико Тани темнѣетъ: она заинтересована гораздо больше, чѣмъ говоритъ, въ томъ, чтобы братъ шелъ играть въ крокетъ и сдѣлался партнеромъ Лельки: вѣдь тогда никто не помѣшаетъ ей хохотать и кокетничать съ Передольскимъ. И она дѣлаетъ послѣднюю попытку.

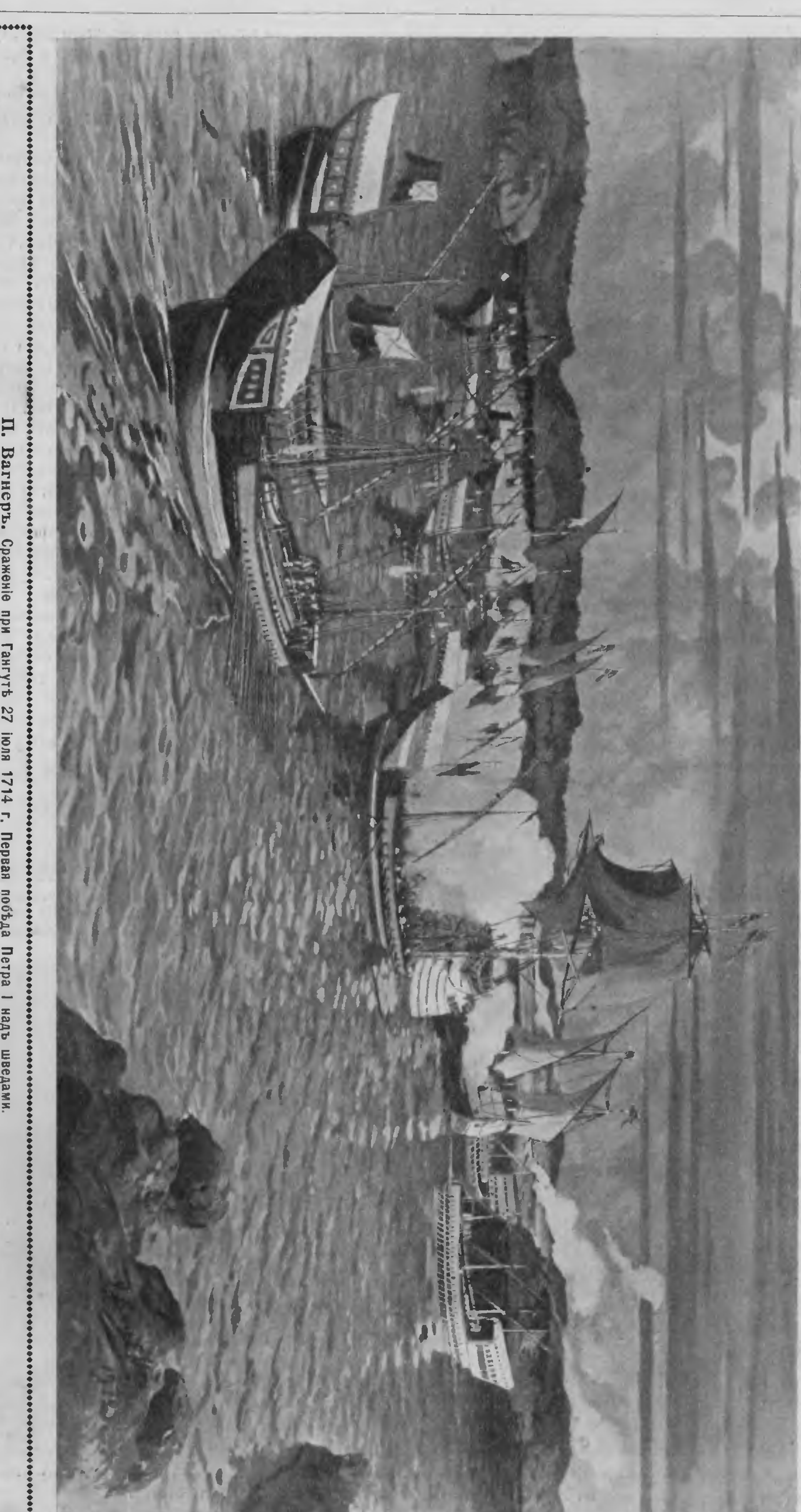
— Неужели ты не можешь сдѣлать этого для меня? — спрашиваетъ она кротко.

— Не могу!

Тогда Таня уходитъ, совсѣмъ не кротко хлопнувъ дверью, и Борису чудится, что съ ея розовыхъ губокъ скачутъ по его адресу и сычи, и совы, и тому подобныя неласковыя слова. Но это не огорчаетъ его: онъ радъ, какъ муха, счастливо выпутавшаяся



В. Вучичевичъ-Сибирскій. Озеро Солонъ-Нуръ. Забайкалье.



П. Вагнеръ. Сраженіе при Гангутѣ 27 іюля 1714 г. Первая побѣда Петра I надъ шведами.

изъ сѣрой вязкой сѣти паука.

„Отдѣлался!“ — думаетъ Басаргинъ.

Когда до свиданія остается только часъ, Басаргинъ чувствуетъ, что, если онъ будетъ еще медлить, сердце его разорвется, не хватитъ воздуха для дыханія, вообще произойдетъ что-нибудь страшное, и онъ снимаетъ съ гвоздя фуражку. Съ фуражкой въ рукахъ минуты двѣ онъ стоитъ передъ окошкомъ въ раздумьѣ, чтобы показать, что онъ совсѣмъ не спѣшитъ и можетъ простоять у окна хоть полчаса, наблюдая, какъ черный пудель Дэнди носится по двору за Лэди, и какъ играютъ разрѣзвившіяся собаки, стараясь схватить другъ друга за уши. Затѣмъ медленными шагами человѣка, которому некуда спѣшить, котораго никто не ждетъ, и который никуда не торопится, онъ медленно сходитъ съ крыльца.

Для отвлеченія подозрѣній, хотя рѣшительно никто и ни въ чемъ не подозрѣваетъ его, идетъ онъ къ мѣсту свиданія окольной дорогой. Конечно, было бы лучше, если бы Басаргинъ, вмѣсто окольной дороги, шелъ по прямой, но съ менѣе зажигательнымъ выраженіемъ на лицѣ; конечно, было бы лучше, если бы Басаргинъ менѣе походилъ на заговорщика, не съ такимъ испугомъ оглядывался по сторонамъ и рѣже переходилъ съ одной стороны улицы на другую, завидѣвъ впереди „какъ будто знакомый“ силуэтъ. Но вѣдь человѣку свойственно плохо взвѣшивать свои собственные поступки — тѣмъ болѣе человѣку, идущему на первое свиданіе.

Вечеръ тихонько подкрадывается къ землѣ, но лѣтній вечеръ такъ же душенъ, какъ душенъ былъ лѣтній день. Золотистая пыль, поднятая лошадью какого-то франта въ черкескѣ, купается въ послѣднихъ солнечныхъ лучахъ. Западъ затянутъ розовой кисеей. Бѣлыя акаціи пахнутъ опьяняюще сильно. Когда Басаргинъ входитъ въ городской садъ, онъ не узнаетъ городского сада: тоны вечера, запахъ акацій, сѣрыя сумерки, что прячутся въ глубинѣ между кустовъ, и яркіе блики, что горятъ на вершинахъ деревьевъ, окутываютъ садъ дымкой

очарованья. А впрочемъ, иначе не можетъ и быть: не можетъ же не чувствовать старый, густо разросшійся, городской садъ, чьи ножки сейчасъ будутъ топтать песокъ его аллей!

Когда Басаргинъ проходитъ по условленной дорожкѣ разъ пять или шесть, песокъ скрипитъ подъ крошечными туфельками Валентины. Валентина, какъ всегда, весела и жива, до того весела и жива, что это чуть-чуть разочаровываетъ Бориса: ни тѣни смущенія на смугломъ личикѣ или въ карихъ глазахъ дѣвушки! Даже странно. Точно Тиночка пришла не на свиданіе, а идетъ въ библіотеку перемѣнить книги или въ нотный магазинъ купить нотъ. Точно свиданія у нея бываютъ каждый день!

— Ну, здравствуйте! Что такое вы хотѣли сказать мнѣ, Басаргинъ? — весело спрашиваетъ Тиночка. — Интересное? Предвкушаю. Вы знаете, что на все интересное у меня ужасный аппетитъ.

Валентина жметъ руку Басаргина и улыбается, какъ ему кажется, чуть-чуть насмѣшливо.

На ней бѣлое платье съ краснымъ поясомъ, красными бантиками, брошенными кое-гдѣ и похожими на лепестки мака, а по вороту ея платья бѣжитъ такая же красная лента; ея бѣлыя туфельки пошмыгиваютъ изъ-подъ платья, какъ бѣлыя мыши. Изъ-подъ бѣлой шляпки на смуглый лобъ выбивается маленькая задорная прядь черныхъ волосъ. Щечки Тиночки отъ быстрой ходьбы разгорѣлись, и милый гость-румянецъ трепетно пылаетъ на нихъ.

— Ну-съ, будемъ слушать интересное! — повторяетъ Тиночка. — Вѣдь такъ?

— Конечно жъ, интересное, — говоритъ Басаргинъ. — Но... зачѣмъ вы такъ быстро бѣжите?

— Развѣ быстро?

Тиночка пожимаетъ плечами.

— На это у меня можетъ быть тысяча причинъ. Во-первыхъ, я могу любить быструю ходьбу, во-вторыхъ, я могу бояться коекого и мечтать о томъ, чтобы задать, какъ это говорятъ школьники?.. вспомнила: задать „стрекача“. Я робкая, робкая, а кругомъ такъ много опасностей, что, чуть зазѣваешься, легко пострадать.

Каріе глазки Валентины мерцаютъ по-старому насмѣшливо, и Басаргину становится отъ ихъ мерцанія тяжело.

— Но если вамъ такъ хочется, мы можемъ и сѣсть. Честь и мѣсто!

Дѣвушка опускается на скамью подъ бѣлыми цвѣтами акацій и указываетъ Борису мѣсто рядомъ. Садится и Басаргинъ. На душѣ у него смутно: свиданіе оказывается совсѣмъ непохожимъ на то свиданіе, о которомъ мечталъ онъ, съ нѣжнымъ шопотомъ рѣчей, съ робкимъ признаніемъ о томъ, что безконечно серьезно и важно. Что случилось съ Валентиной? Что за странный тонъ у нея? Свиданье, о которомъ мечталъ онъ, походило на садъ, полный душистыхъ цвѣтовъ, а это свиданье — садъ, въ которомъ порвали всѣ цвѣты, и острые стебли торчатъ изъ черной земли сиротливо и скучно.

— Однако, что же у васъ наконецъ интереснаго? — спрашиваетъ Тиночка, оправляя платье. — Разсказывайте. До какихъ поръ мнѣ ждать? Кстати: вы знаете, что самое трудное?

— Что?

— Русскій народъ говоритъ, что самое трудное — ждать и догонять. Мудрые люди говорятъ, впрочемъ, что ожиданіе удовольствія лучше самаго удовольствія, но... я не согласна съ ними, Басаргинъ. Нѣтъ. И если вы хотите доказать, что вы — мудрый человѣкъ тѣмъ, что испытываете мое терпѣніе, изберите другой путь.

— Я... я совсѣмъ не хочу этого доказывать! — мрачно говоритъ Басаргинъ.

— Да? Вы думаете, что это и безъ доказательствъ ясно, самоувѣренный вы человѣкъ?

Она начинаетъ чертить зонтикомъ по песку дорожки какіе-то нелѣпые кружки, похожіе на нули, которые дряннымъ школьникамъ ставятъ строгіе педагоги. Отъ новой дерзости на душѣ Басаргина становится еще смутнѣй.

— Ну, что же, услышу я интересное сегодня? Ей-Богу, жестоко такъ мучить меня.

— Я не говорю ничего потому, что, кажется... я ошибался. Мнѣ начинаетъ сдаваться, что я былъ глупцомъ, — горько вздыхаетъ Басаргинъ.

— Да? А вы... не черезчуръ строги къ себѣ?

— Я былъ глупцомъ, — машетъ рукою юноша. — Я вывелъ изъ нашихъ послѣднихъ встрѣчъ то, чего нельзя было изъ нихъ вывести. Впрочемъ, нѣтъ, не стоитъ и говорить! Я вижу, что все это вздоръ, а я хотѣлъ говорить серьезно.

— Боже мой, да это жъ моя мечта, Басаргинъ! Я очень люблю серьезничать, и говорятъ, что серьезное, хотя этому трудно повѣрить, мнѣ къ лицу. О чемъ же мы будемъ говорить серьезно: объ астрономіи, философіи, о путешествіи къ южному полюсу, для открытія котораго отправилось нѣсколько экспедицій? Ну-съ, начинайте, пожалуйста. Серьезное — моя страсть.

Басаргинъ вздыхаетъ и низко опускаетъ свою незадачливую голову, которой судьба не судила счастья; послѣдніе цвѣты облетаютъ въ его саду, ничего нѣтъ въ немъ, кромѣ черной земли и голыхъ прутьевъ; судьба сшутила съ нимъ злую шутку, судьба завела его въ лѣсную топь, гдѣ не можетъ онъ сдѣлать шага, и печаль гложетъ сердце Басаргина.

Съ чего вообразилъ онъ, что Валентина относится къ нему не такъ, какъ къ другимъ: что, дерзкая, взбалмошная съ другими, она мѣняетъ съ нимъ тонъ; что въ карихъ глазахъ ея мелькаетъ симпатія, а въ голосѣ звучитъ нѣжность, когда она обращается къ нему? Несбыточныя надежды! Пустыя мечты!.. Какъ глупо попалъ онъ впросакъ, упросивъ Валентину прійти въ городской садъ, гдѣ онъ хотѣлъ разсказать ей „все“! О чемъ говорить? Что разсказывать? Ея поведеніе открыло бы глаза и слѣпому. Для Валентины онъ то же, что десятки другихъ. Гдѣ ея симпатія? Гдѣ нѣжность? Чего только ни насочинялъ онъ, дико, глупо, безсмысленно!

— И серьезничать не хотите? — пожимаетъ плечами Тиночка. — Что съ вами дѣлать, я ужъ и ума не приложу.

Ея тонъ кажется Басаргину отвратительнымъ, нестерпимымъ; ему до слезъ жаль прежней, непохожей на эту, Тиночки, хотя та Тиночка только созданье его мечты: неуклюже поднимается онъ со скамейки и говоритъ громко:

— Прощайте!

— Куда же вы?

— Домой.

Валентина широко открываетъ глаза и въ удивленіи тоже чуть-чуть привстаетъ со скамейки, но затѣмъ опять садится.

— Да вы съ ума сошли? — говоритъ она. — Нѣтъ, нѣтъ, я не согласна! Я не пущу васъ. Я нарочно пришла, чтобы выслушать что-то интересное, и не уйду, не выслушавъ. Я не позволю шутить съ собой! Нѣтъ!

По губамъ ея прыгаетъ улыбка, а въ голосѣ звучитъ тревога, когда она кончаетъ капризно:

— Говорите то, что вы хотѣли сказать!

Уже темнѣетъ, но воздухъ полонъ духоты, какъ будто она думаетъ заночевать въ городѣ; крупныя звѣзды, какъ золотистыя блестки синей бархатной ризы, сверкаютъ въ небѣ; Басаргинъ поднимаетъ къ нимъ, далекимъ, свое смущенное, хмурое лицо и говоритъ:

— Это было раньше...

— А теперь?

— Теперь, если бъ я сталъ говорить, я сказалъ бы совсѣмъ другое. Я не хочу говорить... щадя васъ.

— Не желаю я вашей пощады. Говорите. Я не изъ трусливыхъ женщинъ, нѣтъ.

— Вы хотите слушать?

— Хочу, хочу, хочу!

— Ну, что же, слушайте, — начинаетъ, блѣднѣя, Басаргинъ. — Я думалъ сказать вамъ, что... люблю васъ, что съ ума схожу отъ любви, что ангелы въ небѣ представляются мнѣ менѣе прекрасными, чѣмъ вы (онъ блѣднѣетъ еще больше, чувствуетъ, что слѣдовало бы остановиться, но уже не можетъ остановиться), но... теперь я этого не скажу вамъ! Теперь я скажу...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь!

— Что терпѣть не могу васъ, что вы... гадкая, злая! Слышите? Гадкая, злая!

Блаженство разливается по лицу дѣвушки.

— Злая? Я злая? — переспрашиваетъ она.

— Злая. У васъ нѣтъ души. Есть женщины некрасивыя, но милыя, надѣленныя душой... А вамъ Богъ далъ красивое лицо...

— Красивое, Басаргинъ? Все жъ это пріятно.

— Да, красивое, но вы хуже тѣхъ женщинъ, въ тысячу разъ хуже! У васъ нѣтъ души! Вы не понимаете, когда можно шутить и когда нельзя; вы не понимаете, что нельзя безконечно глумиться надъ человѣкомъ, что... О, если бъ вы знали, какъ я ненавижу васъ!

Дѣвушка всплескиваетъ руками.

— Дальше, дальше! Великолѣпно! Я не узнаю васъ, Басаргинъ!

Басаргинъ взглядываетъ на Тиночку и говоритъ рѣзко:

— Прощайте!

— Стойте, куда вы?! Съ чего вы взяли, что я пущу васъ? — спрашиваетъ дѣвушка. — Ни за что! Садитесь на мѣсто.

Она притягиваетъ его за рукавъ и властно сажаетъ на скамью.

— Какъ суровъ вашъ голосъ, какъ сердито сверкаютъ ваши глаза! Вы глядите настоящимъ мужчиной, а мужчина долженъ быть силенъ и смѣлъ! О, вы человѣкъ съ характеромъ, вы не тряпка! Терпѣть не могу тряпокъ! Пожалуйста, не сердитесь на меня за то, что я васъ мучила, но нужно же было васъ хотя разъ вынести изъ себя. Развѣ я виновата? Зачѣмъ вы взяли себѣ манеру тихоней смотрѣть! Терпѣть не могу тихонь!

Басаргинъ смотритъ въ глаза Тиночкѣ.

— Значитъ?.. — медленно шепчетъ онъ.

Но дѣвушка отводитъ свой взглядъ въ сторону и перебиваетъ его:

— Значитъ, исходитъ луна, и мы поѣдемъ кататься на лодкѣ.

Они встаютъ со скамьи, спускаются изъ сада къ рѣчной пристани и спрашиваютъ лодку: Басаргинъ берется за весла, а дѣвушка садится за руль.

— Значитъ, — вновь медленно шепчетъ Басаргинъ, когда они отъѣзжаютъ на середину рѣки: — значитъ, вы... я не противенъ вамъ, Валентина Леонтьевна?

Она лукаво закусываетъ губки:

— А какъ вы думаете?

— Я... не знаю.

Дѣвушка вздыхаетъ и говоритъ сердито:

— Терпѣть васъ не могу!

— Какъ?!

— Ну, да. Вѣдь это жъ всегда такъ бываетъ: вмѣсто того, чтобы итти на вечеръ, гдѣ будутъ танцы, и гдѣ можно встрѣтить любимыхъ и милыхъ людей, приходятъ въ садъ, катаются на лодкѣ и смотрятъ на луну съ тѣми, которыхъ терпѣть не могутъ. Вѣдь въ жизни всегда же бываетъ такъ!

Она поднимаетъ вверхъ руку къ желтой лунѣ душнаго лѣтняго вечера и спрашиваетъ притихшимъ голосомъ:

— Что вы съ луны свалились, что не знаете такихъ вещей?!

Медленно движутся весла, какъ крылья бѣлой птицы. И Басаргину кажется, что у него тоже выростаютъ крылья и поднимаютъ его высоко, высоко, къ синему небу, къ звѣздамъ, къ бѣлымъ, кудрявымъ, какъ Божьи ангелы, облакамъ.

Острая боль возвращаетъ его къ землѣ.

— А вы знаете,—говоритъ Тиночка:—я здѣсь пробуду только три недѣли.

— Три недѣли?!

— Да. Ну, можетъ. четвертую какъ-нибудь натяну.

— И потомъ... уѣдете?

— Уѣду въ усадьбу.

— А когда же вернетесь? На будущій годъ?

— Не знаю. Едва ли. Будущимъ лѣтомъ мама думаетъ ѣхать на Кавказъ. Все „Дубки“ да „Дубки“, говоритъ. Ей надоѣло.

„Дубки“?—задумчиво переспрашиваетъ Басаргинъ.—А это не въ Черномъ уѣздѣ? „Михольцово“ не близко отъ васъ?

— Близко. Михольцовъ почти нашъ сосѣдъ.

— Эге. Ну, такъ на будущій годъ мы непремѣнно увидимся съ вами. Такъ и знайте.

— Почему?

— Господи, Михольцовъ—мой дядя. На будущее лѣто я пріѣду къ нему гостить.

— А знаете, вѣдь это жъ прелестно выходитъ, Басаргинъ. Никогда не надо, не разобравъ дѣла какъ слѣдуетъ, вѣшать носъ на квинту. Голенькій—охъ, за голенькимъ Богъ!

Басаргинъ складываетъ весла и говоритъ радостно:

— Вы—правы.

— Я познакомлю васъ съ моимъ отцомъ, Басаргинъ. И съ мамой. Папа у меня славный, сама прелесть. Мы обожаемъ другъ друга.

— А мама славная?

— Ну, да,—говоритъ Тиночка, помолчавъ.—И мама тоже славная.

Но голосъ дѣвушки звучитъ не особенно убѣдительно, и въ сердце юноши закрадывается сомнѣніе.

— Она не безъ странностей, но она славная. И любитъ меня,—говоритъ Тиночка.

— А вотъ я не смогу познакомить васъ съ дядей,—грустно вздыхаетъ Басаргинъ.—Онъ живетъ уединенно, обложившись старыми книгами, и ни съ кѣмъ не водитъ знакомствъ. У него въ жизни было что-то... какая-то драма, и съ тѣхъ поръ людей онъ смѣнилъ на книги; въ „Михольцовѣ“ не увидишь живого лица. Впрочемъ, онъ человѣкъ не злой, и съ нимъ можно ладить. А если ему нравится походить на сурка и жить, какъ живетъ старый сычъ, что же подѣлаешь съ этимъ.

— Да, Басаргинъ, у каждаго своя манера веселиться.

И Тиночка тихонько напѣваетъ что-то веселое, бравурное, отъ чего у Басаргина становится безконечно весело на сердцѣ.

И если бы кто-нибудь шепнулъ имъ, что они увидятся въ „Дубкахъ“ не черезъ годъ, а только черезъ два года, ихъ печаль не была бы остра. Юношѣ свойственно думать, что время летитъ, какъ птица, и человѣческая жизнь почти безконечна...

II.

Ясное утро. На такія утра іюль не скупится и посылаетъ ихъ человѣчеству другъ за дружкой; кусты и деревья, будто очарованные, не шевелятся въ старомъ саду. Облака въ темно-синемъ небѣ плывутъ лѣниво. Кажется, они плывутъ, исполняя скучную, давно надоѣвшую имъ обязанность, и если бы ихъ воля, они застыли бы на мѣстѣ, любуясь желтыми полями, голубыми извивами рѣкъ и бѣлыми, прячущимися среди тополей, хуторами. Но вѣтеръ, котораго нѣтъ внизу, тамъ, вверху, говоритъ имъ властно:

— Плывите!

И они лѣниво плывутъ, все впередъ и впередъ.

Въ это ясное утро въ ракитинской усадьбѣ „Дубки“ маленькій лысенькій человѣчекъ, съ добродушнымъ, но какъ бы испуганнымъ лицомъ, мелкимъ шажкомъ ходитъ взадъ и впередъ по садовой дорожкѣ. Въ противоположность ясному утру, онъ хмуръ. По временамъ маленькій человѣчекъ останавливается, вытягиваетъ впередъ короткую шею и бормочетъ:

— Нѣтъ еще,—не идетъ.

И, помолчавъ, прибавляетъ:

— Ахъ, Тиночка, Тиночка!

Тайная забота угнетаетъ маленькаго человѣчка. Когда пастухъ Родіонъ, бродящій со стадомъ по оврагу въ верстѣ отъ усадьбы, начинаетъ наигрывать на жилейкѣ что-то меланхолически грустное, что-то хватающее за сердце, говорящее о тоскѣ одиночества и несбывшихся думахъ, маленькій человѣчекъ замираетъ на мѣстѣ, зажмуриваетъ глаза и говоритъ одобрительно и нѣжно:

— Какъ ловко выводитъ! Ахъ, чтобъ тебя, Родіонъ! Дастъ же человѣку этакій даръ Создатель!

Но старая тайная забота жалитъ его сердце. Онъ попрежнему вытягиваетъ впередъ шею и забываетъ все, на мгновеніе тронувшее его: и жилейку, и Родіона, и его меланхолически грустный мотивъ.

— Что же это Тиночка не идетъ?—шепчетъ маленькій человѣчекъ.—Удивительно. Давно бы пора прійти было.

Наконецъ, послѣ долгаго и томительнаго ожиданія, впереди, между зелени кустовъ, мелькаетъ розовое платье. Маленькій человѣчекъ, завидя розовое платье, трепещетъ, останавливается, торопливо одергиваетъ свой чесучевый пиджакъ, какъ школьникъ на экзаменѣ, услыхавшій свою фамилію, и лицо его моментально выражаетъ еще большій испугъ, передъ которымъ тотъ, что бродилъ ранѣе по лицу маленькаго человѣчка, оказывается пустякомъ. Но это продолжается только одно мгновеніе, а затѣмъ маленькій человѣчекъ сдвигаетъ брови, опускаетъ углы губъ и дѣлаетъ строгую физіономію, отъ которой на сажень пахнётъ холодомъ.

Розовое платье мелькаетъ среди кустовъ все ближе и ближе. Вотъ исчезаетъ послѣдній кустъ, закрывающій его. оно выскакиваетъ на дорожку и оказывается въ двухъ шагахъ отъ маленькаго человѣчка.

Розовое платье надѣто на особѣ лѣтъ семнадцати, съ смуглымъ личикомъ, смѣлыми глазками и плутовски вздернутой верхней губкой, алой, какъ вишня; въ густыхъ волосахъ съ синеватымъ отливомъ красуется пышная роза.

Когда особа замѣтила маленькаго человѣчка, въ ея смѣлыхъ глазахъ вспыхиваетъ огонь, на ея губы набѣгаетъ улыбка, и звонкимъ, какъ пѣніе жаворонка, голосомъ она говоритъ:

— Папочка, здравствуй!

Губы у маленькаго человѣчка шевелятся, какъ будто имѣютъ намѣреніе кого-то поцѣловать, но маленькій человѣчекъ вдругъ дѣлается хмурымъ, подбираетъ ихъ и говоритъ кисло:

— Здравствуй, здравствуй.

Небывалый случай. Тиночка быстро взглядываетъ на маленькаго человѣчка, отступаетъ на шагъ и, скрестивъ на груди по-наполеоновски руки, спрашиваетъ строго:

— Папочка?!

— Ну?

— Что это значитъ?

— Что, Тиночка?

— Да вотъ это самое... поведеніе твое?

Маленькій человѣчекъ трепещетъ, какъ угорь на горячей сковородкѣ, но моментально оправляется. Губы его начинаютъ что-то шептать.

Если бъ у Тиночки былъ такой тонкій слухъ, который давалъ бы ей возможность слышать глухою ночью шопотъ травы съ цвѣтами, божьихъ коровокъ съ букашками, она услыхала бы странныя слова: „Не робѣй! Будь мужественнымъ, старый башмакъ!“

Но ея слухъ не настолько тонокъ, чтобы слышать это. И она слышитъ лишь то, что маленькій человѣчекъ говоритъ громко:

— Я не понимаю тебя, Тиночка!

— Отчего ты не цѣлуешь меня, папа?

— А, вотъ что...

Маленькій человѣчекъ достаетъ темный фуляровый платокъ изъ кармана, отираетъ со лба потъ, прибавляетъ на лицо строгости и говоритъ:

— Ты хочешь знать, почему я не цѣлую тебя, Тиночка? Гм... почему, почему?.. Потому что я недоволенъ тобою: ты огорчаешь меня!

По лицу молодой дѣвушки бѣжитъ сѣрая тѣнь; оно становится серьезнымъ.

— Но чѣмъ же я огорчаю тебя, папочка?—спрашиваетъ Тиночка съ недоумѣніемъ.

Маленькій человѣчекъ кашляетъ и отвѣчаетъ загадочно:

— Ты знаешь, чѣмъ.

— Ничего я не знаю,—качаетъ головкою Тиночка, и въ голосѣ ея звенитъ обида.—Быть-можетъ, я забыла вчера полить твои цвѣты? Но, кажется, я полила ихъ?

— Что цвѣты!

— Ты просилъ написать отъ тебя поздравленія Передольскому; я написала и отослала письмо еще третьяго-дня,

— Что письмо!

— Но, папочка, что же я забыла сдѣлать?

Она разводитъ смѣлыми ручками.

— Пыль съ твоихъ раковинъ я стираю сама, чтобы Людмила ихъ не раздавила; книги на твоихъ полочкахъ въ порядкѣ; твои газеты на этажеркѣ подобраны по нумерамъ. Папиросы, папочка, у тебя всегда есть готовыя, и тебѣ самому ихъ не приходится набивать. Развѣ вотъ что...

Тиночка весело усмѣхается; тайна открыта, трудный вопросъ рѣшенъ.

— Теперь знаю. Ты, вѣрно, не нашелъ пера у своей любимой чернильницы? Но честное слово, папочка, я не брала твоего пера. Я его видѣла въ рукахъ Марьи Антоновны, когда она писала билетики на банкахъ съ вареньемъ и крупнымъ почеркомъ выводила: „сливы“, „персики“, „абрикосы“, „черешни“; мама заставила ее писать и велѣла взять у тебя перо, а Марья

Антоновна, вѣрно, забыла снести его назадъ. Вотъ и все. Но честное слово, папочка, это Марья Антоновна, а не я.

Маленькій человѣчекъ машетъ рукой съ нескрываемой досадой.

— Что перо, тутъ не въ перѣ дѣло! Тутъ дѣло поважнѣе какого-то глупаго пера,—говоритъ онъ.

Тиночка такъ закусываетъ губку, какъ будто хочетъ выразить, что теперь она уже рѣшительно ничего не понимаетъ; а маленькій человѣчекъ снова отираетъ съ влажнаго лба потъ и говоритъ уныло:

— Пойдемъ-ка въ бесѣдку. Тамъ попрохладнѣе.

Они дѣлаютъ нѣсколько шаговъ по горячему песку дорожки и входятъ въ бесѣдку.

Это—старая, запущенная, когда-то, въ давно прошедшія времена выложенная туфомъ бесѣдка; возлѣ входа и кое-гдѣ по стѣнамъ ея вьется плющъ; въ бесѣдкѣ полутьма и прохлада; только въ рѣдкія щели межъ разъѣхавшимися кусками туфа врываются солнечныя пятна и золотыми кружками и полосами бѣгаютъ по полу, по противоположнымъ отъ солнца стѣнамъ, по круглому столу, который стоитъ посрединѣ бесѣдки, и по широкой скамьѣ, дѣлающей около стѣнъ бесѣдки почти полный кругъ.

Отецъ садится по одну сторону стола, а дочь по другую.

— Да, не въ перѣ дѣло, перо—пустяки,—повторяетъ меленькій человѣчекъ.—Ты огорчаешь меня, Тиночка, не перомъ, а поведеніемъ своимъ. Вотъ оно что.

— Но, папочка...

— Помолчи. Какъ ты держишь себя съ Рахимовымъ? Съ какой стати ты смотришь на него злыми глазами, отвертываешься, когда онъ заговариваетъ съ тобой, а если отвѣчаешь, то такъ и жди, что отвѣтишь ему какой-нибудь шпилькой. Что это такое?

— Но почему же, папочка, мнѣ смотрѣть на него влюбленными глазами, если я его терпѣть не могу?

— Гм... влюбленными... Кто же тебя проситъ смотрѣть влюбленными?

— Онъ нехорошій человѣкъ, этотъ Рахимовъ. Говорятъ, что онъ пустилъ по міру племянницу-сироту.

— Сироту? Вздоръ! Говорятъ болтуны, не знающіе дѣла. Не одну сироту Рахимовъ пустилъ по міру, а двухъ сиротъ!—говоритъ маленькій человѣчекъ съ жаромъ.

— Говорятъ, что онъ дурно обращался съ женой и сжилъ жену со свѣта.

— Конечно, сжилъ. И къ ворожеѣ не ходи—сжилъ.

— Вотъ видишь!

— Гм... гм...

Ракитинъ багровѣетъ, усиленно кашляетъ и вдругъ напускаетъ на себя строгость.

— Но это, въ сущности, не имѣетъ никакого отношенія къ предмету, Тиночка!—говоритъ онъ дочери.—И кто тебя проситъ разсуждать? Что же послѣ этого родителямъ дѣлать, если дѣти начнутъ разсуждать? Ты не разсуждать должна, а слушать.

Молодая дѣвушка пожимаетъ плечами и говоритъ холодно:

— Я слушаю. Говори.

— Гм... Такъ-то. Ты вотъ одно о Рахимовѣ думаешь, а мать, можетъ-быть, совершенно другое. Д-да. И притомъ, ежели разсудить здраво, кто былъ при этомъ, какъ Рахимовъ пускалъ по міру сиротъ или сживалъ со свѣту жену? Никто не былъ. Можетъ-быть, сироты сами себя пустили по міру...

— Папочка...

— Не перебивай! Можетъ-быть, пришла смерть, и померла жена у Рахимова: кашляла, кашляла и померла. Смерть причину найдетъ. Можетъ-быть, о Рахимовѣ идутъ только слухи дурные, слухи эти—небывальщина, а дѣйствительность, которую мы видимъ передъ собою, Тиночка, совсѣмъ не плоха. Нѣтъ! Что показываетъ эта дѣйствительность? Дѣйствительность показываетъ, что Рахимовъ—дѣлецъ и предприниматель, какихъ еще съ огнемъ поискать надо, что онъ такими предпріятіями ворочаетъ, отъ ко-рыхъ у простыхъ смертныхъ духъ захватываетъ. Дѣйствительность показываетъ, что Рахимовъ своими предпріятіями весь край оживляетъ. Д-да...

— Ну, дутыми предпріятіями, папочка, края не оживишь!

— Кто тебѣ эту чепуху сказалъ?

— Борисъ Сергѣевичъ.

— Что знаетъ твой Борисъ Сергѣевичъ, кромѣ своего дядюшки-сурка? Дутыми? Ха-ха-ха!..

— Дутыми, дутыми!

— Дутыми, глупая, милліоновъ не наживешь, а Рахимовъ, если еще не нажилъ милліоновъ, то мы и мигнуть не успѣемъ, какъ онъ наживетъ ихъ. Вотъ дорогу желѣзную строить собирается. Что же, это тоже дутое предпріятіе, по-твоему? А? Повторяю, мигнуть не успѣемъ мы, какъ Рахимовъ будетъ милліонеромъ!

— Но что же тутъ хорошаго, папочка?

— Какъ, что хорошаго? Милліонеромъ-то быть что хорошаго? Благодарю, не ожидалъ. Что же, по-твоему, это плохо?

— Конечно же, плохо.

— Ка-а-акъ?

— Ахъ, папочка, въ два-три года, въ пять лѣтъ честнымъ трудомъ не наживешь милліоновъ. Это и Борисъ Сергѣевичъ говоритъ, да и сама я это знаю. Не ребенокъ же я! Нажить такъ быстро ихъ можно только аферами, биржевой игрой или темными дѣлами, за которыя тянутъ въ судъ. Не понимаю, что хорошаго нажить милліонъ хотя бы и биржевою игрой, за которую не судятъ, папочка? Вѣдь эти милліоны-то не съ неба свалились, а у кого-нибудь взяты, можетъ-быть, по тысячкѣ, по двѣ тысячки взяты у бѣдныхъ людей! Можетъ-быть, бѣдные-то люди всего лишились, можетъ-быть, они по міру пошли! Почему выиграть у человѣка все состояніе въ карты и пустить его по міру считается некрасивымъ, а выиграть у человѣка состояніе на биржѣ, разорить его—это ничего? Можетъ-быть, потому, что на биржѣ ты не знаешь, кого обыгралъ? Такъ не все ли равно, папочка? Развѣ ударить съ открытыми глазами человѣка—дурно, а ударить, закрывъ глаза, не зная, кого бьешь,—хорошо?

— Боже мой, и откуда ты только всего этого набралась?!

— Папочка...

— Перестань сыпать словами, будто горохомъ. Не трещи. У меня отъ твоей трескотни шумъ въ ушахъ поднялся.

Ракитинъ отираетъ платкомъ потъ, отдувается и говоритъ:

— Уфъ... Теперь отошелъ немножко! Въ чувство начинаю приходить... уфъ...

Маленькій человѣчекъ совсѣмъ овладѣваетъ положеніемъ.

— Дитятко ты глупое,—говоритъ онъ.—При чемъ тутъ биржа? О, Мать Пресвятая Богородица! Я ей о Рахимовѣ, а она мнѣ о биржѣ! Да откуда ты знаешь, что Рахимовъ на биржѣ играетъ? Да зачѣмъ ему на биржѣ играть? Человѣкъ въ превосходныя предпріятія ушелъ съ головой...

— Въ аферы!

— Въ солидныя предпріятія...

— Въ аферы, въ аферы!

— Откуда ты слышала это?!

— Всѣ говорятъ.

— Всѣ говорятъ? А развѣ ты не знаешь, что людскую молву не переслушаешь и что люди вѣчно что-нибудь дрянное болтаютъ, потому что языкъ у нихъ безъ костей?

— Однако о тебѣ, папочка, ничего дурного не болтаютъ.

— А можетъ, и болтаютъ? Ты-то что за всезнайка?

— Не болтаютъ! Про Бориса Сергѣевича тоже не болтаютъ ничего.

— Ну, вотъ еще?! У кого же повернется языкъ сказать что-нибудь дурное про Бориса Сергѣевича? Онъ славный малый, у него открытая душа.

— А вотъ мама его не любитъ, папочка. Отчего?

— Не знаю. Думаю... а, впрочемъ, нѣтъ, даже и не думаю ничего...

— Ты знаешь, Борисъ Сергѣевичъ пріѣдетъ сегодня?

— Да что ты? Не можетъ быть?

— Если я говорю, пріѣдетъ, значитъ—пріѣдетъ.

— Отлично!

Маленькій человѣчекъ радостно потираетъ руки и даже привстаетъ на мѣстѣ отъ нетерпѣнія.

— Устроимъ же мы нынче генеральное рыболовство: поѣдемъ на островъ втроемъ.

— Браво!

— Самоваръ съ собой захватимъ.

— Вотъ будетъ отлично, папочка!

— А вечеромъ въ шахматы засядемъ играть.

— Прелесть! Но если такъ, нужно будетъ пойти и сказать Тихону, чтобы онъ осмотрѣлъ лодку.

— Вѣрно! Идемъ.

Отецъ и дочь вскакиваютъ со скамьи съ одинаковой живостью, рука объ руку направляются къ двери и вдругъ... пятятся, точно видятъ привидѣніе.

Въ дверяхъ бесѣдки стоитъ высокая, полная женщина, съ насмѣшливой улыбкой на тонкихъ губахъ, съ холоднымъ блескомъ большихъ сѣрыхъ глазъ и приподнятыми вверхъ широкими бровями, что у нея служитъ признакомъ большого удивленія. Высокая женщина пожимаетъ плечами. Передъ нею совершается что-то такое, чего она, несмотря на все свое желаніе, никакъ не можетъ понять. Она вздыхаетъ и еще разъ пожимаетъ плечами.

— Вмѣсто Тихона,—обращается высокая женщина къ дочери:—потрудитесь итти домой и сидѣть въ своей комнатѣ, а вы (она бросаетъ холодный взглядъ своихъ сѣрыхъ глазъ на мужа)—останьтесь здѣсь: мнѣ нужно поговорить съ вами.

Маленькій человѣчекъ пугливо моргаетъ глазами и опускается опять на скамью. Смуглое, внезапно поблѣднѣвшее личико, какъ звѣздочка, мелькаетъ для него въ послѣдній разъ у входа въ бесѣдку, онъ слышитъ легкій сдержанный кашель, удаляющіеся шаги Тиночки, и болѣе онъ не видитъ и не слышитъ ничего.

— Позвольте спросить,—что вамъ было велѣно сдѣлать?—спрашиваетъ Ракитина, когда розовое платье дочери исчезаетъ среди кустовъ.

— Выговоръ Тиночкѣ,—глухо говоритъ маленькій человѣчекъ.

— За что?

— За дурное отношеніе къ Рахимову.

— Такъ... Что же вы сдѣлали? Что говорили? Я стояла у входа и слышала отъ слова до слова вашу глупую рѣчь. Что говорили вы вашей испорченной дочери, старый глупецъ?

Въ голосѣ высокой женщины слышатся все болѣе и болѣе суровыя нотки.

— Вмѣсто того, чтобы объяснить дѣвочкѣ, какъ глупо и дико,

какъ безсмысленно ея поведеніе по отношенію къ Рахимову. вмѣсто того, чтобы объяснить, какая умница, какой талантивый, выдающійся и предпріимчивый дѣлецъ Рахимовъ, и какая ничтожность этотъ Басаргинъ. этотъ мальчишка-нищій, котораго я не велю пускать на порогъ, потому что рѣшительно неизвѣстно, достанется ему что-нибудь отъ дяди или нѣтъ,—вы разсказываете рядъ глупостей о какихъ-то пущенныхъ по міру миѳическихъ сиротахъ. о сжитой со свѣту женѣ Рахимова (въ какихъ лакейскихъ вы наслушались этихъ сплетенъ?) и открытой душѣ вашего проходимца! Кто васъ просилъ выхвалять добродѣтели этого мальчишки? Развѣ вы не видите, что ваша дочь и такъ имъ увлечена? Глазъ у васъ нѣтъ? Отецъ вы или глупый ребенокъ? Они втроемъ поѣдутъ на островъ заниматься рыболовствомъ? Скажите, какая идиллія, какіе милые рыбаки! Я вамъ задамъ идиллію, я вамъ покажу островъ!

Въ глазахъ Ракитиной все чаще и чаще вспыхиваютъ злые огни.

— Долго ли вы будете дѣлать глупость за глупостью и мучить меня?—спрашиваетъ она почти тихо, потому что волна бѣшенства перехватываетъ ей голосъ.

Маленькій человѣчекъ по привычкѣ пугливо моргаетъ глазами.

Высокая женщина хмуро придвигается къ мужу: въ подобныхъ случаяхъ маленькій человѣкъ имѣетъ обычай благоразумно отступать. Но въ этотъ день, по всей вѣроятности, въ книгѣ судебъ написано, чтобы все шло шиворотъ навыворотъ: маленькій человѣчекъ вскакиваетъ съ мѣста, останавливается передъ самымъ носомъ жены и говоритъ хмуро:

— Брось, Наталья Дементьевна! Не бывать этому. Такъ и знай!

— Съ ума вы сошли?! Чему не бывать?

— Не бывать этому аферисту съ его дутыми милліонами мужемъ Валентины! Сегодня онъ панъ, а завтра его въ тюрьму засадили. Къ чорту этихъ выдающихся дѣятелей, предпринимателей, прожекторовъ!

— Да вы взбѣсились?!

— И будь на ихъ мѣстѣ настоящіе милліонеры съ настоящими, а не дутыми милліонами, и тѣхъ къ чорту! Мнѣ нѣтъ дѣла до того, завѣщалъ или не завѣщалъ дядя „Михольцево“ Басаргину, я знаю одно, что Басаргинъ славный малый, открытая душа. Я буду любить его нищимъ. А милліоны я шлю къ чертямъ!

— Милліоны къ чертямъ?!

— Именно. Все къ чорту! Не нужно намъ милліоновъ! Безъ нихъ проживемъ.

— И если бъ этотъ голышъ задумалъ быть мужемъ Валентины, вы бы отдали Валентину за него?

— Обѣими руками! Съ удовольствіемъ! Съ восторгомъ! Такъ и знай! Довольно того, что ты мою жизнь сгубила (когда-то и я человѣкомъ былъ!), а жизнь Тиночки я тебѣ губить не позволю! Слышишь ты: не позволю! Нѣтъ.

Слезы ручьемъ текутъ по его щекамъ, но маленькій человѣчекъ молодецки поводитъ плечами, топаетъ ножкой еще разъ и выходитъ изъ бесѣдки.

Ракитина съ испугомъ смотритъ вслѣдъ мужу.

— Богъ знаетъ что̀ такое!—срывается съ ея устъ.—Нынче всѣ точно съ ума посошли! Съ чего это? Съ жары, что ли?

И, уходя отъ бесѣдки, она говоритъ:

— Ну, это мы еще посмотримъ. Да.

И заканчиваетъ съ мольбой:

— Ахъ, если бъ дьяволъ убралъ этого мальчишку съ дороги!

Дьяволъ слышитъ ея мольбу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Засуха.

Дальній пламень лѣсного пожара,
Въ небѣ—солнце, несущее смерть:
Неотвратно, слѣпительно-яро
Краснымъ окомъ глядящая твердь!

Къ нищимъ избамъ ползетъ лихолѣтье...
Что̀ ты можешь? Смирись и молчи.
Словно плетью, язвящею плетью,
Грудь земную изсѣкли лучи.

Отъ сожженной измученной груди
Запахъ тлѣнья и терпкая гарь...
И, скорбя, приникаютъ къ ней люди:
Сѣрый пахарь, пастухъ и косарь.

Мать-земля! Оросить ли слезами
Или кровью тебя напоить?
И какими словами, мольбами,
Непомѣрную муку избыть?..

И вѣщаетъ имъ странникъ убогій,
У часовни слагая суму,
Что архангелъ, губящій и строгій,
Къ намъ ниспосланъ въ грѣховную тьму.

Мечъ его озаряетъ пожаромъ
Нѣдра дикихъ, глухихъ деревень,
А въ десницѣ пылающимъ шаромъ
Солнце, солнце не меркнетъ весь день!

М. Пожарова.

П. Г. Шелапутинъ.

(Съ портр. и 6 рис. на стр. 593).

Имя Шелапутина извѣстно всей культурной Россіи: недавно скончавшійся Павелъ Григорьевичъ Шелапутинъ былъ яркимъ представителемъ того благороднаго меценатства, которымъ издавна отличалась и отличается Москва, создавшая множество культурныхъ учрежденій — больницъ, школъ и т. п. на частныя средства. Но среди многихъ московскихъ меценатовъ П. Г. Шелапутинъ выдѣлялся, во-первыхъ, широкимъ размахомъ своей благотворительной дѣятельности, а во-вторыхъ, изумительной скромностью: его благотворительная и просвѣтительная дѣятельность выражается огромной суммой въ восемь милліоновъ рублей (если еще не болѣе), но покойный умѣлъ ставить себя въ тѣнь—о немъ мало говорили, и получалось такое впечатлѣніе, будто основываемыя имъ замѣчательныя учрежденія вырастали сами собой.

Въ Москвѣ имѣется цѣлый рядъ „шелапутинскихъ“ учрежденій: шелапутинское реальное училище, шелапутинская гимназія, шелапутинское женское ремесленное училище, шелапутинскій педагогическій институтъ, и т. д.

П. Г. Шелапутинъ посвятилъ всю свою жизнь дѣлу народнаго просвѣщенія. Разные этапы этой мудрой и обильной добрыми дѣлами жизни — различныя культурныя учрежденія, созданныя покойнымъ: мы уже назвали нѣкоторыя изъ нихъ. Кромѣ нихъ Шелапутинъ создалъ еще два ремесленныхъ училища, школу и пріютъ увѣчныхъ сиротъ, домъ дешевыхъ квартиръ и, самое главное—великолѣпный гинекологическій институтъ имени Анны Шелапутиной при Московскомъ университетѣ. Уже подъ конецъ своей жизни—совсѣмъ еще недавно П. Г. Шелапутинъ пожертвовалъ свыше полутора милліона рублей на задуманный имъ институтъ для учительницъ (женская учительская семинарія). Въ этомъ институтѣ онъ хотѣлъ широко поставить не только учебное, но и прикладное преподаваніе съ тѣмъ, чтобы выпускать изъ женской учительской семинаріи не только широко образованныхъ учительницъ по предметамъ общаго образованія, но и опытныхъ инструкторшъ по кустарному и ремесленному труду.

Каждое изъ созданныхъ Шелапутинымъ учрежденій отличается солидностью и всевозможными техническими совершенствами: все это въ своемъ родѣ дворцы, обставленные съ роскошью, которую покойный милліонеръ-меценатъ допускалъ только для общественныхъ учрежденій. Самъ онъ жилъ какъ нельзя болѣе скромно и просто. Онъ неоднократно говаривалъ, что всякая лишняя личная трата отнимаетъ средства отъ любимаго имъ дѣла просвѣщенія.

И реальное училище, и гимназія, и педагогическій (мужской) институтъ, представляющій собой единственное въ своемъ родѣ учрежденіе, и въ особенности гинекологическая клиника—все это настоящія достопримѣчательности Москвы. Гинекологическій институтъ и клиника образцово обставлены, находятся въ великолѣпномъ зданіи и владѣютъ собственнымъ капиталомъ свыше 100.000 р. Прекрасно обставлены и созданныя Шелапутинымъ среднія учебныя заведенія, обезпеченныя всевозможными учебными пособіями и отличающіяся рѣдкой въ смыслѣ гигіеничности обстановкой.

До послѣднихъ дней своей жизни П. Г. Шелапутинъ не переставалъ живо интересоваться всѣмъ тѣмъ, что̀ такъ или иначе приноситъ помощь человѣчеству. Его занимали всѣ научныя открытія, весь прогрессъ науки — въ особенности медицинскій. И когда въ печати стали говорить о новыхъ цѣлебныхъ свойствахъ радія, П. Г. Шелапутинъ немедленно откликнулся и пожертвовалъ извѣстному московскому профессору Снегиреву 40.000 р. на покупку радія для гинекологическаго института.

П. Г. Шелапутинъ происходилъ изъ старокупеческой московской семьи. Одинъ изъ его предковъ былъ во время французскаго нашествія городскимъ головой въ Москвѣ. Обладая громаднымъ состояніемъ, покойный былъ виднымъ представителемъ московскаго коммерческо-промышленнаго міра: онъ былъ учредителемъ и предсѣдателемъ правленія Балашинской мануфактуры—громаднаго предпріятія, насчитывающаго свыше 8 тысячъ рабочихъ.

Личная жизнь этого удивительнаго человѣка сложилась неудачно: одинъ за другимъ умерли его взрослые сыновья. Эту тяжкую семейную драму П. Г. Шелапутинъ сумѣлъ пережить—







и создалъ въ память скончавшихся дѣтей одно за другимъ свои замѣчательныя просвѣтительныя учрежденія. Онъ какъ бы воскресилъ въ этихъ учрежденіяхъ тѣхъ, кто безвременно погибъ въ его личной семейной жизни.

Въ январѣ текущаго года П. Г. Шелапутинъ серьезно заболѣлъ и уѣхалъ лѣчиться во Фрейбургъ. Но болѣзнь взяла свое — и 22-го мая П. Г. Шелапутина не стало.

Но онъ вѣчно будетъ живъ въ совершенныхъ имъ дѣлахъ. Такіе люди не умираютъ. И тамъ, гдѣ на созданныхъ имъ стѣнахъ красуется скромная и красивая надпись: „посильный даръ родинѣ“ — тамъ будетъ постоянно чувствоваться живой духъ этого рѣдкаго человѣка.



1. П. Г. Шелапутинъ. 2. Реальное училище и Педагогическій институтъ на Дѣвичьемъ полѣ. 3. Ремесленное училище на Міусской площади. 4. Гинекологическій институтъ на Дѣвичьемъ полѣ. 5. Мужское и женское ремесленное училище на Калужской улицѣ. 6. Мужская гимназія на Дѣвичьемъ полѣ. 7. Педагогическій институтъ на Дѣвичьемъ полѣ.

Памяти П. Г. Шелапутина. Просвѣтительныя учрежденія, созданныя на его средства. По фот. А. Савельева.





Новооткрытая плащаница Горленковъ—даръ св. Іоасафу отъ его семьи. По спимку, любезно доставленному «Нивѣ» преосвященнымъ Никодимомъ, епископомъ бѣлгородскимъ.

Недавно въ Бѣлгородѣ преосвященнымъ Никодимомъ, епископомъ бѣлгородскимъ, обслѣдована старинная большихъ размѣровъ плащаница, хранившаяся на хорахъ мѣстной Знаменской церкви. На этомъ цѣнномъ памятникѣ искусства конца XVIII вѣка изображенъ моментъ, описанный въ XVI главѣ Евангелія Марка, ст. 1 — 4. Вдали виденъ Іерусалимъ: на пути отъ него къ пещерѣ движутся три мироносицы, средняя съ кувшиномъ. У пещеры на ложѣ Спаситель. Небо ранняго утра, съ кудрявыми облаками; надъ пещерою дерево. По бокамъ — чудной работы орнаментъ и въ срединахъ стихи изъ «статей» Великой Субботы на утрени. Работа ручная, шито золотомъ, серебромъ, шелкомъ и черненымъ серебромъ. Длина ея—2 арш. 2½ верш. и ширина — 3 арш. 2½ верш. Сохранилась плащаница великолѣпно. На верхнихъ углахъ справа: «1754 годъ», а слѣва — гербъ Горленковъ: стрѣла остріемъ внизъ съ четырьмя звѣздами по бокамъ, съ атрибутами епископской власти (гербъ самого св. Іоасафа). Когда была отпорота подшивка, то на холстѣ была найдена истершаяся надпись скорописью XVIII в., что эта плащаница учинена Андреемъ Горленко. Все это неопровержимо говоритъ, что эта плащаница даръ св. Іоасафу отъ его родной семьи. Въ настоящее время эта плащаница составляетъ главное украшеніе церкви въ покояхъ св. Іоасафа, только-что полностью реставрированныхъ епископомъ Никодимомъ. Покои эти скоро будутъ художественно расписаны И. И. Ижакевичемъ, картины и рисунки котораго изъ духовной и свѣтской жизни хорошо извѣстны читателямъ «Нивы». И. И. Ижакевичъ ранѣе уже расписалъ залъ святителя Іоасафа, возстановленный въ 1911 г., и такимъ образомъ покои эти станутъ цѣннымъ памятникомъ святителя Іоасафа и его времени.

Берта фонъ-Зуттнеръ.

(Портр. на стр. 595).

Скончалась Берта фонъ-Зуттнеръ. Съ ея именемъ неразрывно связано представленіе о знаменитомъ романѣ „Долой оружіе!“ и о многолѣтней идейной борьбѣ во имя всесвѣтнаго мира — противъ войны. Почти четверть вѣка эта замѣчательная женщина и словомъ и дѣломъ вела горячую дѣятельность въ пользу мира и пріобрѣла этой дѣятельностью всемірную извѣстность и всеобщее уваженіе. Въ 1905 году она получила, какъ пропагандистка мира, нобелевскую премію.

Берту фонъ-Зуттнеръ сравниваютъ съ авторшей другого знаменитаго романа, Бичеръ-Стоу. Внѣшнее сходство въ данномъ случаѣ дѣйствительно существуетъ: и та и другая написали по роману, которымъ удалось произвести громадное впечатлѣніе на умы, при чемъ романы эти вошли въ плоть и кровь современнаго общества и оказали помимо нравственнаго извѣстное фактическое воздѣйствіе. Но „Хижинѣ дяди Тома“ довелось достигнуть болѣе реальныхъ результатовъ, чѣмъ роману Берты фонъ-Зуттнеръ. Агитація, поднятая „Хижиной дяди Тома“, повлекла освобожденіе негровъ-рабовъ; страстный вопль „Долой оружіе!“ пока не достигъ еще такихъ же положительныхъ результатовъ — оружіе еще не сложено, народы еще воюютъ, Молохъ войны еще поглощаетъ неисчислимыя жертвы и наноситъ культурѣ тяжкіе удары, и все, что было сдѣлано Бертой фонъ-Зуттнеръ въ смыслѣ фактическихъ результатовъ, сводится пока къ внѣдренію въ общество сознанія необходимости бороться съ войной и къ учрежденію многочисленныхъ обществъ, конгрессовъ и конференцій пацифистическаго характера. Короче говоря, у англійской писательницы уже все въ прошломъ, тогда какъ у Берты фонъ-Зуттнеръ все въ будущемъ... Да и самыя задачи у нихъ различны: Бичеръ-Стоу ратовала только за освобожденіе негровъ-невольниковъ и за прекращеніе рабовладѣльческаго террора тамъ, гдѣ онъ существовалъ въ ея время—въ Сѣверной Америкѣ. Берта фонъ-Зуттнеръ поставила себѣ неизмѣримо бо̀льшую и широчайшую задачу —освободить весь міръ отъ террора войны...

Очень своеобразна и интересна — и во многихъ отношеніяхъ даже знаменательна — самая жизнь скончавшейся пацифистки. Страстная противница войны, она родилась въ военной средѣ, въ семьѣ небезызвѣстнаго австрійскаго полководца, фельдмаршала графа Кинскаго. Дѣдъ ея тоже занималъ высокій военный постъ, а ея мать приходилась родственницей знаменитому воинственному поэту, Теодору Кернеру. Ни среда ни семья не могли привить ей ея пацифистическихъ тенденцій...

Въ ранней юности графинѣ Кинской улыбалась блестящая свѣтская карьера. Благодаря своему аристократическому происхожденію, красотѣ, молодости и остроумію она пользовалась большимъ успѣхомъ не только у себя въ родной Прагѣ (въ этомъ городѣ она родилась), но даже въ блестящемъ Парижѣ при дворѣ Наполеона III. Тамъ она была помолвлена съ молодымъ княземъ Витгенштейномъ, но ея женихъ внезапно умеръ. Вскорѣ поразилъ

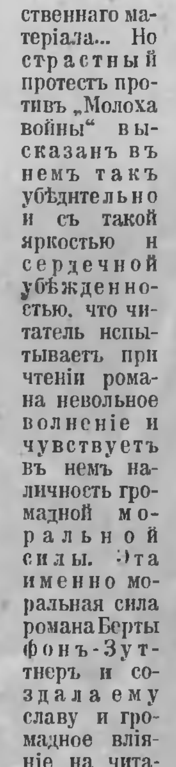
ее и другой ударъ—разореніе семьи. Блестящей молодой графинѣ пришлось задуматься о средствахъ къ жизни. Энергичная и самостоятельная, она сумѣла побороть выпавшее на ея долю несчастіе и поступила простой воспитательницей въ домъ барона фонъ-Зуттнеръ. Тамъ въ нее влюбился молодой сынъ барона. Его любовь не осталась безъ отвѣта, и молодые люди порѣшили вступить въ бракъ. Но противъ этого брака возстали родные съ обѣихъ сторонъ—и Кинскіе и Зуттнеры. Тогда влюбленные тайно повѣнчались и бѣжали отъ родительскаго гнѣва на Кавказъ, къ одной мингрельской княжнѣ, пріятельницѣ молодой Берты фонъ-Зуттнеръ по Парижу.

На Кавказѣ чета фонъ-Зуттнеръ прожила около девяти лѣтъ, и за это время Берта фонъ-Зуттнеръ успѣла изучить русскій языкъ и русскую жизнь. По примѣру мужа, который обладалъ литературнымъ талантомъ и добывалъ себѣ тогда средства къ жизни работой въ нѣмецкихъ журналахъ, вступила на литературное поприще и она. И мало-по-малу составила себѣ имя сначала газетными фельетонами, а потомъ и романами. Въ 1885 году скончался въ Прагѣ старый фельдмаршалъ, графъ Кинскій, и молодые фонъ-Зуттнеръ получили возможность возвратиться на родину.

Въ 1887 году, будучи въ Парижѣ, Берта фонъ-Зуттнеръ познакомилась съ начавшимся тогда пацифистическимъ движеніемъ. Это движеніе сразу привлекло къ себѣ всѣ ея симпатіи и опредѣлило разъ навсегда всю ея дальнѣйшую дѣятельность. Въ слѣдующемъ же 1888 году она съ ораторской трибуны и съ газетныхъ страницъ горячо поддерживала иниціативу членовъ французскаго и англійскаго парламентовъ относительно ежегоднаго устройства въ одномъ изъ европейскихъ столичныхъ городовъ конференціи изъ представителей всѣхъ законодательныхъ собраній. И въ 1889 году дѣйствительно было организовано и состоялось въ Парижѣ, при участіи Берты фонъ-Зуттнеръ, первое такое междупарламентское собраніе. Въ этомъ же году появился и знаменитый романъ Берты фонъ-Зуттнеръ „Долой оружіе!“

Этотъ романъ имѣетъ свою исторію. Берта фонъ-Зуттнеръ задумала написать его еще въ 60-хъ годахъ, послѣ братоубійственной австро-прусской войны, ужасы которой прошли тогда довольно близко передъ ней. Франко-прусская война 1870 года еще болѣе укрѣпила ее въ этомъ намѣреніи, но форма романа долго не давалась ей. А еще труднѣе оказалось выпустить уже написанный романъ въ свѣтъ. Газеты, куда обращалась съ своимъ столь прославленнымъ впослѣдствіи произведеніемъ Берта фонъ-Зуттнеръ, отказывались печатать романъ, ссылаясь на то, что романъ посягаетъ на честь арміи и оскорбляетъ патріотическія чувства. Такъ же мотивировали свой отказъ и издатели. Никто не рѣшался издать „опасную книгу“. Не побоялся наконецъ одинъ издатель—и не раскаялся. Книга сразу имѣла громадный успѣхъ. Достаточно сказать, что въ первые же годы своего существованія она была переведена на всѣ европейскіе языки и даже на нѣкоторые изъ внѣевропейскихъ (напримѣръ, японскій языкъ). И авторъ романа — Берта фонъ-Зуттнеръ сдѣлалась всемірной знаменитостью.

Слѣдуетъ замѣтить, что самъ по себѣ этотъ романъ не отличается особыми художественными достоинствами. Берта фонъ-Зуттнеръ никогда не была истинной беллетристкой, и не въ художественномъ творчествѣ кроется ея сила и слава. Романъ „Долой оружіе!“ построенъ довольно примитивно, мѣстами наивенъ, загроможденъ массой нехудоже-



ственнаго матеріала... Но страстный протестъ противъ „Молоха войны“ высказанъ въ немъ такъ убѣдительно и съ такой яркостью и сердечной убѣжденностью, что читатель испытываетъ при чтеніи романа невольное волненіе и чувствуетъ въ немъ наличность громадной моральной силы. Эта именно моральная сила романа Берты фонъ-Зуттнеръ и создала ему славу и громадное вліяніе на читательскія массы. Недаромъ извѣстный австрійскій романистъ Розеггеръ писалъ по поводу „Долой оружіе“: „Есть общества для распространенія Библіи. Теперь нужно образовать общество для распространенія удивительнаго романа Берты фонъ-Зуттнеръ“. Впрочемъ, романъ Берты фонъ-Зуттнеръ получилъ широчайшее распространеніе и безъ такого общества...



Баронесса Берта фонъ-Зуттнеръ, извѣстная писательница въ пользу всесвѣтнаго мира, авторъ книги „Долой оружіе!“ переведенной, на всѣ языки міра, получившая нобелевскую премію мира.

Покойная писательница-пацифистка дожила до преклоннаго возраста (она въ іюнѣ прошлаго года праздновала 70-лѣтіе дня рожденія). До послѣднихъ своихъ дней она продолжала неутомимо вести „войну противъ войны“: она участвовала въ созывѣ мирныхъ конгрессовъ и междупарламентскихъ конференцій, издавала журналъ, посвященный распространенію идеи мира, вела колоссальную корреспонденцію, обращаясь въ извѣстныхъ случаяхъ даже къ коронованнымъ особамъ, выступала въ разныхъ странахъ съ докладами и т. п.

За нѣсколько недѣль до своей кончины Берта фонъ-Зуттнеръ помѣстила въ одной нѣмецкой газетѣ восторженную статью о пацифистскихъ драмахъ Гауптмана. Это была уже лебединая пѣсня Зуттнеръ.

Послѣ нея осталось шесть томовъ литературныхъ работъ — по беллетристикѣ, публицистикѣ и философіи. Но еще большій слѣдъ въ общественной жизни она оставила своей личной дѣятельностью, какъ неутомимая провозвѣстница и пропагандистка „борьбы съ оружіемъ“. Во всей ея необыкновенно цѣлостной личности и жизни чувствуется что-то поистинѣ апостольское: ей было дано зажигать сердца, и хочется вѣрить, что ея проповѣдь о „мирѣ всего міра“ когда-нибудь принесетъ свой настоящій плодъ...

Столѣтній поэтъ—Франсуа Фертіо.

(Портр. на этой стр.).

Рѣдко кому изъ людей удается дожить до столѣтняго возраста. Еще рѣже удается достичь столь преклоннаго возраста литературнымъ труженикамъ, сгорающимъ, какъ свѣча, въ напряженной работѣ нервовъ. Счастливое исключеніе въ этомъ родѣ представляетъ французскій поэтъ Франсуа Фертіо, недавно отпраздновавшій столѣтіе со дня своего рожденія. Юбилей этотъ обратилъ на себя вниманіе не только во Франціи, но и во всемъ литературномъ мірѣ, тѣмъ болѣе, что Ф. Фертіо — поэтъ даровитый, создавшій немалое количество цѣнныхъ литературныхъ произведеній.

Франсуа Фертіо родился въ 1814 году въ гор. Верденѣ, и, не окончивъ по волѣ родителей курса въ мѣстномъ коллежѣ, былъ направленъ ими на коммерческую дорогу. Но талантливый юноша посвящалъ слишкомъ много времени поэтическимъ опытамъ для того, чтобы ему удалась дѣятельность простого коммерсанта. Къ счастью для него, мѣстная пресса поддержала начинающаго писателя хвалебными отзывами о его талантѣ—и тогда родители сдались и разрѣшили ему заниматься литературой. Ф. Фертіо переселился послѣ того въ Парижъ, гдѣ его дѣятельность встрѣтила горячій откликъ со стороны знаменитаго критика Сенъ-Бева. Этотъ критикъ, давно уже причисленный къ классикамъ, пережилъ Фертіо не на одинъ десятокъ лѣтъ. Вообще, Ф. Фертіо является какъ бы живой лѣтописью классиче-

Столѣтній поэтъ—Франсуа Фертіо. Первое его произведеніе появилось въ свѣтъ въ 1830 году.



Памятникъ Петру Аркадьевичу Столыпину, воздвигнутый въ г. Гроднѣ, гдѣ протекла часть служебной дѣятельности покойнаго. По фот. Модерна въ Гроднѣ.



Художникъ В. Д. Вучичевичъ-Сиюирскій, устроившій выставку своихъ картинъ; нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены въ этомъ нумерѣ «Нивы» (стр. 583—587).

скаго періода французской литературы: онъ былъ современникомъ Гюго, Бальзака, Додэ и другихъ корифеевъ, уже давно отошедшихъ въ преданіе.

Изъ его литературныхъ произведеній наибольшей извѣстностью пользуются слѣдующія поэмы: «La nuit du génie» и «Arthur», сатира «Le dix-neuvième siècle», разсказы: «Pâquerettes et boutons d'or» и «Les Noëls bourgignos». Кромѣ того его перу принадлежитъ интересная «Histoire pittoresque et anécdotique de la danse». Въ послѣднее время старецъ-поэтъ заканчиваетъ книгу воспоминаній подъ заглавіемъ „За сто лѣтъ".

Несмотря на свой болѣе чѣмъ преклонный возрастъ, Франсуа Фертіо—еще бодрый и живой старикъ. Онъ много работаетъ, и талантъ его попрежнему поражаетъ яркостью и красочностью.



Академикъ Л. В. Поповъ († 7 мая 1914 г.).



Л. В. Поповъ. Къ закату.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо непріемлемыя для Державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ Нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію Нашему, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ, и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

20-го сего іюля, по окончаніи молебствія въ Зимнемъ Дворцѣ, Его Величество Государь Императоръ изволилъ обратиться къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

„Съ спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила Наша Великая Матушка Русь извѣстіе объ объявленіи Намъ войны. Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія Мы доведемъ войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли Нашей.

И къ вамъ, собраннымъ здѣсь представителямъ дорогихъ Мнѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, и въ вашемъ лицѣ обращаюсь ко всей единородной, единодушной, крѣпкой, какъ стѣна гранитная, арміи Моей и благословляю ее на трудъ ратный".

Верховный главнокомандующій.

Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату.

1914 года Іюля 20.

„Не признавая возможнымъ, по причинамъ общегосударственнаго характера, стать теперь же во главѣ Нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, предназначенныхъ для военныхъ дѣйствій, признали Мы за благо Всемилостивѣйше повелѣть Нашему Генералъ-Адъютанту, Главнокомандующему войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, генералу отъ кавалеріи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу быть Верховнымъ Главнокомандующимъ".

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Въ С.-Петербургѣ.
20 іюля 1914 года.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ, статсъ-секретарь Горемыкинъ.



Его Императорское Высочество Августѣйшій Главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, Великій Князь Николай Николаевичъ, Высочайше назначенный Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Чрезвычайный созывъ Гос. Совѣта и Гос. Думы.

Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату.

Въ виду ниспосланныхъ Отечеству Нашему тяжкихъ испытаній, желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, признали Мы за благо созвать Государственный Совѣтъ и Государственную Думу.

Вслѣдствіе сего, на основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, повелѣваемъ: возобновить занятія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы 26 сего іюля.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Въ С.-Петербургѣ.
20 Іюля 1914 года.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ, статсъ-секретарь Горемыкинъ.



Командующій войсками кіевскаго военнаго округа генералъ-отъ-артиллеріи Н. І. Ивановъ.



Командующій войсками виленскаго военнаго округа генералъ-отъ-кавалеріи П. К. Ренненкампфъ.

Отъ Военнаго Министерства.

Симъ объявляется населенію Имперіи о необходимости общихъ усилій къ сохраненію въ полной тайнѣ всего, что касается выполняемыхъ нынѣ военныхъ мѣропріятій. Неосторожность въ разговорахъ, письмахъ и телеграммахъ можетъ способствовать распространенію за предѣлы Россіи свѣдѣній о расположеніи, передвиженіяхъ, составѣ и численности нашихъ вооруженныхъ силъ, чѣмъ будетъ нанесенъ нашей родинѣ трудно поправимый вредъ и что можетъ потребовать отъ нашей арміи лишнихъ жертвъ.

Залогомъ довѣрія къ мощи арміи должна служить спокойная сдержанность общества ко всякаго рода непровѣреннымъ слухамъ, которые часто могутъ быть не достовѣрными и даже злонамѣренными.

Освѣдомленіе населенія, въ предѣлахъ возможности, въ переживаемыхъ и предстоящихъ военныхъ событіяхъ исторической важности возложено на Главное Управленіе Генеральнаго Штаба.

Общество должно мириться съ краткостью и вѣроятною скудностью тѣхъ свѣдѣній, которыя будутъ сообщаться, находя удовлетвореніе въ томъ, что приносимая такимъ отношеніемъ жертва вызывается военною необходимостью, передъ которой должны преклониться всѣ въ годину посылаемаго родинѣ испытанія.

Вслѣдствіе того, что въ иностранной печати появилось искаженное изложеніе событій послѣднихъ дней, министерство иностранныхъ дѣлъ считаетъ долгомъ дать слѣдующій краткій обзоръ дипломатическихъ сношеній за указанное время.

10 іюля сего года австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ вручилъ сербскому министру-президенту ноту, заключающую въ себѣ обвиненіе сербскаго правительства въ поощреніи великосербскаго движенія, приведшаго къ убійству наслѣдника австро-венгерскаго престола. Въ виду сего Австро-Венгрія требовала отъ сербскаго правительства не только осужденія въ торжественной формѣ означенной пропаганды, но также принятія, подъ контролемъ Австро-Венгріи, ряда мѣръ къ раскрытію заговора, наказанію участвовавшихъ въ немъ сербскихъ подданныхъ и пресѣченію въ будущемъ всякихъ посягательствъ на территоріи королевства. Для отвѣта на означенную ноту сербскому правительству предоставлялось 48 часовъ.



Командующій войсками варшавскаго военнаго округа генералъ-отъ-кавалеріи Я. Г. Жилинскій.



Командующій войсками одесскаго военнаго округа генералъ-отъ-артиллеріи В. Н. Никитинъ.

Императорское правительство, освѣдомившись изъ сообщеннаго ему австро-венгерскимъ посломъ въ С.-Петербургѣ по истеченіи уже 17 часовъ текста врученной въ Бѣлградѣ ноты о сущности заключавшихся въ ней требованій, не могло не усмотрѣть, что нѣкоторыя изъ таковыхъ по существу своему являлись невыполнимыми, нѣкоторыя же были предъявлены въ формѣ, несовмѣстимой съ достоинствомъ независимаго государства. Считая недопустимымъ заключающееся въ такихъ требованіяхъ умаленіе достоинства Сербіи и проявленное этимъ самымъ Австро-Венгріей стремленіе утвердить свое преобладаніе на Балканахъ, Россійское правительство въ самой дружеской формѣ указало Австро-Венгріи на желательность подвергнуть новому обсужденію содержащіеся въ австро-венгерской нотѣ пункты. Австро-венгерское правительство не сочло возможнымъ согласиться на обсужденіе ноты. Равнымъ образомъ, умѣряющее дѣйствіе другихъ державъ въ Вѣнѣ не увѣнчалось успѣхомъ.

Несмотря на осужденіе Сербіей преступнаго злодѣянія и на выказанную Сербіей готовность дать удовлетвореніе Австріи въ мѣрѣ, которая превзошла ожиданія не только Россіи, но и другихъ державъ, австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ призналъ сербскій отвѣтъ неудовлетворительнымъ и выѣхалъ изъ Бѣлграда.

Еще ранѣе, сознавая чрезмѣрность предъявленныхъ Австріею требованій, Россія заявила о невозможности остаться равнодушной, не отказываясь въ то же время приложить всѣ усилія къ изысканію мирнаго выхода, пріемлемаго для Австро-Венгріи и не затрагивающаго ея самолюбія, какъ великой державы. При этомъ Россія твердо установила, что мирное разрѣшеніе вопроса она допускаетъ лишь, поскольку оно не вызоветъ умаленія достоинства Сербіи, какъ независимаго государства. Къ сожалѣнію, однако, всѣ приложенныя Императорскимъ правительствомъ въ этомъ направленіи усилія оказались тщетными. Австро-Венгерское правительство, уклонившись отъ всякаго примирительнаго вмѣшательства державъ въ его ссору съ Сербіей, приступило къ мобилизаціи, официально объявило Сербіи войну, и на слѣдующій день Бѣлградъ подвергся бомбардировкѣ. Въ манифестѣ, сопровождающемъ объявленіе войны, Сербія открыто обвиняется въ подготовкѣ и выполненіи сараевскаго злодѣянія. Подобное обвиненіе цѣлаго народа и государства въ уголовномъ преступленіи своей явной несостоятельностью вызвало по отношенію къ Сербіи широкія симпатіи европейскихъ общественныхъ круговъ.

Вслѣдствіе такого образа дѣйствій австро-венгерскаго правительства, вопреки заявленію Россіи, что она не можетъ остаться равнодушной къ участи Сербіи, Императорское правительство сочло необходимымъ объявить мобилизацію кіевскаго, одесскаго, московскаго и казанскаго военныхъ округовъ.

Такое рѣшеніе представлялось необходимымъ въ виду того, что со дня врученія австро-венгерской ноты сербскому правительству и первыхъ шаговъ Россіи прошло пять дней, а между тѣмъ со стороны вѣнскаго кабинета не было сдѣлано никакихъ шаговъ на встрѣчу нашимъ мирнымъ попыткамъ, и, наоборотъ, была объявлена мобилизація половины австро-венгерской арміи.

О принимаемыхъ Россіей мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія германскаго правительства съ объясненіемъ, что онѣ являются послѣдствіемъ австрійскихъ вооруженій и отнюдь не направлены противъ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императорское правительство заявило о готовности Россіи, путемъ непосредственныхъ сношеній съ вѣнскимъ кабинетомъ, или же, согласно предложенію Великобританіи, путемъ конференціи четырехъ незаинтересованныхъ непосредственно великихъ державъ—Англіи, Франціи, Германіи и Италіи, продолжать переговоры о мирномъ улаженіи спора.

Однако и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Австро-Венгрія отклонила дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній съ нами, а берлинскій кабинетъ уклонился отъ участія въ предположенной конференціи державъ.

Тѣмъ не менѣе Россія и здѣсь продолжала свои усилія въ пользу мира. На вопросъ германскаго посла, на какихъ условіяхъ мы еще согласились бы пріостановить наши вооруженія, министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что таковымъ условіемъ является признаніе Австро-Венгріею, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ европейскаго вопроса и заявленія ея, что она согласна не настаивать на требованіяхъ, несовмѣстныхъ съ суверенными правами Сербіи.

Предложеніе Россіи было признано Германіей непріемлемымъ для Австро-Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Петербургѣ было получено извѣстіе объ объявленіи Австро-Венгріей общей мобилизаціи.

Въ то же время продолжались военныя дѣйствія на сербской территоріи, и Бѣлградъ подвергся новой бомбардировкѣ.

Послѣдствіемъ такого неуспѣха нашихъ мирныхъ предложеній явилась необходимость расширенія военныхъ мѣръ предосторожности.

На запросъ по этому поводу берлинскаго кабинета было отвѣчено, что Россія вынуждена была начать вооруженія, дабы предохранить себя отъ всякихъ случайностей.

Принимая такую мѣру предосторожности, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала всѣми силами изыскивать исходъ изъ создавшагося положенія и выразила готовность согласиться на всякій способъ разрѣшенія спора, при коемъ были бы соблюдены поставленныя нами условія.

Несмотря на такое миролюбивое сообщеніе, германское правительство 18 іюля обратилось къ россійскому правительству съ требованіемъ къ 12 часамъ 19 іюля пріостановить военныя мѣры, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ всеобщей мобилизаціи

На слѣдующій день, 19 іюля, германскій посолъ передалъ министру иностранныхъ дѣлъ отъ имени своего правительства объявленіе войны.

Германія объявила войну Россіи.

Ея союзница—Австро-Венгрія начала военныя дѣйствія недѣлей ранѣе, обрушившись на Сербію и сдѣлавъ этимъ прямой вызовъ Россіи.

На Россію ополчились двѣ страны, которыя обязаны намъ всѣмъ своимъ нынѣшнимъ могуществомъ, которыя Россія вывела изъ праха и позора: Германію спасла въ 1812—13 годахъ отъ занесенной надъ нею руки Наполеоновской Франціи, Австрію—отъ пораженій 1848 года.

Молебно обращавшіяся къ Россіи руки нашихъ отнынѣ кровныхъ враговъ постепенно складывались въ бронированный кулакъ, создавшій ужасы вооруженнаго мира.

Горделиво объяснявшая свою побѣду въ войнѣ съ Франціей побѣдою школьнаго учителя, Германія въ ослѣпленіи милитаризма отбросила завѣты прошлаго и всю дальнѣйшую исторію своей культуры писала остріемъ штыка. Имъ самонадѣянно начертана и послѣдняя ея вербальная нота, врученная ея посломъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ.

Россія въ вѣковѣчномъ единеніи съ своимъ Царемъ грудью встрѣтила этотъ вызовъ, открывъ ее другу и недругу.

Нашъ союзникъ—Франція и нашъ другъ—Англія раздѣлятъ съ нами терніи и лавры на бранномъ полѣ. Это поле—вся Европа съ ея землями, на которыя бранный кличъ Германіи созоветъ на смертный бой милліоны лучшихъ силъ,—и съ ея обширными водами, на которыхъ внесутъ смерть и разрушеніе исполинскія пловучія крѣпости—броненосцы-дредноуты—стоящія милліарды народныхъ денегъ.

На нападающаго Богъ.

Россія, ведомая гуманностью своего Царя, привела Европу въ Гаагу, къ благамъ священнаго мира. Два десятилѣтія наши нынѣшніе враги испытывали долготерпѣніе русскаго Царя, принявшаго отъ Своего Родителя вѣнецъ Миротворца, нарушали договоры, беззастѣнчиво творили насиліе надъ слабымъ, но чаша слезъ тѣснимаго славянства переполнилась.

Насталъ историческій часъ міровой борьбы правды съ насиліемъ.

Предстоитъ битва народовъ ожесточеннѣе и страшнѣе той, которую молитвенно поминали мы недавно вмѣстѣ со своими нынѣшними врагами на поляхъ Лейпцига.

Россія, единая многоплеменная, разноязычная Россія вышлетъ всѣхъ своихъ сыновъ на бой. Все смолкло въ эту минуту рѣшенія историческихъ судебъ. Въ этой святой тишинѣ каждое русское сердце твердитъ и слышитъ одно слово: „Родина“.

За нее, къ ея алтарю, за Царя, къ Его престолу сложимъ всѣ наши силы.

Великъ Богъ земли русской.

Его Величество сербскій король Петръ.

На судъ Божій.
(Политическое обозрѣніе).

Какъ громовой ударъ изъ яснаго неба поразило Европу австрійское нападеніе на Сербію. Внѣшнимъ предлогомъ для столкновенія послужило якобы соучастіе какихъ-то сербскихъ общественныхъ дѣятелей въ подготовкѣ сараевскаго преступленія, жертвой котораго сдѣлался покойный наслѣдникъ австрійской короны, но очевидно, что истинные мотивы вызова кроются несравненно глубже—въ ревнивомъ опасеніи дряхлѣющей полуславянской по составу населенія монархіи передъ гигантскимъ ростомъ юнаго чисто-славянскаго государства. Никогда еще ни одно правительство не возлагало отвѣтственность за недосмотръ своей полиціи, не сумѣвшей охранить будущаго монарха, на другое государство. Притомъ же вполнѣ установлено, что сербскій посланникъ совершенно офиціально предупреждалъ эрцгерцога Франца-Фердинанда, на основаніи полицейскихъ свѣдѣній, объ опасности путешествія въ Сараево; незадолго передъ тѣмъ австрійскій посланникъ въ Бѣлградѣ ходатайствовалъ передъ сербскимъ правительствомъ объ отмѣнѣ высылки одного изъ участниковъ заговора, австрійско-подданнаго серба, заподозрѣннаго бѣлградской полиціею въ недобрыхъ замыслахъ. При наличности такихъ твердо установленныхъ фактовъ ультимативное требованіе австрійскаго правительства предоставить ему право разслѣдованія, суда и расправы на территоріи сербскаго государства можетъ быть понято только какъ намѣренный вызовъ къ войнѣ. Сербія по совѣту и настоянію друзей и по собственному миролюбію приняла всѣ условія ультиматума, кромѣ тѣхъ, которыя совершенно несовмѣстны съ достоинствомъ и честью независимой державы, а Россія обратилась къ Австріи съ предложеніемъ продолжить опредѣленный въ ультиматумѣ короткій срокъ для продолженія мирныхъ переговоровъ. Послѣ экстреннаго совѣщанія въ Петергофѣ совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора русская дипломатія сразу заняла въ назрѣвающемъ конфликтѣ твердую и рѣшительную позицію, опираясь на экстренныя мѣропріятія военнаго вѣдомства. Казалось, энергичное выступленіе Россіи заставитъ образумиться австрійцевъ и предотвратить кровавое столкновеніе. Германскій посолъ въ Петербургѣ выразилъ неодобреніе австрійской политикѣ и заявилъ, что поддержка австрійской нотѣ, оказанная германскимъ посланникомъ въ Парижѣ, была основана на незнакомствѣ съ подлиннымъ текстомъ ноты. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ завѣрилъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, что обращеніе къ Сербіи вовсе не имѣло характера ультиматума, но было вербальной нотой, допускающей дальнѣйшее обсужденіе. Оптимисты уже заговорили о возможности мирнаго исхода спора, сэръ Грей предложилъ созвать конференцію въ Лондонѣ, но Германія уклонилась отъ участія въ примирительныхъ переговорахъ, а Австрія отвѣтила на англійское предложеніе формальнымъ объявленіемъ войны и началомъ военныхъ дѣйствій противъ Сербіи.

Такова краткая исторія сенсаціонныхъ событій послѣднихъ дней. Многіе признаки указываютъ на то, что за кулисами австрійскихъ выступленій стоитъ Германія. Требуя отъ Франціи и Россіи „локализаціи австро-сербскаго конфликта“, берлинскіе политики пытаются заранѣе изолировать Сербію и оставить ее безпомощной подъ австрійскимъ разгромомъ. Повидимому, хитрый планъ потерпѣлъ полную неудачу. Въ лицѣ Сербіи руководимая берлинскими политиками Австрія наноситъ смертельный ударъ всему славянству. Сломивъ молодое славянское государство, растущая сила котораго внушаетъ вѣнскимъ нѣмцамъ тревожныя опасенія за будущее, воинственный германизмъ мечтаетъ затѣмъ быстро раздѣлаться и со старымъ. Ихъ расчетъ разъединить естественныхъ союзниковъ, чтобы разбить ихъ поочередно,—это уже слишкомъ явная спекуляція на близорукость русской дипломатіи. Совѣтовать при такихъ условіяхъ „невмѣшательство въ австро-сербскій конфликтъ“ значитъ открыто призывать Россію къ тому, чтобы предать Сербію, къ измѣнѣ славянству и самой себѣ, къ самоубійству въ будущемъ во имя обманчиваго покоя въ настоящемъ. Судьба великой славянской державы нераздѣльна отъ судьбы всего славянства. Нападая на Сербію, воинственный германизмъ въ то же время наступаетъ и на Россію; эту внутреннюю связь живо почувствовали и русское общество и русское правительство. Небывалый подъемъ общественнаго негодованія, выразившійся въ шумныхъ манифестаціяхъ на улицахъ Петербурга, Москвы, Кіева и прочихъ городовъ Имперіи, нашелъ свое лучшее выраженіе въ энергичныхъ военныхъ мѣропріятіяхъ правительства. Каждый чувствуетъ, что, если война начнется, то она произойдетъ уже не между Сербіей и Австріей, а между германизмомъ и славянствомъ. Смутно чувствуется, что въ исторіи Европы наступаетъ грозный часъ, предрѣшающій грядущія судьбы государствъ и народовъ. Не только Сербіи, но и всему двухсотмилліонному славянству предстоитъ или отстоять съ оружіемъ въ рукахъ свое право на существованіе, или же покорно склонить голову передъ торжествующимъ германскимъ насиліемъ и обречь себя и своихъ потомковъ на позорную жизнь безправныхъ нѣмецкихъ рабовъ. Смутное сознаніе колоссальной важ-



Его Высочество сербскій наслѣдный королевичъ Александръ, побѣдоносно командовавшій сербскими войсками въ балканскую войну и принявшій на себя командованіе войсками противъ Австріи.

ности переживаемаго момента заставляетъ слиться въ одномъ высокопатріотическомъ порывѣ и русское общество и государственную власть. Защита угрожаемой родины заставляетъ забыть о всякихъ мелкихъ внутреннихъ разногласіяхъ. Исторія требуетъ отъ насъ величайшихъ жертвъ и героическихъ напряженій. Она возлагаетъ на насъ тяжкій крестъ. Война за свободу порабощаемыхъ славянскихъ народовъ, война за неприкосновенность своихъ границъ, война за свободу расцвѣта рассовой культуры — воистину священная война. Ея герои будутъ биться и умирать на поляхъ сраженій съ подвижничествомъ христіанскихъ мучениковъ и самоотверженныхъ борцовъ за національную идею. Въ этой войнѣ соединяются вся сила и вся красота славянскаго духа. Передавая свой вѣковой споръ съ наступающимъ германизмомъ на кровавый судъ Божій, глубокомиролюбивый и кроткій русскій народъ пойдетъ въ смертный бой съ пламенной вѣрой, что Богъ пошлетъ побѣду правому дѣлу.



Сербскій воевода Радомиръ Путникъ.

Сербскій воевода (фельдмаршалъ) Радомиръ Путникъ, бывшій начальникомъ штаба сербской арміи въ обѣихъ балканскихъ войнахъ, прозванный «сербскимъ Мольтке», во все время балканской войны работалъ одинъ, безъ помощниковъ, безвыходно въ своемъ кабинетѣ, имѣя передъ собою только карту театра военныхъ дѣйствій съ воткнутыми въ нее флажками, на которыхъ значились нумера и названія полковъ, дивизій и корпусовъ. Распоряженія свои о передвиженіяхъ десятковъ тысячъ солдатъ дѣлалъ онъ по телефону. Хорошо памятны слова этого выдающагося стратега XX вѣка: «главнокомандующій не долженъ слышать ни гула орудій, ни стона раненыхъ, не долженъ видѣть труповъ убитыхъ и друзей и близкихъ. Онъ долженъ оставаться одинъ и быть холоднымъ, сосредоточеннымъ руководителемъ военныхъ дѣйствій». 12 іюля воевода Путникъ, захваченный врасплохъ австрійскимъ ультиматумомъ Сербіи во время лѣченія въ Грацѣ (въ Австріи), былъ арестованъ австрійцами по дорогѣ въ Сербію, близъ Будапешта, но на другой день былъ, съ соблюденіемъ подобающихъ его фельдмаршальскому званію почестей, освобожденъ и прослѣдовалъ черезъ Бухарестъ въ Нишъ, куда переѣхали король Петръ, королевичъ Александръ и все правительство Сербіи изъ Бѣлграда, мало защищеннаго отъ бомбардировки австрійцевъ изъ Землина и съ мониторовъ на р. Савѣ.

Военныя силы Сербіи и Австро-Венгріи.

Военныя силы Сербіи состоятъ изъ народнаго войска, дѣлящагося на три призыва и ополченія. По даннымъ 1912 года Сербія имѣла въ мирное время 30 тысячъ человѣкъ войска при трехмилліонномъ населеніи. Во время болгарской войны Сербія выставила свыше 400.000 чел., т.-е. на одного кадроваго солдата приходилось около 14 резервныхъ.

Всего въ сербской дѣйствующей арміи можно считать 240 батальоновъ пѣхоты, 56 эскадроновъ кавалеріи, 167 батарей и 40 инженерныхъ ротъ — общей численностью до 300.000 нижнихъ чиновъ при 668 орудіяхъ и 286 пулеметахъ.

Оборона трехъ главныхъ сербскихъ крѣпостей, Ниша, Зайчана и Пирота, этапная и полицейская службы—жандармерія и пограничная стража составляютъ до 400.000 чел., главный контингентъ которыхъ даетъ ополченіе.

Послѣ второй балканской войны Сербія увеличилась населеніемъ болѣе чѣмъ на одинъ милліонъ.

Общій итогъ вооруженныхъ силъ Сербіи вмѣстѣ съ запасными войсками долженъ превысить 450.000 человѣкъ. Если къ нимъ причислить черногорскую армію, которая рѣшила примкнуть къ войнѣ, добровольцевъ изъ другихъ странъ, а также славянскія войска въ Босніи и Герцеговинѣ, которыя врядъ ли пойдутъ убивать своихъ братьевъ, то можно опредѣлить общее количество сербскихъ вооруженныхъ силъ около 600.000 человѣкъ.

Вооруженныя силы Австріи состоятъ изъ общей (имперской) арміи, австрійскаго ландвера и венгерскаго гонведа, хорватской домоброны, австрійскаго и венгерскаго ландштурма. Въ мирное время ихъ насчитывается всего около 600.000 или 0,8% всего населенія, въ военное же время—около 2.330.000 солдатъ.

Австро-венгерская армія состоитъ изъ 17 корпусовъ; въ каждомъ корпусѣ въ военное время 60.000 человѣкъ. Въ 1914 г. предполагалось сформировать еще 2 корпуса: одинъ въ Буковинѣ, а другой въ Люблянѣ.

Изъ 17-ти австрійскихъ корпусовъ для военныхъ дѣйствій противъ Сербіи предназначаются шесть корпусовъ.

Австрійскій генеральный штабъ разработалъ планъ стратегическаго развертыванія австрійской арміи, основанный на территоріальной системѣ комплектованія, при которой запасные проживаютъ въ своемъ полковомъ округѣ комплектованія.

Необыкновенно пестрый этнографическій характеръ Австро-Венгерской монархіи въ высшей степени отражается и на ея арміи.

Эту племенную пестроту воинскихъ частей двуединой монархіи поддерживаетъ, какъ упомянуто, принятая ею система комплектованія ея арміи, извѣстная подъ именемъ „территоріальной“.

Населеніе опредѣленной мѣстности отбываетъ воинскую повинность въ той войсковой части, которая расположена въ этомъ округѣ. Отсюда становится понятнымъ, что австрійскій полкъ обыкновенно **состоитъ почти** исключительно изъ лицъ одной **національности** и имѣетъ въ своемъ составѣ солдатъ другой національности большею частью не свыше 10—20%.

Если игнорировать столь незначительный процентъ примѣси къ племенному ядру той или другой войсковой части Австро-Венгріи, то оказывается, что 90 пѣхотныхъ полковъ ея имперской арміи весьма рѣзко различаются между собою по національности солдатъ. Именно: венгерскихъ полковъ — 20, нѣмецкихъ—16, чешскихъ—14, польскихъ — 10, русскихъ—9, сербо-кроатскихъ — 9, румынскихъ — 6, словацкихъ—4, словенскихъ—2.

Прочіе пѣхотные полки имперской арміи представляютъ по своему національному составу каждый въ отдѣльности весьма пеструю картину, и преобладанія одного какого-либо племени здѣсь почти незамѣтно.

Стоящія въ Босніи и Герцеговинѣ пѣхотныя части комплектуются, согласно общему порядку, мѣстнымъ населеніемъ — босняками.

Въ другихъ родахъ оружія войсковыя единицы имѣютъ по національности тотъ же характеръ, что и въ пѣхотѣ.

Въ отношеніи же кавалеріи характерно то, что драгунскіе полки—преимущественно чешско-нѣмецкіе, уланскіе — польско-русскіе, а гусарскіе—венгерскіе.

Въ общемъ итогѣ, процентъ разныхъ національностей въ австрійской арміи приблизительно выражаетъ такая таблица: нѣмцевъ—24,3%, венгровъ—18,6%, чеховъ—14,2%, поляковъ—9,4%, русскихъ—8,6%, сербо-хорватовъ—8,3%, румынъ — 7,4%, словаковъ — 4,5%, словенцевъ — 2,7%, итальянцевъ (въ Тиролѣ)—2%.

Такимъ образомъ славянскій элементъ въ австро-венгерской арміи представляетъ собою грозную величину — почти 50 процентовъ.

Интересно отмѣтить, что хотя



Сербскій посланникъ при русскомъ Дворѣ д-ръ М. И. Сполайковичъ, ежедневно чествуемый, какъ высшій представитель Сербіи, столичнымъ населеніемъ сердечными народными манифестаціями. Д-ръ М. И. Сполайковичъ снятъ въ формѣ запаснаго офицера сербской арміи.

Къ войнѣ Австро-Венгріи съ Сербіей, объявленной въ Вѣнѣ 14 іюля с. г.

командный языкъ въ австро-венгерской арміи нѣмецкій, но для обихода установлены въ арміи „полковые“ языки.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ, гдѣ преобладаютъ двѣ и даже три національности, существуютъ и два-три офиціально установленныхъ „полковыхъ“ языка.

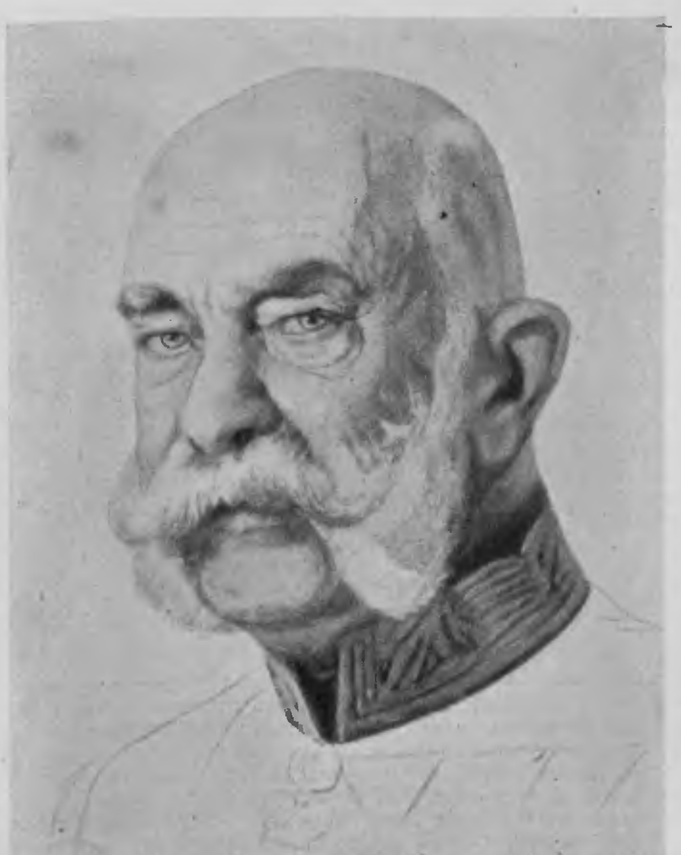
Пограничная между Австріей и Россіей мѣстность, лежащая въ бассейнѣ рѣкъ Вислы, Буга и Днѣстра, къ сѣверо-востоку отъ главнаго Карпатскаго хребта, именуется галиційскимъ театромъ, и этому раіону австрійскій генеральный штабъ придаетъ особое значеніе въ виду того, что въ немъ расположенъ авангардъ австрійской арміи, которая вторгнется въ случаѣ войны въ Россію.

На галиційскомъ театрѣ въ настоящее время расположены три австрійскихъ корпуса: 1-й въ Краковѣ, 10-й въ Перемышлѣ и 11-й въ Львовѣ. По плану австрійскаго генеральнаго штаба сосредоточеніе большей части австрійской арміи на галиційскомъ театрѣ должно занять нѣсколько дней.

Въ первые же дни на пограничномъ съ Россіей галиційскомъ театрѣ будутъ сосредоточены кромѣ 1, 10 и 11-го корпусовъ еще корпуса: 6-й—изъ Кашау, 5-й—изъ Пресбурга, 2-й изъ Вѣны, 8-й—изъ Праги и 9-й изъ Лейтмерица. Каждый изъ этихъ корпусовъ имѣетъ свою желѣзную дорогу—всего на галиційскомъ театрѣ со стороны Австро-Венгріи къ Россіи подходитъ 14 желѣзныхъ дорогъ.

Для обороны Галиціи и для прикрытія войскъ, доставляемыхъ на галиційскій театръ изнутри имперіи вдоль линіи Краковъ—Львовъ и по оборонительной линіи рѣки Днѣстра расположенъ цѣлый рядъ крѣпостей: Краковъ, Перемышль и Львовъ. Кромѣ того на этой линіи расположены предмостныя укрѣпленія у Ярослава, Николаева, Галича, Сивка и Залѣсскаго — для обезпеченія переправъ черезъ рѣку Днѣстръ. Полевая австро-венгерская армія состоитъ въ военное время изъ 701 бат. пѣхоты, 370 эскадр. кавалеріи, 509 артилл. батарей и 75 ротъ инженерныхъ войскъ—всего до 884.000 чел. при 2.964 орудіяхъ. По послѣднимъ извѣстіямъ въ настоящее время мобилизованы восемь австрійскихъ корпусовъ, — нѣсколько болѣе 400.000 чел.

Что же касается резервистовъ, то призывъ ихъ будетъ очень затруднителенъ: въ Америкѣ находится свыше 500.000 австрійскихъ запасныхъ; нѣсколько тысячъ чешскихъ резервистовъ отказались вернуться въ австрійскіе ряды; надо думать, что здѣсь сильно скажется „лоскутность“ Австро-Венгерской монархіи.



Его Апостолическое Величество императоръ Австріи, король Венгріи Францъ-Іосифъ I.

Къ рисункамъ.

Большинство рисунковъ настоящаго № знакомятъ нашихъ читателей съ интересными работами В. Д. Вучичевича-Сибирскаго, посвященными видамъ и пейзажамъ Сибири. Талантливый пейзажистъ, В. Д. Вучичевичъ, черногорецъ по происхожденію и уроженецъ г. Харькова, живетъ и работаетъ близъ г. Томска, гдѣ у него находится мастерская на берегу р. Томи, среди дикой и прекрасной природы. Поставивъ своей задачей „иллюстрировать Сибирь“, В. Д. Вучичевичъ воспроизводитъ въ своихъ работахъ не только разные виды этой красивой и интересной страны, но и передаетъ соотвѣтствующія настроенія мѣстной природы. Въ теченіе 14 лѣтъ онъ не появлялся въ западной Россіи и только въ текущемъ году пріѣхалъ въ Петербургъ съ выставкой своихъ сибирскихъ видовъ. Воспроизводимыя въ настоящемъ № „Нивы“ картины сибирскаго художника взяты нами именно съ этой выставки, устроенной въ Петербургѣ и другихъ городахъ.

Загадочная, то суровая, то свѣтлая страна, полная противорѣчивыхъ настроеній, холодная и знойная, богатая и бѣдная, дикая и своеобразно-культурная — Сибирь даетъ громадный матеріалъ пейзажисту. Жуткія горы Байкала, гдѣ еще не такъ давно совершались человѣческія жертвоприношенія, неизвѣданная глубина его водъ и пространство его лѣсовъ, его хмурыя дали и дикія скалы захватили вниманіе художника, и онъ изображаетъ „священное озеро“ въ цѣломъ рядѣ картинъ. Изображены имъ и другія живописныя мѣстности Сибири — Александровская сопка на Уралѣ, виды Забайкалья (озеро Солонъ-Нуръ) и др. Интересны и такія картины, какъ, напримѣръ, „Разрушенная берлога“: здѣсь предъ нами своеобразный охотничій жанръ — слѣды недавней борьбы сибирскаго крестьянина-медвѣжатника съ медвѣдемъ.

Своеобразный географическій характеръ выставки г. Вучичевича, разнообразіе и богатство выставленныхъ на ней работъ привлекали къ ней общее вниманіе. Мы слишкомъ мало знаемъ нашу великую окраину, и многое въ произведеніяхъ сибирскаго художника явилось для насъ свѣжимъ, новымъ и интереснымъ.

У себя въ Сибири г. Вучичевичъ успѣлъ сдѣлать очень многое для развитія художественной жизни въ мѣстныхъ городахъ. По его иниціативѣ во многихъ сибир-



Начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба генералъ Конрадъ фонъ-Гетцендорфъ.





Австрійскій эрцгерцогъ Фридрихъ, назначенный генералъ-инспекторомъ австро-венгерской арміи взамѣнъ покойнаго эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Враги. Къ войнѣ Австро-Венгріи съ Сербіей, объявленной въ Вѣнѣ 14 іюля с. г.

Къ войнѣ Австро-Венгріи съ Сербіей. Карта театра военныхъ дѣйствій.

скихъ городахъ стали устраиваться художественныя выставки и открыты три рисовальныя школы.

27 іюля нынѣшняго года исполняется столѣтіе *Гангутской побѣды*, одержанной Петромъ Великимъ надъ шведами въ 1714 году. Эта побѣда была завершеніемъ предпринятой Петромъ Великимъ кампаніи для отвоеванія Финляндіи. Кампанія эта началась въ 1712 году, и Петръ писалъ тогда одному изъ своихъ сотрудниковъ: „Ежели Богъ попуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ“... Дѣйствительно, лѣтомъ 1712 года русскіе заняли Або. Спустя два года былъ предпринятъ второй походъ въ Финляндію-Швецію. Петръ Великій двинулъ на шведовъ свой маленькій боевой флотъ, состоявшій изъ галеръ и ботовъ (т.-е. попросту изъ лодокъ), и 27 іюля столкнулся съ шведскимъ флотомъ у мыса Гангеуддъ (Гангутъ), около нынѣшняго городка Гавгэ. Русскими судами командовалъ самъ царь подъ именемъ „шаутъ-бейнахта Петра Михайлова“. Послѣ отчаяннаго боя русскіе нанесли шведамъ рѣшительное пораженіе и взяли 12 шведскихъ судовъ вмѣстѣ съ адмираломъ Эреншильдтомъ.

Гангутская побѣда повела къ окончательному утвержденію въ Финляндіи русскаго владычества. А шаутъ-бейнахтъ Петръ Михайловъ за эту побѣду былъ торжественно произведенъ Сенатомъ въ адмиралы русскаго флота.

Картина П. Вагнера изображаетъ этотъ знаменательный въ русской исторіи морской бой.



Протоіерей Максимъ Іоанновичъ Сапѣжко. Къ 60-лѣтію священнослуженія, исполнившемуся 12 іюля с. г. Пастырское служеніе маститаго юбиляра началось въ 1854 г. на Кавказѣ, до его покоренія, на священническомъ посту въ станицѣ передовой Урупской линіи, а съ 1858 г. по сіе время несмѣняемо священнослужительствуетъ и законоучительствуетъ въ станицѣ Отрадной, Кубанской области. Посвятивъ всю жизнь служенію слову Божію, о. М. Сапѣжко выстроилъ въ станицѣ Отрадной на свои средства два большихъ училища для бѣднѣйшей, безземельной части населенія. Глубоко почитаемый и сердечно любимый прихожанами и духовенствомъ, о. М. Сапѣжко былъ постоянно избираемъ и утверждаемъ благочиннымъ, состоя въ этой почетной должности уже около полувѣка.



Новый русскій посланникъ въ Сербіи кн. Г. Н. Трубецкой, состоявшій начальникомъ ближне-восточнаго отдѣла министерства иностранныхъ дѣлъ.



Старѣйшій русскій журналистъ князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій, издатель «Гражданина», внукъ Н. М. Карамзина, авторъ ряда романовъ, пользовавшихся въ свое время широкой извѣстностью: «Женщины изъ петербургскаго большого свѣта», «Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ», «Хочу быть русской», «Реалистъ большого свѣта», «Графъ Обезьяниновъ». Кн. В. П. скончался 75 лѣтъ отъ роду (отъ крупознаго воспаленія легкихъ), бодрымъ и жизнедѣятельнымъ, до послѣднихъ дней работая для своего журнала, значительная часть котораго состояла изъ его статей.

7 мая текущаго года въ Оренбургѣ безвременно скончался талантливый художникъ Лукіанъ Васильевичъ Поповъ. Сынъ крестьянина, онъ до 13 лѣтъ исполнялъ простыя крестьянскія работы. Затѣмъ мальчика опредѣлили на службу въ писчебумажный магазинъ, и тамъ, увидѣвъ картинки, онъ сталъ и самъ рисовать. Благодаря помощи и поддержкѣ участливаго хозяина магазина, Л. В. Поповъ имѣлъ возможность отправиться въ Петербургъ, въ Академію Художествъ. Тамъ онъ поступилъ въ классъ извѣстнаго жанриста проф. В. Е. Маковскаго и блестяще дебютировалъ своими работами жанроваго характера: („Затопило“, „На новыя мѣста“, „Встрѣча чудотворной иконы“). Первыя свои картины покойный художникъ выставилъ на Передвижной выставкѣ („Встрѣча“ и „Дѣти“) и имѣлъ выдающійся успѣхъ, и съ того времени сталъ каждый годъ появляться на выставкахъ передвижниковъ. Изъ другихъ его картинъ пользуются извѣстностью „Защита“, „До зари“, „Гдѣ же истина?“, „Ходоки на новыя мѣста“, „Своя компанія“ и много другихъ.

Л. В. Поповъ отличался большой продуктивностью, и имъ написано весьма много картинъ. Смерть положила конецъ его дѣятельной и еще молодой жизни.

Въ этомъ № нашего журнала мы помѣщаемъ портретъ художника и одну изъ его картинъ—„Къ закату“.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 5.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.